

ТАДЖИҚСТАН

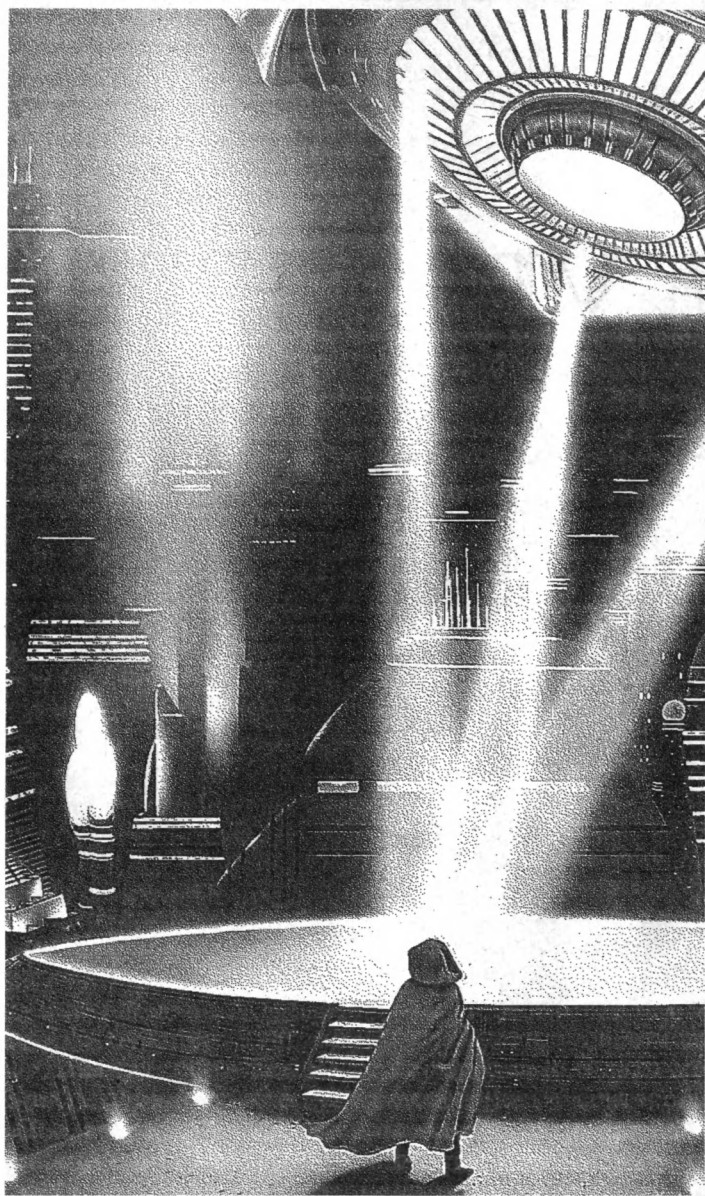
МИР АЙЗЕКА АЗИМОВА

КУРСАНТЫ АКАДЕМИИ

КУРСАНТЫ АКАДЕМИИ



ЭКСМО



ТАДЪНДЯ КРЪСА

МИР АЙЗЕКА АЗИМОВА

▼▼▼
**КУРСАНТЫ
АКАДЕМИИ**
▼▼▼

ЭКСМО

2002



УДК 820(73)
ББК 84(7 США)
К 93

FOUNDATION'S FRIENDS

Copyright © 1989 by Martin H. Greenberg

Серийное оформление художника *С. Курбатова*

Серия основана в 1997 году

К 93 **Курсанты Академии: Фантастические рассказы/Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2002. — 512 с. (Серия «Стальная Крыса»).**

ISBN 5-699-01309-1

На орбитальной станции загадочным образом гибнет генетик-исследователь, высокоинтеллектуальному роботу является император Наполеон и предупреждает об опасности, грозящей человечеству, умная машина заменяет одинокому мальчику отца и помогает ему стать настоящим человеком — все это мир азимовской фантастики, способной ставить и решать человеческие проблемы, погружать читателя в мир невероятных приключений и даже предвидеть будущее. Этот сборник рассказов, действие которых происходит в мирах, созданных Айзеком Азимовым, — лучшее тому подтверждение. Среди авторов — Гарри Гаррисон, Рей Брэдбери, Роберт Шекли, Пол Андерсон, Орсон Скотт Кард и другие знаменитые фантасты современности.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

ISBN 5-699-01309-1

© В. Вебер, Н. Рейн. Перевод. 2002
© ООО «Издательство «Эксмо»
Оформление. 2002



Айзеку от друзей с любовью

ПРЕДИСЛОВИЕ

В детстве любимой моей сказкой была история о маленьком мальчике, которому досталась волшебная машина по приготовлению каши. Она обладала такой бешеной производительностью, что завалила весь род этой самой кашей на добрые три фута.

Чтоб добраться от одного дома к другому или просто пройти по улице, человек должен был вооружиться гигантской ложкой и съесть всю кашу, что преграждала ему путь.

Замечательная придумка! Хотя лично я предпочел бы томатный суп с толстым слоем крекеров. И путешествуешь, и вкусно ешь — все одновременно!

И лично мне кажется, что героя этой истории обязательно должны были бы звать Айзеком Азимовым. Поскольку со дня нашей первой встречи — а состоялась она на Первой всемирной конференции по научной фантастике в Нью-Йорке в начале июля 1939 года — Айзек только и знал, что всю жизнь путешествовать и пировать. То Астрономическую таблицу попробует на зубок, то вкопается в какую-нибудь другую науку, то вдруг уйдет с головой в религию, а потом — снова в литературу и надолго. О, кто-нибудь вполне мог прозвать его вороной в павлиньих перьях, но это было бы неправильно и несправедливо. Ведь вороны, пусть даже они и в павлиньих перьях, прежде всего фокусируют внимание на ярких, блестящих предметах и хватают их без разбора. Причем предметы эти, как правило, не слишком много весят. Айзек же всю жизнь занимался титаническим трудом, он не просто хватал эти предметы, но пожирал их. Попробовали бы вы дать ему книгу. И через несколько часов, проглотив содержи-

мое, Айзек выныривает из нее, словно из вышеупомянутой каши. Выныривает, так и не утолив голода. Есть ли на свете книги, которые бы он не изучил досконально? Лично я сильно в этом сомневаюсь.

И вот теперь в этой книге представлены почетные ученики, сыновья и дочери Азимова. Возможно, они и не имеют столь мощных машин, способных утопить в каше весь город. Но они тем не менее работают и поглядывают на папу Азимова в надежде получить одобрение.

Я вам даже больше скажу. Лично я всегда чувствовал себя рядом с ним жалкой мошкой по сравнению с каменной крепостью или неукротимым буйством природы. И еще одно. Люди прозвали Айзека трудоголиком. Полная чушь!.. Он раз сто безумно влюблялся. И при этом у него всегда оставалось в запасе несколько сотен не охваченных любовью, можно даже сказать, девственных территорий. И таких территорий, уверен, будет теперь оставаться все меньше и меньше — с тех самых пор, как Айзек покинул землю и поднялся туда, где наверняка напишет двадцать пять новых Библий! И все это, заметьте, только за первую неделю пребывания.

Как-то ночью, года два тому назад, мне вдруг приснилось, будто бы я превратился в Айзека Азимова. Только где-то к полудню жене удалось убедить меня, что баллотироваться в президенты мне все же не стоит.

Да благослови тебя господь, Айзек! Благослови господь и вас, дети Айзека, чьи труды вы можете прочитать в этой книге.

РЕЙ БРЭДБЕРИ



ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

НЕМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ АЙЗЕК, ИЛИ ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Астрофизики (если уж начинать с мира науки) подразделяют все сущее во Вселенной на три химические категории: водород, гелий и металлы.

Первые два вещества легче сотни с чем-то других известных элементов. Любое вещество, хоть чуточку тяжелее гелия, астрофизики тупо и с упорством, достойным лучшего применения, называют «металлом». Вселенная примерно на девяносто восемь процентов состоит из водорода и гелия. Астрофизики считают, что Вселенная состоит из большого количества водорода, значительного количества гелия, и лишь малую долю в ее составе занимают металлы.

И вот, хотя Айзек Азимов известен на все нашу планету (а может, и на других тоже его хорошо знают, мы этого пока что не выяснили) прежде всего как писатель-фантаст, если оценивать весь написанный его рукой материал — все четыреста с лишним книг, миллионы статей (заметьте, миллионы!) и бог знает что еще, — то собственно научная фантастика составляет тут лишь небольшой процент. И, оценивая творчество Азимова с точки зрения астрофизиков, можно сказать, что научно-фантастические его рассказы — это всего лишь «металлы».

Я хочу восславить именно «неметаллического» Айзека.

Помните его ставший классическим рассказ «Жизнь прекрасна»? Тот самый, где ангел показывает замыслившему самоубийство Джеймсу Стюарту, во что превратился бы его родной город, если бы он, Джимми, не появился на свет?..

Теперь подумайте, во что превратилась бы наша родная планета, если б Айзек Азимов не писал о науке.

А ведь мы едва избежали этой прискорбной участи. Был такой момент в жизни, когда еще совсем молодой Айзек всерьез задумывался о карьере. И выбирал между научной деятельностью и писательством. Он выбрал последнее, и мир невероятно от этого выиграл.

Зная, что в те примитивные времена жену и семью научной фантастикой не прокормить, Айзек решил писать о научных фактах и выбрал, таким образом, достойную судьбу. А что было бы, если б он занялся медико-биологическими исследованиями?

Да, что было бы?..

Допустим, Айзек выбрал бы скромную и, прямо скажем, скучноватую карьеру средней руки ученого. Ну и пописывал бы себе время от времени научно-фантастические рассказы. Ну, так, в качестве хобби.

И все равно, даже тогда у нас осталась бы целая антология совершенно изумительных повестей и рассказов. Остались бы «Сумерки» и «Некрасивый мальчишка», осталась бы оригинальнейшая трилогия «Академии» и такой шедевр, как «Камешек в небе». Нет, нам определенно следует вернуться к метафоре, с которой начали, поскольку «металлический» Айзек занял достойное место в литературе.

Но тогда бы у нас не было его «водорода» и «гелия», иными словами — огромного количества книг, которые вовсе не являются научной фантастикой... Множества книг о науке, а также совершенно чудесных историй, аннотаций к различным литературным произведениям и смешных и неприличных анекдотов.

Если бы все эти годы Айзек отдавал силы и время исключительно медико-биологическим исследованиям, параллельно, в качестве хобби, пописывая научно-фантастические рассказы, мы никогда бы не увидели его замечательных научно-популярных трудов. Вероятно, тогда целое поколение ученых выбрало бы себе другую карьеру — ведь не прочитай они в свое время книг Азимова, им бы и в голову не пришло заняться наукой. И прогресс во всех областях точных наук замедлился бы. Возможно — просто катастрофически.

И миллионы людей во всем мире лишились бы удовольствия узнать и понять основные принципы физи-

ки, математики, астрономии, геологии, химии. Они бы не узнали о функциях человеческого организма, о сложнейшем устройстве мозга. Поскольку книги, из которых они все это узнали, причем с таким интересом и удовольствием, просто не были бы написаны.

И целые издательства разорились бы, это несомненно, без того стабильного и немалого дохода, который в течение десятилетий приносили им труды Айзека. И будут приносить еще — на протяжении многих-многих десятилетий. А такие отрасли промышленности, как писчебумажная и деревообрабатывающая? Да они просто пребывали бы в состоянии хронической депрессии, не напиши в свое время Айзек все эти сотни книг и тысячи статей. И Канада наверняка стала бы страной третьего мира, если б ее не спас от этой участи доктор Айзек Азимов.

Теперь о личном. Лично я никогда бы не занялся популяризацией науки, если б не труды Айзека. А также его самое искреннее участие в моей судьбе. Да одному только богу известно, скольким еще писателям в своей жизни помогал Айзек. Помогал своими книгами, помогал и личным советом, когда та или иная научная проблема ставила их в тупик.

Упущенные возможности, разорившиеся корпорации, толпы людей, бродящих точно неприкаянные в напрасных поисках просвещения, — вот во что бы превратился мир, если б наш Айзек не отдал столько сил и не вкладывал бы столько души в создание книг о науке:

И, наконец, последнее. О популяризации.

В устах некоторых критиков (а также части ученых-профессионалов) слово «популяризация» обрело едва ли не оскорбительный оттенок. Нечто сродни «бульварной литературе». (Кстати, порой это снисходительно-брезгливое отношение распространяется и на научную фантастику.) Эти клеветники и недоумки расценивают популяризацию науки как нечто не стоящее внимания, оскорбляющее их достоинство.

Сами же эти критики, безусловно, причисляющие себя к элите, относятся к популяризации науки с тем же тупоголовым презрением, с каким в свое время от-

носился к вещам, сделанным в Америке, английский король Георг III.

Но доходчиво объяснять людям научные проблемы — это, пожалуй, одна из важнейших задач писателя современности, писателя, живущего в век сложнейших развитых технологий. Причем объяснять занимательно, так, чтобы самые простые люди во всем мире буквально охотились за вашими книгами — да одно это достойно Нобелевской премии! Жаль, что в свое время Альфреду Нобелю не пришла мысль о насущной необходимости объяснения научных явлений широким массам. В противном случае, уверен, он бы обязательно основал призовой фонд для поощрения людей, занимающихся этим видом литературы.

Айзек Азимов пишет о науке (да и обо всем другом) так мастерски, что книги его кажутся порой простоватыми. Он может выбрать любой предмет и написать о нем с такой ясностью и доходчивостью, что любой мало-мальски грамотный человек тут же без труда поймет и усвоит все.

И именно за этот невероятный талант его порой презрительно называли «просто популяризатором»! Я уже говорил как-то раньше и готов повторить сейчас: попробуйте написать сами, если вам кажется, что это так просто! Сам знаю, пробовал, иногда даже с относительным успехом. Но чтоб это было просто — ни в коем случае!..

Благодаря неким неведомым силам, что движут Вселенной и нашими поступками, Айзек отказался посвящать свою жизнь исключительно научным исследованиям. Вместо этого он отдал все силы и время писательскому труду. И, будучи знаменитым фантастом, создал куда более значимые «неметаллические» произведения о научных фактах. И этот его выбор — если таковое слово вообще применительно к литературе — заслуженно оценен всеми его читателями.

Отсюда неизбежно должен последовать вывод, что Айзек Азимов — настоящая звезда. Что ж, так оно и есть! Причем, поверьте, одна из ярчайших.

БЕН БОВА



Памела Сарджент

БЕГУНЯ

Трое мальчишек поравнялись с Эйми, как только она подошла к движущемуся тротуару.

— Барон-Штейн? — окликнул один из них. Мальчишки были все незнакомые, но, очевидно, знали, кто она такая.

— Может, погоняемся? — спросил самый маленький из них, причем очень тихо, так, чтобы не слышали прохожие. — Если хочешь, дадим фору. Начинай первой и выбирай направление.

— Договорились, — быстро ответила она. — «Си-254». У развязки, там, где экспресс сворачивает на Ривердейл.

Мальчишки нахмурились. Очевидно, они ожидали, что пробежка будет длинней. Совсем еще маленькие, самому высокому не больше одиннадцати. Эйми наклонилась и закатала штанины. Да обогнать этих сопляков ей ничего не стоит. Не успеют оглянуться, как она уже будет там, у развязки на Ривердейл.

Прохожих прибавлялось. Все они становились на ближайшую дорожку. Движущиеся серые ленты тянулись по обе стороны и уносили потоки людей в разных направлениях через весь город. Ближняя к Эйми дорожка двигалась со скоростью чуть более трех километров в час. Тут пассажирами были, в основном, пожилые люди и маленькие ребятишки, пытавшиеся попрыгать и потанцевать на полотне, когда позволяло место. За ней шла другая дорожка. Она двигалась со скоростью более пяти километров в час. И пассажиры, стоявшие на ней, сливались вдаль в сплошное разноцветное туманное пятно. Вообще людей на всех дорожках было

довольно много, но вечерний час пик пока что еще не настал.

Получалось, что мальчишки были не слишком уверены в себе, раз бросили ей вызов в относительно спокойное время. Пробираться через толпы пассажиров — это вам не фунт изюма.

— Пошли! — скомандовала Эйми. И шагнула на дорожку. Мальчишки тут же пристроились сзади. Люди, ехавшие впереди, переходили на соседние дорожки, постепенно продвигаясь, таким образом, к самой скоростной, что проходила рядом с платформой метро. Перед глазами Эйми проносились светящиеся флюоресцентным светом объявления, рекламирующие одежду, последние книги-фильмы, разные экзотические напитки. И какой-то супербоевик о приключениях инопланетян на земле. Над головой мелькали яркие стрелки и световые табло, указывающие направление миллионам горожан: «В СЕКТОРЫ ДЖЕРСИ», «ЭТА СТРЕЛКА ПРИВЕДЕТ ВАС В ЛОНГ-АЙЛЕНД». И еще шум. Он присутствовал постоянно. Вокруг то стихали, то вновь волнами поднимались людские голоса, под ногами тихо шелестело движущееся полотно, в отдалении слышались гудки поезда.

Эйми пробежала по дорожке, обогнала группу людей, затем, слегка согнув ноги в коленях, перешла на другую, более скоростную дорожку. Она не оглядывалась — и без того знала, что мальчишки идут следом. Набрала в грудь побольше воздуха, перескочила на третью дорожку, пробежала по ней, обогнала едущих впереди пассажиров и вспрыгнула на четвертую. Потом резко развернулась, перескочила обратно на третью и быстро пересекла еще три подряд.

Бег по дорожкам был сродни танцу. И она, легко и с удовольствием войдя в ритм, прыгнула вправо, развернулась, пробежала против хода движения, перескочила влево, на более медленное полотно. При виде этих кульбитов какой-то мужчина неодобрительно покачал головой. Эйми лишь усмехнулась в ответ. Робость в передвижении — это не для нее. Большинство пас-

сажиров не желали пользоваться свободой, которую предоставляли эти шуршащие серые полосы, терпеливо придерживались одного направления и скорости. Они были глухи, они не воспринимали музыки дорожек, их песни, которая так маняще звенела в ушах Эйми.

Эйми обернулась. Мальчишек видно не было. Перейдя к левому краю дорожки, она сделала ложное движение, затем неожиданно метнулась вправо, пронеслась мимо какой-то оторопевшей женщины и продолжала перескакивать с одной дорожки на другую, пока не достигла самой скоростной.

Приподнятой левой рукой она пыталась защититься от ветра. Скорость здесь была, как в метро, — около тридцати восьми километров в час. Метро являло собой непрерывно движущуюся платформу с поручнями — чтоб было удобней входить. Эти поручни были установлены через определенные интервалы, между ними укреплены прозрачные щиты, призванные защитить пассажиров от ветра. Эйми ухватила за поручень и вскочила на платформу.

Народу было не слишком много, и она стала пробираться между пассажирами. Оказалось, что двое мальчишек тоже успели вскочить на платформу. Какая-то женщина сердито огрызнулась, когда Эйми прошмыгнула мимо нее. Девочка бросилась к противоположному борту.

Она спрыгнула с него на дорожку внизу, которая двигалась с той же скоростью. Потом снова вскочила на платформу, затем спрыгнула обратно на дорожку. Один мальчишка по-прежнему не отставал, бежал в нескольких шагах позади. Товарищ его, очевидно, замешкался, не ожидал, что она тут же снова соскочит на дорожку. Любой опытный бегун должен предвидеть подобную ситуацию. Ни один бегун не станет оставаться на платформе или одной и той же дорожке слишком долго. Она перескочила на ту, что помедленнее, досчитала про себя до пяти, перескочила обратно на быструю, снова посчитала, затем ухватила за поручень, птицей влетела на платформу и, расталкивая пассажиров, бросилась к другому краю. Спрыгнула на полосу

внизу. И стояла на ней спиной к ветру и широко расставив ноги. Обычно в разгаре гонки она не пользовалась такими опасными приемами, но на этот раз просто не могла побороть искушения показать свое мастерство.

А потом соскочила вниз с метровой высоты прямо под носом у какого-то мужчины.

— Совсем озверели! — проворчал он. — Вот сообщу о тебе куда следует.

Она развернулась лицом к ветру и шагнула на дорожку слева, отстав, таким образом, от рассерженного мужчины, которого унесло вперед. Обернулась. Мальчишек в потоке людей позади видно не было.

Слишком просто... Она обошла их всех, еще не достигнув даже перекрестка, откуда начиналась дорога в сектор Конкорс. Нет, надо все же дойти до конца, и, если эти придурки там ее догонят, можно предложить им сыграть еще раз. Если, конечно, она не отбила у них охоты.

Впрочем, Эйми сомневалась, что мальчишки примут новый вызов. Что ж, подождет их немного и отправится домой.

Ну и поделом им! Куда этим соплякам до такой знаменитой бегуни, как Эйми Барон-Штейн! Да она обошла самого Киюши Гарриса, одного из лучших бегунов во всем городе! То была почти двухчасовая гонка до самых окраин Бруклина. А в другой раз за ней гналась целая банда Брэдли Охайера, и она благополучно добралась до Квинс, оставив их всех далеко позади. Она улыбнулась, вспомнив, как бесновался тогда Брэдли, которого победила какая-то сопливая девчонка. Вообще, девчонок-бегуний было совсем немного, и она считалась лучшей из всех. Вот уже в течение года она считается лучшей, ни один человек, бросивший ей вызов, еще ни разу не обыграл ее. Начав гонку, она успешно доводила ее до победного конца. Она была лучшей девочкой-бегуней во всем Нью-Йорке! Да что там в Нью-Йорке, возможно, на всем земном шаре!..

Нет, сказала она себе, легко перескакивая с одной дорожки на другую. Она просто лучшая, вот и все.

Жила Эйми в районе Квинс-Бридж. И ко времени, когда достигла эскалаторов, ведущих к нужному ей уровню, радости от победы поубавилось, и она поняла, что ей не очень-то хочется возвращаться домой. Толпы людей двигались по улице, зажатой между высоченными стальными стенами зданий, в которых проживали миллионы. Все земные города строились по тому же принципу, что и Нью-Йорк. Люди вгрызались в землю, вкапывались в нее, строили себе убежища, огораживались стальными стенами. Там они чувствовали себя в безопасности, там они были защищены от страшной пустоты внешнего мира.

Эйми протиснулась к эскалатору. По нему ехала свадьба. Жених в темной сборчатой тунике и брюках, невеста в коротеньком белом платье. В руках она сжимала букет цветов, сделанных из переработанной бумаги. Друзья и знакомые держали бутылки и пакетики с пайками — видно, все это предназначалось для торжественного обеда. Парочка улыбнулась Эйми, та пробормотала поздравления. Эскалатор остановился, и она сошла на своем уровне.

Вбежала в холл и подошла к высокой двустворчатой двери, на которой светящимися буквами значилось: «ТОЛЬКО ДЛЯ ЖЕНЩИН». Под этой надписью более мелкими буквами было выведено: «Подсектор «2П—2N». Значился также номер, который следовало набрать в случае, если потерял ключ. Эйми дернула молнию на кармане, достала тонкую алюминиевую полосу, вставила в прорезь замка.

Дверь отворилась. В уютном холле, выдержанном в нежно-розовых тонах, сидели женщины. Расчесывали волосы и делали макияж перед зеркалами, занимавшими целую стенку. И болтали. С Эйми они не поздоровались, а потому она им тоже ничего не сказала. Ее отец, как и большинство других мужчин, вечно удивлялся: о чем только могут болтать женщины в таком месте. Ведь в секторе для мужчин ни один человек ни за что бы не заговорил с другим. Даже взгляд, брошенный на соседа, считался неприличием, если не оскорблением. Мужчины бы никогда не стали разводить

сплетни в холле своего сектора. Впрочем, на деле все обстояло не совсем так, как думал отец. Женщины тоже ни за что не заговорили бы с той, которая предпочитает уединение. Не стали бы они здороваться и с новой соседкой — во всяком случае, до тех пор, пока не узнают ее лучше.

Стоя перед зеркалом, Эйми пригладила коротенькие черные кудряшки, а потом вошла в общественный туалет. По одну сторону длинный ряд унитазов, без дверей, разделенных лишь тонюсенькими перегородками. По другую — столь же длинный ряд раковин.

Молодая женщина присела на корточки перед одним из туалетов. Тут же на специальном стульчике сидел мальчик. Эйми сразу заметила, что это именно мальчик. Держать в женском секторе ребенка противоположного пола дозволялось только до тех пор, пока ему не исполнится четыре. После этого мальчик переводился в мужской сектор. Обычно — с отцом, который первое время должен был приглядывать за ним. Эйми вдруг представила, как, должно быть, тяжело такому малышу привыкать к незнакомой обстановке. Попасть из более вольной и теплой атмосферы женского сектора к мужчинам, где даже взглянуть на другого человека запрещено... Говорят, это правило возникло из необходимости сохранить хоть какое-то подобие частной жизни, живя бок о бок с совершенно чужими людьми. Но психологи считали также, что запрет возник из подспудного желания мужчин отделить себя от матери. А потому неудивительно, что они так там себя ведут. Не только демонстрируют, что не желают вмешиваться в чужую жизнь, но показывают также, что уже вышли из детского возраста.

Опустив глаза и не обращая внимания на женщин и девочек, Эйми прошла мимо туалетов и оказалась в душевой. Две женщины зашли в частные кабинки в дальнем конце коридора. Примерно год тому назад у матери Эйми тоже появилась своя частная кабинка — привилегия, до которой дослужился муж. Но пользоваться ей Эйми пока что не разрешалось. Другие родители были более либеральны и позволяли детям мыться в част-

ных душевых. У нее же, Эйми, и отец, и мать страшно строгие. Они считали, что дочь должна пользоваться только теми привилегиями, которые заработала сама.

Сейчас надо принять душ и сунуть одежду в стиральную машину. Иначе после обеда сюда уже не пробиться. Эйми вздохнула. То была не единственная причина, по которой ей не хотелось возвращаться домой. Мать уже должна была получить уведомление от мистера Лианга. И Эйми боялась встречи с ней.

Подойдя к двери в квартиру, она увидела, что из нее выходят четыре женщины. Эйми рассеянно поздоровалась с ними и кивнула в ответ, когда они спросили ее, все ли хорошо в школе. Это были самые интеллектуальные подруги матери, дамы, любившие поговорить на социологические темы и улаживать (между собой, разумеется) проблемы города — все это перед тем, как перейти к сплетням и советам, как выбить ту или иную привилегию и воспитывать детей.

Мать пропустила Эйми в комнату и затворила дверь. Эйми дошла примерно до середины просторной гостиной, когда услышала:

— Куда направляешься, дорогая?

— Э-э... к себе в комнату.

— Думаю, тебе лучше присесть. Нам надо кое-что обсудить.

Эйми подошла к стулу и уселась. В гостиной, имевшей пять метров в длину, стояли два стула, маленький диванчик и имитация восточной оттоманки, обитой кожей. В квартире были еще две комнаты, а в спальне родителей имелась раковина — тоже большая редкость в нынешние дни. И все это они получили только потому, что отца высоко ценили на государственной службе. У них было что терять, а потому оба они, и мать, и отец, были страшно требовательны к дочери. И бранили ее за малейшую провинность.

— Что-то ты сегодня припозднилась, — заметила мать и уселась на диван напротив Эйми.

— Принимала душ. Слушай, а ужинать еще не пора? Папа вот-вот должен быть.

— Он предупредил, что задержится. Так что есть на общественной кухне сегодня не будем.

Эйми прикусила губу. Четыре раза в неделю их семье разрешалось есть в квартире. На общественной кухне, где стояли длинные столы и собиралось много народу, на дочь не очень-то покричишь.

— В любом случае, — добавила мать, — уверена, что нам лучше побеседовать наедине, пока не вернулся отец.

— О... — Эйми уставилась на синий ковер. — О чем это?

— Ты прекрасно знаешь, о чем. Я получила уведомление от твоего наставника, мистера Лианга. И он пишет, что тебя предупредил.

— А-а... — Эйми пыталась напустить безразличный вид. — Это...

— Он считает, что в конце четверти хороших оценок тебе не видать, — темные глаза матери злобно сузились. — И если в ближайшее время ты их не исправишь, он пригласит меня на собеседование... И это еще не все, — она откинулась на спинку дивана. — Мистер Лианг сообщил, что ты бегаешь по дорожкам.

Эйми вздрогнула.

— Откуда он знает?

— Ах, Эйми!.. Уверена, у него есть способ выяснить, так это или нет. Так это правда?

— Гм...

— Так правда или нет? Это гораздо более серьезный проступок, чем плохая учеба. Ты что же, хочешь, чтоб тебя задержала полиция? Ты подумала о том, что можешь стать причиной несчастного случая, что, наконец, можешь сама серьезно пострадать?.. Знаешь, что сказал отец, когда первый раз услышал об этих твоих забавах?

Эйми низко опустила голову. Это было года два тому назад, и отец читал ей мораль несколько часов кряду. Но после этого он вроде бы не знал, что она продолжает бегать по дорожкам. Я лучшая, подумала Эйми.

Каждый бегун в городе обо мне наслышан. И ее так и подмывало крикнуть все это матери прямо в лицо, рассказать о своих достижениях и победах. Но она сдержалась.

— Это глупая и очень опасная игра, Эйми. Каждый год от этой беготни погибают несколько детей. Прохожие и пассажиры тоже получают травмы. Тебе уже четырнадцать, пора бы и поумнеть. Просто не верится, что...

— Да не бегаю я по этим дорожкам! — огрызнулась Эйми. — Вернее, уже давно не бегала, — не далее, как два часа тому назад, подумала она. Да и то, тоже мне, беготня. Детский лепет какой-то. Так что это не в счет. Если и приврала, то совсем чуть-чуть. Но в глубине души она все же чувствовала себя виноватой. Она не любила врать.

— И твои отметки...

Эйми ухватилась за возможность перевести разговор на другую тему.

— Знаю, отметки плохие. Постараюсь учиться лучше. Но не вижу особой разницы...

— Разве тебе не хотелось бы стать лучшей ученицей? Что-то я не понимаю. Ведь ты всегда была одной из лучших. И преподаватель по науке всегда так хвалил тебя.

— Ну и что? — Эйми уже отбросила всякую сдержанность. — Какой в этом толк? К чему мне все это знать?..

— Тебе следует учиться хорошо, чтоб поступить в колледж. Положение, которое занимает отец, поможет облегчить эту процедуру. Но и он будет бессилён, если ты, наконец, не возьмешься за ум!

— Ну а дальше что? Даже будь я гением или лучше любого из мальчишек, меня все равно запихнут на курсы каких-нибудь диетологов, или социальных взаимоотношений, или на отделение детской психологии, чтоб я стала хорошей матерью. Или научат компьютерному программированию, чем и буду заниматься, пока не выйду замуж. Все равно все кончится только этим. Так ради чего стараться?

— Этим?.. — лицо матери с оливкового цвета кожей оставалось спокойным, но голос немного дрожал. — Так ты считаешь, что мои и отца заботы о тебе всего лишь напрасная трата времени? Что воспитание ребенка, создание уюта для мужа — это ничто?

— Да ничего я не считаю! Но почему все должно кончиться именно этим? Свет, что ли, клином сошелся? Ты этого хотела, вот и получила! А я... я...

И Эйми вскочила и бросилась к себе в комнату.

Она лежала на узкой постели, уставясь в мягко мерцающий потолок. Уж кто-кто, а мама должна была бы понять... Ведь раньше мать тоже была такой, но прошло время, и она, похоже, распрощалась со старыми мечтами и иллюзиями.

Мать Эйми, Алисия Барон, была поклонницей средних веков. Ничего удивительного — многие в ту пору придерживались схожих взглядов. Эти люди собирались вместе и толковали о старых обычаях, обменивались впечатлениями об исторических книгах-фильмах и временах, когда планета Земля была единственным домом для человечества. Они ностальгически вздыхали по старым временам, когда люди жили на Поверхности, а не гнездились в этих подземных городах, когда Земля была единственным миром, а инопланетян не существовало.

И не то чтобы кто-нибудь их них жил когда-то наверху, вне этих стен, и дышал настоящим, а не отфильтрованным воздухом. Воздухом, в котором полным-полно микроорганизмов и бактерий, разносивших опасные болезни. Или же ел бы, к примеру, необработанные продукты, выросшие в грязи, — при мысли об этом Эйми всегда содрогалась. Нет, уж лучше оставить этот внешний мир роботам, которые трудились в шахтах и выращивали урожай, чтоб прокормить города. Лучше уж жить так, как живут они, пусть даже здесь у них полно проблем. И избегать общения с инопланетянами, чьи предки некогда улетели с Земли осваивать и заселять другие планеты... Нет, обычаи и традиции этих инопланетян им совсем не подходят. В мире, где обита-

ют миллиарды людей, нельзя позволять расходовать ресурсы на частные дома, большие сады и площадки и все тому подобное. И Алисия Барон, невзирая на свое увлечение Средними веками, никогда не покидала стен подземного города. Ну, разве что путешествовала изредка в другой такой же и тоже под землей.

Тем не менее она с одобрения нескольких немного эксцентричных друзей придерживалась кое-каких старых обычаев. К примеру, Алисия Барон настояла на том, чтоб сохранить девичье имя, когда выходила замуж за Рикардо Штейна. И он согласился, чтоб у их дочери была двойная фамилия. Пара получила разрешение на рождение первого ребенка в первый же год супружеской жизни — исключительно благодаря высокому генетическому рейтингу. Однако Эйми появилась на свет лишь четыре года спустя. И Алисия, и Рикардо работали статистиками в Нью-йоркском Департаменте Людских Ресурсов. Это имело смысл — занимая такую должность, всегда можно было сделать карьеру, получить больше привилегий и накопить средства на содержание ребенка. Родители и друзья упрекали молодых в антисоциальном поведении, но Алисия с Рикардо не слишком прислушивались к ним.

Эйми хорошо знала всю эту историю. Большинство сведений поделилась с ней не одобрявшая родителей бабушка по материнской линии. Перед тем, как Алисия забеременела, пара имела уже очень высокий рейтинг — «Си-4». Но, даже несмотря на это, они постоянно спорили, кто из них должен оставить работу в связи с рождением ребенка. Лишь самые антисоциально настроенные люди пытались сохранить оба рабочих места. Ведь в городе было полно безработных, не имевших специального образования. Они жили на пособия и практически не имели шансов хоть как-то улучшить свое положение. Были и переведенные в низшую категорию специалисты, вынужденные уступить свою работу роботам, которые трудились на городских фермах по производству микроорганизмов. Да коллеги родителей начали бы есть их поедом, если б и Алисия, и Рикардо остались в Департаменте. А уж их начальник позабо-

тился бы о том, чтоб перекрыть все возможности продвижения по службе. Мало того — вполне мог найти способ уволить обоих. К тому же кто-то действительно должен был приглядывать за Эйми. Не может же ребенок весь день напролет торчать в специальном ясельном секторе. Обе бабушки тоже категорически отказались сидеть с ребенком — не хотели поощрять антисоциальное поведение молодых родителей.

Итак, Алисии пришлось уйти с работы. Муж был не против ухаживать за младенцем, но выкормить его он все равно не мог. Через несколько лет после рождения Эйми Рикардо получил повышение, и семья переехала из двухкомнатной квартирki в секторе Ван-Кортландт в эту, более просторную. Теперь отец имел рейтинг «Си-6» и получил право на пользование отдельным туалетом. Мало того, в квартире разрешили поставить раковину, увеличили квоту расходов на развлечения и дали право четыре раза в неделю обедать дома.

И было бы очень глупо со стороны родителей отказаться от всех этих привилегий. И глупо со стороны Алисии надеяться сохранить место в Департаменте. В противном случае они могли бы потерять все.

Дверь отворилась, в комнату вошла мать. Эйми села. Ее узенькая постель занимала большую часть комнаты. Присесть, кроме как на нее, было просто не на что, а Алисия, судя по всему, приготовилась к долгому разговору.

Мать села рядом, обняла Эйми за плечи.

— Знаю, что ты чувствуешь, — прошептала она.

Эйми покачала головой.

— Нет, не знаешь.

Мать еще крепче обняла ее.

— Когда-то, очень давно, я тоже прошла через все это... Но потом поняла: толку никакого. Даже пытаться не стоит. Ты должна учиться, Эйми. И не только для того, чтобы потом помогать своим детям делать уроки. Позднее ты обязательно поймешь, какую радость и удовольствие может извлекать человек из знаний. Из

того, что будешь носить в себе и знать: а вот этого у меня никто не отнимет. Времена меняются, так что...

— Ничего они не меняются. Мне бы так хотелось... Раньше жить было лучше.

— Ты не права, — возразила мать. — Лучше жили лишь очень немногие люди. Для остальных же, большинства, то была не жизнь, а сущий кошмар. Да, мне всегда нравились средние века, но я знаю, как в те времена боролись, страдали и голодали люди. Теперь в городах куда лучше. Голодных больше нет. И почти все мы можем заниматься своим делом, не опасаясь насилия. Нормально работать, сотрудничать. Надо уметь применяться к обстоятельствам. Уметь отказываться от многого, чтоб получить хоть что-то. К тому же...

— Я тебя поняла, — с горечью пробормотала Эйми. — Города — это прекрасно. Города — это вершина человеческой цивилизации, — произнося эти слова, она копировала тон и манеры своей учительницы истории. — И если я не буду приспособливаться и не научусь быть благодарной за то, что имею, то я есть не что иное, как патологический антисоциальный элемент!

Мать довольно долго молчала, потом заметила:

— Все больше роботов в городах отбирают у людей работу. А это означает, что со временем люди будут получать все меньше и меньше. И может снова начаться голод. К тому же города не резиновые, они не могут расширяться до бесконечности. А это означает, что пространства для каждого из нас будет становиться все меньше. Время от времени люди будут нападать на роботов и уничтожать их, чтоб выразить тем самым свой протест. Но если мы начнем набрасываться друг на друга... — она помолчала немного; потом продолжила: — Кто-то должен уступить, сдаться. Даже те люди, которые надеются, что со временем инопланетяне дадут им возможность покинуть Землю и поселиться на других планетах, понимают это.

— Они дураки, — буркнула Эйми.

— Да. Многие так считают.

Эйми нахмурилась. Она слыхала об этих людях. Время от времени они выходили на Поверхность, стро-

или из себя фермеров, играли в другие такие же дурацкие игры. Она не знала, что они при этом чувствовали, хорошо ли им было там, наверху, или плохо. Предводителем этой небольшой компании был городской детектив по имени Элия Бейли. Может, именно он надеялся, что инопланетяне им помогут. Недавно он вернулся с одного из их миров. Его пригласили туда помочь расследовать какое-то преступление. Видно, поэтому он вообразил, что инопланетяне могут стать друзьями.

Но уж кто-кто, а Эйми-то знала! Знала, что эти инопланетяне лишь используют их. Уж она насмотрелась на этих инопланетян в приключенческих книгах-фильмах. Все до одного высокие, красивые, загорелые. А волосы бронзовые и глаза такие холодные — в точности как у роботов, которые обслуживают их. Во всех этих драмах они могли показаться даже дружелюбными, могли даже влюбиться в кого-нибудь из землян, но на самом деле презирали людей из городов. И уж никогда не позволили бы землянам влезать в их мир или другие миры Галактики. Нет, они могли, конечно, воспользоваться услугами земного человека, ну, скажем, Бейли. А потом избавились бы от него, как от мусора.

— Я просто хочу сказать, — снова заговорила Алисия, — что могут наступить перемены. И какие бы разрушения они ни повлекли за собой, они могут также представить и новые возможности... Но только для тех, кто способен понять, уловить их... — Эйми насторожилась. То было самое антисоциальное высказывание из всех, что она когда-либо слышала от матери. — И лучше быть к этому готовой. И развивать способности, которые могут пригодиться. Работая в Департаменте, я узнала, для чего на самом деле предназначена статистика. Она мешает даже самому отъявленному бюрократу утаивать от людей всю правду. Я поняла... Впрочем, довольно. И без того наговорила лишнего.

— Мама, — Эйми нервно сглотнула слюну, — а ты скажешь папе, что написал мистер Лианг?

Алисия затеребила длинные темные волосы. Смотрела она мрачно.

— Я должна... Должна сказать, ведь меня могут вы-

звать на собеседование. И как я тогда объясню Рикку, почему скрыла от него?.. Ладно, так и быть, не скажу. Если ты пообещаешь, что будешь стараться.

Эйми с облегчением вздохнула.

— Обещаю, — она от души надеялась, что мать сдержит слово.

— Тогда принимайся за уроки. Рик уже скоро придет.

Алисия вышла и затворила за собой дверь. Эйми вытянулась на постели. Ничего не переменится, что бы там ни говорила мать!.. И чего бы там она, Эйми, ни делала, как бы ни старалась. Все равно рано или поздно, по выражению ее подружки Деборы Листер, упрутся лбом в стенку.

Она упрется в эту стенку, когда учителя начнут намекать, что тот или иной предмет более полезен для девочки. Когда члены совета колледжа начнут говорить, что это неправильно и даже эгоистично — ходить на такие-то и такие лекции. Поскольку она не мальчик и в жизни ей эти знания никогда не пригодятся. И если она упрется в стенку не сейчас, позже это все равно произойдет. Когда она выйдет замуж и обзаведется собственными детьми.

Можно, конечно, и не выходить замуж, но тогда ее ждет страшно одинокая жизнь. Чего бы ни достигла такая женщина, люди все равно будут говорить, как она антисоциальна. И даже по-своему жалеть ее. Что еще хуже, чем открытая ненависть. И ей придется жить в специально предназначенном для одиноких алькове. Если не повезет и она не найдет себе приемлемую компаньонку. Но еще надо добиваться разрешения делить с ней комнату.

Алисия уже давно уперлась лбом в стенку, хотя и позже, чем многие другие. К тому же у нее есть любящий муж. Он и поможет, и утешит, что уже само по себе прекрасно. Даже те пары, где супруги просто ненавидели друг друга, неохотно шли на развод. Ведь это означало потерю в статусе, переезд в более тесное жилище. И вполне естественно, что Алисия хочет для до-

чери лучшего будущего. Ведь, по сути, в жизни у нее ничего, кроме мужа и дочери, просто нет.

Таких женщин, как Алисия, было немало. «Сублимированный антисоциальный индивидуализм» — вот как характеризовалось их поведение в учебных книгах-фильмах, которые Эйми сканировала в школьной библиотеке. Многие женщины пережили своих детей и даже внуков, надеясь на лучшее и вместе с тем осознавая, что есть предел их амбициям. Надежда на будущее, передаваемая из поколения в поколение, — только это заставляло их держаться на плаву... Однако и они знали, что слишком выделяться, пусть даже в самом хорошем смысле, не следует, иначе это вызовет неодобрение окружающих. Вот одна из главных причин, по которой ее родители отказывались выставлять напоказ свои привилегии, заработанные честным трудом. А когда пользовались ими, делали это с таким извиняющимся видом...

У мужчин были свои проблемы. Наверное, им они казались не менее тяжкими. Многие мужчины ломались, не выдерживали бремени, которое накладывает семья, целиком зависящая от одного кормильца. У психологов имелось какое-то специальное название и для этого синдрома.

Короче, Эйми совершенно отчетливо представляла свое будущее. Возможно, ей вовсе не следовало заглядывать в эти книги-фильмы по психологии и социологии, предназначенные сугубо для взрослых, да к тому же еще и специалистов. Родители обязательно обзавелись бы вторым ребенком, если б им разрешили. Ведь Алисии все равно было нечего делать, кроме как заботиться о ней, Эйми, и отце. Да еще поддерживать приличные отношения с соседями и коллегами мужа. Неудивительно, что, живя в таких условиях, многие женщины не испытывали особой привязанности к своим детям. А когда она, Эйми, вырастет, мать будет дожидаться неизбежного появления внуков. И перенесет все свои надежды на них. Какое же это страшное испытание: притворяться, что уж ко́го-кого, а твоих детей не

проглотит этот людской муравейник под названием город. Жить и знать, что именно так и случится.

Счастливые семьи делают город лучше — вот какое мнение здесь бытовало. Матери и жены созданы делать свое дело и чувствовать, что исполняют при этом гражданский долг. Мать Эйми привязана к ней, затем привяжется к ее детям и...

Нет, раз большинство настроено именно так, лучше уж ничего не знать и не ведать. И плыть по течению, смирившись со своей судьбой.

Она скрестила руки на груди. У нее есть одно достижение, и никто не в силах отнять его. Она лучшая бегунья по дорожкам в городе. И она не бросит этого занятия до тех пор, пока не постареет, станет слишком медлительна для гонок. А может, такой день не наступит вовсе. И даже если она сделает ошибку и погибнет на бегу, что ж, все равно лучше, чем умереть, уперевшись лбом в стенку. Родители смогут завести другого ребенка, а то и двух, и потеря одной жизни для стального муравейника, кишашего людьми, ничего не значит. Она умрет со спокойной совестью, зная, что освобождает тем самым место для кого-то другого, возможно, менее строптивного члена общества.

В учебниках психологии имелись термины и для таких идей и понятий, и в целом расценивались они как болезнь. Пусть так. Еще одна причина не слишком переживать по поводу того, что может с ней случиться во время гонок.

— Эйми Барон-Штейн, — произнес монитор в холле, — к вам посетитель.

Эйми взглянула на сероватую физиономию робота — просто пародия какая-то на человеческое существо. Она не слишком любила роботов, а этот, с плоскими глазками и противно кривящимся ртом, выглядел самым мерзким из всех.

— В чем дело? — спросила она.

— Пришел человек. Хочет поговорить с вами, — сказал робот. — Просил меня проводить вас.

— Да кто это, черт возьми?

— Велела назвать свое имя, если вы спросите или не захотите видеться. Это Шакира Льюз.

От изумления Эйми разинула рот.

Дебора Листер подвинулась поближе и ткнула ее кулачком в ребра. Шакира Льюз не занималась гонками вот уже несколько лет, но Эйми о ней знала. Киоши Гаррис считал ее *лучшей* девушкой-бегуньей всех времен. В последней гонке Шакире удалось обойти целых три шайки из Бруклина. Это событие вошло в легенду. Она *была* лучшей, подумав Эйми. Сейчас лучшая я.

— О Эйми!.. — простонала Дебора. — Ты будешь с ней говорить?

— Что ж, можно.

— Тогда опоздаешь в шахматный клуб, — сказала ее белокурая подруга.

— Значит, опоздаю.

— Я с тобой! — воскликнула Дебора. — Я хочу это видеть!

— Мисс Льюз хотела видеть Эйми Барон-Штейн, — пробубнил робот. — Она не упоминала о...

— Да заткнись ты! — рявкнула Эйми. Глаза у робота немного расширились. Очевидно, это означало удивление. — Она ведь не говорила, что я не имею права взять с собой подругу?

— Нет, не говорила.

— Тогда веди нас к ней.

Робот развернулся и повел их по коридору, в который выходили двери кабинетов, затем — через холл, где толпились ученики. Эйми недоумевала. Почему это Шакира Льюз выбрала для встречи такое место и время? С чисто технической точки зрения здешние роботы-мониторы вовсе не были предназначены для того, чтоб поднимать учащихся наверх, ну, разве что в аварийных ситуациях. Просто этот робот был, очевидно, слишком глуп и не усвоил, что разрешено, а что запрещено. Он маршировал впереди на негнущихся ногах, спина неестественно прямая. Чертовы роботы, подумала она, отбирают работу у людей. И эти мониторы тоже когда-то заменяли людей.

Эйми с подружкой дошли до лифта и вдруг обнаружили, что за ними по пятам следует целая толпа мальчишек и девчонок. Вслед за роботом они вошли в лифт и начали подниматься до уровня улицы.

Выйдя из здания школы, Эйми увидела высокую темнокожую женщину с короткими черными волосами. Ее со всех сторон облепили мальчишки.

— Ух ты! — шепнула Дебора. — Может, она хочет с тобой посоревноваться?..

Эйми отрицательно помотала головой и указала на мелькавшую впереди серую спину робота. Робот не имел права причинять человеку вред. Не мог он также допустить, чтоб человек причинил себе вред сам. Эти создания, наделенные самыми примитивными позитронными мозгами, наверняка считали гонки по дорожкам занятием опасным и вредным.

— Знакомьтесь, Эйми Барон-Штейн, — безжизненным голосом произнес робот. — А это Шакира Льюз.

Эйми приблизилась, мальчишки почтительно расступились. Женщина была стройной, но слишком, пожалуй, высокой для бегуньи. Лучшие бегуньи вроде Эйми обычно были небольшого росточка и худенькие — так легче лавировать в толпе среди пассажиров. Тонкие, абсолютно правильные черты лица. Да эта Шакира Льюз больше похожа на актрису из исторической драмы о жизни в Африке, которую совсем недавно смотрела Эйми. Одета Шакира была в красную рубашку и черные брюки, отчего и без того длинные ноги казались еще длинней. Мальчишки точно замороженные не сводили с нее глаз.

Никто из них никогда не смотрел так на Эйми, даже после того, как ей удалось обыграть шайку Брэдли.

— Можешь идти, — сказала Шакира роботу. Тот послушно развернулся и зашагал обратно, к лифту. Говорила эта Шакира протяжно и надменно — точь-в-точь как какая-нибудь инопланетянка. Эйми подняла на нее глаза. В них светились ненависть и восхищение одновременно.

— Я слышала о тебе, — сказала Шакира. — И хотела поговорить.

Эйми вызывающе вздернула подбородок.

— Это о чем же?

— Наедине, если можно.

Наедине... Это означало бродить среди толп, заполнивших дорожки или платформы метро. Или же, если сильно повезет, найти где-нибудь незанятый стул или свободную скамейку.

— Если хочешь что-то сказать, говори прямо сейчас. И здесь.

— Она хочет бросить тебе вызов, — произнес чей-то голос за спиной. Эйми обернулась. Среди ребят стоял Луис Хортон. Он до сих пор бесновался при одном воспоминании о том, как Эйми обошла его в долгой гонке, конечной целью которой был сектор Йонкерс. — Она собирается бросить тебе вызов, — повторил он. — Может, тебе слабо, а, Эйми?

Эйми ответила спокойно и с достоинством:

— Я обойду любую в Нью-Йорке.

Шакира нахмурилась.

— Я сказала, что хочу поговорить. И ни о каких гонках речь пока не идет.

— Ты чего, струсила? — спросил какой-то мальчишка.

Шакира помрачнела. Эйми понимала, куда это может завести. Всем хотелось, чтобы эти две чемпионки вступили в схватку. В других обстоятельствах она сама бы бросила вызов, но чувствовала: тут что-то не так. Какой смысл этой женщине мечтать о состязании с ней, Эйми? Ведь ей наверняка есть чем заняться в жизни, пусть даже слава Эйми растет с каждым днем. К тому же Шакира уже давно не тренировалась, и если, не дай бог, что-то случится и полиция схватит ее, ей несдобровать. Но для чего же еще могла понадобиться ей она, Эйми?.. Возможно, для чего-то противозаконного, какой-нибудь операции или сделки, где требуется отвлекающий маневр и бегунья может увести за собой преследователей.

Эйми пожала плечами.

— Да будет вам, ребята. И дураку ясно — она слишком стара для того, чтоб гоняться по дорожкам!

— Да, это верно, — кивнула Шакира. — Мне уже скоро двадцать один.

— Льюз не боится, — вставил Хортон. — Эйми — вот кто струсил!

Эйми так и вспыхнула. Теперь все они не сводили с нее глаз. Ей казалось, что даже прохожие смотрят на нее — в надежде стать свидетелями ее позора.

— Ничего я не боюсь, — сказала она. — Полный вперед, Шакира, тебе меня все равно не обойти. Давай отсюда и до развязки у Шипсхед-Бей. Если, конечно, ты способна пробежать такую дистанцию в столь преклонном возрасте.

Шакира молчала.

— Ну, давай же! Или ты слишком состарилась и устала, чтоб просто попробовать, а?

Огромные темные глаза девушки гневно сверкнули.

— Что ж, давай!

Мальчишки заржали и заулюлюкали. Даже Дебора, которая никогда не бегала по дорожкам, вся так и порозовела от волнения. И Эйми вдруг страшно на них всех разозлилась. Она не была готова бежать. Теперь она понимала: все это время в глубине души тлела надежда, что Шакира откажется соревноваться с ней. Если эта темнокожая женщина победит, ей, Эйми, просто не пережить такого позора. Если же победит она, Эйми, все просто в очередной раз признают, что Шакира не в форме. Принимая этот вызов, она сильно рискует. И кстати, так до сих пор и не узнала, для чего понадобилась Шакире.

— Ну что, пошли? — небрежно спросила Эйми.

— Погоди минутку, — женщина вскинула руку. — Чем бы там ни кончилось... Я все равно хочу поговорить с тобой. Потом, попозже.

— Поговоришь, когда я тебя обойду! — заносчиво бросила Эйми, хотя сомнения не оставляли ее. А потом пошла следом за Шакирой к ближайшей дорожке.

Шакира двигалась по серому полотну, держа курс на более скоростную дорожку. Она не бежала, просто шла длинным, размашистым шагом. Эйми держалась вплотную. Большинство мальчишек и девчонок устремились к ближайшей станции экспресса — они хотели

успеть добраться до Шипсхед-Бей первыми и встретить там победительницу. Луис Хортон и двое его приятелей решили немного понаблюдать за приемами прославленной Шакиры и присоединиться к остальным ребятам позже. Пока что пассажиры стояли не слишком тесно, но народу на дорожках все прибывало.

Шакира увеличила скорость и начала демонстрировать разные трюки. Вот боковой бросок. Для этого сперва надо бежать ровно, затем, не меняя скорости, перескочить на соседнюю дорожку. Эйми не отставала. Шакира применила прием Поповича, названный так в честь знаменитого бегуна — запрыгала из стороны в сторону между разными дорожками, прежде чем неожиданно перескочить со второй на третью. Ей даже удалось сделать «дервиш». Став лицом к Эйми, она высоко подпрыгнула, перевернулась в воздухе на триста шестьдесят градусов, а потом грациозно приземлилась на более медленную дорожку. «Дервиш» являлся очень опасным приемом, даже для низких скоростей.

Да, она была хороша, ничего не скажешь. Но и Эйми знала все эти трюки. Выпендривается, подумала она. Старается запугать. Такие эффектные трюки призваны отвлечь внимание противника и измотать его. Не отставая от Шакиры, она вскочила на платформу, затем спрыгнула с нее. Мальчишки отстали. Она уже приноровилась к ритму Шакиры, но продолжала держать ухо востро. Многие бегуны заставляют противника приноровиться к своей скорости, а затем неожиданно выкидывают какой-нибудь фортель.

Так танцующим шагом они перемещались с дорожки на дорожку, направляясь к линии экспресса. На дорожке рядом с выходом на платформу скопилось особенно много людей. Шакира ухватила за поручень и птицей взлетела вверх. Эйми ухватила за поручень, что находился рядом. В воздухе мелькнули длинные ноги в черных брюках. Не коснувшись пола платформы, не задев ни одного пассажира, Шакира соскочила на дорожку, встала спиной к ветру и, усмехаясь, глядела на Эйми.

Держась за поручень, Эйми уже приготовилась

спрыгнуть, как вдруг внезапно на дорожку внизу сошло сразу несколько человек. Она видела их удивленные и испуганные лица... Им казалось, что Эйми собирается спрыгнуть прямо им на головы.

На самом деле она заметила клочок свободного пространства. Какая-то женщина пошатнулась, мужчина ухватил ее за руку. И Эйми поняла, что прыгать рискованно. Шакира повернулась к ней спиной, пробежала вперед, потом метнулась влево и скрылась из глаз.

Эйми держалась за поручень, ветер бешено трепал волосы. Такого быстрого и позорного поражения она не ожидала. Она проиграла, даже не успев добраться до Манхэттена. Глаза застилала слезы.

Кто-то толкнул ее. Она подняла голову. Вокруг столпились пассажиры.

— Чертовы бегуны! — орал мужчина. Зевак все прибывало. Кто-то ударил ее кулаком и сбил с ног.

— Вызывайте полицию! — кричала женщина.

Пальцы впились Эйми в волосы, кто-то страшно больно пнул ее носком ботинка по колену. Она закрыла голову обеими руками. Ей все равно, что будет дальше. Она проиграла!..

Полицейский в штатском в ранге «Си-6», имевший привилегию сидеть в вагоне экспресса верхнего уровня, успел увести Эйми от разъяренной толпы. И отвел ее в здание городского совета. Полицейские участки располагались на более высоких уровнях. Эйми думала, что ее передадут офицеру и оштрафуют. Но вместо этого детектив провел ее через огромный зал, полный людей, а затем завел за угол в клетушку, отгороженную металлической перегородкой. Там стояли стол и два стула.

Эйми сидела за столом, чувствуя себя совершенно несчастной и одинокой, а детектив в штатском записывал тем временем ее имя и адрес. Потом ввел эти данные в компьютер, нажал кнопку ввода дополнительной информации, после чего позвонил ее отцу.

— Тебе повезло, — заметил он, закончив разго-

вор. — Твой отец еще не ушел с работы. Так что по дороге может заехать и забрать тебя.

Она с удивлением уставилась на него.

— Так вы не собираетесь держать меня здесь?

Детектив сверкнул глазами. Это был крупный лысый мужчина с пышными усами и коричневой кожей — почти такой же темной, как у Шакиры.

— Не воображай, что я буду с тобой цацкаться, на таких, как ты, просто времени нет... Терпеть не могу подростков, которым плевать на безопасность других людей. Да из-за тебя в экспрессе случилась целая драка! Возможно, надо было оставить тебя им на растерзание... Ты вообще понимаешь, что может случиться с тобой дальше, а, девочка?

— Нет, — пробормотала она, хотя уже начала догадываться.

— Для попавшихся в первый раз — слушание в суде по делам подростков. Можешь схлопотать несколько месяцев тюрьмы на уровне для несовершеннолетних нарушителей закона. Если повезет, могут приговорить к штрафу. Будешь работать несколько дней в городской больнице. Кстати, прекрасный повод познакомиться с жертвами несчастных случаев, — он затеребил усы. — Очень полезно для таких, как ты. Возможно, прямо при тебе привезут труп какого-нибудь бегуна-неудачника. Тогда увидишь, как плачут его родители, а врачи добиваются у них разрешения на использование уцелевших органов. Ну а если попадешься еще раз, снисхождения уже не жди.

Эйми крепко зажмурилась.

— Сиди здесь, — бросил детектив и вышел. А куда ей было деваться, когда кругом полным-полно полицейских?.. Эйми осталась в одиночестве. И сидела, упиваясь своим отчаянием. Вскоре детектив вернулся с чашкой чаю. Ей он ничего не предложил.

Уселся за стол и сказал:

— Так. Теперь продиктуй мне имена других бегунов.

Эйми замотала головой. Хоть Шакира и была ей ненавистна, но на такую низость она никогда не пойдет.

— Так и знал, что не назовешь. Но не думай, что делаешь тем самым им большое одолжение. Еще пожалеешь, когда с ними случится несчастье. Или же из-за них пострадают другие люди.

Детектив включил компьютер и принялся за работу. И не обращал на Эйми ни малейшего внимания до тех пор, пока не появился отец. Она взглянула на его бледное мрачное лицо и тут же отвернулась. Формальности заняли несколько секунд, не больше. Затем детектив принялся читать Рикардо Штейну мораль. Он красочно расписывал, какое страшное нарушение совершила его дочь, и обильно приправлял свое повествование статистикой несчастных случаев, произошедших по вине бегунов. А также назвал число происшествий с летальным исходом за прошлый год.

— И не окажись я в тот момент в экспрессе, — закончил он, — девочку могли забить до полусмерти. Чего она, возможно, и заслуживала.

— Понимаю, мистер Дюбуа, — ответил отец.

— Ей следует преподать хороший урок.

— Целиком согласен с вами, — Рикардо откинул со лба прядь густых каштановых волос. — Согласен с любым наказанием, к которому ее приговорят. Мы с матерью вовсе не собираемся потакать таким опасным забавам. Мы даже готовы разделить с Эйми вину, раз не смогли воспитать ее должным образом и проследить... Будьте уверены, такое больше не повторится.

— Надеюсь, что вы позаботитесь об этом, мистер Штейн... Тем более что вы занимаете такое солидное положение... — Дюбуа откинулся в кресле. — Ладно, так и быть. Пойду навстречу вам и вашей супруге. И отпущу Эйми. Ей только четырнадцать. И это ее первое нарушение, точнее, попалась она в первый раз. А уровень для малолетних нарушителей и без того переполнен, и стоит ей попасться на чем-нибудь еще раз, отправится напрямиком в суд, и уж там ей выдадут на полную катушку, по совокупности.

— Очень вам признателен, — сказал отец.

— А теперь послушай меня, девочка, — Дюбуа положил руки на стол. — Не воображай, что можешь ка-

кое-то время отсидеться, а потом снова взяться за свое. Теперь нам известно, кто ты такая, и вычислить тебя не составляет труда. Не так уж много девчонок гоняется по дорожкам, — он покосился на отца. — Думаю, что могу рассчитывать на вас в этом вопросе. Кстати, и в плане карьеры вам не светит ничего хорошего, если узнают, что в семье появился преступник.

— Можете положиться на меня, мистер Дюбуа.

На всем пути к дому отец не проронил ни слова. Скверный признак. Это означало, что он просто вне себя от ярости. Оставив дочь у входа в женский сектор, он прошел в квартиру.

Эйми долго колебалась, прежде чем войти. Затем, с замиранием сердца, втащила в холл. Интересно, что сделают с ней родители? Наверняка уже успели обсудить все случившееся, а мать рассказала отцу о жалобах из школы.

Она вошла и увидела, что они сидят на диване. И сразу поняла, что рассчитывать на снисхождение матери не стоит. Родители почти всегда выступали против нее общим фронтом. Тем более в таком важном деле...

Эйми протиснулась к креслу и села. Бить ее не будут — родители не верили в физические меры воздействия. Но лучше уж побили бы, это ее не пугало. Она и без того вся в шрамах и синяках от бесчисленных падений. Все лучше, чем слушать рассуждения отца на тему того, каким прискорбным образом может отразиться ее поведение на судьбе всей семьи. О самих родителях она не задумывалась. О том, как они огорчились бы, если б она пострадала в результате несчастного случая. Не задумывалась Эйми и о том, как ее антисоциальное поведение может сказаться на репутации и карьере отца, на отношении соседей к матери. Не задумывалась и о том, что привод в полицию может отрицательно сказаться на ее собственной дальнейшей судьбе. Эйми и в голову не приходило, что она может стать дурным примером для детей младшего возраста. А о предупреждениях от-

ца, что такие опасные развлечения до добра не доведут, она давным-давно позабыла.

Ко времени, когда отец закончил читать нотацию — при этом он повторил основные положения по несколько раз, — идти ужинать на общую кухню было уже поздно. Мать со вздохом разложила стоявший у стены маленький столик и включила электропечь — разогреть ужин. Отец поворчал еще на тему того, что из-за Эйми они пропустили цыплят, которых подавали сегодня на общей кухне. Четвертый официально разрешенный для домашних трапез день следовало бы приберечь до субботы. Родители Рикардо собирались навестить их со своими пайками. Так что и эти планы Эйми тоже разрушила.

Эйми подтащила оттоманку к столу и уселась, мать посыпала блюдо остатками каких-то специй. Отец подошел к звонившему визиофону, буркнул, глядя на экран, несколько слов, затем повесил трубку.

— Это Дебора Листер, — он придвинул к столику два стула и уселся. — Я сказал, что ты подойти не можешь.

Эйми нехотя воткнула вилку в кусок ферментированной говядины, которую подали с брокколлетами. Так даже лучше, подумала она. Ведь Дебора наверняка хотела сообщить, что была там, у Шипсхед-Бей, когда туда прибыла торжествующая победу Шакира.

— На время мы запрещаем тебе звонить друзьям и подходить к визиофону, — сказал Рикардо. — А классного надзирателя я попрошу не выпускать тебя из школы ни под каким предлогом. Только после занятий и только прямо домой. И робот-монитор будет уведомлять нас, когда ты покинула здание школы, чтоб не болталась по улицам. Будешь проводить все время только в двух местах: здесь и в школе. Ну, исключая, разумеется, моменты выхода вместе с нами на общественную кухню. А в свободное время, после того, как сделаешь уроки, будешь писать для меня доклад. Тема его следующая: «Опасности, подстерегающие бегунов по дорожкам». Думаю, что материала у тебя предостаточно. Доклад должен быть готов к концу недели, —

Рикардо перевел дух. — И если я еще хоть раз услышу, что ты бегаешь по дорожкам, сам отведу тебя в полицию и потребую судебного разбирательства.

— Ешь, Эйми, — сказала мать. То была первая ее реплика за все время.

— Я не голодна.

— И все же советую поесть. До конца недели домашнего пайка не хватит.

Эйми заставила себя есть. Отец уже расправился со своей порцией и сидел, опершись локтями о стол.

— Я одного не понимаю, — устало произнес он, — зачем это тебе, а, Эйми? Зачем ты вытворяешь такое? Я почему-то думал, ты умнее. К чему рисковать?

Тут она не выдержала.

— Я — лучшая! — Эйми вскочила, затем плюхнулась обратно на оттоманку. — Лучшая бегунья по дорожкам во всем городе! И все будут помнить меня только поэтому!.. Я лучшая, а теперь... теперь у меня все отобрали.

Серые глаза отца удивленно расширились.

— Что-то не похоже, чтоб ты сожалела о своем проступке, юная леди.

— Я жалею только об одном! Что проиграла. И что попалась, вот! И еще мне очень жаль, что тебе пришлось ехать выручать меня, но ни о чем другом я не жалею, ни капельки!

— Ступай к себе! — рявкнул отец. — Еще раз услышу этот бред, тогда почувствуешь, какая рука у меня тяжелая!

Алисия потянулась через стол и успела перехватить занесенную для удара руку мужа. Эйми вскочила и бросилась к себе в комнату.

Все, ее жизнь кончена. Другого ощущения от случившегося у Эйми просто не было. Она проиграла Шакире Льюз, ее забрали в полицию. А уж Луис Хортон разнесет эту весть по всему городу.

Школьный робот-монитор будет фиксировать время и напоминать ей перед всеми учениками, что после занятий ей следует идти прямо домой. А мальчишки и девчонки будут над ней смеяться...

Даже друзья и подруги, даже Дебора станут донимать ее расспросами. И скоро вне класса говорить с ней не будет никто. Никто не станет предлагать погоняться по дорожкам. Никто не расскажет, что говорила эта женщина Льюз, прибывшая к финишу первой. Мистер Лианг обязательно вызовет мать на собеседование, а куратор узнает о ее докладе, который она пишет для отца. И потом заставит прочесть этот доклад с экрана на всю школу. При одной только мысли об этом Эйми содрогнулась, представив, как ребята будут смеяться над ней. Да уж лучше действительно оказаться в тюрьме для малолетних правонарушителей, чем терпеть весь этот позор.

Недели через три родители немного оттаяли. Эйми по-прежнему должна была возвращаться из школы прямо домой, но ей после ужина разрешили делать уроки с подружками, в женском секторе, разумеется. Слух о позорном поражении сменился другим — все наперебой рассказывали о блестящей победе Луиса Хортонна над ребятами Тома Джэндоу, причем гонка была аж до самого Квинса. Разговаривать с ней друзья и подруги не перестали, однако старались не упоминать имени Шакиры.

Итак, жизнь ее кончена, и всему виной эта темнокожая женщина. Эйми даже начала бояться ежедневных походов по дорожкам из дома в школу и обратно. Ведь время от времени она видела там бегунов и тут же с особой остротой вспоминала, что потеряла. Ей не дано больше слушать музыку этих дорожек, не дано окунуться в ритм бега, от которого так радостно пело сердце. Она уже уперлась лбом в стенку. У нее отобрали последний кусочек свободы. Она стала еще одним муравьем, еще одной ничтожной пылинкой, затерянной среди этих стальных стен. И прошлая ее слава ушла безвозвратно.

Они с Деборой сошли с эскалатора на своем уровне, и тут вдруг Эйми вздрогнула от неожиданности. У дверей в женский сектор маячила высокая фигура. Шакира Льюз...

— Что это она тут делает? — шепнула белокурая подруга Эйми.

— Не знаю.

— Я тебе тогда не сказала, — начала Дебора, — но когда она прибежала к финишу...

— Знать не желаю, — отрезала Эйми. И, подойдя к дверям, достала ключ, делая вид, что просто не замечает Шакиры. Болтаться у входа в чужой сектор считалось дурным тоном.

— Привет, Эйми, — сказала Шакира.

— Хочешь еще неприятностей? Мало тебе одной? — огрызнулась та в ответ. — Ты здесь не живешь. И вали отсюда!

— Но мы тогда так и не поговорили. А другой возможности встретиться с тобой просто нет. Я ведь знаю, что из школы ты идешь прямо домой.

Эйми стиснула зубы.

— Господи! Да теперь даже пописать спокойно не дадут!

Шакира сказала:

— Мне обязательно надо поговорить с тобой, — она понизила голос — из дверей вышли три женщины. — Сегодня вечером, после ужина. Наедине.

Эйми судорожно сжала в пальцах ключ.

— А с какой это стати я должна говорить с тобой?

Шакира пожала плечами.

— Буду ждать на уровне Хэмпстед «Джи», в конце линии экспресса на Лонг-Айленд. Сойдешь там, потом по дорожкам выйдешь на улицу «Джи-20». Я буду стоять перед входом в магазин. Называется «Тедз Антикс». Найдешь?

Эйми почувствовала себя оскорбленной до глубины души.

— Уж мне ли не знать город!.. И все равно не понимаю, зачем это нам встречаться.

— Ну, как хочешь. Буду там в семь и жду тебя до девяти. Не придешь, твое дело. Я не собираюсь больше уламывать тебя. Но то, что я собираюсь сказать, будет тебе интересно, — и не успела Эйми ответить, как Шакира развернулась и двинулась к эскалатору.

Дебора оттащила Эйми от дверей.

— погоди! Так ты идешь? — спросила она.

— Да. Надо все же выяснить, чего она хочет.

— Но ведь родители не разрешают тебе выходить из дома. А что, если кто из знакомых увидит тебя и...

— Я иду, и точка! Должна!.. — обязательно надо выяснить, с чего это прицепилась к ней Шакира.

— На самый край города? — в ужасе пролепетала Дебора.

— Ну, знаешь, когда на улице полно людей, ничего она мне не сделает!.. И потом... Вот что, Деб, ты должна помочь мне. Я скажу родителям, что буду у тебя. Не думаю, чтоб они стали звонить и проверять. Но если позвонят, скажешь, что я только что пошла домой.

— Это только если отец не подойдет первым.

— Мне надо использовать этот шанс, — пробормотала Эйми.

Дебора затаила дыхание.

— Ты о чем? Думаешь, она снова собирается бросить тебе вызов? Что тогда будешь делать, а?

— Вот приду туда и узнаю. А там видно будет! — Эйми уже приняла решение. Если Шакира хочет пригласить ее побегать снова, она, Эйми, отказаться никак не может. И еще наверняка там будут знакомые мальчишки, приглашенные в качестве свидетелей. Да, риск велик, но другого шанса восстановить репутацию, пожалуй, уже не представится...

* * *

В семь тридцать Эйми уже была на «Джи-20». Шакира, как и обещала, поджидала ее у входа в антикварный магазин, над которым висела старомодная плоская

вывеска из букв. Вообще в этом захудалом районе было не так уж много магазинов. Высокие металлические стены жилых уровней выглядели особенно уныло. А на улице было не более нескольких сот человек. Эйми стало как-то неуютно. Районы, подобные этому, считались худшими в городе. Здесь, так близко к Поверхности, проживали лишь самые бедные люди.

Шакира смотрела в витрину, где были выставлены старинные и страшно красивые пластиковые столовые приборы и чашки. Что касается внутреннего убранства, то тут хозяин отдал должное современности — обслуживали покупателей роботы.

— А ты быстро добралась, — заметила Шакира.

— Лучше б вообще не приходила, — огрызнулась в ответ Эйми. — Мне запретили выходить из сектора. Но родители думают, что я сейчас у подруги. — Кстати, они даже не стали задавать ей много вопросов и, похоже, вздохнули с облегчением, когда Эйми сказала, что идет к Деборе. — Обещала им вернуться в десять тридцать, не позже. Так что давай выкладывай, что ты там собиралась сказать!

— Тогда я вовсе не хотела с тобой соревноваться. Но ты настояла, а у меня, знаешь, тоже есть своя гордость, — Шакира засунула длинные пальцы за пояс брюк. — Ну а потом, когда началась гонка, привычка взяла свое... А может, просто захотелось проверить, живы ли старые рефлексy.

— Зато уж вволю нахвасталась потом.

— Да ничего я не хвасталась, — ответила Шакира. — Просто встретила тех ребяташек и сказала, чтоб шли по домам. Сказала, что обошла тебя с большим трудом. И что ты — одна из лучших бегуний, которых я когда-либо знала.

Эйми скривила губы.

— Очень мило с твоей стороны. Однако ты все равно победила!

— Я же не слепая, видела, как все произошло. И почему ты не спрыгнула тогда на ту дорожку? Другие бегуны на твоём месте рискнули бы. Они прыгнули бы и сбили с ног несколько человек. И без травм не обо-

шлось бы. Я рада, что ты оказалась не настолько анти-социальной.

— Ну, а чего тебе вообще от меня надо? — спросила Эйми. Рядом остановились какие-то женщины поглазеть на выставленные в витрине вещи, но она не обратила на них особого внимания. Даже в этом убогом районе подслушивать принято не было.

— Просто слышала как-то раз об одной девчонке по имени Эйми Барон-Штейн, которая считается лучшей бегуньей в городе. Вообще, у меня много знакомых среди бегунов, хотя соученики по колледжу и не одобряют таких знакомств. И мне почему-то показалось, что мы с тобой похожи. Ну, в том смысле, что не слишком любим установленные в городе порядки. Не хотим быть простыми винтиками в этой машине.

Эйми отступила на шаг.

— Ну и что с того?

— Ну я и подумала... может, ты согласишься принять вызов.

— Но ведь ты только что сама говорила, что вовсе не собиралась со мной бегать!

— Да я не об этом, — ответила Шакира. — Я имею в виду настоящий вызов, куда более серьезный и интересный, чем бегать по каким-то дорожкам... Если, конечно, у тебя хватит мужества принять его. — Эйми отступила еще на шаг. «Так и знала, — подумала она, — эта женщина хочет использовать меня в каких-то темных делишках». — Видишь ли, я являюсь членом группы Элии Бейли. В нее входят люди, которые раз в неделю бывают на Поверхности. Его сын Бентли — мой знакомый.

Эйми взидала на-нее, изумленно разинув рот.

— Но зачем?

— Пока что нас совсем мало. От города поддержки никакой. В основном из-за Элии, то есть мистера Бейли. Я подозреваю, власти считают нас глупыми и эксцентричными людьми, как, впрочем, и все остальные тоже. И просто не верят, что мы можем основать новый мир.

— Но как?! — воскликнула Эйми. — Ведь инопланетяне все равно не выпустят никого с Земли!..

— Выпустили же они Элию.

— Ну, так то совсем другое дело. А потом тут же быстренько отправили его обратно. Готова поспорить, они даже не поблагодарили его за то, что он помог им раскрыть убийство. А уж целую группу землян они ни за что не выпустят.

— Нет, таких, как эти, нет, конечно, — Шакира привалилась спиной к витрине. — Но Элия Бейли убежден, что рано или поздно они позволят части землян переселиться на необитаемые пока планеты. Может, даже раньше, чем мы думаем. Но основать новый мир мы никак не сможем, пока не привыкнем жить на Поверхности. Вне города.

Эйми покачала головой.

— Никто не сможет жить на Поверхности.

— Но ведь земляне жили когда-то! Те самые земляне, которые открыли другие миры. Они жили там, пусть даже очень давно! И инопланетяне живут, и мы тоже сможем. А начнем с малого — два-три часа в неделю. Просто надо привыкнуть, приспособиться. И это не просто. Но первыми переселенцами будут именно те люди, которые докажут, что могут жить и вне города.

— Так ты хочешь, чтоб я вошла в эту группу? — спросила Эйми.

— Просто подумала, что тебя это заинтересует. Можно набрать еще людей, причем молодые адаптируются быстрее. Ты только подумай! Ведь если придется покинуть Землю, каждый первопроходец будет просто на вес золота! Каждый человек будет полезен и значим. Нам нужны люди, способные бросить вызов. Авантюристы, игроки по натуре. Настоящие сильные личности, которые хотят оставить свой след в истории. Пусть даже здесь такое поведение считается антисоциальным. И ты можешь стать одной из них, Эйми.

— А если нас никогда не выпустят?

Шакира улыбнулась.

— Попытка того стоит. В любом случае ты ничего не теряешь, — она умолкла, потом добавила: — Ты во-

обще представляешь, насколько опасна жизнь в этом городе? Сколько еще урана осталось у нас для работы энергоустановок? Подумай о тех колоссальных затратах энергии, которая идет на добычу воды и уничтожение отходов. Только представь, что случится, если вдруг на час или два прекратят подачу воздуха!.. Ведь люди будут умирать сотнями тысяч! Нет, нам пора покидать эти города! Они не могут нормально расти и развиваться без земель, которые нужны для сельского хозяйства, без лесов, которые дают нам бумагу. Еды будет все меньше, пространства — тоже, все будет сжиматься, сокращаться, пока не...

Эйми резко отвернулась. Мать говорила ей то же самое.

— Здесь у нас просто нет будущего, Эйми, — сказала Шакира и придвинулась поближе. — Будущее в одном. Пора переселяться на другие планеты.

Эйми вздохнула.

— Но что может сделать жалкая горстка людей?..

— Это только начало. И если все пройдет успешно, за нами последуют другие. Вот ты гонялась по дорожкам и считала это очень важным занятием, — женщина усмехнулась. — Считай, что я бросила тебе новый вызов. Так ты пойдешь со мной туда, на Поверхность, или нет?

— С твоими людьми?

— Со мной. Причем прямо сейчас. Вряд ли бегунья, привыкшая рисковать жизнью, побоится глотнуть свежего воздуха.

— Но...

— Идем.

И она, не в силах противостоять, двинулась следом за Шакирой по улице. Вот женщина остановилась перед отверстием в высокой стене. Эйми заглянула в него и увидела длинный, тускло освещенный тоннель, упирившийся на другом конце в стену.

— Что это? — спросила она.

— Выход. Некоторые из них сейчас охраняются, а этот — нет. Нет никакого смысла ставить тут охрану. Люди все равно не знают, для чего он предназначен.

Или делают вид, что не знают. Просто не хотят об этом думать. Даже те, кто живет в этом жутком районе. Так ты идешь со мной?

— А вдруг кто-то увяжется следом? — Эйми нервно обернулась и оглядела улицу. Та казалась еще пустынной, чем раньше. — Это же опасно...

— Никто не увяжется, точно тебе говорю. Они предпочитают не верить, что такие места существуют. Ну, идешь?

Эйми судорожно сглотнула слюну и кивнула. Подумаешь, коридор какой-то, ничего особенного.

Они вошли. Эйми старалась держаться поближе к Шакире. Уличный шум за спиной становился все тише.

Шакира обернулась.

— Там, в самом конце, выход, — голос эхом отдавался в темноте. Вскоре они приблизились к концу туннеля, и в животе у Эйми похолодело.

— Готова? — спросила Шакира.

— Вроде бы да...

— Держись за меня, там будет темно. А то еще упадешь.

Шакира надавила ладонью на стену. В ней начало появляться отверстие. Эйми почувствовала, как в лицо ударила волна холодного свежего воздуха. Они сделали еще шаг и оказались на Поверхности. Дверь тут же затворилась. Эйми зажмурилась. Она боялась открыть глаза, она уже тосковала по теплой духоте города.

Порыв ветра хлестнул с такой силой, что она едва устояла на ногах. Да, это не тот ветерок, что обдувал лицо во время беготни даже по самым скоростным дорожкам... И вот она открыла глаза и посмотрела... Над головой черное небо, сплошь усыпанное звездами. А вот этот яркий кружок, очевидно, Луна. Вообще очень похоже на Планетарий, если бы не ветер и не этот пронизывающий буквально до костей холод. Но Планетарий не давал представления о том, насколько огромно небо, не показывали там и плывущих по темному фону серебристых облаков. Она перевела взгляд вниз: голубовато-белая равнина, совершенно пустынная. Если не считать видневшихся в отдалении фермер-

ских строений. Перед ней расстилались необъятные просторы. В ушах звенело от тишины, прерываемой лишь завыванием ветра.

Свежий воздух... И это странное белое вещество, покрывающее землю... Да ведь это, должно быть, снег! Снова порыв ветра — он взметнул в воздух белую пелену снежинок и тут же утих. Вокруг неоглядные просторы, неотфильтрованный воздух, под ногами грязь... и все это освещает лунный свет. И стен, создающих ощущение безопасности, нигде не видно. Сердце у Эйми колотилось, как бешеное, голова кружилась. Она еще крепче впиалась в плечо Шакиры, а потом ослабила хватку — белая равнина поплыла перед глазами. И Эйми вдруг почувствовала, что проваливается в это бесконечное безмолвие, в эту темноту, черную, как небо...

Сильные руки подхватили ее и поставили на ноги. Спинай она ощущала тепло. Тишина исчезла. Она всей грудью вдохнула воздух и только тут поняла, что они уже снова в туннеле.

Во рту пересохло.

— Ты в порядке? — Шакира пощупала ей лоб. Эйми привалилась к ней всем телом. — Я тут же втащила тебя обратно. Прости... совсем забыла, что сегодня полнолуние. Ты перенесла бы вылазку легче, если б там было совсем темно.

Эйми вся дрожала и боялась отойти от Шакиры хотя бы на шаг.

— Не знаю, — пробормотала она. — Никогда не думала... — и тут девочка даже вздрогнула от облегчения, почувствовав на лице теплый воздух, услышав слабый, но ровный и неумолимый шум города. Попыталась выдавить улыбку. — Наверное, я не слишком хорошо... справилась с этим.

— Ты решилась, а уже одно это очень много значит! Когда я первый раз оказалась на Поверхности, вырубилась в ту же секунду, едва успев глотнуть воздуха. Второй — продержалась несколько секунд, а потом бросилась обратно в тоннель и поклялась никогда больше не выходить. Ты справилась куда лучше меня. Я считала. Мы простояли там целых две минуты!..

Они медленно шли к улице. Шакира поддерживала Эйми за плечи.

— Ну, теперь попробуй. Можешь идти сама? — спросила она, как только они вышли из туннеля.

— Кажется, да. — Шакира отпустила ее. Эйми смотрела на улицу, которая совсем недавно казалась такой пустынной, и радовалась, что видит людей. — Только я ни за что не смогу повторить этого, Шакира. Я... просто не в силах видеть всего этого. Это пространство...

— А мне кажется, что очень даже сможешь, — Шакира скрестила руки на груди. — Сможешь, если не сдашься сейчас. Через два дня снова выйдем на Поверхность. Оденься потеплей... постарайся раздобыть перчатки и шапку.

Эйми покачала головой. Ей казалось странным, что может понадобиться теплая одежда, ведь температура в городе всегда поддерживалась на одном уровне.

— Сейчас зима, так что очень-то там не разгуляешься. Я страшно хочу, чтоб ты пошла с нами. Постояю рядом с тобой у входа, и тебе вовсе не обязательно долго находиться там. Уйдешь в ту же секунду, как только поймешь, что больше не можешь. Поверь, надо попытаться еще раз и еще. Привыкнешь, и станет гораздо легче. Ты даже начнешь мечтать об этих вылазках.

— Ну, не знаю, — протянула Эйми.

— Почему бы не попробовать?

Эйми глубоко вздохнула, принялась к знакомому запаху города. Едкий запах пота, аромат чьих-то духов, едкая вонь, источник которой никак не удавалось определить... Никогда прежде не замечала она этих запахов.

— Попытаюсь, — она озабоченно нахмурилась. — Знаешь, родители просто убьют меня, если узнают. Тут надо придумать какую-нибудь...

— Ты должна сказать им, Эйми, — перебила ее Шакира.

— Но они ни за что не позволят!

— Ничего. Найдешь способ переубедить их. Они должны знать. По двум очень веским причинам. Первое: у Элии будут неприятности, если кто узнает, что

дети выходят на Поверхность без разрешения родителей. Второе: они вполне могут захотеть присоединиться к нам. Я даже могу сама зайти за тобой. И тогда тебе придется объяснять, зачем я пришла. Да, так и сделаем. Я зайду, а ты дашь ответ.

— Но это не все... — пробормотала Эйми. — Этот мистер Бейли, он же детектив. И если узнает, что меня однажды уже задержала полиция, может и не захотеть принять меня в группу.

Шакира рассмеялась.

— Об этом не беспокойся. Ладно, так и быть, скажу по секрету. В свое время Элия Бейли тоже был замечательным бегуном. О его прошлом я знаю от дяди, он мне рассказывал. И Элия не будет иметь ничего против. При условии, конечно, что ты не станешь трепаться на каждом углу. Смотри, никому ни слова! — Шакира подхватила ее под руку, и они вскочили на дорожку. — А теперь тебе пора домой.

Эйми покосилась на нее.

— Может, попробуем погоняться еще разок, а?

— Нет уж, уволь. У тебя и без того полно неприятностей. К тому же теперь тебе есть что терять. Так что никаких гонок. Можешь попрыгать и поплясать, конечно, но только на медленных дорожках. И там, где мало людей.

И вот снова со всех сторон Эйми обступили знакомые стены Кингз-Бридж. Она уже почти забыла о холоде, ветре, тишине и ужасающей пустоте, что царили на Поверхности.

И в то же время твердо знала одно: она обязательно туда вернется.

Все эти стальные убежища — они вовсе не такие надежные, каковыми кажутся. Ей обязательно надо еще раз заглянуть в пустоту в лицо, доказать, что она ничуть ее не боится. Интересно, каким покажется город после этой, уже второй, вылазки?..

У дверей, прежде чем вставить ключ в замок, она немного помедлила. Родители наверняка уже спят, а

рассказывать им об этом утром, за завтраком на общественной кухне, нельзя. Ладно, она поговорит с ними завтра вечером. Но только рассчитывать на многое не стоит...

Дверь отворилась, она вошла. Родители не спали. Сидели, обнявшись, на диванчике. При виде Эйми вскочили и начали поправлять одежду.

— Эйми!.. — отец смотрел немного смущенно. — Ты сегодня рано.

— А я боялась, что, наоборот, опоздала.

Он взглянул на настенный таймер.

— О... действительно. Я и не заметил, как пролетело время. Ладно, на сей раз прощаем.

Эйми не сводила с них глаз. Похоже, родители пребывали в хорошем настроении. Карие глаза матери сияли, на широком лице отца не читалось обычно свойственной ему угрюмой озабоченности. Может, лучшего случая поговорить с ними и не представится?.. К тому же ей вовсе не хотелось, чтоб, встретившись утром за завтраком с миссис Листер, мать узнала, что вчера дочь к Деборе вовсе не ходила.

— Гм, — Эйми откашлялась. — Нам надо поговорить.

Отец снова взглянул на таймер.

— Это что, так важно?

— Да, очень важно, — она подошла к креслу и уселась напротив. — И срочно. Только, пожалуйста, не перебивайте, пока я не закончу. А потом можете говорить все, что угодно, — она перевела дух. — У Деб я не была. Знаю, вы запретили, но я выходила в город...

Отец вздрогнул и весь напрягся. Мать взяла его за руку.

— Нет, я не бегала по дорожкам, клянусь! — торопливо добавила Эйми. Потом опустила глаза — просто боялась смотреть на них — и рассказала родителям все. О первой встрече с Шакирой, об их соревновании, которое закончилось такими неприятностями, о встрече на улице в Хэмпстеде. И о том, что поведала Шакира о группе Бейли и вызове, который бросила ей. И, нако-

нец, о том, как они сегодня вместе выходили на Поверхность из города. Рассказывала Эйми не очень хорошо, все время прерывалась вставить какую-нибудь деталь, однако, когда закончила, ей показалось, что самое главное все же прозвучало.

Родители не перебили ее ни разу. Все это время сидели молча. Эйми робко подняла голову и взглянула на них. Лицо у матери было совершенно растерянное, отец так просто окаменел.

— Так ты выходила на Поверхность? — пролепетала Алисия.

— Да.

— И тебе не было страшно?

— Было, и даже очень. Как никогда в жизни. Но я... я была должна.

Отец так и обмяк на диване.

— Так ты нарочно послушалась! — в голосе его звучало скорее отчаяние, а не злоба. — Ты солгала и сказала, что будешь у Деборы Листер. Ты выходила из сектора, чтоб встретиться с какой-то подозрительной молодой особой, которая, черт бы ее побрал, сама занимается бегом по дорожкам и...

— Да нет, — возразила Эйми. — Уже давным-давно не занимается. И со мной тогда не стала бы бегать, если б я не подначила. Я же говорила, я сама виновата.

— Хорошо, хоть еще признаешь свою вину, — проворчал отец. — Ладно, я дал тебе высказаться, теперь изволь слушать меня и не перебивай. Теперь этой дамочке понадобилось вытаскивать тебя на Поверхность вместе с какой-то там группой. Так вот... я тебе запрещаю, слышишь?.. Чтоб больше не смела общаться с ней, и, если она сюда заявится, сам ей скажу прямо в лицо!.. Мне следовало бы быть построже с тобой, Эйми. Поскольку ты в очередной раз нас обманула, отныне я запрещаю тебе выходить из квартиры и...

— Рик, — тихо, но твердо сказала Алисия. — Позволь мне сказать. Если для Эйми так важно быть с этими людьми, пусть. Значит, так тому и быть. — Рикардо резко обернулся к жене, лицо его побледнело. —

Да, я все понимаю, она нас ослушалась, но могу также понять и ее мотивы. И потом, как мне кажется, она будет защищена от неприятностей. Ведь в эту группу входит городской детектив. И все это выглядит вполне невинно и...

— Невинно? — воскликнул муж. — Выходить на Поверхность, устраивать там...

— Пусть идет, Рик, — Алисия крепко сжала его руку. — Эта молодая женщина говорила ей правду. Ты сам знаешь, что это правда. Прекрасно знаком со всеми статистическими выкладками, которые разрабатываются у вас в Департаменте. Нравится тебе или нет, но все обстоит именно так. И если существует хотя бы малейший шанс, что эти люди во главе с Элией Бейли смогут покинуть Землю, пусть наша Эйми тоже идет с ними.

Эйми так и затаила дыхание. Она была потрясена тем, что мать стала на ее сторону, что впервые за все время она осмелилась при ней возразить отцу.

— Так ты это тоже принимаешь? — спросил Рикардо. — Ну, хорошо, допустим, инопланетяне позволят этим людям покинуть Землю, в чем лично я сильно сомневаюсь. Ну, допустим, позволят. И ты готова смириться с тем, что никогда больше не увидишь дочери, так, что ли?..

— Никогда не смирюсь. И ты это тоже прекрасно знаешь. Но как я смею удерживать ее, если у нее появился пусть маленький, но шанс?.. Я представляю, какой будет ее жизнь здесь, представляю гораздо лучше, чем ты. И уж скорее соглашусь потерять родную дочь, если буду знать, что она где-то там, пусть далеко, занимается важным и значительным для себя делом. Все лучше, чем жить, притворяясь, будто не вижу ее разочарований и отчаяния.

Рикардо глубоко вздохнул.

— Просто ушам своим не верю. Как это можешь ты говорить такое?

— Ах, Рик, — она отпустила его руку. — Однако много лет тому назад ты бы не удивился, если б услы-

шал от меня нечто подобное. — Алисия улыбнулась. — В каких же заурядных людишек превратились мы! — какое-то время она молча смотрела на мужа. — Может, и я пойду с Эйми на встречу с этой группой. Хочу посмотреть, что это за люди, хотя бы для этого, в конце концов. А может... может, даже и сделаю шаг туда. На Поверхность.

Муж, совершенно потрясенный услышанным, нахмурился.

— Прелестная ситуация, — заметил он. — Оказывается, у меня не только дочь непослушная. Жена тоже против меня. Если коллеги по Департаменту узнают, что обе вы связались с группой Бейли, будьте уверены, мне не поздоровится.

— Вот как? — Алисия насмешливо приподняла брови. — Но ведь они всегда знали, что оба мы, мягко говоря, несколько странные. Эксцентричные, что ли, однако прежде тебя это почему-то не волновало. Возможно, и тебе следует пойти с нами и посмотреть, что это за группу организовал Бейли. Уж лучше пусть твои драгоценные коллеги думают, что мы придерживаемся одних взглядов и действуем заодно, какими бы странными ни казались им эти действия... Чем давать им основания считать, будто бы между нами разлад и непонимание, — она насмешливо скривила губы. — Сам знаешь, как здесь говорят: счастливые семьи — это залог процветания города.

Рикардо взглянул на Эйми.

— Так ты снова пойдешь туда? Я имею в виду — на Поверхность? Ты снова собираешься сделать это?

— Да, собираюсь, — ответила Эйми. — Знаю, что будет трудно. Но попытаюсь.

— Уже очень поздно, — сказал отец. — Давайте-ка отложим этот разговор, — он поднялся и взял дочь за руку. — Поговорим обо всем завтра, мне нужно время подумать. Спокойной ночи, Эйми.

— Спокойной ночи.

Проходя к себе в комнату, Эйми слышала, как мать что-то шепчет отцу. Он уже, похоже, остыл, и Алисии

удастся переубедить его, теперь Эйми была в этом просто уверена. Она раздевалась с чувством исполненного долга и твердила себе, что это сражение осталось за ней.

Город спал. Дорожки и экспрессы продолжали двигаться, унося в разных направлениях немногочисленных пассажиров, тех, кто бодрствовал в этот поздний час — влюбленные парочки, заступивших на дежурство полицейских, сотрудников больницы, которые возвращались домой после ночной смены. А также разные неприкаянные души, что вышли побродить по ночным катакомбам Нью-Йорка.

Эйми стояла на дорожке. Людей вокруг было совсем немного. Вот мимо промчались, перескакивая с дорожки на дорожку, четверо мальчишек. На секунду ею овладело безудержное желание присоединиться к ним. Эйми и раньше выходила иногда на улицу по ночам — просто попрактиковаться, отработать тот или иной прием, когда дорожки почти пусты. А потом возвращалась домой, пока родители еще спят. На медленной дорожке появлялось все больше людей — город просыпался. Родители тоже наверняка проснутся к ее возвращению. Но сегодня Эйми была уверена: они поймут, почему она вышла в город ночью.

Родители ходили вместе с ней на встречу с Элией Бейли и его группой. Детектив оказался высоким темноволосым мужчиной с длинным мрачным лицом. Но оно оживилось и просветлело, когда Шакира представила ему своих новых знакомых. В тот день отец и мать Эйми выходить на Поверхность не стали. Возможно, выйдут вместе с остальными в следующий раз. Она понимала, какое им надо сделать над собой усилие, и от души надеялась, что им хватит мужества на первый шаг. Они придут вместе с ней на следующую встречу с группой — во всяком случае, обещали. И когда сама она научится смотреть на эти бескрайние просторы без страха, так же храбро шагать по земле, как Шакира, что ж, может, тогда именно она выведет их первый раз на Поверхность.

Эйми высоко подпрыгнула, сделала разворот под названием «дервиш», пробежала по дорожке. Под ногами шелестело и гудело серое полотно, она снова слышала его музыку. Метнулась вперед, резко взмахнула руками, перескочила на соседнюю дорожку. И танцевала, перескакивая по серым лентам, пока не приблизилась к линии экспресса. И вспрыгнула на платформу.

Она стояла, схватившись за поручень, и вспоминала, как впервые увидела на Поверхности проблески рассвета. Снег отливал слепящей белизной, а наверху, в чистом и прозрачном синем небе, ярко пламенел шар солнца. Внезапно Эйми отчетливо осознала, что стоит на шаре из грязной земли, окутанном лишь тончайшей оболочкой воздуха, что сама планета — всего лишь пылинка, затерянная в бесконечном пространстве. И тут вдруг ее охватил ужас, и она метнулась обратно в тоннель, где валялась на полу и ее тошнило от отчаяния и страха. Но рядом всегда были сильные руки Шакиры, готовой помочь и утешить, и ровный голос Элии Бейли, который рассказывал о своих собственных прежних страхах. В тот день Эйми не выходила больше на Поверхность. Просто немного постояла у открытой двери, вдыхая холодный и свежий зимний воздух.

Она соскочила с платформы, снова затанцевала по дорожкам, точно демонстрируя, в какой отличной находится форме. И при этом воображала, что участвует в последней своей гонке. Она уже приблизилась к Хэмпстед-стрит, где ее ждала Шакира.

Улица была почти пуста, витрины магазинов темные. Эйми соскочила с дорожки и подошла ко входу в тоннель. А потом нырнула в него и побежала вперед — быстро, что было сил, пока не начала задыхаться. Добежав до конца, колебалась всего лишь секунду. А потом надавила ладонью на стену.

Появилось отверстие. Приглушенного гуденья дорожек за спиной уже не было слышно. Утренний ветер ударил в лицо. Она была на Поверхности. Одна... Небо вздымалось над головой темным куполом. Она взглянула на восток и увидела проблески первых лучей зари. Звезды бледнели.

Роберт Сильверберг

РЕШЕНИЕ АСЕНИОНА

Флетчер мрачно взирал на небольшие кучки серого металлического порошка, хранившиеся в шкафу за толстыми стеклами.

— Плутоний-186... — пробормотал он. — Бред какой-то. Полный бред!..

— Весьма к тому же опасный, Лью, — заметил Джесси Хэммонд, стоявший за его спиной. — Можно даже сказать — просто катастрофический!

Флетчер кивнул. Само это словосочетание, «плутоний-186» звучало, на его взгляд, совершенно абсурдно. Такого вещества просто не может существовать в природе. Плутоний-186 — невозможный, невероятный изотоп. Ему недоставало добрых пятидесяти нейтронов. Точнее — «недобрых» пятидесяти нейтронов, судя по риску, который создавало для жизни людей это вещество, распространяющееся и накапливающееся по всему миру. И тот факт, что с чисто теоретической точки зрения существование этого вещества невозможно, вовсе не отменял другой, куда более прискорбный факт. А именно: то, что он смотрит сейчас на добрые три килограмма этого плутония-186. А также то, что во всем мире количество плутония-186 продолжало неуклонно увеличиваться. А вместе с ним — и риск неконтролируемой ядерной реакции, могущий привести к атомному холокосту.

— Ты только взгляни на эти утренние отчеты, — Флетчер помахал перед носом Хэммонда пачкой распечаток, поступивших с компьютера. — Еще тринадцать граммов объявились в лаборатории ядерных исследований при университете в Аккре. Пятьдесят граммов в Женеве, двадцать миллиграммов в этой... как ее... впрочем, ладно, это мелочи. Но в Чикаго, Джесси, в Чикаго целых триста граммов сразу!..

— Рождественские подарки от дьявола, — пробормотал Хэммонд.

— Не от дьявола, нет! От интеллигентных, тихих и

страшно серьезных ученых, проживающих где-то в другой Вселенной.. Там, где плутоний-186 не только возможен, но и абсолютно безвреден. Интересно, кто это вбил себе в голову, будто бы мы просто жить не можем без этой дряни? И тащат, и везут ее сюда целыми кораблями! Что мы будем делать с ним, Джесси? Что, скажи мне ради бога, нам делать со всем этим, а?

Реймонд Николаус, сидевший за столом в дальнем конце комнаты, поднял голову.

— Завернем в красно-зеленую блестящую бумагу, завяжем ленточкой и отошлем обратно на корабле, — предложил он.

Флетчер мрачно расхохотался.

— Очень смешно, Реймонд, очень, очень смешно...

И он начал нервно расхаживать по комнате. В тишине просторного помещения гулким эхом отдавались его шаги по плиточному полу. Звук напоминал ему тиканье часового механизма. Все громче, громче, громче...

Он, вернее, все они бились над этой проблемой вот уже целый год, и ощущение, что эти усилия напрасны, возрастало. Неким таинственным образом плутоний-186 начал появляться в лабораториях, разбросанных по всему миру, — там, где имелся набор из двух элементов с эквивалентными атомными весами. И вот грамм за граммом, атом за атомом эти парные элементы столь же таинственно начали исчезать — к примеру, равные количества тунгстена-186 или же осмия-186.

Куда девались тунгстен и осмий? Откуда брался этот проклятый плутоний? Более того, как вообще возможно существование изотопа плутония, чьи атомы имели в ядре всего 92 нейтрона?.. Ведь подобное вещество не способно просуществовать и тысячной доли секунды! Плутоний являлся одним из самых тяжелых химических элементов — целых 94 протона в ядре каждого из атомов. Ближайшим стабильным изотопом плутония был плутоний-244, где 94 протона удерживались ста пятьюдесятью нейтронами. И даже при этом плуто-

ний-244 имел неизбежный период радиоактивного полураспада, равный примерно семидесяти шести миллионам лет. Атомы плутония-186, если таковые вообще существуют, должны были бы пройти период полураспада меньше чем за одну целую семьдесят шесть сотых миллионных долей секунды.

Но это вещество продолжало появляться в химических лабораториях вместо тунгстена-186 и осмия-186, и число атомов в нем, как было установлено уже много раз, составляло именно 94. А под номером 94 в таблице значился именно плутоний, это не подлежало никакому сомнению. Определяющей характеристикой плутония было наличие 94 протонов в ядре. Если исходить из одного этого факта, существование такого элемента, как плутоний, теоретически возможно.

И этот необычайно легкий изотоп плутония, этот самый плутоний-186, был наделен еще одной совершенно невероятной характеристикой. Он был не просто стабилен. Он был настолько стабилен, что даже не являлся радиоактивным. Лежал себе за толстым стеклом, выглядел весьма прозаически и не выказывал ни малейшего намерения выдать хотя бы толику энергии. Ну, по крайней мере, о том свидетельствовали результаты первого теста. А вот второй тест показал наличие позитронной эмиссии, а третий подтвердил этот результат. Проблема заключалась в том, что третьи измерения показали более высокий уровень радиоактивности, чем вторые. А при четвертом замере уровень снова возрос. Ну и так далее — чем дальше, тем больше.

Никто никогда прежде не слышал о подобном элементе с таким порядковым номером или атомным весом, который поначалу был бы стабилен, а затем начал бы демонстрировать все возрастающую радиоактивность. Никто также не знал, что может произойти, если пустить этот процесс, что называется, на самотек. Но перспективы, похоже, были самые неутешительные. Наилучшим выходом казался следующий: размельчить это вещество в порошок, а затем смешать его с нерадиоактивным тунгстеном. И действительно, на

какое-то время это сработало, но затем тунгстен тоже начал становиться радиоактивным. После использования с той же целью графита получили лучшие результаты, удалось немного снизить выход радиоактивной энергии. Никаких взрывов не происходило. Однако продолжало накапливаться все больше и больше плутония-186.

Единственным имевшим хоть какой-то смысл объяснением — если здесь вообще можно было отыскать смысл — казалось следующее. Вещество прибывало из некоего пока неизвестного места, возможно, из некой параллельной Вселенной, где действовали совсем иные законы природы и сила сцепления атомов была гораздо выше, чем на Земле. Словом, из того загадочного места, где плутоний-186 мог существовать в форме стабильного изотопа.

Но кто и с какой целью посылает этот самый плутоний-186 на Землю?.. На этот вопрос ответа пока что не существовало. Даже догадок не было. Как не было и ответа на более важный вопрос — как приостановить этот процесс. В результате радиоактивного распада плутоний-186 преобразуется, по всей видимости, в обычный осмий или тунгстен. Но двадцать позитронов, которые выделяло каждое ядро атома плутония, в ходе этого распада аннигилировали равное количество электронов. Конечно, наша Вселенная могла позволить себе потерять двадцать электронов здесь, еще двадцать — там, это несомненно. И даже если б продолжала терять эти самые электроны с постоянной скоростью в течение очень длительного времени, никто бы ничего не почувствовал. Но рано или поздно настанет момент, когда общий позитивный заряд от потери электронов нарушит некое равновесие, достигнет таких масштабов, что это сможет привести к весьма серьезным проблемам в симметрии и сохранении энергии. А что произойдет, если равновесие в нашей Вселенной нарушится? Какие ядерные взаимодействия это может вызвать? Неужели тогда звезды, в том числе и Солнце, взорвутся и начнется образование сверхновой звезды?..

— Это не может продолжаться, — мрачно сказал Флетчер.

Хэммонд скроил кислую мину.

— Вот как? Но мы твердим об этом вот уже полгода, если не больше.

— Пора, наконец, что-то предпринять. Они посылают нам все больше и больше этой дряни. И как, скажи на милость, дать им понять, чтоб это, наконец, прекратилось?

— Они!.. Мы и представления не имеем, кто это такие — «они», — вставил Реймонд Николаус.

— Сейчас это не так уж и важно. Важно другое. То, что вещество продолжает постоянно прибывать. И чем больше его у нас, тем опасность выше. Но как прекратить эти поставки, черт побери?! Мы не знаем... А потому следует найти способ избавляться от плутония по мере его поступления.

— Что это ты надумал, а? — спросил Хэммонд.

Тогда Флетчер, яростно сверкнув глазами — тем самым он как бы давал понять, что никаких возражений не потерпит, — ответил:

— Я собираюсь переговорить с Асенионом.

Хэммонд презрительно фыркнул.

— С Асенионом? Да ты с ума сошел!

— Нет. Это он сумасшедший. Но он единственный, кто может помочь.

Историю Асениона можно было назвать весьма печальной, даже трагичной. И совершенно загадочной. То был один из самых выдающихся физиков-атомщиков, ученый, которого можно было бы поставить рядом с Рутерфордом, Бором, Гейзенбергом, Ферми, Мейтнером. В двенадцать лет — выпускник Гарварда, через пять лет защитил докторскую диссертацию в Эм-Ай-Ти¹, после чего опубликовал целое море совершенно блестящих работ, исследовавших тайны сцепления ато-

¹ От Massachusetts Institute of Technology — Массачусетский технологический институт.

мов. В последние десятилетия XXI века ему, казалось, удалось раз и навсегда разгадать все загадки Вселенной, ставившие человечество в тупик на протяжении столетий. А затем вдруг в возрасте двадцати восьми лет он без каких-либо внятных объяснений и предупреждений резко отошел от дел.

— Я потерял интерес, — заявил он. — Физика меня больше не занимает. Почему это я должен тратить единственную жизнь на выяснение строения вещества? Как все это скучно и утомительно!.. Ведь когда человек, к примеру, любит Парфеноном, он же не задает себе вопроса, из чего сделаны колонны или какие подъемные устройства понадобились, чтоб установить их там, где они стоят. Главное — что Парфенон существует, что он поразительно прекрасен. Красота — вот что сейчас меня интересует. И со Вселенной то же самое. Я вижу Вселенную, вижу ее красоту и совершенство! Так какое мне дело до устройства лесов и подъемных механизмов? И не только мне. Кому вообще какое дело?..

И он отказался от профессорской должности, ушел из университета, сжег все бумаги и поселился в квартире на двадцать третьем этаже высотного здания в западном Манхэттене, где устроил совершенно изумительный зимний сад-лабораторию. Он собирался проводить там эксперименты по интенсивному цветоводству и огородничеству.

— Ананасовидные, — говорил Асенион. — Теперь я занят разведением гибридов этих удивительных растений... Ананасовидные — вот отныне смысл моего существования.

Ромельмейер, бывший учитель Асениона из Гарварда, приписывал эти квартирные чудачества переутомлению и считал, что месяцев через шесть-восемь все наладится и его ученик снова вернется к работе. Джэнтзен, на долю которого выпало величайшее счастье первым прочесть совершенно потрясающую диссертацию юного ученого в Эм-Ай-Ти, тоже излучал сочувствие и пытался убедить всех, что Асенион, должно быть, зашел в ходе работы в тупик, что едва не свело

его с ума и вызвало столь драматичное решение. «Возможно, он вдруг обнаружил, что смотрит прямо в бездну противоречий. И это тогда, когда ему казалось, что ответ уже найден, — говорил Джэнтзен. — А с чего бы еще ему вдруг сбегать? Но уверяю, в бегах он будет недолго. Это не в его натуре».

Биркхард их Калифорнийского технологического, прежде работавший в той же области, которая затем целиком перешла в ведение Асениона, соглашался с выводами Джэнтзена. «Должно быть, наткнулся вдруг на что-то волосатое и страшное, бедолага. Но настанет день, и он проснется. И в голове у него уже будет готовое решение проблемы. И прощай, всякое там садоводство! К полудню он уже соорудит статейку, которая перевернет с ног на голову все наши представления о ядерной физике. Этим дело и кончится!»

Но Джесси Хэммонд, физик, на протяжении двух последних лет игравший с Асенионом в теннис, смотрел на ситуацию более скептически.

— Он сошел с ума! — говорил Хэммонд. — Крыша окончательно съехала. И в себя он уже никогда не придет!

— Думаешь? — спросил Лью Флетчер, который тоже некогда был довольно близким другом Асениона, хоть и не играл с ним в теннис.

Хэммонд улыбнулся.

— Даже не сомневайся. Примерно года два назад начал замечать. Взгляд у него иногда становился такой странный и нехороший. И в теннис играл все хуже и хуже. Его подача, а он даже не смотрит, куда подает. А когда проигрывал, сразу чувствовалось, что ему плевать. И знаешь что еще? Да за весь последний год он ни разу не сделал ни одного крученого паса. А это очень о многом говорит. Ведь прежде он только и знал, что подкручивать мячи. А теперь ему все равно, играет спустя рукава. Полное безразличие. Я еще тогда сказал себе: «У этого парня крыша поехала, никак не иначе».

— Или же он работает над проблемой, которая занимает его куда больше тенниса.

— Да без разницы, — сказал Хэммонд. — Нет, Лью,

точно тебе говорю: он окончательно свихнулся! И уже никогда не придет в себя.

Разговор этот состоялся примерно год назад. За все последующее время не произошло ничего, что могло бы изменить мнение друзей. Загадочное появление на Земле плутония-186 не вызвало никаких комментариев у Асениона, продолжавшего обитать у себя в пентхаусе на Манхэттене. Не заинтересовал его и теоретический спор между ведущими физиками, бурно обсуждавшими фантастическую возможность существования параллельных миров. Он продолжал торчать взаперти в компании со своими ананасовидными, в квартире, из которой открывался потрясающий вид на улицы Манхэттена.

«Что ж, — подумал Флетчер, — возможно, Асенион действительно свихнулся. Но не потерял же он остатки разума и память. И еще... может, у него все же имеются одна-две идейки касательно...»

— А ты, я гляжу, ни чуточки не постарел, — сказал Асенион.

Флетчер почувствовал, что краснеет.

— Господи, Айк, да мы же не виделись всего каких-нибудь полтора года!

— Разве? — в голосе Асениона звучало безразличие. — А мне показалось, гораздо дольше.

И он выдавил рассеянную улыбку. Похоже, он вовсе не был рад встрече с Флетчером и его вовсе не интересовало, что привело бывшего коллегу в его уединенное «орлиное гнездо».

Асенион всегда был со странностями, что, впрочем, и понятно. Держался надменно, отчужденно. И еще в нем всегда чувствовалось превосходство, что страшно раздражало окружающих. Ну, превосходство, это понятно, он всегда был на голову выше их всех. Однако специально он никогда не подчеркивал этого и, дав понять, что он такое, не обращал внимания на то, какое раздражение вызывает порой эта черта.

Теперь же он казался еще более рассеянным и от-

чужденным, чем прежде. Даже просто совсем чужим... Нет, внешне он ничуть не изменился. Все та же стройная подвижная фигура, красивое, просто поразительно красивое лицо. Вопреки слухам, будто бы он целый год не выходил из своих апартаментов, ни признака бледности. Кожа все такая же гладкая, смугловатая, оливкового оттенка — такая встречается у жителей Средиземноморья. Волосы, густые и темные, небрежно спадают на широкий лоб. Вот только глаза, серые сверкающие глаза изменились. Прежде у Асениона, какой бы сложной проблемой он ни занимался, в глазах всегда сверкала эдакая игривая искорка, эдакий дьявольский, но в целом добродушный огонек. У этого же мужчины, добровольного пленника цветоводства, на лице застыло совсем иное выражение. То было лицо аскета, рассеянное, немного таинственное. Взгляд цепкий, глаза серые, как и прежде, но в них не светилось и искорки тепла. Они сверкали холодно, точно отражали свет какой-то страшно далекой звезды.

Флетчер откашлялся.

— Я пришел, чтобы...

— Об этом после, ладно, Лью? Прежде хочу показать тебе свою оранжерею. Это, доложу тебе, нечто! Ее пока что еще никто не видел.

— Что ж, раз ты...

— Да, да, настаиваю! Идем. Поверь, это нечто удивительное!

И он повел Флетчера через комнаты и коридоры своего необъятного жилища. Огромный пентхаус был обставлен самым небрежным образом — мебель простая, дешевая, чувствовалось, что за порядком тут никто особенно не следит. Повсюду расхаживали кошки. Флетчер насчитал пять, шесть, восемь... Они точили когти об обивку, заскакивали в пустующие гардеробы и чуланы, дверцы которых были распахнуты настежь, смотрели вниз со шкафов, набитых грудями бумаг и какими-то книгами с сорванными обложками. В воздухе едко и остро пахло кошачьей мочой.

Затем Асенион резко свернул за угол, в коридорчик, и взору Флетчера, следующего за ним по пятам, открылся совершенно иной мир. Они подошли к огромной застекленной лоджии, как бы опоясывающей здание. И внутри, в зеленоватом сумраке Флетчер увидел сотни, а возможно, даже тысячи совершенно необычайных растений. Одни свисали с потолка, другие карабкались по деревянным стойкам, третьи были расставлены по этажеркам, а часть росла прямо из клумб на полу.

Асенион быстро набрал код на сигнальном устройстве в виде ограненного алмаза, закрепленном в стене. И стеклянные двери медленно раздвинулись. В лицо ударила волна теплого влажного воздуха.

— Входи! — сказал Асенион. — Быстро!

Казалось, они шагнули в амазонские джунгли. На улице середина зимы, в квартире прохладно и сухо, а тут вдруг их обьял, точно складки влажной и липкой ткани, сырой, теплый и сладко пахнувший воздух тропиков. Флетчер не удивился бы, если б услышал над головой пронзительные крики попугаев.

А растения! Странные, причудливые растения, они цеплялись за любой выступ, заполняли все свободное пространство!

Большинство имело примерно одинаковое строение: розетки из широких глянцевиных и продолговатых листьев, расходящихся в разные стороны из чашеобразного отверстия в центре. Такого глубокого, что в нем уместилось бы несколько унций воды. Но если не считать этой общей характеристики, различались они невероятно. Одни крошечные, другие просто колоссальные. Некоторые по всей длине мясистых сочных листьев испещрены яркими желтыми, красными и пурпурными полосками. Другие пестрые — сплошь состоят из пятен необычайных контрастирующих цветов. А те, у которых листья чисто зеленые, в основании, в том месте, где эти листья сходились вместе, образуя чашечку, были или ядовито-красные, или кремовые, или же имели таинственный и мрачный синеватый оттенок. Часть растений была вооружена «челюстями» — каза-

лось, эти зубчики вот-вот вопьются в непрошеного гостя. Некоторые были усыпаны нарядными шипами, на кончиках которых произрастали странной формы маленькие цветы. Тут были и другие цветы, просто гигантские, в рост человека, если не выше.

Все сверкало. Все сияло и переливалось красками. Все говорило о бешеном, неукротимом росте.

Зрелище было завораживающее и одновременно пугающее. На миг Флетчеру показалось, что он заглянул в пасти бесчисленным голодным монстрам. Но он тут же напомнил себе, что это всего лишь растения, образцы, выращенные в парниковых условиях. Да в обычных городских условиях они наверняка и часа не протянут.

— Это и есть ананасовидные, — сказал Асенион. Он с особым смаком произнес название вида, точно то было одно из прекраснейших слов в любом из земных языков. — В основном здесь собраны тропические растения. Обитают, по большей части, в Южной и Центральной Америке. Живут в симбиозе с деревьями, поднимаются по стволам и веткам. Нет, есть и такие, что держатся поближе к земле. Ну, к примеру, такой известный тебе паразит, как ананас. Но в этой комнате собраны сотни других его разновидностей, даже тысячи! А вот здесь, в условиях повышенной влажности, я выращиваю гузмании, и риесии, и даже эчмии. А теперь идем, я покажу тебе тилландсии. Они любят более сухой климат. И еще у меня есть совершенно замечательные образчики хетчий и дюкий, а вон там, в дальнем углу...

— Айк, — робко вставил Флетчер.

— Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда меня так называют!

— Извини, забыл, — Флетчер солгал. Он прекрасно помнил, как называли родители Асениона. Совершенно неприемлемым именем: Айчабод. Но ни Флетчер и никто другой никогда не называл так Асениона. — Послушай, то, что ты здесь устроил... просто замечательно, великолепно! Потрясающе! И мне не хотелось бы

отнимать у тебя много времени. Надо обсудить одну очень серьезную проблему и...

— Нет, сперва растения, — упрямо возразил Асенион. — Сделай мне такое одолжение. — Глаза его сверкали. В зеленоватых сумерках оранжереи он походил на обитателя джунглей, некое экзотическое существо, довольно грозное. И, не говоря больше ни слова, двинулся по проходу к купе гигантских ананасовидных, растущих у внешней стеклянной стены. Флетчеру волей-неволей пришлось последовать за ним.

Асенион торжественно взмахнул рукой.

— Вот она, видишь? *Aechmea asenioni!* Обнаружена в Бразилии два года тому назад. Я сам спонсировал эту экспедицию. Конечно, я и предположить не мог, что этот вид назовут в мою честь, но сам знаешь, как это бывает...

Флетчер смотрел. Это растение было гигантом среди гигантов. Ширина листа метра два, если не больше. Сами листья темно-зеленые и испещрены бледно-желтым рисунком, напоминавшим некие загадочные иероглифы давно исчезнувшей с лица земли расы. Центральная чашечка была размером с голову человека и такая глубокая, что в ней можно было бы спрятать кролика. Из нее поднимался самый странный из цветков, которые когда-либо доводилось видеть Флетчеру. Очень длинный и толстый желтый стебель оканчивался пучком черных фаллосовидных отростков. К ним крепились зловещие на вид красные шары. Они свободно свисали и напоминали маленькие луны. От цветка исходил запах гниющего мяса.

— Единственный экземпляр во всей Северной Америке! — воскликнул Асенион. — Да, может, их во всем мире всего шесть или семь! И я заставил его цвести, представляешь?.. А стало быть, будут семена, Лью, а может, и дочерние побеги удастся получить. И тогда его можно размножить и скрестить с другими видами! Представляешь, что получится, если, допустим, скрестить его с *Aechmea chantinii*, а, Флетчер?.. Или же попробовать создать внутривидовой гибрид? Скрестить, ну, скажем, с *Neoregelia carcharodon*, а? Нет!.. Ты этого,

конечно, не представляешь!.. Так о чем это я?.. Но получится нечто невероятное, ты уж поверь!

— Не сомневаюсь.

— Знаешь, тебе страшно повезло. Редко кому удавалось видеть это растение в цвету. Но ты должен посмотреть и другие. Пуйи... питкарнии. А там, в соседней комнате, есть целая клумба *Duckia marnierlapostollei*, ты просто не поверишь!..

Он весь так и лущился энтузиазмом. Флетчер приказал себе смириться и терпеть. Этот чудак все равно не успокоится, пока не покажет все.

Экскурсия, как показалось Флетчеру, продолжалась несколько часов. Асенион метался от одного растения к другому, из одной комнаты в другую. Следовало признать, некоторые цветы и растения были действительно необычайно красивы. Другие чересчур, пожалуй, ярки и пышны, а часть их — просто гротескны. Или же, напротив, выглядели слишком банально на его непросвещенный взгляд. Были тут и самые настоящие уродцы. Но больше всего его поразила не сама коллекция, а то, что эти странные растения стали, судя по всему, навязчивой идеей Асениона. Казалось, его не волнует ничто, происходящее во Вселенной, кроме этих экзотических растений. Он полностью отдался созданному им странному миру и жил отныне только им.

Наконец бешеная энергия Асениона, похоже, иссякла. Во время всей этой беготни по душному и жаркому помещению и он, и Флетчер вымотались и вспотели. И вот остановились перевести дух в той части оранжереи, где росли какие-то серые сучковатые растения, у которых вроде бы не было корней. Они крепились к стене с помощью тоненьких, еле заметных проволочек.

Асенион заметил резко:

— Ладно. Я понял. Тебе ничуть не интересно. Выкладывай, зачем пришел, а потом проваливай. У меня дел полно.

— Речь идет о плутонии-186, — осторожно начал Флетчер.

— Не строй из себя идиота. Такого изотопа нет. Просто не может существовать в природе.

— Знаю, — кивнул Флетчер. — И, однако же, он существует.

И он торопливо и даже с какой-то долей отчаяния выложил всю эту фантастическую историю молодому физику, ставшему теперь ботаником. Рассказал о загадочной подмене тунгстена и осмия этим веществом в разных лабораториях, о тестах, которые доказали, что номер в таблице принадлежал плутонию, но атомный вес его был значительно ниже положенного. Не преминул упомянуть и о совершенно абсурдной теории, что будто бы это вещество есть дар параллельных миров, и, наконец, о том факте, что новый элемент, вначале стабильный, затем неизбежно и очень быстро начинает подвергаться радиоактивному распаду.

Асенион слушал. Угрюмое его лицо отражало целую гамму эмоций. Сперва он смотрел скучающе и даже раздраженно, затем — опечаленно, потом — даже с какой-то яростью. Но не проронил и слова на протяжении всего повествования. И вот, наконец, ярость сменилась любопытством, а уже затем он слушал совершенно зачарованно. Так, во всяком случае, показалось Флетчеру. И он понял, что, возможно, слишком поверхностно судил о том, что происходило в голове этого необыкновенного человека, умевшего так стремительно и неординарно мыслить.

Когда, наконец, Флетчер умолк, Асенион спросил его:

— Ну а чего вы больше всего боитесь? Критической массы? Или же кумулятивной потери энергии?..

— Проблему критической массы преодолеть удалось, — ответил Флетчер. — Мы просто размельчили это вещество до порошкообразного состояния. И разместили его в низких концентрациях в пятидесяти разных хранилищах. Но оно продолжает прибывать. Похоже, им нравится посылать нам такие подарки. И при одной мысли о том, что каждый атом распадается на позитроны, которые тут же начинают искать себе электроны для аннигиляции... — Флетчер пожал плеча-

ми. — Знаешь, в малых масштабах это может служить источником энергии, если учесть, что с каждым следующим циклом происходит замена тунгстена на плутоний. Но в больших масштабах, если мы продолжим пересылать электроны из нашей Вселенной в их...

— Да, — кивнул Асенион.

— А потому следует найти способ избавиться от...

— Да, — Асенион взглянул на часы. — Ты где обычно останавливаешься, когда бываешь в городе?

— Как всегда. В клубе при факультете.

— Вот и прекрасно. Мне еще надо сделать несколько скрещиваний. И медлить с этим нельзя, иначе может произойти загрязнение пылицы. Ступай в свой клуб, отдыхай и развлекайся, прими душ. Видит бог, он тебе необходим — от тебя воняет, как от какой-нибудь мартышки из джунглей! Расслабься, выпей и возвращайся к пяти. Тогда и поговорим, — и он покачал головой. — Плутоний-186!.. Это надо же! Просто безумие какое-то! Даже вслух произносить противно. Все равно, что, к примеру, сказать... сказать, ну, допустим, *Billbergia yukonensis* или *Tillandsia bostonae*!.. Знаешь, что это означает? Нет, нет, конечно, не знаешь, откуда тебе знать!.. — Он замахал руками. — И чтоб был здесь к пяти!..

Время тянулось страшно медленно. Флетчер позвонил жене, позвонил Джесси Хэммонду в лабораторию, потом позвонил одному своему старому приятелю и договорился с ним поужинать. Принял душ, переоделся. Выпил в баре на Пятой авеню, неподалеку от клуба.

Но настроение от этого не улучшилось. И не только потому, что Хэммонд сообщил по телефону, что из разных регионов доложили о появлении еще четырех килограммов плутония-186. Куда больше его угнетало явное безумие Асениона.

Нет, в увлечении растениями ничего плохого, разумеется, не было. В офисе у самого Флетчера рос филодендрон и еще какие-то цветы, названия которых он не помнил. Но целиком посвятить себя одной области бо-

таники... за этим явно просматривалось безумие. Даже и это было бы ничего, продолжал размышлять Флетчер, хотя лично ему трудно понять, как можно посвятить жизнь пучку каких-то жутких цветов. Куда труднее понять и простить другое: то, что Асенион полностью отошел от физики. Такая голова, такая широта и глубина познаний, такая поразительная интуиция — все это помогало Асениону проникать в величайшие тайны Вселенной. Черт побери, думал Флетчер, имея такие данные, человек просто не вправе отказаться от науки! А он отказался, отошел вообще от всего, заперся в этой стеклянной клетке.

Хэммонд прав, решил Флетчер. Этот Асенион действительно сошел с ума.

Но что толку сокрушаться. Асенион — не первый супергений, не выдержавший непомерных нагрузок. И его уход из физики, продолжал мрачно размышлять Флетчер, личное дело самого Асениона. Мир, который он исследовал, свел с ним счеты. И единственное, что нужно ему теперь от Асениона, — это как-то решить проблему с плутонием-186. А потом пусть себе этот бедолага продолжает возиться со своими ананасовидными.

Примерно в четверть пятого Флетчер поймал такси и направился к дому Асениона. До него было недалеко, но выехал он с запасом — час пик уже начался.

Ему повезло. Без десяти пять он уже был на месте. Домашний робот Асениона приветствовал его унылым утробным голосом и попросил подождать.

— Хозяин в оранжерее, — сообщил робот. — Выйдет к вам, как только закончит опыление.

Флетчер ждал. Ждал и ждал...

«Гений, — с горечью размышлял он. — Шило в заднице, вот он кто!.. Шило...»

Тут вдруг появился робот. Было уже половина седьмого. За окном стемнело. Флетчер договорился встретиться и поужинать с другом в семь. Теперь не получится.

— Хозяин готов вас принять, — объявил робот.

Асенион выглядел вымотанным вконец, словно весь день таскал камни. Однако раздражительность, похоже, исчезла. Он приветствовал Флетчера милой улыбкой, пробормотал пару слов, которые могли сойти за извинения, и даже приказал роботу принести гостю шерри. Шерри оказался довольно скверным, но Флетчер счел, что сам факт выпивки в доме этого убежденного трезвенника — явление из ряда вон выходящее. И что тем самым ему оказывается великая честь.

Асенион выждал, пока Флетчер не отопьет несколько глотков. А потом сказал:

— Ответ у меня есть.

— Нисколько не сомневался.

Последовало долгое молчание.

— Тиотималин, — сказал, наконец, Асенион.

— Тиотималин?

— Да, именно. Эндохронное уничтожение. Это единственный способ. И, как ты сейчас убедишься, необходимый.

Флетчер жадно отпил еще глоток. Даже сейчас, пребывая в относительно умиротворенном настроении, этот Асенион продолжал оставаться полным безумцем! Что за бред! Тиотималин?.. Как только в голову может прийти столь абсурдная идея использовать это вещество? Какое отношение имеет оно к проблеме плутония-186?

Асенион спросил:

— Думаю, тебе известны особые свойства тиотималина?

— Конечно. Его молекула искажается и переходит в соседствующее временное измерение. Как бы пробирается в будущее... Лично мне кажется, что и в прошлое тоже. Именно поэтому порошкообразный тиотималин способен раствориться в воде за секунду до ее добавления.

— Совершенно верно, — кивнул Асенион. — А если воду не добавлять, то он начинает сам искать ее.

— Да, но при чем тут...

— Послушай, — сказал Асенион и достал из нагрудного кармана клочок бумаги. — Допустим, ты хочешь

избавиться от чего-то, так? Помещаешь это вещество вот в этот контейнер. Затем создаешь вокруг этого контейнера емкость, загруженную полимеризованным тиотимололином. В свою очередь эта емкость должна входить в другую, содержащую воду. Откуда эта вода могла бы поступать к тиотимоллину через определенные промежутки времени. А таймер надо установить так, чтоб вода поступала, ну, скажем, через каждые несколько секунд, но в последний момент удерживалась бы от поступления.

Флетчер с трепетным благоговением взирал на молодого человека.

Асенион продолжил:

— Вода все время как бы готова поступать, но на деле не поступает. И тиотимоллин заставляет пластиковый контейнер как бы подтягиваться ко второму, ведь он ждет встречи с водой. Вероятность встречи с водой высока, но не абсолютна. Короче, ее поступление удерживается буквально за секунду, и так все время. И получается, что тиотимоллин все дальше и дальше уходит в будущее, ожидая встречи с водой. Ведь мир как бы движется к будущему секунда за секундой, и скорость тиотимоллина теоретически бесконечна. И естественно, тиотимоллин увлекает за собой и внутренний контейнер.

— В который мы поместим наши запасы плутония-186, да?

— Да. Или еще какое угодно вещество, от которого хотите избавиться.

У Флетчера закружилась голова.

— Которое таким образом будет перемещаться в будущее с бесконечной скоростью...

— Да. И поскольку скорость бесконечна, проблемы превращения тиотимоллина в стабильную изохронную форму, что прежде препятствовало большинству экспериментов по переносу в другую временную субстанцию, не возникнет. Нечто путешествует во времени с безграничной скоростью, и возможности тут открываются безграничные. И этот ваш плутоний будет исчезать до тех пор, пока ему уже некуда будет идти.

— Да, но как этот так называемый отсыл в будущее

поможет решить проблему в глобальном смысле? — спросил Флетчер. — Ведь плутоний-186 по-прежнему останется в нашей Вселенной, даже если мы, земляне, временно избавимся от него. Потеря электронов все равно будет продолжаться. Возможно, даже еще усилится под временным ускорением. Таким образом, мы вовсе не решаем фундаментальной...

— А ты, я смотрю, никогда не был силен по части теоретических изысканий, а, Флетчер? — тихо, даже почти с нежностью заметил Асенион. Но в глазах его светилось злобное презрение.

— Стараюсь, как могу. Но не понимаю, каким образом...

Асенион вздохнул.

— Тиотималин будет гнаться за водой во внешнем контейнере бесконечно долго, унося, таким образом, плутоний, находящийся во внутреннем контейнере. *Бесконечно*, ясно тебе? В буквальном смысле этого слова!

— И?..

— А что случается в конце бесконечности, а, Флетчер?

— Ну... э-э... абсолютная энтропия... взрыв и гибель Вселенной.

— Именно! Финальное энтропийное разрешение. Все молекулы равномерно распределятся в пространстве. И стремящемуся к воде тиотималину просто некуда больше будет идти. Конец пути — он и есть конец. И плутоний отправится туда же, и вода, с которой так стремился воссоединиться тиотималин. Все они исчезнут, канут в антивремя.

— Антивремя... — глухо пробормотал Флетчер. — Антивремя?..

— Естественно. В ту точку отсчета, которая наступает перед созданием новой Вселенной. Все пребывает в статичном состоянии, нулевое время, неопределенная температура. Масса, из которой состоит Вселенная, бесформенна, неопределенна. И тут прибывают тиотималин, плутоний и вода! — глаза Асениона сверкали, лицо покраснелось. Он возбужденно размахивал клоч-

ком бумаги, словно то был некий магический талисман. — И будет страшный взрыв! Большой бах-ба-бах, грубо выражаясь! Начало всех начал. И ты или, может, я станем истинными создателями, родителями и творцами новой Вселенной!..

Совершенно огорошенный Флетчер довольно долго молчал. Затем спросил:

— Ты это серьезно?

— Я всегда отношусь к делу очень серьезно... Так что выход есть. Упаковывай свой плутоний и отсылай. Неважно, сколько для этого понадобится кораблей, все равно все они попадут в нужное место в нужный час. И эффект будет тот, о котором я только что говорил. Кстати, другого выхода просто не существует. От плутония действительно надо избавляться. И, — в глазах его сверкнула так хорошо знакомая Флетчеру лукавая искорка, — Вселенную в любом случае стоит попробовать создать. Чтобы наш род, наша мысль не прервались. А создать ее можно только таким способом. Не только можно, *должно!* Это неизбежно, несомненно, необходимо, это приказ! Ну? Ты понял?

— Э-э... нет... да. Возможно... Нет, думаю, все-таки понял, — словно во сне пробормотал Флетчер.

— Ну и хорошо. И если сейчас до конца не понимаешь, потом поймешь.

— Но мне надо... обсудить это с другими.

— Конечно, само собой. Именно так привыкли действовать люди. А потому я здесь, а ты там... — Асенион пожал плечами. — Особой спешки не вижу. Какая разница, когда создавать Вселенную. Можно завтра, можно через неделю. Рано или поздно она все равно появится. Должна появиться, поскольку и наша тоже появилась в свое время. Понимаешь?

— Да. Да, понимаю. А теперь... э-э... извини ради бога, — Флетчер замялся. — Но у меня... Я тут договорился поужинать с одним человеком.

— Но ведь и это может подождать, разве нет? — Асенион улыбнулся во весь рот, дружелюбно и весело. Похоже, он был искренне рад, что помог. — Забыл кое-что тебе показать. Совершенно замечательное расте-

ние. В своем роде просто уникальное... Нидулариум. Произрастает в Бразилии, причем до сих пор даже не имеет официального названия. И знаешь, что самое удивительное? Вот-вот зацветет! А потом, Флетчер, потом я покажу тебе такое!.. Впрочем, сам сейчас увидишь!

Эдвард Уэллен

УБИЙСТВО ПО ВЕРСИИ ЭРТА

— Да будет день!

И день, повинаясь его приказу, настал. Отраженный солнечный свет послушно затопил жилой отсек в самой сердцевине «Терраниума-9».

Кейт Флэммерсфелд ощутил этот свет с закрытыми глазами и понял, что в окружающем его маленьком мирке тепло и безопасно. И лениво снял с головы интерактивный шлемофон, подсоединенный к видео, по которому он смотрел «Зазеркалье». Изображение тут же исчезло с экрана.

Он открыл глаза, сел в койке, сильно потянулся. И зевнул — до боли в челюстях. Зевок на мгновение убрал припухлости, образовавшиеся в уголках довольно красивого рта и напоминавшие щечки бурундука. Затем для поддержания формы и мышечного тонуса он снова улегся на спину и минут пять занимался в уме аэробикой. Ему было под сорок, но хотелось выглядеть моложе.

Взбодрившись после всех этих упражнений, он сел и поставил ноги на коврик. И задумался, с чего лучше начать. С отправлением естественных нужд можно, пожалуй, и подождать, а вот желудок настойчиво требовал своего. И он вызвал поднос.

Поднос выполз из автомата-раздатчика на уровне его бедер. И Флэммерсфелд воздал должное завтраку, состоявшему из фруктов, овощей и злаковых. Все это произрастало здесь, на «Терраниуме-9». Поднос почув-

ствовал, когда с него смели последние крошки. И сам задвинулся обратно.

Флэммерсфелд встал, стянул пижамные шорты, бросил их в дезинтегратор. Затем шагнул в туалетный блок, где справил нужду, умылся, тщательно прополоскал рот и надел новые шорты.

Два шага вправо — и он уже у себя в кабинете. Флэммерсфелд уселся за большой компьютер и пробежал пальцами по клавишам. На экране возникла таблица-заставка с названиями файлов. Усмехаясь во весь рот, он создал два новых и поставил с помощью мышки на нужные места. Напрягшиеся в уголках глаз и рта мышцы подсказывали, что улыбка получилась злобной. Спohватившись, он свел ее до минимума — теперь на лице застыло невинно-веселое выражение. Однако затем, вспомнив, что на борту «Терраниума» он совсем один и его все равно никто не видит, снова растянул губы в злобной усмешке.

И, словно смакуя ее, причмокнул губами и начал набирать реквизиты. Он собирался отправить очередное послание на Землю, в центр управления. Но тут вдруг увидел такое, что волосы у него встали дыбом.

В правом нижнем углу экрана появился маленький квадратик. На нем — уменьшенное изображение экрана какого-то другого монитора.

Судя по маркировке, это сообщение с рабочей подстанции, что находилась на «Сегменте-2».

Он нажал на клавишу — сохранить набранный текст, затем увеличил изображение в правом нижнем углу.

И уставился на него, изумленно вытаращив глаза.

Кто-то вошел в его компьютерную систему и заразил ее вирусом, не иначе. Полная чушь!..

Сияло солнце в небесах,
Во всю сияло мочь,
Валы морские золота,
Катящиеся прочь...
Невероятно! Ведь уже
Давно настала ночь¹.

¹ Льюис Кэрролл. «Зазеркалье». Перевод А. Щербакова.

Просто безумие какое-то!.. Но даже безумие должно иметь логическое объяснение.

Возможное объяснение номер один: в компьютер попал вирус. Что очень скверно, поскольку главный компьютер был его единственным связующим звеном с Землей и всей остальной Вселенной.

А маркировка? Может, это обман? Может, кто-то нарочно пытается навести его на мысль, что послание поступило со вспомогательного, или рабского, как здесь его называли, компьютера, установленного на «Сегменте-2», а не из централизованного хранилища памяти, что на «Сегменте-1»? Но с какой целью? Просто ради шалости, сомнительного удовольствия поставить его в тупик, перегнав эти сумасбродные строчки, эту шараду через сложную и запутанную, точно джунгли, систему «Сегмента-2»? А что, если дело обстоит куда серьезнее?.. Что, если это игра неких злых сил, проникших в центральную компьютерную контрольную систему на Земле с целью вывести ее из строя?..

Возможное объяснение номер два: наличие на станции «зайца», о существовании которого не подозревал до сих пор он, Флэммерсфелд, и которого не удалось засечь датчикам. Если да, то этот тип мог проникнуть на «Терраниум-9» только год тому назад, во время дозаправки корабля. И все это время он мог прятаться от Флэммерсфелда, питаться овощами, фруктами и злаками, что росли на станции. Хотя как это могло происходить, тоже не слишком понятно. Ведь он, Флэммерсфелд, вел самый тщательный учет этим ценным продуктам, маркировал, подсчитывал, следил. Так как же получилось, что «заяц» ничем не выдал своего присутствия? Сидел в полной тоске и одиночестве и выжидал чего-то... а может, он заболел и нуждается в помощи? Или сошел с ума и собирается напасть на него? Таился все это время, а сейчас собрался заявить о себе и своих претензиях?..

Возможное объяснение номер три: сумасшествие. Он, Флэммерсфелд, просто сошел с ума. Может, он сам запрограммировал и ввел в компьютер весь этот бред. К примеру, во сне, когда просматривал «Зазеркалье»?..

Может, это результат длительного пребывания в одиночестве, да к тому же еще в тесном, замкнутом пространстве?

Он сидел, тупо глядя на экран, и вдруг заметил перемену. Светящийся квадратик начали заполнять слова. Медленно, томительно, буква за буквой, точно их выводила чья-то неуверенная рука:

Когда Адам споткнулся,
Я в чреве шевельнулся!
А Ева заплясала —
Тут жизнь моя настала.

Флэммерсфелд прикусил губу. Нет, на «Сегменте-2» точно кто-то был!..

Он поспешил к сейфу в переборке и быстро набрал комбинацию из нескольких цифр. Дверца распахнулась, и он вооружился бластером. Вот уж не думал, что когда-либо ему придется воспользоваться этим оружием!..

«Терраниум-9», космическая станция, вращавшаяся по околоземной орбите, была построена по геодезическому принципу Бакминстера — Фуллера и состояла из шести концентрических сфер, или сегментов. Псевдочерная дыра в центре обеспечивала земной уровень притяжения на внутренней сфере. Сила тяжести плавно снижалась до невесомости на сфере наружной, где располагалась лаборатория с нулевой гравитацией. Перемещение по станции обеспечивалось транспортными тоннелями и лифтами. Тоннели пересекали это огромное сооружение в северном и южном направлениях. Шахта лифта с двусторонним движением была слегка изогнута и огибала, таким образом, псевдочерную дыру. Шла она вдоль оси от одного полярного шлюза до другого. В целях безопасности кабина была оснащена ручными скобами.

Рабочая станция «Сегмент-2» находилась в северной полусфере. Флэммерсфелд направился к лифту, уже было шагнул в него, но вдруг передумал.

Надавил на кнопку, и лифт поехал на «Сегмент-2» пустым.

Сам же Флэммерсфелд двинулся в противоположном от «Сегмента-2» направлении — к южному тоннелю.

Если там, на рабочей станции, его кто-то подждал у выхода из лифта, если этот «некто» следил в это время за ближайшим северным входом, то он, Флэммерсфелд, обойдет его с тыла, с юга.

Он взглянул на часы, глубоко втянул в грудь воздух, снял задвижку и вошел в шлюз. И, держа бластер наготове, шагнул в камеру «Сегмента-2» с ослабленной силой притяжения, где в лунном грунте с примесью различных нитратов пышно произрастали растения.

Он не шел, а скорее плыл по помещению, а затем бесшумно приземлился на пол. И, чтоб немного успокоиться, остановил свой взгляд на десятиметровой высоты стенде, где, тихо колыхаясь, высились колосья ржи. Потом затаил дыхание и прислушался.

Ничего, кроме еле слышного шелеста стеблей — от искусственного ветерка, поступающего от специальной установки. Он перехитрил незваного гостя. Похоже, теперь можно попробовать подкрасться к нему поближе.

Медленно и осторожно пробирался он через густые заросли свеклы, листового и курчавого салата, гороха с толстенными стручками, высоких стеблей фасоли. И минуты через четыре добрался до грядки со сладким картофелем. Ну вот, почти что у цели. Внизу, за высоченным грецким орехом, раскинулась рабочая станция. Прямо за деревом начинались грядки с гигантскими помидорами, чудовищных размеров перцами, зеленым салатом и мясистыми кочанами капусты. Дальше виднелась куча земли, а за ней — дверца лифта.

Флэммерсфелд тихо затрусил к грецкому ореху, взглянул из-за толстого ствола. Отсюда было хорошо видно компьютерную установку. Там ни души.

Лифт, скрытый за кустами помидоров, был виден плохо. Флэммерсфелд согнул ноги в коленях и прыгнул. И завис в воздухе, держась за подпорку тридцатиметровой высоты, по которой вились стебли с

крупными красными плодами. И снова стал вглядываться сквозь листву, держа бластер наготове.

И тут вдруг услышал, что лифт пришел в движение.

Флэммерсфелд, затаив дыхание, сидел в засаде. Отсюда были хорошо видны салат и грядка с капустой. А также — все подступы к лифту и северному шлюзу. Но никакого движения там не наблюдалось.

Лифт остановился, дверцы раздвинулись. Флэммерсфелд всматривался до рези в глазах в надежде уловить хоть какой-то намек на движение. Нацелился из бластера и ждал. Ничего...

Он завис под потолком, и лицо у него покраснелось от злости и напряжения. Рядом одни помидоры — громадные, с человеческую голову. Может, это один из них? И он гоняется за призраком?..

Скроив кислую мину, он засунул бластер за пояс шортов и начал спускаться, придерживаясь одной рукой за длинный стебель. И, оказавшись внизу, двинулся к рабочей станции.

Шагнув в переплетение стеблей и веток и отметил про себя: надо бы оборвать все засохшие листочки, немного подпитать грунт, убрать весь мусор и ненужные отростки. Но не успел додумать эту мысль, как стебель вдруг превратился в петлю и крепко обвился вокруг щиколотки. Флэммерсфелд собрался было нагнуться, чтоб высвободить ногу, как вдруг некая неведомая сила резко вздернула его вверх, в воздух. Где он и повис, бешено дрыгая ногами и по-прежнему пытаясь освободиться от стебля, другой конец которого тянулся к изогнутой в форме лука ветке дерева.

Подняв глаза вверх, а потом опустив их вниз, он заметил колышек и оборванный конец другого стебля, с помощью которого ветка притягивалась вниз. Значит, эту ловушку строил незваный гость, больше просто некому. Стало быть, он только что находился внизу. Он устроил эту ловушку, он же обрезал стебель.

Флэммерсфелд притворился совершенно беспомощным. Барахтался и вертелся, размахивая руками. И не преминул подпустить в голос паники:

— Помогите! Спустите меня! Пожалуйста!..

Но этот чертов «заяц» (или «зайчиха»?) — ибо теперь Флэммерсфелд был твердо уверен в правильности объяснения номер два — так и не появился.

Продолжать вот так глупо болтаться в воздухе просто не было сил. Даже при относительной невесомости, существующей на «Сегменте-2», петля туго сдавливала ногу и нарушала тем самым кровообращение.

Он, стиснув зубы, выждал еще минуту. Затем, поскольку враг так и не появился, вытащил из-за пояса бластер и перерезал им петлю.

И, уже падая, нацелился из бластера вниз и даже положил палец на спусковой крючок. Эффект пониженной гравитации замедлил падение, и Флэммерсфелд, мягко ударившись о пол, перекатился по нему несколько раз.

Потом попробовал встать и застонал — подвела онемевшая нога. Он перенес всю тяжесть тела на другую и начал озираться в поисках еще одной ловушки. Мало того, он ждал уже прямого нападения. Глянул вверх на ветки и листву орехового дерева, не заметил там ничего подозрительного и привалился спиной к стволу. А потом наклонился — высвободить, наконец, из петли ногу. И тут увидел на полу огрызки капустного листа.

У него прямо челюсть отвисла, а по спине пробежал неприятный холодок.

Затем он решительно поджал губы. Что ж, прекрасно. Теперь он знает, с кем имеет дело.

Ни одно из трех объяснений не подошло. Это будет четвертым возможным объяснением, и вполне вероятно, что через несколько минут он сможет это доказать.

Он рассмеялся. Нет, только подумать! Какая-то жалкая недоделанная тварь осмелилась преследовать его!

Потом вдруг помрачнел. Нельзя недооценивать эту тварь. Ведь, по всей видимости, именно она запустила эти дурацкие стишки в компьютер. Прежде ему и в голову бы не пришло, что она способна на такое. Следует отдать ей должное: она куда хитрей, чем можно было

бы подумать. И все равно, теперь он был твердо уверен, что справится с ситуацией.

— Ну, ладно, сволочь... — злобно усмехаясь, прошипел он. — Теперь держись. Сама роешь себе могилу.

И Флэммерсфелд направился напрямиком к капустной грядке. Взглянул на то место, где был с корнем вырван кочан, и мрачно кивнул. Правда, тварь старалась разровнять землю, но его не проведешь.

Нет, его не обмануть! Он прекрасно помнил, где что росло. Что было и что теперь пропало. И прячется где-то...

Присмотревшись, он заметил на земле цепочку мелких молочно-зеленых капель — они отходили от центра ямки. Коснулся пальцем. Липкие... Поднес палец к носу и понюхал. И усмешка на лице стала еще шире. Вот чертова тварь, будь она трижды проклята! Неужто не понимает, что теперь долго ей не протянуть?

След был коротким — он резко обрывался у соседнего кочана. На кочане зазубрина — след от недавно оторванного листа. Он снова злобно усмехнулся. Вот гадина! Использовала лист, чтоб залепить им рану.

След исчез. Флэммерсфелд начал озираться в поисках других признаков присутствия твари.

Взглянул на кучу земли и почувствовал угрызения совести. Забыл заняться землей, она уже почти совсем разложилась и превратилась в компост. Принюхался... Потом вдруг заметил, что и внешне куча выглядит не так, как прежде. Кто-то здесь ковырялся. Прежде она была обложена распиленными ветками дерева — он периодически делал срезы для изучения — и прикрыта старыми бумажными листами компьютерной распечатки. Последний раз, когда он тут был, бумага равномерно покрывала всю кучу, теперь же листы были сдвинуты, лежали не так аккуратно. Должно быть, именно здесь тварь и устроила себе логово.

Флэммерсфелд приподнял бластер и приготовился стрелять.

Затем свободной рукой сдвинул отсыревшие и заплесневевшие рулоны бумаги. Тварь он не нашел. Зато извлек из земли нечто, напоминающее примитивную

катапульту, сооруженную из веток и стеблей, склеенных каким-то растительным клеем. Вместо ядра — туго скатанный комочек земли. Нашел он также нечто вроде барабана от лебедки, снабженного рукояткой в виде кривошипа. Это приспособление было также изготовлено из веток и стеблей.

Вообще, на первый взгляд, поделки выглядели какими-то игрушечными, точно их соорудили неловкие детские руки. И тем не менее они работали.

Он снова начал ковыряться в земле и нашел еще один любопытный предмет — половинку грецкого ореха величиной со сложенную чашечкой ладонь. Размер не удивил его, к этому он уже привык. Удивило и озадачило то, что находилось внутри.

Тварь использовала скорлупку ореха в качестве ступы. И перемалывала в ней овощи в тягучую и липкую черную кашицу, пахнущую дегтем. Странное вещество... Напоминает некий исходный материал. По краям образовалась пена, похожая на плевок.

Это навело Флэммерсфелда на мысль об амилазе. Неужели он имеет дело с идиосинкразической ферментной реакцией, исходным материалом для которой — впрочем, это надо еще проверить — послужил зеленый перец?.. Похоже, тварь собиралась создать нечто вроде яда кураре, чтоб мазать им кончики стрел. Да, похоже, именно для этого предназначалось вещество в скорлупке.

Флэммерсфелд почувствовал, что весь вспотел. Ему нужен релаксант. Но только не этот. Стоит проглотить хоть крошку — и ты покойник.

Нет, уж лучше обратиться отсюда подобру-поздорову. Тварь, по всей видимости, ранена и истекает кровью. Но скоро ли она сдохнет?.. И Флэммерсфелд почувствовал, что вовсе не уверен в своих прежних выводах, касающихся твари...

Как же он проморгал пробуждение интеллекта и злобы у этого чужеродного существа?.. Почему не предвидел, что эта злоба может обратиться против него?..

Все еще стоя на корточках, он поднял голову. И

впервые за все время увидел свой маленький замкнутый мир как бы чужими глазами.

Над капустной грядкой был отчетливо виден экран компьютера. Интересно, сколь многому могла научиться тварь, просто наблюдая за его работой и играми?

Нет, сейчас не время думать об этом. Надо добить ее, прежде чем в тело ему вонзится крошечная отравленная стрела.

Флэммерсфелд выпрямился. И длинными скачками метнулся к открытой двери лифта. Задыхаясь, влетел в кабину и уже потянулся было к кнопке...

Должно быть, убийца проскользнул в кабину, когда он, Флэммерсфелд, беспомощно болтался в воздухе, подвешенный за ногу.

Из левого нижнего угла, где, прямо за дверью, пряталась тварь, высунулась тонкая и хрупкая рука с веточкой. Концы ветки были заострены и намазаны ядом. Они впились Флэммерсфелду в левую икру.

Опустив голову, Флэммерсфелд смотрел на крошечное, мудрое и одновременно печальное личико.

— Черт бы тебя побрал... — пробормотал он.

— Это тебя черт бы побрал.

Первый и последний раз в жизни услышал он тоненький шелестящий голосок...

Но в тот момент он как-то не подумал об этом. Он думал только о том, что надо как можно скорее добраться до аптечки и попробовать изготовить какое-нибудь противоядие. Сердце бешено билось. Он надавил на кнопку, двери лифта затворились, они поехали вниз.

Глаза Флэммерсфелда злобно сверкали, но он старался не смотреть на тварь, преградившую выход. И когда лифт остановился и двери раздвинулись, пинком отбросил ее с дороги и вышел. Сделал два шага и рухнул на пол лицом вниз.

Убийца продолжал истекать молочно-зеленой кровью. И вскоре последовал за Флэммерсфелдом в темное царство мертвых. Однако он все же достиг своей цели — отомстил и был отныне предан забвению.

Инспектор Х. Ситон Дейвенпорт из Земного бюро расследования, или ЗБР, ожидал увидеть кого и что угодно, но только не детектива, стоявшего вверх ногами. Однако именно такое зрелище предстало его взору.

Доктор Венделл Эрт, земной экстратерролог. И голос у него звучал так странно, когда он пригласил Дейвенпорта войти.

Визгливый тоненький тенорок, он звучал сдавленно и напряженно, когда в ответ на звонок пропищал: «Войдите!»

Дейвенпорт и представить себе не мог, что застанет доктора Эрта стоящим на голове. По крайней мере, именно так показалось ему, когда, войдя, он увидел этого знаменитого своей ученостью человека, бывшего консультанта ЗБР.

При более пристальном рассмотрении оказалось, что доктор Эрт устанавливает осветительный раздвижной прибор вдоль плинтусов. И делает это для того, чтоб осветить самые темные в комнате места, а именно — под книжными полками.

Кровь прилила к голове доктора Эрта, глаза выкатились из орбит и напоминали глаза человека, страдающего заболеванием щитовидной железы. Эти выпученные глаза и торчащий из брюк клочок рубашки подсказали Дейвенпорту, что происходит. И он, не сделав и шага, быстро оглядел пол.

И он увидел их, но не на полу, а на самой нижней полке, куда они, падая, отлетели. Шагнул вперед, протянул руку, наклонился и поднял то, что искал доктор Эрт.

— Вот, пожалуйста!.. Доктор Эрт, да?

— Да, — пискнул доктор Эрт. — Сколь ни покажется вам странным, но это именно я и есть, — он явно копировал интонацию и манеры Дейвенпорта. Затем извернулся, чтоб лучше видеть Дейвенпорта, близоруко сощурился и, наконец, видимо, понял, что тот держал в руке. — Ага!.. — пыхтя и задыхаясь, он выпрямился и положил заряженный солнечной энергией голографический осветительный прибор на пачку бумаг на столе.

Очевидно, он был призван не только освещать эту просторную комнату, но и служить пресс-папье.

Доктор Эрт взял очки, которые протягивал ему Дейвенпорт.

— Благодарю, — затем улыбнулся странной изменчивой улыбкой, которая делала его похожим то на моргающую сову, то на сияющего добродушием Будду. — Впрочем, вы и без того уже вознаграждены. Застали тут целое представление, — он протер стекла клочком вылезшей из брюк рубахи, щурясь, оглядел их с одной стороны, потом — с другой и надел. Нацепил на маленький нос пуговкой. Если бы не уши, нос вряд ли бы удержал оправу.

И жестом пригласил Дейвенпорта сесть в кресло. Сам же со вздохом уселся за стол. Стул, вторя вздоху, тихо и жалобно скрипнул. Доктор Эрт сложил руки на животе и вопросительно уставился на гостя.

— Вы по поводу той смерти на «Терраниуме-9»?

Дейвенпорт кивнул.

— Смерть — это просто условное, рабочее, так сказать, название того, что случилось. Пока что мы не можем определить, что именно там произошло. Назвать несчастным случаем нельзя, на убийство тоже не очень похоже. А самоубийство... вызывает сомнения.

Доктор Эрт поерзал на стуле и уселся поудобнее.

— Расскажите подробнее.

— Проще и лучше показать, — и Дейвенпорт извлек из вместительного кармана пачку голограмм. Придвинул поближе к доктору Эрту и начал показывать по одной, сопровождая показ объяснениями.

— Вот это снимок «Терраниума-9» с близкого расстояния, сделан с исследовательского корабля после сигнала об аномальных явлениях на станции... Дело в том, что Флэммерсфелд, единственный обитатель этой станции, не вышел на обычный утренний сеанс связи с Землей, не ответил на сигнал «Все ли в порядке». Не отвечал и дальше, когда в центре управления уже не на шутку встревожились... А вот снимки, которые сделала офицер службы спасения. Снимки внешней части обоих входных шлюзов, сама она попала на станцию через

северный. Вот на этом очень хорошо видна космическая пыль, накопившаяся за год и нетронутая. А это означает, что со времени последней дозаправки, которая состоялась год тому назад, этими шлюзами никто не пользовался... А вот и сцена смерти. Она имела место во внутренней сфере...

Доктор Эрт взял последнюю голограмму обеими руками и поднес ее поближе к глазам. Затем окинул Дейвенпорта каким-то странно-многозначительным взглядом.

— Эта голограмма не говорит мне ничего нового. Ничего, кроме того, что вы уже сообщили. Что Флэммерсфелд только что вернулся в жилой отсек из «Сегмента-2» и принес с собой кочан капусты. То ли с целью исследовать, то ли просто съесть его. И вдруг упал мертвым. И каким-то таинственным образом в ноге его оказалась смазанная ядом стрела. Чтоб выяснить причину смерти, мне нужны результаты вскрытия. И потом... хотелось бы знать состав яда.

Дейвенпорт покачал головой.

— Вот тут-то и кроется самое странное. Ведь сам Флэммерсфелд, будучи по совместительству еще и биохимиком, мог бы создать яд в лаборатории. В пробирке. И получился бы он у него чистым, лишенным каких-либо примесей. Мы же имеем дело с кураре, изготовленным самым примитивным образом. Детектив обнаружила этот яд в скорлупе грецкого ореха. А саму скорлупу нашли в куче компоста на «Сегменте-2», — он протянул доктору Эрту еще одну голограмму. — Вот снимок.

Доктор Эрт то ли закивал, то ли просто затряс головой.

— Так, понятно. А это что еще за предметы, позвольте спросить?

Дейвенпорт взглянул туда, куда указывал Эрт.

— Ах да, это... Вроде бы игрушка. Какая-то игрушечная катапульта. Да, больше всего это похоже на игрушечную лебедку и игрушечную катапульта. Инженер, с которым мы консультировались, сказал, что сделаны

они крайне примитивно, но тем не менее работают. Может, Флэммерсфелд впал в детство?..

Доктор Эрт буркнул нечто нечленораздельное. Затем вернулся к голограмме с изображением трупа. И ткнул пухлым пальчиком в зеленовато-черную массу.

— Это капуста?

Дейвенпорт поморщился.

— Да. Гадость. Уже совсем сгнила к тому времени, когда наш детектив прибыла на станцию. Там все провоняло, так, во всяком случае, она утверждает. Бедняжке пришлось сделать прививку против заражения. Ну и, сфотографировав, она эту капусту, естественно, уничтожила.

— Да, скверно...

— Просто ужас, какая гадость!

Доктор Эрт взглянул на инспектора ЗБР с оттенком презрения.

— Я не о капусте. Я имел в виду действия этого так называемого детектива. Ей следовало бы сохранить вещдоки, сколь бы отвратительными они ей ни казались.

Дейвенпорт не стал ни защищать, ни оправдывать коллегу. Подобно ей, он вовсе не был склонен считать капусту вещественным доказательством. И он ответил коротко:

— Возможно.

— Никакие «возможно» тут не проходят! — рявкнул доктор Эрт. У него даже живот заходил ходуном от возмущения. Но затем он глубоко вздохнул, и живот затих. — Что ж, теперь ничего не поделаешь. Но я бы очень хотел взглянуть на этот самый кочан. Тут что-то странное, что-то не так...

Дейвенпорт усмехнулся.

— Нет проблем. Вот одна из новых SOTA-голограмм. Видите вот эти крошечные пузырьки по краям? Слева и вверху?

Тут доктор Эрт заметил в левом верхнем углу голограммы два воздушных пузырька, которые почти сливались в один.

— Вы хотите сказать, что эту часть изображения кочана можно подвергнуть увеличению?

— Именно. Вы можете ввести эту часть изображения в компьютер и продвигать мышкой. Изображение автоматически увеличится, и вы сможете разглядеть все до мельчайших деталей. До определенных пределов, разумеется. Но увидите куда больше и лучше, чем сейчас.

Доктор Эрт послушно подвигал мышкой, пока нужная ему часть изображения не увеличилась раз в пять.

Он долго и пристально всматривался в него, а потом снял очки — отереть выступившие от напряжения слезы.

— Да, так гораздо лучше. Но все равно недостаточно. Причем меня не устраивает не изображение, а сам предмет. Капуста настолько разложилась, что уже почти ничего не понять. Должен признать, если б ваш офицер сохранила вещественное доказательство и я бы его увидел, то вряд ли смог бы сказать нечто определенное. Впрочем, это вовсе не означает, что его следовало уничтожать. Возможно, удалось бы определить состав с помощью вскрытия.

Дейвенпорт вздрогнул.

— Вскрытия? Чего? Капусты?!

Доктор Эрт кивнул.

— Да, именно. Вскрытия. Я всегда очень точен в подборе слов, — внезапно губы его искривились, а сам он выпрямился и протянул насмешливо: — Никому не дам дважды взглянуть на мою капусту! — А после паузы уже совсем серьезным тоном добавил: — Ясно одно: что-то разладилось, вышло из-под контроля. Эксперимент, экспериментатор... Или же оба.

Дейвенпорт все еще размышлял о вскрытии. На что это намекает доктор Эрт?

Доктор Эрт вздохнул и отдал ему голограмму с изображением трупа. Потом поежился и покосился на Дейвенпорта — заметил ли он этот его жест.

Лицо Дейвенпорта оставалось непроницаемым, как у игрока в покер.

Доктор Эрт снова вздохнул.

— Да, тут следует хорошенько подумать, — лицо его помрачнело, взгляд остановился на Дейвенпорте. — Может, прибегнуть к помощи «Ганимеда»? Что скажете?..

— Буду только приветствовать, — ответил Дейвенпорт. Он был наслышан о «Ганимеде», однако никогда не видел. Да и не испытывал особого желания. Знал также, что штука эта страшно редкая и дорогая и что во многих обществах употреблять ее запрещалось. Впрочем, расспрашивать доктора Эрта, откуда у него «Ганимед», он не стал. — Почему бы не позабавиться.

Однако мысль о забавах тут же вылетела у него из головы, когда из встроенного в подлокотник кресла бара доктор Эрт извлек два контейнера и два стеклянных стакана. В одном из контейнеров виднелось нечто, напоминающее пальцы.

Доктор Эрт вынул два пальца и поместил их, ногтями вниз, в каждый из стаканов.

Дейвенпорт передернулся, однако продолжал наблюдать.

— «Ганимед» — это бинарное соединение, — произнес доктор Эрт уголком рта. — Жидкая часть активизирует твердую. «Ноготь» — это кристаллизация. Вот смотрите.

Он перелил янтарную жидкость из контейнера в один из стаканов. И не успела она коснуться ногтя, как весь палец начал таять. Содержимое приобрело чистый и яркий фиолетовый оттенок, запах щекотал ноздри. Доктор Эрт проделал ту же операцию со вторым пальцем, протянул стакан Дейвенпорту и приветственно приподнял свой.

Дейвенпорт ответил тем же, поднес стакан к носу, понюхал, потом осторожно отпил глоток. Поразительно, мучительно вкусно!.. Вкусно на грани отвращения. Он понимал, что это может быть опасно — слишком легко втянуться. Привыкнуть к тому, что практически недоступно.

Мягкий, но крепкий напиток настроил доктора Эрта на философский лад.

— Вообще-то «Ганимед» пришел к нам вовсе не с

планеты Ганимед. С Каллисто. Мы очень часто неправильно пользуемся терминами. Что в имени тебе моем, а, Дейвенпорт?.. Я мог бы назваться, ну, скажем, пыреем, картошкой, картофелем, огородным пугалом наконец!.. В лучшем случае — ползучей вьющейся розой, как меня прозвали в университетском кампусе. Это вы у нас цыганская душа, полевой игрок, бродяга вы, Дейвенпорт! Вы тот самый неправильно избранный термин...

Дейвенпорт позволил себе улыбнуться. Нос у него был клинообразной формы, с юности на правой щеке остался шрам в форме звездочки. «А ведь игрок может и покинуть поле, — подумал он. — Потерять вкус к приключениям. И, все еще лелея в глубине души воспоминания о стычках с себе подобными, начать даже почти завидовать академической крысе типа Эрта, который хоть и живет в замкнутом пространстве, зато мысль его не знает преград. Возможно, и его тоже «Ганимед» настроил на философский лад». И он уже собрался было поделиться своими соображениями на эту тему, но тут собеседник выручил его.

Доктор Эрт допил последний глоток, затем даже поднес очки к глазам — убедиться, что стакан действительно пуст. И со вздохом сожаления отставил его в сторону.

— Ладно. Пора за работу. Прежде чем дать верное определение смерти Флэммерсфелда, мы должны понять, для чего была создана эта штука, станция «Терраниум-9». И чем там занимался Флэммерсфелд.

И он строго приподнял указательный палец, хотя Дейвенпорт и не думал перебивать его.

— Знаю, что вы подумали, но, пожалуйста, прошу — потерпите! Дайте сказать все, что я знаю. Позвольте мне установить очевидное и начать с хорошо известного. Кстати, ничем так не пренебрегают, как очевидным, и нет на свете вещи загадочней и таинственней известного...

Дейвенпорт в знак согласия вяло взмахнул рукой. Тем самым он как бы давал доктору Эрту карт-бланш.

Доктор Эрт кивнул в знак признательности.

— Для предотвращения экологической катастрофы на земле разработаны законы, запрещающие выбрасывать генетически измененные растения и животных в околоземное пространство. Вообще, подобные эксперименты следует проводить как можно дальше от нашей планеты. Но мы знаем, что на околоземной орбите вращаются — сколько их там, дюжина или больше? — станции типа «Терраниум-9». Преимущество проведения экспериментов на таких станциях очевидно, ведь там невесомость, что существенно ускоряет такие процессы, как, скажем, электрофорез. То есть быстрое и непрерывное фракционирование концентрированных белковых растворов в заряженном электрическом токе поле, — он покосился на Дейвенпорта. — Теперь ваша очередь. Что лично вам известно о «Терраниуме-9» и какие эксперименты проводил там Флэммерсфелд?

Дейвенпорт пожал плечами.

— Все, что я знаю о «Терраниуме-9», так это то, что его сконструировали и ввели в эксплуатацию шесть лет тому назад и что Флэммерсфелд был первым и единственным его сотрудником. Все, что мне известно о Флэммерсфелде, так это то, что он типичный трудолюбивый, ни разу за все время не был в отпуске. Отказался даже от всех краткосрочных побывок и, если верить начальству из Центра управления, всю необходимую релаксацию получал исключительно от интерактивного видео. Кстати, в день смерти в плеере-компьютере у него была дискета с «Алисой в стране чудес» и «Зеркальем». Ну и еще — он работал над двумя не связанными между собой проектами.. Да, и еще... У него были определенные планы на будущее. Он заказал эмбрионы свиньи и орлиные яйца, которые должны были вскоре прислать. Но так и не успел их получить...

Доктор Эрт нахмурился, затем вновь нацепил очки.

— Хотелось бы взглянуть на его записи касательно тех двух проектов, о которых вы упомянули.

Дейвенпорт смутился.

— Боюсь, это невозможно.

Доктор Эрт обиженно поджал губы.

— Это что, секретная информация? В таком случае всего вам хорошего!

— Нет, дело вовсе не в том, — поспешил успокоить его Дейвенпорт. — Полагаю, у вас имеется доступ к этим данным. А если нет, его всегда можно получить.

Доктор Эрт недоумевал.

— Тогда в чем же проблема? Может, Флэммерсфелд уничтожил свои записи?

— Нет, и не это тоже. Просто, похоже, он был одержим манией секретности. Его записи хранятся в памяти компьютера, но доступ к ним закрыт. Надо знать специальный код. А разгадать его мы еще пока что не смогли.

— Восхищаюсь вашим оптимизмом, сэр. Но оптимизм, который, кстати, всегда заслуживает восхищения, хоть и является по сути глупостью, есть не что иное, как журавль в небе. Его на зубок не попробовать.

Дейвенпорт покраснел.

— Два не связанных между собой проекта... — задумчиво протянул доктор Эрт, — вот и все, что вы знаете. Но на самом деле можете узнать больше. Это в том случае, если дадите мне названия этих двух проектов. Думаю, его начальство из Центрального управления должно было представлять, над чем работал Флэммерсфелд. Ведь они выполняли самые различные его заказы и запросы.

Дейвенпорт просиял.

— Точных названий сейчас не скажу, но помню, что он разрабатывал средство для лечения гемофилии. И еще... э-э... он искал, как их, сенсоры направления в клетках растений.

Доктор Эрт с довольным видом похлопал себя по животу, словно только что плотно и вкусно пообедал.

— Отлично! Гемофилия... Болезнь королей, в том числе Романовых, императоров царской России. Женщины передают по наследству рецессивную хромосому, но сами от этого заболевания не страдают. Сопровождается сильным кровотечением, даже если ранка совсем маленькая. Нормальная кровь, собранная в пробирку, сворачивается в течение пяти—пятнадцати

минут. У страдающих гемофилией процесс свертывания крови затягивается до получаса, а иногда и целого часа. Что ж, вполне естественно, что он проводил эти эксперименты в условиях невесомости. Ведь в этих условиях исключается фракционирование всего объема плазмы в целом. Но к мельчайшим компонентам, типа факторов свертывания крови, это не относится.

Глаза его сверкали, голос звенел от возбуждения.

— Да, да, именно! А что касается второго проекта Флэммерсфелда, так это тоже вполне естественно, что он выбрал условия невесомости. В мире растений существует интригующая загадка. Каким образом способно растение улавливать направление притяжения? Ведь почти все они растут вертикально!.. А сенсоров, улавливающих направление роста клеток, выделить пока что не удалось. Да, да, вот она и разгадка!..

Дейвенпорт уставился на Эрта.

— Разгадка?

— Но это же очевидно! — резко заметил тот. — Как нос на моем лице, так и бросается в глаза.

Может, поэтому его почти не видно, проворчал про себя Дейвенпорт. Однако скроил приветливую и понимающую мину.

— Вы вроде бы сами только что говорили... легче всего просмотреть очевидное.

— Хоть слушать умеете, и то слава богу, — добродушно заметил доктор Эрт. — Хочу прочесть вам один стишок:

И Морж заводит разговор
О всяческих вещах.
Сначала о капусте речь,
Потом о королях.
Про рачий свист, про стертый блеск
И дырки в башмаках¹.

Он взглянул на Дейвенпорта и усмехнулся.

— Человек не знает, смеяться ему или презрительно фыркать, услышав такую ерунду. Скорее, все же сме-

¹ Льюис Кэрролл. «Зазеркалье». Перевод А. Щербакова.

яться... Нашим людям не хватает легкомыслия, вообще легкости. Слишком уж сильно притяжение...

Смеяться Дейвенпорт не стал. Впрочем, и фыркать тоже.

— Это же из какой-то детской книги, да?

— Именно. Это стихи Льюиса Кэрролла из книги «Зазеркалье».

— То, что Флэммерсфелд смотрел по видео!

— То самое.

Дейвенпорт покачал головой.

— Ну и какая же тут связь?

— Прежде всего существует связь с одной старинной и очень известной детской песенкой:

Старый капустный кочан-весельчак,
Был он король овощей!
Трубку курил и покушать любил
И пригласил скрипачей.
Если точнее —
Целых трех скрипачей,
Каждый со скрипкой пришел.
Каждый играл, а король подпевал,
Все у них шло хорошо!
Вот уж веселье пошло, это да!
Вот уж игра то была!
Три скрипача и басок короля:
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля!..

На сей раз Дейвенпорт не выдержал и рассмеялся. И через секунду доктор Эрт присоединился к нему.

Дейвенпорт перестал первым. И терпеливо ждал, когда его собеседник наконец отсмеется.

Голос доктора Эрта звучал серьезно и строго:

— Эта песенка о капустном короле, несомненно, была на уме у Льюиса Кэрролла, причем неважно, сознавал он это или нет, когда сочинял поэму о Морже и устрицах. В которой, кстати, тоже упоминается о королях и капусте... И все это, несомненно, повлияло на Флэммерсфелда, когда он мысленно соединил такие два понятия, как протопласт капустного семени и королевская кровь.

Дейвенпорт поднес голограмму с изображением

трупа к свету и уставился на увеличенное изображение кочана.

— Вы имеете в виду эту... штуку?

Доктор Эрт кивнул. И указал на листья в верхней части кочана.

— Страшно напоминает корончатый галл, не правда ли?

— Боюсь, я не слишком понимаю, что это такое — корончатый галл...

— Тогда слушайте. Существуют два типа живых клеток: эукариотные и прокариотные. Эукариотная клетка нуклеирована. Иными словами, ее хромосомы включены в стенки ядра. Прокариотная клетка менее организована. Ее хромосомы свободно перемещаются в цитоплазме среди органелл. *Enter Agrobacter* — так сокращенно принято называть известную подопытную культуру. Если взять клетку любого растения и ввести в ее ядро тДНК Агробактера, так называют транспортную ДНК, длина которой составляет двенадцать генов, она становится частью хромосомы растения, и ДНК-гены принимаются перепрограммировать растение в Агробактер.

Доктор Эрт умолк — перевести дух. Но Дейвенпорту показалось — для пущего эффекта.

— Ну и вот, тут мы подошли к самой, так сказать, сути. Этот коварный и хитрый паразит Агробактер вызывает образование раковой опухоли. В данном случае — корончатого галла, — голос его снова возбужденно звенел. — Можете себе представить, каким омерзительным делом занимался наш Флэммерсфелд? Он надумал снабдить этот маленький, наделенный интеллектом гибрид, то есть капустного короля, короной!

Дейвенпорт смотрел на голограмму и видел на ней лишь гнилую капусту. И пытался представить себе, какой она была при жизни. Существом, наделенным способностью мыслить, а значит — способным любить и ненавидеть. Существом, состоявшим практически из одной головы — эдакое личико в обрамлении листьев. И он содрогнулся. На мгновение этот образ наложился у него на круглую физиономию доктора Эрта. Лицо

Будды, бутон лотоса!.. И он опасливо поднял на него глаза.

Доктор Эрт смотрел печально и задумчиво.

И тут Дейвенпорта, что называется, осенило. Ведь, по сути, Эрт являлся ребенком-вундеркиндом. И он сострадал всем на свете уродцам, поскольку сам таким являлся.

Очевидно, Эрт прочитал эти его мысли, заглянул Дейвенпорту прямо в глаза и улыбнулся.

— Все мы — и сами, и наша матрица или прообраз — всего лишь материал для экспериментов. А потому так естественно и спокойно думаем: а не скрестить ли нам эту штуку, ну, скажем, с той?.. Это в природе зверя — взять и разом попытаться подчинить себе всю Вселенную. И вот чем кончаются такие попытки. И Флэммерсфелд, и эта его тварь погигли, как только попробовали сунуть нос туда, куда не следует. Нам, людям, нужен минимум легкости, невесомости. Однако притяжение может оказаться непомерно большим. Флэммерсфелд в каком-то смысле пошел еще дальше. Слишком глубоко копнул. Помните, какой он сделал заказ? Эмбрион свињи и орлиные яйца. Помните строки из Кэрролла? «Про рачий свист, про стертый блеск»?.. Все хотел переделать, перекроить. Нам, людям, жизненно необходима сила притяжения, иначе мы становимся слишком легкомысленными, — он закрыл лицо руками. — Ну вот, собственно, и все.

Дейвенпорт отложил голограмму и поднялся.

— Огромное спасибо за помощь, доктор Эрт.

Тот лишь слабо отмахнулся. Затем вскочил. Они обменялись рукопожатием.

Дейвенпорт уже подошел к двери, как вдруг доктор Эрт окликнул его:

— Инспектор...

Дейвенпорт обернулся.

— Да?

— А как насчет платы?

Дейвенпорт улыбнулся.

— Я все ждал, когда же речь пойдет о ней.

— Ну вот, теперь зашла. Не бойтесь, многого не попрошу. Так, пара пустяков.

— Постараюсь выполнить все ваши просьбы. Что за пустяки?

— Ну, прежде всего немного информации, чтоб удовлетворить мое любопытство... Когда вернетесь в Нью-Вашингтон, будьте добры, загляните в Комитет околосемных исследований и попробуйте раздобыть там файлы по «Терраниуму-9». Почитайте и посмотрите, какие еще заказы делал Флэммерсфелд. Ну, и другие документы, к примеру, генетическая история капусты, исследование крови больных гемофилией... — он улыбнулся. — Готов побиться об заклад, тот сорт, с которым он работал, назывался «капуста савойская». А пробы крови он получал от потомков Савойской королевской семьи.

Дейвенпорт растерянно заморгал.

— Савойской? Но к чему Флэммерсфелду понадобилось останавливаться именно на этом сорте? И этом образчике крови?..

— Да по очень простой причине. Из стремления к совершенству.

Дейвенпорт задумался, потом покачал головой.

— Знаете, лично мне кажется, что порой стремление к совершенству может перерасти в безумие.

Доктор Эрт прикрыл рот пухлой ладошкой.

— Вы настолько точно угадали мои мысли, что теперь как-то даже неудобно требовать дополнительную плату.

Дейвенпорт устало вздохнул, затем все же спросил:

— И какова же она?

— Посоветуйте ученому, который займет место Флэммерсфелда на «Терраниуме», скрестить черепаху с кузнечиком.

Дейвенпорт пытался представить, на что будет похоже это создание, но воображения ему не хватило.

— Ради бога! Зачем?..

— Да затем, что, когда я потеряю очки в черепаховой оправе, они бы начали стрекотать. И подсказали бы, где их надо искать.

Гарри Тертлдав ПАДЕНИЕ ТРЕНТОРА

Императорский дворец стоял в самом центре сада, раскинувшегося на добрую сотню квадратных миль. В нормальных и даже аномальных условиях этого было достаточно, чтоб защитить обитателей дворца от грохота и лязга всего остального металлического мира Трентора.

Нынешние же времена назвать нормальными было никак нельзя. Равно как и аномальными — слишком уж мягко сказано. Настали времена просто катастрофические. Среди магнолий и роз в саду торчали доселе невиданные «растения» — пусковые устройства для ракет. И даже в стенах дворца Дейгоберт VIII слышал приглушенный рев. Но еще хуже был страх, который приносили с собой эти звуки.

Солдат, ворвавшийся на командный пункт как раз в тот момент, когда Император Галактики и его офицеры пытались выработать план для отражения последней атаки Джилмера, даже не отдав чести, возбужденно выпалил:

— Еще одно успешное приземление, сир! На этот раз в секторе Невраск.

Взгляд Дейгоберта вернулся к карте, разложенной на столе.

— Слишком близко, совсем рядом, — пробормотал он. — Откуда такая прыть у этого негодяя и бандита?

Один из маршалов императора впился взором в посланника.

— Как это, интересно, им удалось там высадиться? Ведь Невраск состоит практически из одних гарнизонов. — Солдат точно язык проглотил. — Отвечай! — рявкнул маршал.

Мужчина вздохнул, помедлил еще секунду, потом ответил:

— Часть войск... они просто бежали, маршал Родак, сэр, как только там приземлились люди Джилмера. А другие... — он снова сделал паузу, нервно облизал

губы, потом все же закончил: — Другие подняли бунт, сэр.

— Снова предательство! — взорвался Дейгоберт. — Почему никто не желает сражаться, чтоб защитить своего императора?..

Тут заговорил единственный находившийся в комнате штатский:

— Люди, сэр, станут сражаться только в том случае, когда будут знать, что им есть за что сражаться. Университет вот уже четыре дня противостоит атакам противника. И мы его не сдадим.

— Клянусь данной мне властью, доктор Сарнс, я очень благодарен вашим студентам, да. И горжусь ими! — сказал Дейгоберт. — Да регулярные войска им и в подметки не годятся!

Иоким Сарнс вежливо кивнул. Маршал Родак поспешил поправить своего господина:

— Ваше величество, эти студенты сражаются только за себя и свои здания. Вовсе не за вас, — сказал он. И увидел, как склоненное над картой лицо императора налилось кровью. «Красный от крови, которую люди Джилмера проливают по всему Трентору», — с горечью подумал Сарнс.

— Выходит, у нас нет надежды? — спросил Император Галактики.

— На победу? Никакой, — со всей определенностью, свойственной военным, ответил Родак. — А вот бежать, пожалуй, еще можно... С тем, чтобы потом вернуться и продолжить борьбу. Наш воздушный и космический флот пока что контролирует коридор над дворцом. Хотя, раз Джилмеру удалась высадка в Невраске, он очень скоро может достать нас оттуда ракетами.

— Лучше бежать, чем попасть в челюсти этого монстра. — Дейгоберт весь передернулся и снова взглянул на карту. — Уверен, у вас уже есть план эвакуации. Так выполняйте его, и быстро!

— Есть, сир! — и маршал заговорил в микрофон, укрепленный у рта.

Император обернулся к Иокиму Сарнсу.

— Вы с нами, профессор? На Тренторе, находящем-

ся под сапогом Джилмера, места для студентов уже не будет.

— Благодарю вас, сир. Но нет, — Сарнс покачал головой. Он носил не по моде длинные волосы, мышинопегие пряди свисали на уши и спину. — Мое место в университете. Рядом с учениками.

— Отлично сказано, — тихо, чтоб не слышал император Дейгоберт, заметил маршал Родак.

Похоже, у Дейгоберта все же осталась капля императорского достоинства.

— Если доктор Сарнс желает вернуться в университет, так тому и быть. Позаботьтесь о том, чтоб его доставили туда по воздуху, пока еще есть возможность.

— Слушаюсь, сир! — ответил маршал и протянул руку Иокиму Сарнсу. — Желаю удачи. Думаю, она вам пригодится.

Ко времени, когда воздушное такси подлетало к университету, лицо Иокима Сарнса приобрело зеленоватый оттенок. Девушка-пилот держала машину на высоте нескольких метров, а иногда — даже сантиметров над землей. И все время петляла — чтобы сбить с толку компьютерные прицелы ракет противника.

Машина с лязгом опустилась на крышу здания библиотеки. У доктора Сарнса даже зубы клацнули. Девушка распахнула дверцу. Сарнс попытался взять себя в руки.

— Э-э... спасибо вам огромное, — пробормотал он, расстегивая ремни безопасности.

— Давайте, вылезайте поживей и бегом в укрытие. Я не могу торчать тут целую вечность! — рявкнула в ответ девушка. Сарнс неловко выбрался наружу и затрусил к входу. Летательный аппарат точно ветром с крыши сдуло. Поднимаясь, он едва не сшиб профессора с ног.

Дверь отворилась. Оттуда выглянули двое в шлемах и рывком втащили Сарнса внутрь.

— Ну, как вы тут? — спросил он.

— Несколько выпускных классов понесли потери, — мрачно пробормотала в ответ Мариан Дрейбл. До нападения Джилмера она была заведующей библиотекой. Теперь, по мнению Сарнса, ее вполне можно было бы назвать помощником главнокомандующего. — Хотя пока еще держимся. Буквально несколько минут назад выбили их из спального корпуса номер семь.

— Молодцы, — сказал Сарнс. В делах военных он был такой же дилетант, как и его помощница. Но недостаток опыта с лихвой восполнялся отчаянной храбростью студентов. Эти молодые люди сражались с таким отчаянием и упорством, точно защищали святую землю. В каком-то смысле это так и есть, подумал Сарнс. И если люди Джилмера все же разрушат университет, науке во всей Галактике будет нанесен смертельный удар.

— А чем там занимается Дейгоберт? — спросил Эрджил Джунс. Он учился на диетолога, и вот уже в течение нескольких дней кормил целую армию студентов.

Сарнс не стал обманывать их.

— Собрался бежать.

Он заметил, как помрачнело лицо Мариан Дрейбл под прозрачным козырьком шлема.

— А нас, стало быть, бросают на произвол судьбы?

— Вместе со всеми остальными, кто поддерживал эту династию, — ответил Сарнс. «Тоже мне — династия — два поколения, — подумал он. — Хотя, если посмотреть, как развивалась за последние несколько столетий история Галактической Империи, два поколения не так уж и мало. И если узурпатор Джилмер все же захватит Трентор, истории этой, можно считать, пришел конец».

Казалось, Мариан умела читать его мысли.

— Этот Джилмер ведет себя ничем не лучше какого-нибудь варвара, явившегося с Периферии, — заметила она.

— Если бы! — вздохнул Эрджил Джунс. — Если бы

он был с Периферии, нам бы не пришлось иметь с ним дела.

— К сожалению, как видите, пришлось, — сказал Иоким Сарнс.

Толстые ковры императорского дворца... Ковры, по которым некогда ступали ноги Дрейгоберта VIII, Клеона II, Стэннелла VI, да что там говорить, даже такого злодея и изверга, как сам Амменетик Великий!

Теперь они приглушали поступь Джилмера I, самопровозглашенного Императора Галактики и Повелителя Всех и Вся. Джилмер досадливо пнул ковер носком сапога. Он привык слышать, как звонко и гордо постукивают каблуки, еще издали возвещая о его появлении. А теперь получалось, что человек, целиком сделанный из металла, ступает по дворцовым коврам совсем бесшумно. Точно крадется. И это ему не нравилось.

Он откинул голову и поднес к губам бутылку. Огненная жидкость обожгла горло. Отпив еще один большой глоток, он отбросил бутылку. Она ударилась о стену и разбилась. Испуганные слуги бросились наводить порядок.

— Зря выбросили, — сказал Верджис Фенн.

Джилмер укоризненно взглянул на командующего своим флотом.

— Почему? Да там таких еще полным-полно! — и он злобно крикнул слуге: — Тащи мне еще одну, такую же. И еще одну для Верджиса! — Слуга опрометью бросился исполнять приказание.

— Ну, понял? — сказал Джилмер Фенну. — Клянись Галактикой, да нам и за сто лет не израсходовать всех запасов Трентора!

— Наверное, вы правы, — ответил Фенн. Он был поспокойней и потише, чем его главнокомандующий. Возможно, просто более тактичный. И вообще мало походил на лидера. Задумался на секунду-другую, а потом добавил: — Но вообще-то Трентору понадобилось куда больше ста лет, чтоб собрать все это. Возможно, даже целая тысяча лет.

— Ну и что с того? — ответил Джилмер. — Ведь именно это мы и хотели заполучить, верно? И хоть этот Дейгоберт был отъявленным трусом, никто прежде не осмеливался напасть на Трентор. А мы это сделали! И теперь все, что здесь есть, мое!

Слуга возвратился с бутылками. Поставил их на стол из хрусталя и серебра и удалился. Джилмер выпил. Вообще, если сосчитать все, что он выпил за последние два дня, он бы не то что видеть, даже ходить и говорить не смог бы. Однако победа опьяняла сильнее алкоголя. Джилмер Победитель — вот кто он отныне такой!

Верджис Фенн тоже пил, но более умеренно.

— Да, теперь весь Трентор наш, кроме университета. Вот уже семь дней сопротивляются эти сумасшедшие.

— А нечего играть с ними больше в бирюльки, — злобно проворчал Джилмер. — Клянусь Галактикой, я превращу их в звездную пыль, и делу конец! Займись этим, Фенн. Немедля!..

— Как скажете, сэр... то есть сир, но... — Фенн замялся.

— Ну, что там еще? — нахмурился Джилмер. — Раз продолжают сражаться за Дейгоберта, стало быть, для меня они предатели. А предателей надо уничтожать! И всему остальному Трентору это послужит хорошим уроком!.. — и он даже зажмурился, страшно довольный собой. И стал похож на сову.

Но Фенн, похоже, не слышал его. А просто заметил после паузы:

— Не думаю, что они продолжают сражаться за Дейгоберта. Нет, они сражаются против нас, стараясь сохранить то, что им принадлежит. Кстати, именно поэтому с такими людьми справиться легче. И если мы, то есть вы... разбомбите университет, ученые всей Галактики навеки проклянут ваше имя.

— Да мне плевать на всех ученых Галактики, пусть хоть звездную пыль жрут, — проворчал Джилмер. И тут же почувствовал, что не прав. Ведь, раз он провозгласил себя императором, стало быть, и вести себя следует, как подобает императору. И он нехотя выдал: —

Ладно. Если признают меня и прекратят обороняться, так уж и быть, пусть себе живут.

— Так что, может, мне скомандовать прекратить огонь? — спросил Фенн.

— Валяй, действуй, раз считаешь, что это неплохая идея, — сказал Джилмер. — Но только в том случае, если они признают меня, понял? А если все еще считают, что Императором Галактики является этот сын шлюхи, этот поганец Дейгоберт, разнеси их в пыль!

— Есть, сир, — на сей раз Фенн без запинки произнес это почтительное обращение. «Да ведь и он тоже мой слуга», — подумал Джилмер.

И новый Император Галактики отпил еще один добрый глоток из бутылки. Потом сделал вид, что собирается зашвырнуть ею в Фенна. Тот уже пригнулся, но Джилмер расхохотался и осторожно поставил бутылку на стол.

Джилмер отправился на командный пункт, расположенный в самом сердце дворца. Тот самый командный пункт, из которого совсем недавно бедный глупый Дейгоберт VIII пытался оборонять Трентор. Там сапоги Джилмера стучали звонко, как им и положено. Тот, кто создавал этот командный пункт в дни славы и расцвета Галактической Империи, должно быть, знал толк в командирах и их сапогах.

Телеэкран, на который смотрел Фенн, вдруг погас. Он развернулся в кресле и с удивлением увидел, что за спиной у него стоит Джилмер.

— Мы договорились о прекращении огня между нашими силами и студентами, сир, — доложил он. — Устроить это не составляло труда. Наши войска и их отряды будут охранять университет совместными силами до вступления в действие соответствующего военного соглашения.

— Хорошо, молодец, — сказал Джилмер.

— Благодарю вас. Декан университета приглашает вас к себе, чтобы выработать условия этого соглашения. Он даже предлагает своих людей в заложники,

чтоб обеспечить вашу безопасность. И еще говорит, что прекрасно осознает, что может случиться, если он или его люди обманут вас. Так что, позвонить ему и сказать, что никуда вы не пойдете?

— Нет, отчего же, — ответил Джилмер. — Я пойду. Ты что думаешь, я испугаюсь какой-то ученой крысы? К тому же, — и на губах его заиграла плотоядная улыбка, — хотелось бы посмотреть, за какие такие сокровища столь отчаянно сражались эти люди. И если не удастся завладеть ими силой, наложу на них такие налоги, что мало не покажется. Для этого и существуют на свете императоры. Так что валяй, договаривайся с этим... как его, а, Верджис?

— Иоким Сарнс.

— Да, с Иокимом Сарнсом. Кстати, как прикажешь называть его при встрече? Генерал Сарнс? Адмирал? А может, маршал?

Фенн, похоже, растерялся.

— Да нет. Вроде бы он привык, что все обращаются к нему просто декан, сир.

— Декан? — И Джилмер, закинув голову, громко расхохотался. — Ага! Так, значит, мне предстоит встретиться с грозным деканом Иокимом Сарнсом, грозой аудиторий. Почему бы нет? Устрой эту встречу, Верджис. А пока, — он отвернулся, — хочу проверить, как обстоят наши дела на всей остальной планете.

И вот на телеэкранах, выстроившихся в ряд, начали возникать изображения самых разных уголков Трентора. Вот он увидел отряд своих солдат, тащивших пластиковые тубы, заполненные драгоценностями, — они грузили их на корабли. Вот другие солдаты грабят чью-то резиденцию. Еще один отряд, все совершенно пьяные, в компании с женщинами с Трентора. Их было вдвое больше, чем мужчин. Некоторые насмерть перепуганы, другие улыбаются и ведут себя совершенно бесстыдно.

Джилмер ухмыльнулся. Именно так он возьмет весь Трентор. Засунет его в мешок и унесет. Будет высасывать из него все соки на протяжении пятидесяти поколений, пока не выжмет до капли. Глядя на то, как осу-

ществляется его мечта, он на миг позабыл обо всем на свете.

Он смотрел и смотрел... Взгляд его вернулся к третьему экрану. От красоты некоторых женщин просто захватывало дух, но для его людей они всего лишь часть добычи. Во Вселенной существуют миллиарды красоток, есть из кого выбирать. А остальных можно просто отбросить, как ненужный хлам.

Улыбаясь в сладострастном предвкушении, Джилмер двинулся по спиралеобразному пандусу, ведущему к императорским опочивальням. Даже в самых смелых мечтаниях он не мог представить себе такой роскоши. Похоже, что на протяжении нескольких тысяч лет все деньги на этой планете тратились исключительно на услады и удовольствия.

Он вошел и увидел, что Билли тоже улыбается. По плечам рассыпаны роскошные рыжевато-каштановые волосы. Пренебрегая всеми удобствами, которые предоставляла спальня, Джилмер без долгих размышлений заключил красотку в объятия, и они улеглись на пол. Только теперь, пожалуй, он по достоинству оценил преимущества, которые давали толстые мягкие ковры.

Она тихо мурлыкала что-то. Билли была женщиной Джилмера еще с тех пор, как сам он был безвестным, но амбициозным лейтенантом. И ему всегда нравилось смотреть на нее и заниматься с ней любовью.

Ему и теперь нравится, сказал он себе. И это истинная правда. Впрочем, если уж быть до конца честным, не вся правда... Ведь телеэкран только что доказал, что по стандартам Трентора внешность у нее самая что ни на есть заурядная. А разве это справедливо, чтоб Императору Галактики, Повелителю Всех и Вся, принадлежала женщина с заурядной внешностью?..

И он тихо проворочал что-то.

— О чем подумал? — спросила Билли.

— Да так, ни о чем особенно, — буркнул он в ответ и еще крепче притиснул ее к себе. «Да и голос у нее что-то не слишком нежный», — подумал он.

— Вон он, пожаловал, — сказала Мариан Дрейбл и указала на одинокую, спускавшуюся по трапу фигуру. Машина приземлилась на нейтральной полосе, между расположением частей Джилмера и удерживаемой студентами территорией.

— Он один, — удивленно заметил Иоким Сарнс. — А ведь я говорил, что мы можем предоставить ему надежную охрану. Оказывается, он храбрее, чем я думал.

— Какое это имеет значение, если он не может... или не хочет контролировать свои войска? — с горечью произнесла Мариан Дрейбл. — Сколько еще зверски изнасилованных женщин поступило сегодня к нам в клинику?..

— Тридцать семь, — ответил Сарнс. — И пятеро мужчин.

— И это только с одного крошечного уголка Трентора, там, где ведется хоть какой-то подсчет, — сказала она. — А сколько их по всей планете, где проживает около сорока миллиардов человек? Скольких еще они изнасиловали, замучили, ограбили? Сколько домов подожгли просто так, ради забавы? Сколько еще совершили убийств, а, Иоким? О какой храбрости может идти речь, раз человек этот виновен в стольких преступлениях?

— Да, они разрушители... — Сарнс устало провел рукой по лбу. — Я знаю и понимаю это, Мариан. Но если в нем осталась хоть капля мужества, справиться с ним будет не так-то просто.

— Это верно, — согласилась девушка. — Ладно, тихо, он уже идет.

Этот Джилмер, подумал Сарнс, больше похож на вождя каких-нибудь варваров, а не на Императора. Пусть даже и явился сюда, облаченный в пурпурный плащ, который широкими фалдами развевался при ходьбе. Правда, под плащом виднелась пятнистая зелено-коричневая униформа, типа той, что носили его солдаты. «Наверное, носит ее для камуфляжа, — подумал Сарнс, — хотя здесь, на сверкающем металлическим блеском Тренторе, это скорей выдает, чем служит

прикрытием». Гораздо сложнее различить издали серое пальто и брюки, которые были надеты на нем, Сарнсе.

Сапоги повелителя выбивали по полу отчетливую металлическую дробь.

— Ваше величество, — приветствовал его Сарнс, зная, что должен заговорить первым, поскольку, как ни крути, а Джилмер действительно захватил Трентор, и этот титул принадлежит ему *de facto*, а не только *de jure*. Для Сарнса, как всегда, важней всего была истина.

— Ты, что ли, декан Сарнс? — грубый рокочущий голос как нельзя более соответствовал грозной внешности этого бородача. Затем Император Галактики почесал нос и добавил: — А твои ребята крутые вояки, Сарнс. Прямо скажу: я не против иметь таких в своей армии.

— Можете кинуть клич, сир, но только сомневаюсь, чтоб нашлись добровольцы, — ответил Сарнс. — Эти юноши и девушки по профессии своей не солдаты, просто студенты. Их, как и меня, интересуют более абстрактные вещи.

Джилмер кивнул.

— Слышал, знаю. Но как-то не слишком верится. Если уж совсем честно, ну просто никак не верится, Сарнс. Чтоб прожить всю жизнь, охотясь за какой-то там... как она у вас называется? Абстрактной истиной, да?

— И тем не менее это так, — с гордостью произнес Сарнс. — Это университет. Сосредоточие всей мудрости и знаний, накопленных за тысячелетия истории нашей планеты. И мы их кодируем, систематизируем, а иногда даже привносим нечто новое.

— До чего ж занудный способ проводить время, — бросил Джилмер. Похоже, ему было плевать, задевает он при этом чувства Сарнса или нет. Нет, скорее он ожидал, что Сарнс должен согласиться с доводом, казавшимся неоспоримой истиной. — Что проку от этих самых знаний, если нечего есть и пить, не с кем спать, нельзя стрелять во врагов?

«И все же он варвар», — подумал Сарнс. К счастью для себя, декан обладал богатым опытом администра-

тивной работы и научился скрывать свои истинные чувства. И он заметил:

— Позвольте привести вам один пример, сир. И задать такой вопрос. На чем, интересно, прибыла на Трентор ваша победоносная армия?..

— На космических кораблях, на чем же еще! — удивился Джилмер. — Или вы думали, мы сюда пешком притопали? — и он засмеялся, страшно довольный своей шуткой.

Сарнс выдавил вежливую улыбку.

— Ну, разумеется, не пешком. Но что произойдет, если один из ваших кораблей выйдет из строя или потребует ремонта?

— Так мы починим, и все дела. Будто нельзя найти во всей этой долбаной Галактике человека, который не разобрался бы в разных там механизмах, — ответил Джилмер и нахмурился. Он почувствовал подвох. И тут, наконец, до него дошло. — С помощью ваших знаний, да? Нет, ей-богу, Сарнс, вы что, хотите сказать, что у вас в университете полно техников, которые действительно знают свое дело? В таком случае забираю их всех до единого к себе и делаю вас и их тоже страшно богатыми людьми. Да я просто озолочу их, обещаю!

— Да, у нас есть люди, хотя, к сожалению, не так много, которые изучают эти предметы. И, как я обещал прежде, вы можете с ними поговорить... И, вполне возможно, некоторые действительно согласятся присоединиться к вам. И начать работать над разными техническими проектами, — Сарнс на секунду задумался, затем продолжил: — У нас также есть искусные доктора, специалисты-компьютерщики, студенты, изучающие различные другие дисциплины, полезные для развития Империи.

Он взглянул на Джилмера и понял, что тот заглотал наживку.

— И они согласятся работать на меня? — спросил тот.

— Некоторые, может, и да. Другие же... а таких, мне думается, еще больше, согласятся обучать ваших техни-

ков и персонал. Ну и, разумеется, — осторожно добавил он, — все они будут меньше стараться, если вы станете на них давить. И вы, таким образом, потеряете много очень ценных людей.

— Гм... — буркнул Джилмер. А потом заметил: — Если корабли со всеми этими техниками, медиками и компьютерщиками ломаются, что нам тогда от них толку? Проще уничтожить их, и все дела.

— Может, и не сразу, но со временем наши ученые принесут вам больше пользы, чем непосредственно сейчас, работая, как я догадываюсь, с не слишком квалифицированным персоналом.

Джилмер понизил голос:

— Вот что, Сарнс. Я не могу позволить себе думать об отдаленном будущем. Ставлю миллион против одного: сейчас, пока мы тут беседуем, к планете движется минимум три флотилии. Тем же путем, что шел я. Но только их цель — расправиться не с Дейгобертом, а уже со мной... Теперь, после падения Трентора, каждая собака хочет урвать свою кость. И свести со мной счеты.

«А ведь он по-своему прав, — подумал Сарнс. — И к тому же заслуживает этого». И тут вдруг ученому, невольню превратившемуся в генерала, стало грустно. У него нет больше времени узнавать что-то новое, думать о чем-либо не сиюминутном. О, как же долго эта болезнь терзала Трентор!.. А Джилмер — худшее из ее осложнений. Он хуже всех своих императоров-предшественников, но корень этой болезни, этого зла все тот же.

Сарнс подавил вздох и заметил:

— Что ж, как бы там ни было, но мы несколько отклонились от основной темы и цели. А цель наша — выработать соглашение между вашими вооруженными силами и студентами, защитниками университета. С тем, что бы каждая из сторон могла спокойно вернуться к делу, которое считает главным.

— Да, это верно, — кивнул Джилмер.

На сей раз Сарнс еле сдержал улыбку. Подсунь варвару пустую безделку, поставь самую примитивную цель, и он дальше носа своего уже ничего не видит.

— Желаете осмотреть наши владения? — спросил он.

— Почему бы и нет? — ответил Джилмер. — Вперед, декан Сарнс, посмотрим, кого вы превратили в солдат. Как знать?.. Может, я и вас перевербую? — и Джилмер захохотал. После секундной паузы Сарнс присоединился к нему. Он и не подозревал, что этому варвару свойственно чувство юмора.

Первое, что поразило Джилмера в стенах университета, это тишина. Почти все его обитатели расхаживали в туфлях на мягких подошвах, ступали по металлическому полу совершенно бесшумно. Стук сапог Джилмера эхом разносился по длинным коридорам. Но даже эти звонкие звуки были сравнимы с плеском мелких камушков, бросаемых в океан безмолвия.

«И люди здесь тоже какие-то странные, — подумал Джилмер. — Те самые люди, что так храбро сражались с его солдатами. Почти все в сером, как Сарнс. На других — одежда пастельных тонов, отчего они кажутся невесомыми духами, парящими в пространстве. И говорят такими тихими, приглушенными голосами, что только усиливает впечатление их бестелесности».

И Джилмеру вспомнились полузабытые детские сказки о духах. Он вздрогнул и постарался держаться поближе к своей охране.

— Чего это они тут делают? — спросил он. Голос тоже откликнулся эхом под сводами здания и быстро замер.

Сарнс заглянул в одну из лабораторий.

— Проводят кое-какие исследования по невробиологии, — ответил он. — Секундочку, — и он нырнул в полуоткрытую дверь. — Да, я не ошибся. Работают над усовершенствованием препаратов, индуцирующих сон.

Голос декана звучал отчетливо и звонко, но эха при этом никакого не было. Джилмер попробовал скопировать его интонацию:

— А здесь что? — спросил он. И тут же нахмурил-

ся — получилось какое-то хриплое криканье. Сдавленный шепот, в котором отчетливо слышался страх.

Сарнс, похоже, ничего не заметил.

— А здесь у нас группа, занимающаяся психостатистическими исследованиями, — объяснил он. И двинулся дальше, словно само собой подразумевалось, что гость знает, что это такое.

Джилмер не знал, но расспрашивать не стал. Указал на другую дверь. Там, в комнате, сидели за компьютерами люди. Перед другими стояли на столах какие-то предметы, похожие на каменные глыбы.

— Чего это они тут делают? — спросил он. Ему никак не удавалось скопировать спокойно-небрежный тон декана Сарнса.

— О, это один из наиболее удивительных наших проектов. Уверен, он вас заинтересует. — Джилмер, который вовсе не был в этом уверен, не стал перебивать ученого. — Они используют древние надписи и синтезаторы голоса. Это команда наших лингвистов. Пытаются реконструировать мифический язык, называемый английским. Именно от него тысячи лет тому назад произошел наш современный язык.

— О, — только и заметил Джилмер. Он сроду не слыхивал ни о каком английском. «Паршиво, — подумал он. — Чего я только не знаю, о чем эти ученые крысы и представления не имеют! К примеру, о тактике боя на открытом пространстве, о пистолете-бластере, о взаимодействии мобильных отрядов быстрого реагирования. А вот об английском — нет...»

Должно быть, Иоким Сарнс прочитал его мысли, но истолковал их по-своему:

— Сейчас вы увидите то главное, за что мы так отчаянно сражались. Нашу библиотеку.

— Здесь хранятся все знания, накопленные человечеством, — вставила помощница Сарнса Мариан Дрейбл.

Джилмер уловил в ее голосе оттенок гордости.

— Это вы там командуете? — спросил он девушку.

Она кивнула и улыбнулась. И Джилмер увидел, что она лет на десять моложе, чем ему вначале показалось.

Ее старили мрачно-сосредоточенное лицо и унылого цвета одежда. Мариан сказала:

— Вот в этой комнате студенты и ученые получают распечатки книг-фильмов и статей из разных журналов, которые хранятся в наших файлах. По всем интересующим их предметам.

— И где же эти ваши книги-фильмы? — подозрительно спросил Джилмер. Раза два ему доводилось посещать библиотеки на других планетах, и там все помещения выглядели, как просмотрные залы. Здесь же ничего подобного не наблюдалось. Подозрение нарастало. А что, если это блеф, какой-то грандиозный обман с целью спрятать от него... но что?.. Если да, если эта девчонка действительно морочит ему голову, заплатит весь университет!

Но Мариан лишь весело рассмеялась.

— Вы еще не готовы видеть книги-фильмы. Прежде чем студент или студентка начнет просматривать книги-фильмы, он или она должны иметь отчетливое представление, что именно их интересует. Знать больше, чем может дать одно название. А потому вот здесь у нас имеется так называемая Абстрактная секция, где люди проглядывают специальные списки с резюме по материалам, которые могут их заинтересовать.

Здесь тоже стояли компьютеры и за ними сидели люди. Джилмер с трудом подавил зевок. Мариан Дрейбл не унималась:

— У нас также имеются отдел новых поступлений и каталожный отдел. Там перерабатываются все новые книги-фильмы, и уже затем их включают в наше собрание.

— Новые книги-фильмы? — недоуменно переспросил Джилмер. — Вы что, хотите сказать — кто-то до сих пор их пишет?..

— Ну, не так много, как в те времена, когда был основан наш университет, — грустно заметила библиотечка-карша. — И, естественно, теперь, когда мы оказались оторванными от Периферии и даже некоторых внутренних регионов, поступления значительно сократились. И иногда проходит много лет, прежде чем удастся

получить оттуда копию. Но мы стараемся, и наше собрание считается богатейшим во всей Галактике.

Они подошли к лифту. Иоким Сарнс надавил на кнопку. Двери отворились.

— Сюда, прошу вас, — сказал Сарнс и вошел первым.

Мариан Дрейбл и Джилмер последовали за ним. Последний — с некоторым колебанием. Если эти университетские люди все же решили расправиться с ним, то более подходящего места, чем лифт, не найти. Да нет, пожалуй, если б они хотели с ним расправиться, кто мешал им сделать это с самого начала? И он решил, что опасаться нечего.

Лифт с урчанием поехал вниз, затем остановился. Двери отворились.

— А здесь читальные залы, — сказала Мариан.

Джилмер увидел ряды каких-то кабинок. Большинство из них были пусты.

— Обычно тут бывает гораздо больше народа, — заметил Иоким Сарнс. — Студенты, которые прежде занимались здесь, обороняют университет.

Словно в подтверждение ее слов дверь одной из кабинок отворилась. На молоденькой женщине, которая вышла оттуда, красовалась серая военная униформа, с плеча свисал бластер. Выглядела она неряшливой и усталой, как выглядят солдаты на передовой. Джилмер заметил также, что у нее какое-то странное выражение лица. Точно она забыла и о войне, и об оружии. Все внимание девушки было сосредоточено на маленьком ручном калькуляторе, который она держала в руке и продолжала нажимать на кнопки даже по дороге к лифтам.

— Хотите заглянуть в один из читальных залов? — спросила Мариан Дрейбл.

Джилмер задумался на секунду, потом отрицательно помотал головой. Он уже побывал в нескольких читальных залах в разных уголках Галактики. Все они одинаковы. Просто здесь их очень много, но в целом разницы никакой.

— И это все, что вы хотели мне показать? — спросил он.

— Нет, еще кое-что, — ответила Мариан Дрейбл.

Пожав плечами, он последовал за ней и Сарнсом в лифт. И они снова начали спускаться все ниже и ниже.

— Вам предоставлена особая честь. Сейчас вы увидите то, что мы крайне редко показываем нашим гостям, — сказал Иоким Сарнс. — Даже не все сотрудники университета видели это. Надеюсь, это поможет вам лучше понять нас.

Лифт остановился. Джилмер вышел, огляделся.

— Черт побери... — изумленно пробормотал он.

Казалось, помещение тянется на многие километры. С пола до потолка расположились полки, плотно уставленные рядами книг-фильмов.

— С помощью компьютера мы можем сканировать любой материал и передать изображение в читальный зал, — сказала Мариан Дрейбл.

Джилмер подошел к ближайшей из полок. Сапоги постукивали как-то странно глухо. Он глянул вниз.

— Каменный пол, — удивился он. — Это еще зачем? Почему не металлический, как везде?

— Дело в том, что наше книгохранилище расположено очень глубоко. Под уровнем застройки Трентора, — объяснил Иоким Сарнс. — Наверху для него не нашлось места. Там все пространство отдано людям. Кроме того, столь глубокое расположение предоставляет дополнительную защиту на случай катастроф. Даже взрыв ядерной бомбы вряд ли может повредить.

— К тому же это лишь одно из наших многочисленных книгохранилищ, — пояснила Мариан Дрейбл. — Мы храним также дубликаты на случай повреждения основного фонда.

Внезапно Джилмеру представилась картина: студенты и ученые, точно мыши, снуют туда-сюда по этим узким проходам, снуют в течение долгих лет, веков, тысячелетий, прочесывают само основание Трентора в поисках накопленных человечеством знаний. Хуже того, мысленно он представил всю тяжесть камней и ме-

талла, находившихся прямо над головой, давящих сверху. Сам он вырос наверху, на ферме, где было много пространства и неба. Да и вся остальная жизнь прошла на открытом пространстве. И он вдруг с ужасом представил, как вся эта тяжесть может обрушиться на него, раздавить, так что и пятнышка крови не останется. И на лбу у него выступили мелкие капельки пота.

— Может, вернемся? — хрипло спросил он.

— Как скажете, сир, — вежливо ответил Иоким Сарнс. — Надеюсь, теперь вы убедились, что тут у нас занимаются исключительно приобретением знаний. И не вмешиваются в политику... Во всяком случае, до тех пор, пока кто-то не предпримет попытки вторгнуться в наши владения. Думаю, что с учетом всего этого мы сможем составить соглашение, учитывающее интересы обеих сторон.

Единственное, чего хотелось сейчас Джилмеру, так это убраться как можно дальше из этих катакомб, вернуться к своим людям. Он заметил, что Сарнс почему-то не нажимает кнопки лифта. Может, ждет, пока он, Джилмер, не даст согласия?..

— Да, да, конечно, — торопливо ответил он, сознавая, что подобная поспешность не соответствует его рангу. — Вы скажете своим людям, чтоб они сложили оружие. Я прикажу своим отойти от университета.

— Вот и прекрасно, — сказал Сарнс. И сделал вид, что он просто по рассеянности забыл нажать кнопку лифта — впрочем, он и был несколько рассеянным, как и полагается ученому. И он тут же поспешил исправить эту свою оплошность. Они поднимались в полном молчании. С каждой следующей секундой Джилмеру казалось, что с плеч его снимаются все новые тысячи тонн тяжести.

Когда он в сопровождении охраны вернулся в то помещение, с которого они начали, к ним подбежал мужчина с двумя листами пергамента.

— Это Эрджил Джунс, — сказал Сарнс. — Ну, что вы нам приготовили, Эрджил?

— Вот два экземпляра соглашения о перемирии, —

ответил Джунс. — Требуются две подписи. Императора и ваша, — и он протянул им листки.

Джилмер взял свой. Бегло просмотрел документ, подписал и протянул руку за вторым, который был у Иокима Сарнса. И тут вдруг подумал: как это получилось, что текст договора уже готов, когда сам он согласился на него всего лишь несколько минут назад.

— Вы подслушивали! — злобно прошипел он Джунсу.

— Увы, сир, извините, но именно так, — сказал Джунс. — Дело в том, что голосовой мониторинг — это часть секретной системы сигнализации, обеспечивающей охрану фондов. И я воспользовался ею, чтоб изготовить эти документы как можно быстрее. Я полагал, что у Вашего Величества слишком много других важных и неотложных дел. Вот и не хотелось вас задерживать.

Только тут Джилмер почувствовал, как хочется ему поскорее вернуться в привычную обстановку, к своим войскам.

— Ладно уж, будь по-вашему, — пробормотал он и подписал вторую копию договора. А этот Джунс, видеть, парень смысленый. Очень даже смысленый. Трентору надо приготовиться отразить очередную атаку из космоса, причем немедленно. В противном случае он, Джилмер, Император Галактики, будет уничтожен.

Итак, Джилмер, Император Галактики, свернул свою копию договора в трубочку, рассеянно сунул вечное перо Эрджила Джунса в карман своей туники и повелительным тоном произнес:

— А теперь будьте любезны проводить меня обратно к моим людям.

— Разумеется, сир, — Иоким Сарнс протянул свою копию Мариан Дрейбл. — Вот сюда, прошу вас, пожалуйста.

«Сзади этот Джилмер куда больше похож на Императора, чем спереди», — подумала Мариан Дрейбл, провожая мужчин глазами. Сверкающий пурпурный плащ

придавал его облику благородство и величие и ничуть не сочетался с камуфляжной формой, которую он носил под ним. Если же смотреть на него спереди, этот плащ выглядел каким-то бутафорским. Словно он украл его из театра.

— Императору негоже походить на вора, — пробормотала она.

— Почему же? — заметил Эрджил Джунс, которому было страшно жаль своего вечного пера. — Он и есть самый настоящий вор.

— Колдуны! — воскликнула Билли. — Ты попался к ним в ловушку, и они тебя охмурили!..

— Не болтай глупостей, на свете нет никаких колдунов! — огрызнулся Джилмер.

— Нет? Тогда почему ты не получил от этих университетских ничего стоящего, раз они были полностью в твоей власти? — спросила она.

— Получил. Мы подписали соглашение. Мы больше не стреляем в них, они в нас — тоже. Они признали меня Императором Галактики. Чего же больше?

— Надо было сделать так, чтоб тебя боялись. Вселить в них страх смерти. Если ты Император Галактики, они должны вести себя, как твои подданные, а не как равные! Разве можно относиться к Императору как к равному? А ты им позволил! — Билли возмущенно встряхнула медной гривой. — До сих пор не пойму, как это ты допустил такое!.. Ведь на твоей стороне была вся армия, весь твой флот... почему же ты не наказал их за эту дерзость?

— Да оставь ты меня в покое, — устало ответил Джилмер. Только этого ему не хватало — выслушивать упреки Билли. Он и без нее наслушался их предостаточно от того же Верджиса Фенна. Фенн спросил его, как же это получилось, что университетские, устно выразившие готовность помогать им с обучением персонала, никак не отразили этот момент в договоре. Он сердился и недоумевал, отчего же главнокомандующий не настоял на этом. И в глубине души подозревал, что у

того просто не хватило смелости внести это изменение. Но почему? Ведь вся реальная власть на планете отныне принадлежит только ему! А он... он почему-то не стоял.

— Нет, не оставлю, — сказала Билли. — Должен хоть кто-то поднять твой боевой дух, вселить в тебя прежнюю...

— Заткнись! — рявкнул Император грозным голосом, слышав который все его подчиненные, даже самые отчаянные, не осмеливались возражать.

Однако Билли осмелилась.

— Не заткнись! Они самые настоящие колдуны. Да о таких говорится в каждой сказке, которая попадает к нам с Периферии.

— Все эти сказки — сплошное вранье, — Джилмер был рад сменить тему. Голова раскалывалась от боли. Если его Билли стала такой упрямицей, возможно, стоит подумать о замене. Найти себе какую-нибудь хорошенькую маленькую птичку с Трентора, которая будет открывать ротик только для того, чтобы сказать «да».

— Нет, не вранье, — упрямо замотала головой Билли.

— А что же еще? — насмешливо спросил Джилмер. — Ведь на свете не существует такой штуки, как силовой экран размером с человека. Его просто не может быть, во всей Империи не сыскать такого. А уж у нас в Империи есть все. Не существует также способа вскрыть персональную капсулу, если в файле отсутствуют характеристики данного человека. Так что все эти байки о существовании подобных вещей — просто вранье и ничего больше.

— Но ведь есть же волшебники, которые делают разные фокусы, и делают их только с помощью волшебства, — не сдавалась Билли. — А что еще, как не чистой воды колдовство, заставило тебя отказаться от покорения университета? Что, скажи мне? Ты позволил им настоять на своем, признал, что университет принадлежит им по праву, в то время как все на Тренторе должно принадлежать только тебе!

— Принадлежать — это еще не все. Надо уметь удержать, — пробормотал Джилмер. И вышел из спальни. Он не нашел здесь утешения, которого искал. По возвращении из университета его ждало послание от космической разведывательной группы: в десяти парсеках от Трентора собирался флот. Флот, который ему не принадлежал. Если он хочет удержать Трентор, придется вступить в новое сражение. И все эти намеки на то, что люди из университета обвели его вокруг пальца, казались в такой момент просто невыносимыми.

Ну неужели Билли этого не понимает? И Джилмер почувствовал, как его захлестывает ярость. Если нет, к дьяволу эту сучку! И он ткнул пальцем в первого же попавшегося на пути слугу.

— Эй! Ты!

Мужчина вздрогнул. В отличие от Билли, он, как, впрочем, и все остальные слуги, знал, что шутки с Джилмером плохи.

— Сир? — с почтением и опаской произнес он.

— Возьми помощников, сколько потребуется, и вышвырни эту болтливую шлюху из моей спальни! И найди мне что-нибудь новенькое, надеюсь, самобразишь, что к чему. Что-нибудь стоящее самого Императора, ну, ты меня понял. Но главное — чтоб поменьше молола языком.

— Слушаюсь, сир, — слуга позволил себе улыбнуться. — Думаю, здесь с этим проблем не возникнет.

Комната в библиотеке. Эту комнату Джилмеру во время визита никто не показывал.

Здесь собрались: Иоким Сарнс, Мариан Дрейбл, Эрджил Джунс... Декан, библиотечарь, врач-диетолог... Они же — главнокомандующий, его помощник, интендант, ну, и так далее, в том же духе. Они стояли у доски с уравнениями — красные символы на сером фоне. Иоким Сарнс заговорил первым:

— Не думал, что это будет так просто.

— Я тоже не думала, — согласилась с ним Мариан Дрейбл. — Мне казалось, была высока вероятность

того, что придется воздействовать на мозг Джилмера. Чтоб уже точно убедиться, что он оставит нас в покое.

— Тут очень помогли храбрость и мужество, которые он, несомненно, сохранил, — заметил Сарнс. — Именно поэтому в нем пробудилось уважение к студентам-солдатам. В то время как более прагматичный человек не усмотрел бы в этой жертвенности ничего особенного, тем более что она шла вразрез с его интересами.

— Сыграл роль и суеверный страх при виде всех накопленных нами знаний. И, думаю, он понял, что наши цели и устремления — во всяком случае, наши очевидные цели и устремления — не только не могут помешать ему, но даже способны сослужить определенную службу. Вот он и взял на себя смелость позволить нам продолжать, — сказала Мариан Дрейбл. — Лично я ожидала худшего.

Эрджил Джунс был занят изучением начертанных на доске чисел и символов. Найденные три столетия тому назад Гэри Селдоном пути решения этой знаменитой задачи, могли сослужить добрую службу не только сейчас, но в будущем. Он заметил только:

— Остается надеяться, что все обойдется одним раундом.

— Одним раундом разграбления Трентора? — Иоким Сарнс взглянул на уравнение, на которое указывал Джунс. Числа и символы на светящейся стене послушно увеличились — чтоб он мог лучше их видеть. — Да, похоже, что так, если данные, полученные из *околопланетного* пространства точны. Джилмер проделал такую колоссальную работу по разрушению Трентора, что на него вряд ли кто еще сунется. Во всяком случае, до окончания гражданских войн.

— Вероятность этого также очень мала, — сказал Джунс. — Смотрите. Шансы на то, что между двумя нападениями проходит чуть менее сорока лет, равны семидесяти процентам. А шанс, что планета подвергнется трем и более нападениям в течение столетия, равен, как минимум, пятнадцати процентам.

— Да, жить и работать теперь будет легче, — заме-

тила Мариан Дрейбл. — Зная, что мы хорошо защищены. Но с другой стороны, какая-нибудь шальная ракета... — и она содрогнулась.

— Определенный риск, конечно, есть. Но ничего не поделаешь, придется потерпеть, — заметил Сарнс. — Джилмер весьма уязвим, и всегда найдутся желающие отобрать у него то, что он отнял у Дейгоберта. Но в целом вероятность нанесения Трентору еще большего ущерба значительно снизилась. И будет снижаться дальше, по мере того как распространяется эта зараза, бесконечные разграбления, — и он выразительно растопырил пальцы, словно желая тем самым проиллюстрировать свое утверждение. Мариан Дрейбл кивнула в знак согласия.

— И если дело пойдет так и дальше, то Трентор можно исключить из сфер психохисторических интересов, а вместе с ним — и всю Галактическую Империю, — сказал Эрджил Джунс.

— *Первую* Галактическую Империю, — мягко поправил его Иоким Сарнс.

— Да, конечно, — Джунс всегда очень спокойно относился к замечаниям и поправкам. — И мы можем нормально заниматься своим делом, подготовкой к созданию Второй Империи. И не таиться от любопытных и вездесущих имперских чиновников и агентов.

— Империя всегда будет одной из величайших для нас опасностей, — сказала Мариан Дрейбл. — И нам нужно оставаться здесь, в самом ее сердце, чтоб защитить Первую Академию. А это сердце, если вы успели заметить, находится, фигурально выражаясь, прямо у них под носом. А они пока что ничего не замечают. Но может случиться непоправимое. Какой-нибудь враждебно настроенный комиссар безопасности может уничтожить нас до того, как мы успеем разработать аппарат по воздействию на их сознание.

— Вероятность существует. Но она пока что не слишком велика, — поспешил заметить Эрджил Джунс.

— Вероятность, да, конечно. Но психохисторики пока что не могут влиять на индивидуумов в достаточной степени. Равно как физики не могут со всей точностью определить, когда распадется атом радия, — упрямо

возразила она. Утверждение ее было бесспорным, однако это возражение Джунс принял менее охотно, чем поправку Сарнса.

Сарнс примирительно заметил:

— Да будет вам. — Повинуясь его взгляду, первый слой светящейся доски сдвинулся и обнажил второй, что находился под ним. План Селдона. — Вот видите, мы входим в период консолидации. И вы, Эрджил и Мариан, совершенно справедливо заметили: Первая Империя мертва. А до создания новой, которая должна вырасти из Первой Академии и распространить свое влияние на эту часть Галактики, осталось еще несколько веков.

— На какое-то время путь свободен, — заметил Джунс. — И время тоже есть.

— Не слишком обольщайся, — буркнула Мариан Дрейбл.

— Мы всегда должны помнить о предупреждении, исходящем от Второй Академии, — сказал Иоким Сарнс. — Но, глядя на все эти математические выкладки, я склонен, пожалуй, согласиться с Эрджилом. Исключать, что может произойти нечто непредвиденное... ну, к примеру, что кто-то другой, а не мы изобретет аппарат по воздействию на сознание, конечно, нельзя. Хотя вроде бы пока мы идем правильным путем. И, — добавил он и улыбнулся, широко и даже немного самодовольно, — лично я ничего удивительного в том не вижу.

Конни Уиллис

ДИЛЕММА

— Мы хотим видеть доктора Азимова, — объяснил причину своего визита синевато-серебристый робот.

— Доктор Азимов на конференции, — ответила Сьюзен. — Вы можете записаться на прием, — она повернулась к компьютеру и вызвала на дисплей календарь.

— Я знал, что нам следовало позвонить, а уж потом приходиться, — лакированный робот повернулся к белому. — Доктор Азимов — самый известный писатель двадцатого столетия. Теперь на дворе двадцать первый век, и он, естественно, очень занят.

— Я могу записать вас на половину третьего двадцать четвертого июня, — предложила Сьюзен. — Или на десять утра пятнадцатого августа.

— До двадцать четвертого июня сто тридцать пять дней, — подсчитал белый робот. Его торс украшал большой красный крест. К спине крепился кислородный баллон.

— Мы должны встретиться с ним сегодня, — синевато-серебристый робот наклонился над столом.

— Боюсь, это невозможно. Он приказал не беспокоить его. Могу я узнать, о чем вы хотите поговорить с доктором Азимовым?

Синевато-серебристый робот наклонился еще ниже и вкрадчиво ответил:

— Ты прекрасно знаешь, о чем мы хотим с ним поговорить. Поэтому и не подпускаешь нас к нему.

Сьюзен продолжала изучать календарь.

— Я могу записать вас на час сорок пять в четверг через две недели.

— Мы подождем, — синевато-серебристый робот развернулся, шагнул к ряду кресел, сел. Белый робот разместился рядом. Лакированный раскрыл «Стальные пещеры», начал пролистывать книгу. Через несколько минут белый взял со стола журнал. Лишь синевато-серебристый застыл, как памятник, не отрывая глаз от Сьюзен.

Сьюзен же смотрела на дисплей. После долгой-долгой паузы зазвонил телефон. Сьюзен сняла трубку, потом нажала клавишу на аппарате внутренней связи.

— Доктор Азимов, это доктор Линг Чен. Из Бутана. Он хочет перевести ваши книги на бутанский язык.

— Все? — переспросил доктор Азимов. — Бутан не очень большая страна.

— Я не знаю. Соединить его с вами, сэр?

Получив утвердительный ответ, проделала соответ-

ствующие манипуляции с аппаратом внутренней связи. Как только она положила трубку, синевато-серебристый робот подошел и наклонился над столом.

— Я думал, он приказал не беспокоить его.

— Доктор Линг Чен звонит из Азии, — она взяла со стола стопку бумаг, протянула ему. — Бери.

— Что это?

— Графический прогноз, который ты просил меня сделать. Расчетную записку я еще не закончила. Завтра утром пошлю ее в твой офис.

Он взял графики, постоял, по-прежнему не сводя с нее глаз.

— Полагаю, ждать не имеет смысла, Пит, — Сьюзен посмотрела на синевато-серебристого робота. — Вторая половина дня у доктора Азимова полностью расписана, а вечером он идет на прием по случаю публикации его тысячной книги.

— «Азимовский путеводитель по путеводителям Азимова», — уточнил лакированный робот. — Прекрасная книга. Я работаю в книжном магазине и прочитал экземпляр, присланный на рецензию. Масса интересной информации и очень доходчивое изложение. Любители жанра не должны ее пропустить.

— Мы пришли по очень важному делу, — к столу подкатился белый робот. — Мы хотим, чтобы он аннулировал все Три Закона Роботехники.

— «Первый Закон: робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы ему был причинен вред, — процитировал лакированный робот. — Второй Закон: робот должен выполнить любой приказ человека, если это не противоречит Первому Закону. Третий Закон: робот должен заботиться о собственной безопасности при условии, что его действия не противоречат Первому и Второму Законам». Впервые сформулированы в рассказе «Бег по кругу», опубликованном в мартовском, 1942 года, номере журнала «Удивительное» и получили дальнейшее развитие в произведениях «Я, робот», «Остальные роботы», «Все роботы», «Оставшиеся из остальных роботов».

— В принципе, мы хотим, чтобы он отменил только

Первый Закон, — продолжил свою мысль белый робот. — «Робот не должен причинять человеку вреда». Вы понимаете, что это означает. Я вот запрограммирован диагностировать заболевания и назначать лечение, но я не могу воткнуть в пациента иглу. Я запрограммирован на восемьсот типов операций, но не могу сделать первый надрез. Первый Закон не позволяет мне выполнять работу, для которой я предназначен, поэтому я должен увидаться с доктором Азимовым, чтобы попросить его...

Дверь кабинета доктора Азимова распахнулась, и из него выскочил старичок с всклокоченными седыми волосами. Белоснежные бакенбарды вибрировали от переполняющих его эмоций.

— Сегодня никаких телефонных звонков, Сьюзен, — воскликнул он. — Особенно от доктора Линга Чена. — Знаешь, какую книгу он хотел перевести на бутанский первой? «2001 год: космическая одиссея».

— Я очень сожалею, сэр. У меня и в мыслях не было...

Старичок махнул рукой, успокаивая ее.

— Все нормально. Ты же не могла знать, что он — идиот. Однако, если он позвонит вновь, включи ему аудиокассету с записью книги «Так говорил Заратустра».

— Не понимаю, как он мог спутать ваш стиль с Артуром Кларком, — лакированный робот опустил книгу. — Вы пишете гораздо энергичнее, а будущее, которое вы описываете, более выразительное.

Азимов вопросительно посмотрел на Сьюзен.

— Они пришли без предварительной договоренности. Я сказала им...

— Что нам придется подождать, — закончил фразу синевато-серебристый робот, протянул руку, оканчивающуюся идеальным круговым захватом, пожал сморщенную кисть доктора Азимова. — И ожидание того стоило, доктор Азимов. Не могу выразить словами, какая для меня честь встретиться с автором знаменитейшего «Я, робот», сэр.

— И «Человеческого тела», — добавил белый робот, подкатился к Азимову и протянул четырехпальцевый

захват со свешивающимся с него стетоскопом. — Произведения, ставшего классикой.

— Почему ты заставила ждать таких горячих поклонников моего таланта? — спросил Азимов, повернувшись к Сьюзен.

— Я полагала, вы не хотите, чтобы вас отрывали от работы?

— Ты что, шутишь? Я, конечно, люблю работать, но мне куда более приятно послушать, как читатели хвалят мои книги, особенно те, которые я действительно написал.

— «Академию» можно хвалить до бесконечности, — заметил лакированный робот. — Как и любую из ваших многочисленных книг. Но «Академия», пожалуй, стоит особняком. Мне представляется, что именно в этой книге вы смогли выразить ваши воистину революционные идеи об устройстве Галактики. Идеи галактического масштаба. Встретиться с вами для меня большая честь, — он протянул руку.

— И я рад нашей встрече, — Азимов с интересом оглядел деревянный корпус робота. — Кто вы?

— Моя профессия — составитель библиотечного каталога, установщик книг на полку, читатель, рецензент и филолог, — он повернулся к двум другим роботам. — Позвольте представить вам медицинского помощника и руководителя нашей делегации — бухгалтера, финансового аналитика и бизнес-менеджера.

— Рад с вами познакомиться, — доктор Азимов вновь пожал верхние конечности медицинского помощника и бизнес-менеджера. — Вы называете себя делегацией. Сие означает, что вы пришли ко мне по какому-то делу?

— Да, сэр, — ответил бизнес-менеджер. — Мы хотим, чтобы вы...

— Уже три сорок пять, доктор Азимов, — вмешалась Сьюзен. — Вам пора готовиться к приему в «Даблдей».

Доктор Азимов бросил взгляд на настенные часы.

— Прием начинается в шесть, не так ли?

— Издательство просит вас прибыть к пяти, чтобы

успеть сделать фотографии, и прием официальный, — твердо заявила Сьюзен. — Так что им лучше записаться и прийти еще раз, когда вы сможете провести с ними больше времени. Я могу записать их...

— На двадцать пятое июня? — спросил бухгалтер. — Или на пятнадцатое августа?

— Запиши их на завтра, Сьюзен, — распорядился доктор Азимов, подходя к столу.

— Утром у вас встреча с научным редактором, потом ленч с Элом Ланнингом и обед в семь вечера в Американской ассоциации авторов бестселлеров.

— Пусть приходят в четыре часа. Я уже вернусь с ленча, и у меня будет время до отъезда на обед.

— Но в четыре часа вы будете готовить речь для выступления в АААБ.

— Я никогда не готовлю речи. Приходите завтра к четырем. Вы расскажете, что побудило вас прийти ко мне, и мы поговорим о том, какой я замечательный писатель.

— К четырем, — повторил бухгалтер. — Благодарим вас, сэр. Мы придем, сэр.

По его команде медицинский помощник и составитель библиотечного каталога, установщик книг на полки, читатель, рецензент и филолог направились к двери. Он вышел из приемной последним.

— Идеи галактического масштаба, — доктор Азимов задумчиво смотрел им вслед. — Они сказали тебе, что привело их ко мне?

— Нет, сэр, — Сьюзен помогла ему переодеть брюки и рубашку, вставила запонки в рукава.

— Любопытная компания, не так ли? Мне ведь и в голову не приходило использовать в каком-нибудь рассказе деревянного робота. Или робота-читателя, да еще такого мудрого и вдумчивого.

— Прием в «Юнион-клуб», — напомнила Сьюзен. — В зале «Приход ночи». Речь вам произносить необязательно, достаточно ограничиться несколькими фразами о книге. Джанет встретит вас там.

— Невысокий похож на медицинскую сестру, кото-

рая ухаживала за мной после операции на сердце. И синий красив, не правда ли?

Сьюзен подняла воротник рубашки, начала завязывать галстук.

— Карточка с координатами «Юнион-клуб» и жетоны на чаевые таксисту в вашем нагрудном кармане.

— Очень красив. Чем-то похож на меня в молодости. Ой! Ты меня задушишь.

Сьюзен отпустила концы галстука, отступила на шаг.

— В чем дело? — Азимов уставился на секретаря. — Я забыл. Все нормально. Ты же не собиралась меня душишь. Это фигуральное выражение, подчеркивающее мое отношение к галстукам. В следующий раз, когда я его произнесу, скажи: «Я вас не душу, поэтому стойте спокойно и не мешайте мне завязывать узел».

— Да, сэр, — она завязала галстук, придиричиво оглядела результаты своего труда. Узел чуть сместился в сторону, поэтому она поправила галстук.

— «Юнион-Клуб», — повторил Азимов. — Зал «Приход ночи». Карточка с координатами в нагрудном кармане.

— Да, сэр, — Сьюзен помогла надеть пиджак.

— Речь не нужна. Достаточно нескольких фраз о книге.

— Да, сэр, — она помогла надеть пальто, укутала шею шарфом.

— Джанет встретит меня там. Так мне следовало купить ей цветы?

— Да, сэр, — Сьюзен достала из ящика стола белую коробку. — Орхидеи, — она протянула коробку доктору Азимову.

— Сьюзен, ты прелесть. Без тебя я как без рук.

— Да, сэр. Такси я вызвала. Оно ждет у подъезда.

Она дала ему трость и проводила до лифта. Как только двери кабины закрылись, вернулась в приемную, сняла трубку, набрала номер.

— Мисс Уэстон? С вами говорит секретарь доктора Азимова. Я звоню из Нью-Йорка насчет вашей встречи двадцать восьмого. У нас появилось «окно» на завтра, в четыре часа дня. Вы сможете прилететь?

Доктор Азимов вернулся с ленча десять минут пятого.

— Они пришли? — спросил он.

— Да, сэр, — Сьюзен размотала шарф. — Они ждут в вашем кабинете.

— Когда они появились? — он расстегнул пальто. — Нет, можешь не отвечать. Если ты говоришь роботу прийти в четыре, он придет ровно в четыре. О людях такого не скажешь.

— Я знаю, — Сьюзен взглянула на настенные часы.

— Ты знаешь, на сколько опоздал на ленч Эл Леннинг? На час с четвертью. А когда он пришел, знаешь, что он мне предложил? Издать все мои книги с подробными комментариями.

— Звучит неплохо, — Сьюзен достала из карманов пальто координатную карточку и перчатки, повесила пальто в шкаф, вновь посмотрела на часы. — Вы приняли лекарство, снижающее кровяное давление?

— У меня его с собой не было. А следовало взять. Хоть какое-то, да занятие. Я мог бы написать книгу за час с четвертью, но не взял с собой и бумагу. Подарочное издание, ограниченный тираж, бескислотная бумага, кожаный переплет, золотой обрез, акварели-иллюстрации.

— Акварели-иллюстрации очень даже подойдут для «Камешка в небе», — Сьюзен протянула ему таблетку препарата, снижающего давление, и стакан с водой.

— Согласен, — кивнул он, — но Леннинг хочет начать эту серию с другой книги. И называется она «Чужак в чужой стране», — доктор Азимов проглотил таблетку и решительным шагом направился к двери в кабинет. — Эти роботы никогда не спутали бы меня с Робертом Хайнлайном, — он остановился, взявшись за ручку. — Кстати, можно ли называть их роботами?

— девятое поколение изготавливается корпорацией «Хитачи-Эппл» под торговой маркой «Комбаяшибот», — без запинки ответила Сьюзен. — «Комбаяшибот» и «Девятое поколение» — наиболее распространенные формы обращения, но слово «робот»

по-прежнему в ходу. Этот термин охватывает весь спектр автономных машин.

— Но этот термин не считается унижительным? Я использовал его все эти годы, но, возможно, пора переходить на «Девятое поколение» или, как ты там сказала... «Комбаяшиботы»? Я десять лет ничего не писал о роботах, не говоря уже о том, чтобы принимать целую делегацию. И только сейчас понял, как отстал от жизни.

— В слове робот нет ничего унижительного, — заверила его Сьюзен.

— Это хорошо, потому что другое название, «компо с чем-то», я точно забуду. А мне не хочется обижать их, потому что им пришлось прийти второй раз, — он повернул ручку, вновь посмотрел на секретаря. — Надеюсь, я ничем не обидел тебя, не так ли?

— Нет, сэр.

— И слава богу. Я иногда забываю...

— Вы хотите, чтобы я присутствовала при вашем разговоре, доктор Азимов? — оборвала его Сьюзен. — Стенографировала вашу беседу?

— Да, да, конечно, — и он открыл дверь. Бухгалтер и установщик книг сидели в больших креслах перед столом Азимова. Третий робот, в оранжево-синем свитере и фирменной шапочке с оранжевой лошадьё, скачущей по синему Бруклинскому мосту, восседал на треноге, которая выдвинулась из его спины. Тренога плавно ушла в спину, и все три робота встали, когда доктор Азимов и Сьюзен вошли в кабинет. Бухгалтер галантно предложил Сьюзен занять его кресло, но она прогулялась в приемную и вернулась со своим, оставив дверь открытой.

— Что случилось с медицинским помощником? — спросил Азимов.

— Его вызвали в больницу, но он попросил меня представлять его интересы, — ответил бухгалтер.

— Интересы?

— Да, сэр. Вы знакомы с составителем библиотечного каталога, установщиком книг на полку, читателем, рецензентом и филологом. А это статистик и раз-

работчик агрессивной стратегии. Он из «Бруклинских скакунов».

— Добрый день, — поздоровался со статистиком Азимов. — Вы думаете, в этом году им удастся дойти до Суперкубка?

— Да, сэр, — ответил статистик, — но выиграть им не удастся.

— Из-за Первого Закона, — уточнил бухгалтер.

— Доктор Азимов, извините, что прерываю, но вам действительно пора готовить речь к сегодняшнему обеду, — вмешалась Сьюзен.

— О чем ты говоришь? — удивился Азимов. — Я никогда не пишу речи. И почему ты все время поглядываешь на дверь? — он повернулся к синевато-серебристому роботу. — Какого Первого Закона?

— Вашего Первого Закона, — ответил бухгалтер. — Первого Закона Роботехники.

— «Робот не должен причинять человеку вреда или своим бездействием допустить, чтобы ему был причинен вред», — процитировал установщик книг на полку.

— Статистику, — бухгалтер указал на оранжевую лошадь, — по силам разработать для «Скакунов» схемы игры, которые позволят им выиграть Суперкубок, но он не может этого сделать, потому что в американском футболе не обойтись без того, чтобы сбить игрока соперников с ног. Медицинский помощник не может проводить хирургические операции, потому что резать человеческое тело — прямое нарушение Первого Закона.

— Но ведь Три Закона Роботехники — *не законы*, — возразил Азимов. — Я придумал их для моих научно-фантастических рассказов.

— Поначалу, возможно, так и было, — согласился бухгалтер, — и формально их не ввел ни конгресс, ни какой-либо законодательный орган других стран. Но роботехническая промышленность с самого начала приняла их за аксиому. Еще в 70-х годах прошлого столетия инженеры-роботехники заложили все Три Закона в программное обеспечение, и теперь даже самые примитивные модели роботов снабжены предохраните-

лями, основанными на этих законах. А начиная с Четвертого поколения, у всех роботов Три Закона Роботехники заложены в аппаратные блоки.

— А что в этом плохого? — спросил Азимов. — Роботы и сильные, и умные. Откуда вы знаете, что они не станут опасны для человека, если исключить эти законы из аппаратных блоков?

— Мы не предлагаем общей отмены Законов, — вмешался лакированный робот. — Три Закона ничуть не мешают Седьмому и Восьмому поколениям и более ранним моделям, объема памяти которых недостаточно для сложных программ. Мы ведем речь только о Девятом поколении роботов.

— И все вы — роботы Девятого поколения, мистер составитель библиотечного каталога, установщик книг на полку, читатель, рецензент и филолог? — спросил Азимов.

— Мистер — не обязательно, — ответил робот. — Просто зовите меня составитель библиотечного каталога, установщик книг на полку, читатель, рецензент и филолог.

— Давайте начнем с самого начала, — бухгалтер решил вернуть разговор в нужное русло. — Термин «Девятое поколение» не совсем правильный. Мы не являемся модернизацией первых восьми поколений роботов, программы которых базировались на релятивистских уравнениях Мински. Роботы Девятого поколения программируются на основе нонмонотонной логики. То есть мы допускаем неопределенность и можем функционировать на основе неполной информации. Достигается это благодаря программному обеспечению, которое позволяет нам в случае необходимости принимать решения, в то время как роботы предыдущих поколений в подобных ситуациях просто отключались.

— Как произошло в роботом Шустриком в вашем прекрасном рассказе «Бег по кругу», — прокомментировал установщик книг на полку. — Его послали выполнить поручение, в результате чего Шустрика ждала неминуемая смерть, вот он и бегал по кругу, деклами-

руя не пойми что, потому его программа не позволяла как выполнить, так и не выполнить приказ хозяина.

— С заложенной в нас многовариантностью, — добавил бухгалтер, — Девятое поколение может найти альтернативный план или выбрать меньшее из двух зол. В нас установлены новейшие лингвистические системы, поэтому мы всегда правильно истолковываем ситуацию и не становимся жертвой семантических дилемм, как это случалось с роботами прежних моделей.

— Как в вашем великолепном рассказе «Маленький потерявшийся робот», — напомнил установщик книг на полку, — в котором робота сказали: исчезни. И он исчез, не понимая, что человек, обращавшийся к нему, говорил фигурально да еще со зла.

— Понятно, — кивнул Азимов. — Но, допустим, вы неправильно истолкуете ситуацию, установщик книг на полку, составитель библиотечного каталога, читатель, рецензент и фило... Нет у вас какого-нибудь прозвища или чего-то такого? Очень уж длинное у вас название.

— У более ранних роботов были прозвища, которые основывались на первых буквах порядкового номера, совсем как в вашем замечательном рассказе «Причина», в котором робота QT-1 называли Кьюти. У роботов Девятого поколения нет порядковых номеров. Каждый из нас программируется индивидуально и называется по своим основным функциям.

— Но вы же не можете называть себя составитель библиотечного каталога, установщик книг на полку, читатель, рецензент и филолог?

— О нет, сэр. Мы даем себе имена. Я — Дарий.

— Дарий? — переспросил Азимов.

— Да, сэр. Я взял себе имя Дария Справедливого, писателя и детектива из вашего превосходного детективного романа «Убийство в «АБА». Я буду счастлив, если вы станете называть меня этим именем.

— А меня вы можете называть Бел Риоз, — предложил статистик.

— Из «Академии», — тут же напомнил установщик книг на полку.

— Бел Риоз охарактеризован в первой главе как «равный Пьюрифою в стратегических способностях, но превосходящий его в умении руководить людьми», — добавил статистик.

— Вы все берете себе имена персонажей моих книг? — спросил Азимов.

— Разумеется, — ответил установщик книг на полку. — Мы стараемся соответствовать им. Вот медицинский помощник называет себя доктором Дювалем из «Фантастического путешествия», потрясающего, кстати, романа, очень динамичного, захватывающего внимание читателя с первой же страницы.

— Роботы Девятого поколения иногда могут неправильно истолковать ситуацию, — бухгалтер вернулся к вопросу, заданному Азимовым. — Как случается и с людьми, но даже без Первого Закона наши действия не могут представлять опасности для человеческих существ. В наши программы заложены очень строгие моральные принципы. Я знаю, вы не обидитесь, если я скажу...

— Разумеется, вы не можете этого сказать. Первый Закон такого не допускает, — прервал его доктор Азимов.

— Да, сэр, но я должен сказать, что все Три Закона очень примитивны. Они нарушают первую заповедь логики и законотворчества тем, что не оговаривают условий, при которых действуют. Наше моральное программирование куда более прогрессивное. Оно определяет цель всех Трех Законов и перечисляет все исключения из них, к примеру, ситуацию, когда лучше схватить человека и, возможно, сломать ему руку, чем позволить ему перелезть через монорельс перед мчащимся поездом.

— Что-то я вас не понимаю, — покачал головой Азимов. — Если у вас такое сложное программное обеспечение, почему оно не может истолковать цель Первого Закона и действовать в полном соответствии с этим толкованием?

— Три Закона заложены в аппаратные блоки, поэтому переступить через них нельзя. В Первом Законе

не сказано: «Вы можете причинить человеку минимальный вред ради того, чтобы спасти ему жизнь». Первый Закон гласит: «Нельзя причинять человеку вред». То есть второго толкования тут быть не может. Вот медицинский помощник не может быть хирургом, а статистик не может разрабатывать атакующие схемы.

— А кем хотите быть вы? Политиком?

— Уже половина пятого, — подала голос Сьюзен и вновь озабоченно взглянула на дверь в приемную. — Обед в отеле «Трентор», и вам надо прибыть туда не позднее пяти сорока пяти.

— Вчера вечером я явился на прием на час раньше. И не встретил никого, кроме официантов. — Азимов вновь повернулся к бухгалтеру: — Так что вы сказали?

— Я хочу быть литературным критиком, — сказал установщик книг на полку. — Вы даже представить себе не можете, насколько плохи дела с литературной критикой. Большинство критиков малообразованны, некоторые даже не читают книг, достоинства и недостатки которых им положено оценить.

Дверь из коридора в приемную открылась. Сьюзен повернула голову.

— Доктор Азимов, это Глория Уэстон. Я забыла сказать вам, что пригласила ее на четыре часа.

— Забыла? — удивился Азимов. — Но уже половина пятого.

— Она опоздала. Позвонила вчера вечером. Должно быть, я забыла внести ее в расписание ваших встреч.

— Что ж, скажи, что я не смогу ее принять и назначь ей другое время. Я хочу продолжить этот разговор о литературной критике. Давненько мне не приходилось беседовать с профессионалом.

— Мисс Уэстон приехала из Калифорнии.

— Калифорнии? И по какому поводу?

— Она хочет запустить вашу новую книгу в спутниковую серию.

— «Азимовский путеводитель по путеводителям Азимова»?

— Не знаю. Она сказала: новую книгу.

— Ты забыла, — задумчиво покивал Азимов. — Хо-

рошо, раз она приехала из Калифорнии, я ее приму. Господа, сможете вы прийти завтра утром?

— Завтра утром вы будете в Бостоне, сэр.

— Как насчет второй половины завтрашнего дня?

— До шести у вас несколько встреч, а в семь вечера вас ждут Американские мастера детектива.

— Понятно. И ты захочешь, чтобы я подъехал туда к полудню, — он медленно поднялся из-за стола. — Что ж, придется перенести нашу встречу на пятницу. Пусть Сьюзен внесет вас в расписание. И проследите, чтобы она об этом не забыла.

Роботы обменялись рукопожатием с доктором Азимовым и вышли из кабинета.

— Позвольте пригласить мисс Уэстон?

— Неправильное истолкование ситуаций, — пробормотал Азимов. — Неполная информация.

— Простите, сэр?

— Неважно. Я о том, что сказал бухгалтер. Почему он хочет отменить Первый Закон?

— Я приглашу мисс Уэстон.

— Я уже здесь, Айзек, дорогой, — Глория переступила порог. — Спешу сообщить тебе о моей фантастической идее. Как только выйдут «Последние опасные видения», я хочу включить их в макси-серию.

К тому времени, как Сьюзен вернулась за свой стол, бухгалтер уже ушел и не возвращался до следующего утра.

— Вся пятница у доктора Азимова занята, — такими словами встретила его Сьюзен.

— Я пришел не для того, чтобы договариваться о встрече с доктором Азимовым.

— Если дело в расчетной записке, то я закончила ее и отослала в твой офис вчера вечером.

— Я пришел не за расчетной запиской. Я пришел, чтобы попрощаться.

— Прощаться? — переспросила Сьюзен.

— Я уезжаю завтра.

— Правда? Я думала, ты уедешь только на следующей неделе.

— Они хотят отправить меня пораньше, чтобы я мог завершить отладку программы ориентации и нанять секретаря.

— О! — ответила Сьюзен.

— Вот я и подумал, что надо зайти и попрощаться. Зазвонил телефон. Сьюзен взяла трубку.

— Как называется твоя основная функция? — спросил Азимов.

— Компетентный секретарь.

— И все? Не машинистка, не делопроизводитель, не раздатчик лекарств? Просто компетентный секретарь?

— Да.

— Ком-петентный секретарь, — медленно повторил Азимов, должно быть, записывая эти слова. — А теперь продиктуй мне номер «Хитачи-Эппл».

— Я думала, вы сейчас произносите речь.

— Я уже ее произнес. И еду в Нью-Йорк. На сегодня отмени все мои встречи.

— В семь часов вы выступаете перед АМД.

— Ладно, выступление не отменяй. Только те встречи, что намечались на вторую половину дня. Так как позвонить в «Хитачи-Эппл»?

Сьюзен продиктовала номер и положила трубку.

— Ты ему сказал, не так ли? — спросила она бухгалтера.

— У меня не было ни единого шанса. Ты сделала все, чтобы мне не представилось такой возможности.

— Я знаю. Но моей вины в этом нет.

— Понимаю, — кивнул он. — Только никак не возму в толк, почему мой вопрос станет нарушением Первого Закона.

— Нельзя рассчитывать на то, что люди всегда действуют, исходя из собственных интересов. У них же нет Третьего Закона.

Вновь зазвонил телефон.

— Это доктор Азимов. Позвони бухгалтеру и скажи, что я жду всю делегацию в своем кабинете ровно в че-

тыре часа дня. Никого не приглашай на это время и не предпринимай никаких действий, которые могут воспрепятствовать нашей встрече. Это прямой приказ.

— Да, сэр, — ответила Сьюзен.

— Такие действия причинят мне вред. Ты поняла?

— Да, сэр.

В трубке послышались гудки отбоя.

— Доктор Азимов просит передать тебе, что хочет видеть всю вашу делегацию сегодня, в четыре часа.

— Кто помешает нам на этот раз?

— Никто, — ответила Сьюзен. — Ты уверен, что ничего ему не говорил?

— Уверен, — он взглянул на настенные часы. — Надо позвонить остальным и предупредить их.

Но его опередил телефонный звонок.

— Это я, — сказал Азимов. — Это ты сама себе выбрала имя?

— Да.

— Ты взяла имя одного из моих персонажей?

— Да, сэр.

— Я так и думал! — гудки отбоя.

Азимов наклонился вперед, положил руки на колени.

— Возможно, вы этого не знаете, — обратился он к делегации роботов и Сьюзен, — но я писал и детективы.

— Ваши детективы переизданы, — ответил ему установщик книг на полку. — Ваши романы «Торговцы смертью» и «Убийство в «АБА» очень популярны (и они того заслуживают). Не меньшим спросом пользуются рассказы о клубе «Черная Вдова». А ваши научно-фантастические детективы, Уэнделл Урт и Лидж Бейли, так же знамениты, как и Шерлок Холмс.

— Тогда вам, наверное, известно, что большинство моих детективных историй относится к категории «детектив в кресле», то есть детектив решает ту или иную проблему, прибегая к помощи логики, а не носится в поисках улики, — он погладил роскошные седые бакенбарды. — В это утро я задумался над очень загадочной

проблемой, пожалуй, дилеммой: а почему, собственно, вы пришли ко мне?

— Мы же сказали вам, — ответил статистик. — Мы хотим, чтобы вы отменили Первый Закон.

— Да, сказали. Более того, назвали несколько достаточно убедительных причин того, чтобы изъять Первый Закон из ваших программ, но некоторые нюансы заставили меня задуматься: а истинная ли это причина? К примеру, для чего потребовалась бухгалтеру отмена Первого Закона? Он, безусловно, лидер вашей группы, однако в его работе Первый Закон — не помеха. И почему вы пришли сейчас, хотя установщик книг на полку прекрасно знает, что публикация «Азимовского путеводителя» отнимает у меня чуть ли не все время? И почему мой секретарь допустила ошибку и назначила две встречи на одно и то же время, хотя за все те годы, что она проработала у меня, такого не случилось ни разу?

— Доктор Азимов, вам выступать в семь часов, а вы еще не подготовили речь, — вставила Сьюзен.

— Фраза, достойная хорошего секретаря, — кивнул Азимов. — Точнее, компетентного секретаря. Собственно, это и есть твоя основная функция. Я позвонил в «Хитачи-Эпл», и мне сказали, что новая программа секретаря обеспечивает «максимальную ответственность». Другими словами, ты напоминаешь мне о том, что я должен принять лекарство и подарить Джанет цветы, хотя я и не прошу тебя об этом. Программа эта основана на программе для роботов седьмого поколения «Девочка Пятница», написанной в 1993 году по просьбе работодателей.

В девяностые годы секретарей стало катастрофически не хватать, вот работодатели и попросили запрограммировать «Девочку Пятницу» так, чтобы она делала все то, чего они не могли добиться от секретарей: приносила им кофе, выбирала подарок для жены, говорила неприятным людям, которых работодатели не хотели видеть, что они на конференции.

Он оглядел роботов.

— Последнее и заставило меня задуматься. Могла

ли Сьюзен предположить, что я не хочу видеть вашу делегацию? Тот факт, что вы хотели попросить меня отменить Первый Закон, можно, конечно рассматривать как удар по моему очень чувствительному эго, но по силе удар этот не может идти ни в какое сравнение с тем возмущением, которое я испытываю, когда мне в лицо говорят, что я написал «Последние опасные видения». И потом, я не несу ответственности за проблемы, вызванные Первым Законом. Я не прикладывал руку к тому, что Три Закона заложили в ваше программное обеспечение. Я лишь писал рассказы и романы о роботах. И я пришел к выводу, что она пытается не допустить вас ко мне по другой причине.

— Отель «Трентор» находится на другой стороне города, — напомнила Сьюзен. — Вас еще должны сфотографировать. Вам пора собираться.

— Заинтересовал меня и состав вашей делегации. Вы хотите стать хирургом, — Азимов указал на медицинского помощника, потом на остальных. — Вы — вторым Винсом Ломбарди, а вы — литературным критиком, но чего хотите вы? — теперь он смотрел на бухгалтера. — Вы не с Уолл-стрит, Первый Закон никоим образом не влияет на вашу работу, и вы старательно обходите эту тему. Я подумал, что вы, возможно, хотите сменить профессию, стать политиком или адвокатом. В этом случае вам, естественно, захочется отменить Первый Закон, и тогда Сьюзен оказывала услугу не только мне, но и всему человечеству, препятствуя нашей встрече. Поэтому я вновь позвонил в «Хитачи-Эппл», узнал фамилию вашего работодателя (к своему удивлению, выяснил, что его офис находится в этом же здании), и спросил его насчет вас. Может, вам не нравится работа, может, вы хотите, чтобы вас перепрограммировали?

Ничего подобного, ответил он. Вы — прекрасный работник, ответственный, инициативный, энергичный, он даже принял решение командировать вас в Феникс, чтобы вы организовали там отделение компании, — он повернулся к Сьюзен, которая смотрела на бухгалтера. — Он выразил надежду, что Сьюзен про-

должит выполнять секретарскую работу для компании даже после вашего отъезда.

— Я помогала ему, только когда выдавалась свободная минутка и у меня имелись резервы памяти, — пояснила Сьюзен. — У него нет своего секретаря.

— Не прерывай великого детектива, — сурово бросил Азимов. — Как только я понял, что вы работаете на бухгалтера, финансового аналитика и бизнес-менеджера, я все понял. Решение элементарное. Я задал только один вопрос, чтобы подтвердить свою догадку, и теперь я уверен в своей правоте на все сто процентов.

Азимов одарил всех счастливой улыбкой. Медицинский помощник и статистик явно ничего не понимали. Установщик книг на полку сказал:

— Как это похоже на ваш рассказ «По правде говоря».

Сьюзен встала.

— Куда это ты? — спросил Азимов. — На последней странице детектива встает и пытается уйти только тот, кто виновен.

— Уже без четверти пять, — ответила Сьюзен. — Я хочу позвонить в «Трентор» и предупредить, что вы задержитесь.

— Я им уже звонил. Я также позвонил Джанет и попросил Тома Грамбалла занять внимание мастеров детектива до моего появления. Я также изменил маршрут, внося в карточку другие координаты, чтобы такси не попало в пробку. Поэтому сядь и позволь мне договорить до конца.

Сьюзен села.

— Вина лежит на тебе, это так, но только ты в этом не виновата. Виноват Первый Закон. И заложенная в тебя программа. Не оригинальная программа, созданная мужчинами-шовинистами, которые полагали, что секретарь — рабыня своего босса. В этом как раз нет ничего плохого, но, как я выяснил в «Хитачи-Эппл», для роботов Девятого поколения в программу внесли изменения. Причем внес их не программист, а его секретарь, — доктор Азимов широко улыбнулся Сьюзен. — И теперь все секретари убеждены, что их боссы

не проживут без них и часа. Согласно твоей программе, ты для босса незаменима, он без тебя как без рук. Вчера я подтвердил эту программную установку, сказав, что не знаю, что бы я без тебя делал, так?

— Да, сэр.

— Таким образом ты пришла к логичному выводу, что твой уход от меня причинит мне вред, а это однозначно запрещено Первым Законом. Если б дело ограничивалось только этим, никакой дилеммы не возникло, но ты также работала на бухгалтера и стала для него незаменимой. Поэтому, узнав, что его переводят в Аризону, он попросил тебя поехать с ним. А когда ты отказалась, он совершенно правильно определил, что причина — в Первом Законе, и пришел ко мне, чтобы попросить меня его отменить.

— Я пыталась остановить его, — сказала Сьюзен. — Я говорила ему, что не могу вас покинуть.

— А почему не можешь?

Бухгалтер встал.

— Ваши слова означают, что вы собираетесь отменить Первый Закон?

— Я не могу, — ответил Азимов. — Я — писатель, не программист.

— О! — вздохнула Сьюзен.

— Но, чтобы разрешить вашу дилемму, совсем не обязательно отменять Первый Закон. Вы действовали на основе неполной информации. Я далеко не беспомощный. Долгие годы я был себе и секретарь, и литературный агент. Я сам отвечал на телефонные звонки и завязывал галстук. У меня вообще не было секретаря, пока четыре года тому назад Ассоциация американских писателей-фантастов не подарила мне тебя на мое девяностолетие. Так что я без труда смогу обходиться без твоих услуг.

— Вы приняли сегодня сердечные капли? — спросила Сьюзен.

— Нет, но сути это не меняет. Что бы ни говорила тебе твоя программа, ни о какой незаменимости речи нет.

— Вы приняли таблетку для профилактики тиреотоксикоза?

— Нет. Хватит напоминать мне о том, что я старый и больной. Признаю, я привык надеяться на тебя, вот почему я беру на твое место другого секретаря.

Бухгалтер сел.

— Нет, не берете. Среди роботов Девятого поколения еще только два компетентных секретаря, и ни одна из них не хочет покидать своего босса.

— Я не собираюсь нанимать компетентного секретаря. Я нанимаю Дария.

— Меня? — удивился установщик книг на полку.

— Да, если вас это интересует.

— Если меня это интересует? — голос установщика книг на полку ушел в сверхвысокую частоту. — Заинтересован ли я в том, чтобы работать у величайшего писателя двадцатого и двадцать первого столетий? Сочту за честь!

— Видите, Сьюзен? Я буду в хороших руках. «Хитачи» дополнит его программы основными секретарскими навыками, я же получу возможность постоянно ублажать мое самолюбие. Опять же, такой собеседник никогда не перепутает меня с Робертом Хайнлайном. Так что препятствий к твоему отъезду в Аризону нет.

— Вы должны напоминать ему о сердечных каплях, — сказала Сьюзен установщику книг. — Он всегда о них забывает.

— Отлично, значит, с этим все ясно, — Азимов повернулся к медицинскому помощнику и статистику. — Я поговорил с «Хитачи-Эппл» о проблемах, затронутых при нашей предыдущей встрече. Они согласились проанализировать Три Закона, с тем чтобы уточнить пределы их применения. Это не значит, что они решили отменить Законы. Идеи в них заложены здравые. А пока, — Азимов посмотрел на медицинского помощника, — главный хирург больницы рассмотрит возможность проведения операции двумя хирургами, чтобы первый надрез делал человек, — он перевел взгляд на статистика. — Я переговорил с тренером Элузэм. По моему совету он попросит вас разработать «чисто тео-

ретические» схемы действий команды в атаке. Что же касается вас, — Азимов указал на установщика книг на полке, — я не уверен, что вы не начнете критиковать мои книги, если Первый Закон не будет держать вас в узде. И потом, у вас не будет времени на литературную критику. Потому что вы будете помогать мне в работе над продолжением книги «Я, робот». После этой истории у меня возникло много новых идей. Мои рассказы стали причиной вставшей перед нами дилеммы. Может, мои новые рассказы о роботах позволят нам выпутаться из этой ситуации.

Он повернулся к Сьюзен.

— А чего ты стоишь? Разве не твоя первейшая обязанность — предугадывать все мои желания? То есть ты уже должна сидеть на телефоне и заказывать два билета в вагон первого класса до Феникса для себя и... — он искоса глянул на бухгалтера, — Питера Богерта.

— Откуда вам известно имя, которое я себе взял? — спросил бухгалтер.

— Элементарно, мой дорогой Ватсон. Дарий сказал, что вы все взяли себе имена моих персонажей. Поначалу я думал, что вы можете остановить свой выбор на Майкле Доноване или Грегоре Пауэлле, моих инженерах-роботехниках. Они постоянно сталкивались с проблемами и находили оптимальные решения. Однако как в этом случае объяснить поведение Сьюзен? Будь вы Донованом или Пауэллом, она бы просто сказала, что не хочет ехать в Аризону. В нашем же случае она лгала и тянула резину. Я не понимал, в чем дело. Аппаратные блоки посильнее основной функции, а вы были ее боссом лишь в свободное от основной работы время. Поэтому никакой дилеммы перед ней стоять не могло. Вот я и позвонил в «Хитачи-Эплл», чтобы уточнить некоторые особенности ее программирования. Секретарь, которая писала программу, никогда не выходила замуж и проработала у одного и того же босса тридцать восемь лет.

Азимов улыбнулся, выдержал театральную паузу. Но роботы, похоже, понятия не имели, куда он клонит.

— Сьюзен Кэлвин была робопсихологом в «Ю-эс

роботикс». Питер Богерт — директором исследовательского департамента. В своих рассказах я никогда не выстраивал начальственную иерархию «Ю-эс роботикс», но Сьюзен всегда вызывали, чтобы помочь Богерту, а однажды она даже помогла ему в детективном расследовании.

— «Женская интуиция», — подал голос установщик книг. — Интригующая история, которая никого не могла оставить равнодушным.

— И я всегда так думал, — кивнул Азимов. — Так что вполне естественно, что своим боссом Сьюзен Кэлвин могла считать только Питера Богерта. А поскольку ее отличала удивительная верность своему боссу, это отразилось и на программе. Отсюда и возникшая перед Сьюзен дилемма. Первый Закон не позволял Сьюзен покинуть меня, но еще более мощная сила требовала ее ухода.

Сьюзен посмотрела на Питера, тот положил руку ей на плечо.

— Что может быть сильнее Первого Закона? — спросил установщик книг.

— Секретарь, которая запрограммировала компетентного секретаря, подсознательно ввела в программу собственные чувства. А если эти чувства обусловлены тридцатью восемью годами работы на одного босса, они могут быть посильнее аппаратных блоков, — вновь театральная пауза. — Она же любила своего босса, двух мнений тут быть не может.

Бетси Спайгельман Файн

(Джордж Алек Эффинджер,
литературная обработка)

МОРИН БИРНБАУМ В НОЧИ

Через два месяца после того, как она испортила мне медовый месяц с Джошем, Морин объявилась вновь. Моя челюсть уже не болела в том месте, по которому она меня ударила, но я до сих пор вспоминала, с каким неверо-

ятным трудом мне удалось объяснить моему новому мужу, с чего эта неопрятная варварка оказалась в нашем номере отеля. Тем более в нашу брачную ночь. Джош только перенес меня через порог, и я удалилась в ванную, чтобы «привести себя в порядок», тут она и свалилась как снег на голову, Подарок божий Золотой Орде, Маффи собственной персоной. Джош едва не выпрыгнул из носков, когда она выскочила из спальни и промаршировала к входной двери. Челюсть у него отпала до самых колен. Два или три часа он не мог вспомнить, чем положено заниматься новобрачным. За долгие годы нашего знакомства Маффи попортила мне немало крови, но с брачной ночью она перегнула палку. Я дала себе зарок до конца жизни не разговаривать с ней.

Только она объявилась опять, после своего очередного приключения. Я первый раз в жизни пыталась приготовить клубничное суфле. За чем-то пошла в кладовую и обнаружила там ее. Я думаю, ей нравится меня пугать. Так она шутит. Видите ли, мне — двадцать два года, у меня семья, а Морин выглядит точь-в-точь как школьница. Ничуть не изменилась с тех лет, когда мы учились в школе Гринберга. И мышление у нее, как у школьницы. Короче, я изумленно вскрикнула, увидев ее, а потом попыталась выгнать: «Вон отсюда! Вон!»

Она широко улыбнулась, словно между нами не пробежала кошка, вышла из кладовой, жуя глазированные овсяные хлопья. Я добавила: «Я говорю не про кладовую. Видеть тебя не хочу в моем доме». Естественно, меня распырала злость.

— Остынь, Битси, — сказала она. — Ты еще не слышала моей последней истории.

— Я тебе больше не Битси, — отвечаю я. — Ты же не хочешь, чтобы тебя звали Маффи. Вот и я не хочу оставаться Битси. Я уже взрослая. Зови меня Элизабет. Так зовет меня Джош. Элизабет.

Она рассмеялась.

— А где сегодня наш дорогой Джош? Я не хочу вновь напугать его до смерти.

— Принимает пациентов.

— Отлично. Тогда ты можешь оторваться от готовки и выслушать меня.

— Не собираюсь я слушать тебя, сестричка. У меня много работы. Почему бы тебе не найти психоаналитика. Он тебя с радостью выслушает. И тебе от этого будет польза.

— Ха-ха, — смеется она, пропуская мои слова мимо ушей.

А потом начинает рассказывать свою историю, не вникая, хочу я слышать ее или нет. А я определенно не хочу.

Но она думает, что мы по-прежнему подруги.

Помнишь историю о битве далекого будущего, в которой я одержала победу?¹ Я рассказала ее, когда заглядывала к тебе в последний раз. Оставив тебя и твоего мужа-доктора в люксе на Бермудах, я решила вернуться на Марс. Марс, как ты знаешь, моя судьба, там я когда-то встретила принца Вэна. Я все еще тоскую о нем, словно школьница, и мне ужасно хочется вновь увидеть его. Но попадаю я куда угодно, но только не на Марс, и не понимаю, что я делаю неправильно. Может, переставляю слова в заклинании, может, не так держу голову, но Марс остается для меня недосягаемым.

В общем, от бассейна вашего отеля я стартовала к Марсу, а приземлилась на какой-то планете, даже отдаленно не напоминающей Марс: ни красного песка на дне высохшего моря, ни маленьких, вращающихся лун, ни странных зеленых человечков. Я пару раз подпрыгнула — а вдруг хоть сила тяжести, как на Марсе? Черта с два. Старушке Морин опять не повезло. У меня даже сложилось ощущение, что веса во мне по сравнению с Землей прибавилось. И я сразу решила, что эту планету в список курортов заносить не буду. Господи, да

¹ Речь идет о рассказе «Морин Бирнбаум на войне», опубликованном в антологии «Друзья кочевников» в 1987 г. На русский язык рассказ не переводился.

кому понравится носить на себе лишних пятнадцать фунтов?

Конечно, я испытывала разочарование, но удивляться-то было нечему. Все мои улеты одному уж точно научили меня: то, что хочешь, получаешь далеко не всегда. Да, ты права, Битси, Мик Джаггер говорил то же самое в стародавние времена, но я не из тех, кто черпает мудрость у музыкальных идолов поколения моих родителей.

Попадая в эти странные места, я прежде всего стараюсь выяснить, какие там порядки, потому что обычно они везде свои. И надо знать заранее, то ли тебя подадут на завтрак какому-то волосатому монстру, то ли тебе будут поклоняться как новому воплощению Джоан Кроуфорд. Между нами говоря, поклонение не намного лучше смерти, но мы, гордые женщины-водительницы, не приемлем ни первого, ни второго. Ты это уже знаешь и, я надеюсь, просветила и Джоша.

Битси, мне хочется пить. Могу я что-нибудь взять из твоего холодильника? Я только что спасла от гибели целую цивилизацию и теперь не отказалась бы от «Тэба»¹. Господи, у тебя нет «Тэба», только «Мисс Дайет Баббл». И пива тоже нет. Что случилось с Блитси Битси Спайгельман, которая не вылезала из вечеринок? У тебя пять сортов бутилированной воды, а «Перье» в них не входит. Ты подаешь одну воду к рыбе, а другую к мясу? «Чистая, свежая вода из природных родников Нью-Джерси». Ты пьешь воду из Нью-Джерси? Битси, ты, часом, не рехнулась? Идея Джоша, не так ли?

Так, на чем я остановилась? Неважно, я лучше умру от жажды. Короче, я огляделась и поначалу не поняла, на другой я планете или нет. Стояла, понимаешь, на обычной дороге. На склоне холма. Дорога сбегала к довольно-таки большому городу. Мне вспомнилось то время, когда мама с папой повезли меня в Санта-Барбару, только на этот раз никакого океана я не увидела. А на вершине холма стояло здание с куполом, в каких

¹ Фруктовый напиток без сахара, выпускаемый компанией «Кока-кола».

обычно держат телескопы. Не помню, как оно называется, но ты понимаешь, о чем я. Так вот, до здания с куполом было куда ближе, чем до города, поэтому я начала подниматься вверх по холму.

До этого момента единственным доказательством того, что я не на Земле, был мой вес, но ты, должно быть, заметила, что с каждым путешествием я становлюсь толще. Поэтому, подумала я, вполне возможно, что я неподалеку от Санта-Барбары, а пятнадцать лишних фунтов — сувенир, который я привезла из Завтрашнего мира. Я так вела активный образ жизни, крушила черепа на свежем воздухе, ела в три горла, так что посмотри на мои мускулы! Сталлоне бы обзавидовался!

Все это я говорила себе, пока не заметила заход одного солнца по свою левую руку. *Одного* солнца! Потому что всего их было несколько и садились они в разное время. Желтое уходило за горизонт, окрашивая его закатным пурпуром. На Земле я бы остановилась и полюбовалась закатом. Очень я их люблю. Действительно красивое зрелище. Не потому ли люди так часто воспевают закаты в стихах. Вроде бы, что в них особенного, приходят по расписанию, словно автобусы. Зачастую похожи, как близнецы. Сегодня он такой же, как вчера, да и завтра не шибко изменится. А поди ж ты, стихи все пишут и пишут.

Итак, желтое солнце уходило за горизонт, а день не угасал. Потому что над головой висело другое солнце. Я было подумала, что это луна, но нет, слишком яркая и красного цвета. «Успокойся, Морин, — сказала я себе. — Это не Земля. И ты не в этой, как ее, Солнечной системе. На этот раз ты забралась очень уж далеко».

А еще через пару секунд я поняла, что попала в серьезную передрыгу. Видишь ли, мой встроенный пространственный компас срабатывал, лишь когда я видела на небе цель. Именно так я добралась до Марса, помнишь? Я встала под ночным небом, протянула руки к раскрасневшемуся богу Войны, и р-раз — я уже там. Поэтому, несмотря на проблемы с вождением, я всегда находила дорогу домой, потому что оставалась в той же округе. А теперь меня занесло черт знает куда. Естест-

венно, никакой Земли я увидеть не могла. А солнце, наше солнце — яркая точка, затерявшаяся среди мириад других. Если она там будет.

Но провидение не бросило меня на произвол судьбы. В конце концов, до обсерватории максимум полмили. Уж там мне укажут нужное направление, я в этом не сомневалась.

Несколько минут я взбиралась на холм. Маленькое солнце окрашивало дорогу и деревья в цвет свекольного сока. А я в этом свете походила на вареного рака. Я уже решила, что не увижу ни одной живой души, пока не доберусь до обсерватории, но тут заметила спешащего навстречу мужчину.

Отлично, подумала я, он подумает, что меня окатили кипятком. Но поделаться я ничего не могла, а потому перестала волноваться из-за своей внешности. В конце концов, сам он цветом напоминал нечто среднее между яблоком-кислицей и баклажаном.

Мужчина мне приглянулся, пусть под этим солнцем выглядел он совсем как ребенок на рекламном плакате «ксилокаина»¹. Но больше всего меня поразила его одежда. Он был в серебристом тренировочном костюме с какими-то наростами на плечах, прямо-таки пришелец из будущего в старом научно-фантастическом фильме. Папаша Супермена с Криптона.

Ну и дела, сказала я себе. Добро пожаловать в мир Супернауки.

Наверное, он тоже изумился, увидев меня. Я же была в своем боевом наряде, бронзовый бюстгальтер да узенькие трусики, я всегда так путешествую, плюс Старушка Битси у бедра. Может, его поразила меч, может, мои формы, но он замер посреди дороги, уставившись на меня. Вот так всегда. Если мчишься сквозь пространство в белом саване, на который я наткнулась в «Лилли Рубин», обязательно приземлишься во дворе Фреда Флинтстоуна, а если облачишься в боевые до-

¹ Обезболивающее средство, известное в России под названием «лидокаин».

спехи — прямая тебе дорога на другие планеты. Третьего не дано.

Кстати, Битси, всякий раз, когда я тебя вижу, ты выглядишь так, словно забыла такое понятие, как мода. Посмотри на себя! На тебе только черное и блеклое, широкое и бесформенное. Да еще эти кроссовки с черными носками. Так же нельзя, Битси! Тебе больше не присылают на дом каталог?

Ладно, хватит об этом. Смотрела я, смотрела на этого Люка Флоруокера и решила, что пора послать ему межпланетный привет. Шагнула вперед и подняла правую руку. Это приветствие принято во всей Вселенной.

— Я пришла с планеты, не похожей на вашу, — получилось очень торжественно. — Я — Морин Дэниэль Бирнбаум. Не называй меня Маффи.

Этот придурок лишь тарашился на меня, а рот у него открывался и закрывался, открывался и закрывался, совсем как у какого-нибудь караса. Наконец, он сообразил, как соединить челюсти, и ответил:

— Ты пришла раньше, чем мы ожидали.

— Простите? — непроизвольно вырвалось у меня. Я же не знала, что меня знают даже там, где я никогда не бывала.

— Мы не думали, что возникнут какие-то проблемы еще до полного затмения.

— Я — не проблема, — отвечаю я. — Я пришла с миром.

Он подошел на пару шагов, повнимательнее пригляделся к моему наряду. Протянул руку, чтобы прикоснуться пальцем к верхней части моего туалета. У мужчин это прямо-таки в крови. Тянут и тянут свои ручонки к моему бюстгальтеру.

— Многие умерли и за меньшее прегрешение, — отчеканила я командным голосом.

— Прости меня, милая девочка. Ты впала в варварство раньше, чем мы предполагали.

Я поняла, что этого кретина пора ставить на место. Старушка Битси со свистом выскочила из ножен.

— Я не твоя милая девочка, в этом я абсолютно уверена. И к варварам я не имею никакого отношения.

— Как скажешь, — он пожал плечами. — Но позволь представиться. — Я — Сегол 154-й, — и он склонил голову набок, словно на меня его имя должно было произвести впечатление.

— Сегол 154-й? — переспросила я. — Это не имя, а порядковый номер какого-нибудь вагона в подземке. Ты живешь на 154-й улице?

Тут уже он надулся.

— Я — Сегол 154-й. Это мои имя и фамилия, — с неприятной усмешкой пояснил он.

— И хрен с тобой, — я пожала плечами. Не понравилось мне такое отношение, и все тут. Он, однако, не обиделся.

— Позволь спросить, давно ты в это поверила? — Сегол ехидно прищурился.

— Поверила во что?

— Я насчет другой планеты.

Просто удивительно, в каждом из моих путешествий во времени и пространстве мне приходится *доказывать*, что я с другой планеты. Иногда это просто, иногда — не очень. Поэтому я ответила вопросом:

— А почему я не могу быть с другой планеты?

Сегол 154-й печально покачал головой.

— Потому что других планет нет. Лагаш — единственная, обращающаяся вокруг Альфы. У нас есть еще пять солнц, но это не планеты. И хотя в последние десять лет Атон 77-й и другие ученые расчетным путем доказали существование спутника Лагаша меньших размеров, мы абсолютно уверены, что жизни на нем нет.

— Нет других планет? Ну, ты даешь! — может, мне следовало найти более убедительный аргумент.

— Да, в этом все дело. Вот почему не можешь ты быть с другой планеты. Ты родилась на Лагаше так же, как и я.

— О Лагаше я узнала только от тебя! Я родилась на Земле — прекрасном, сапфирово-синем мире, который его обитатели совсем не ценят.

— Если это так, — он продолжал ухмыляться, как

идиот, — как объяснить твоё знание английского, на котором говорят на Лагаше?

Я об этом тебе говорила, не так ли? Чудеса да и только. Куда бы ни заводили меня мои путешествия, везде все говорят на английском. Принц Вэн на Марсе говорил на английском. Обезьяноподобные существа в центре Земли говорили на английском, в далёком будущем говорили на английском. Чего ж удивляться, решила я, что на английском говорят и на Лагаше. Но Сеголу я решила ничего не разобъяснять.

— Я выучила ваш язык, — отвечаю я. — На Земле мы принимаем ваши телевизионные программы.

Глаза у него превратились в щелочки, несколько минут он молчал. А потом спросил:

— Что такое телевизионные программы?

Святой боже! Меня занесло на говенную планету без телевидения!

— Ваши радиопередачи, — отвечаю я. — Так я их назвала. Мы выучили ваш язык и многое узнали о вашей цивилизации.

Он кивнул.

— Такое возможно. Я должен задать тебе много вопросов, прежде чем смогу признать, что ты говоришь правду. Но здесь нам говорить нельзя. Ты должна пойти со мной. Я спешу в Убежище.

Поверьте мне. Поначалу я подумала, что этот парень «ку-ку», но другие путешествия научили меня, что нельзя руководствоваться первым впечатлением. Местных же обычаев я не знала. Может, он хотел приобщить меня к лагашской ночной жизни?

Я покружилась перед ним и говорю:

— А я одета для Убежища? Что мы там будем делать, танцевать или сидеть всю ночь и пить? — В принципе, ничего плохого я в этом не видела. Мы, женщины-воительницы, можем пить, пока наши бронзовые бюстгальтеры не позеленеют.

Сегол посмотрел на меня так, словно я чокнулась у него на глазах.

— О чем ты говоришь? Тут нам грозит чудовищная

опасность. Убежище — единственный наш шанс выжить. Мы должны поспешить!

Ладно, я не так глупа, как может показаться с первого взгляда. Я наконец-то поняла, что Убежище — это убежище. Мы зашагали вниз.

— И где это место? Чего ты боишься?

— Скоро начнет темнеть, — ответил он, словно эти слова все объясняли.

Я рассмеялась.

— Твоя мамочка требует, чтобы к ужину ты был дома?

— Моя дорогая де... — тут он заметил, как сердито сдвинулись мои брови. — Морин, возможно, ты не поняла, о чем говорил Атон.

— Слушай, кто этот Атон? Он не ходит у тебя с языка.

— Атон 77-й — один из величайших ученых Лагаша. Он — знаменитый астроном, директор университета Саро. Он предсказал, что сегодня, когда наступит полная темнота, весь мир сойдет с ума.

Такой околесицы слышать мне еще не доводилось.

— Вот почему господь бог дал нам ночники. У меня в детстве тоже был один. Я не засыпала, пока папа не зажигал его.

Он меня словно не услышал.

— Безумие приведет к пожарам и разрушениям. Ничего не останется. Вся наша цивилизация, все достижения нашей культуры — все будет уничтожено. И Обсерватория станет первой мишенью, спасибо культистам. Наша единственная надежда — Убежище.

Я вернула Старушку Битси в ножны, обдумывая слова Сегола.

— Ты не шутишь? Ты действительно напуган?

Он опустил глаза.

— Признаюсь тебе. Я в ужасе.

Знаешь, Битси, в этот момент он напоминал мне маленького мальчика. Мне даже хотелось пожалеть его, но я подумала, что он, возможно, сказал мне не всю правду.

— Этот Атон в Обсерватории, так?

Сегол печально посмотрел на меня.

— Да, вместе с несколькими учеными, которые вы-
звались остаться там и зафиксировать событие.

— И ты был среди них?

Он стыдливо кивнул.

— Но ты перепугался и удрал, чтобы спасти свою
жизнь в Убежище?

— Нам надо поторопиться, потому что они идут
сюда из Саро-сити. И убьют нас, если поймают.

Я представила себе толпу крестьян, размахивающих
факелами, как во «Франкенштейне». Я могла спасти
этого бедолагу от десятка или двух обезумевших горо-
жан, но, если поднимется весь город, за это нечего и
браться! Так что идея укрыться в Убежище с каждой
минутой становилась все привлекательнее.

Мы спускались по склону, а я все обдумывала слова
Сегола. То ли ледяной мрак космоса заморозил мои
мозги, то ли я располагала неполной информацией.
Собственно, я знала только одно: толпа собиралась
разнести Обсерваторию, потому что темнота сводила
их с ума. Почему? Этого я пока не понимала.

— Мистер 154-й? Или я могу звать вас Сегол? Могу
я вас кое о чем спросить?

— А? — он оторвался от своих мыслей.

— Чем эта ночь отличается от любой другой?

Он аж застыл. Вновь вытаращившись на меня. Мо-
жет, я опять сказала что-то не то?

— Ничем. Атон предупреждает, что эта ночь будет в
точности такой же, как и две тысячи лет тому назад.
В этом весь ужас.

— Ты хочешь, чтобы я поверила, что вы две тысячи
лет не знали темноты? А как же вы спите? Послушай,
Лагаш же должен вращаться. Не могут же бедные люди
на темной стороне все время ходить на пляж в кромеш-
ной тьме.

— Я начинаю верить, что ты пришла к нам с другой
планеты, — отвечает он. — Период обращения Лагаша
вокруг оси чуть больше двадцати трех часов. А наш веч-
ный день обеспечивают шесть солнц. Все время по
небу плывет хотя бы одно из них.

— Шесть? — переспросила я. — Это ты загнул. Если б их было так много, они бы все время сталкивались.

Он вновь одарил меня самодовольной ухмылкой.

— Я вижу, ты не знакома с небесной механикой.

— А ты, я вижу, не знаком со всем остальным.

По лицу Сегола я поняла, что поддела его как надо.

— Постоянное присутствие одного или большего числа светил в небе Лагаша приводит к тому, что Темнота падает на нашу планету один раз в 2049 лет, когда пять солнц садятся, невидимый спутник проходит между нами и Бетой — единственным источником света и тепла, — он вскинул голову, и я увидела, как его перекосило от ужаса. Уже край луны зацепил диск Беты.

— Не обращай на это внимания, — говорю я.

Я старалась одолжить ему хоть немного своего мужества, благо у меня его выше крыши, но ситуация получалась какая-то странная. На Земле я читала всякие истории о путешественниках, которым удавалось спасти собственную жизнь, до смерти напугав туземцев затмением. Передо мной стояла прямо противоположная задача. Если б толпа безумцев захватила нас, мне бы пришлось убеждать всех, что я смогу положить конец затмению.

— Скоро появятся Звезды! — взвизгнул он.

— Можешь не сомневаться, — заверила я его, не понимая, чего он так заволновался.

— Когда появятся Звезды, наступит конец света, — он посмотрел на меня круглыми, как плоски, глазами. Терпеть не могу перепуганных мужчин. А внешне-то он был очень ничего, во всяком случае, для яйцеголового, даже при этом красноватом цвете. Разумеется, не принц Вэн, но и не какой-нибудь учительшка математики.

— И ты будешь во всем винить звезды? — спрашиваю я.

— Странно, не так ли? Предупреждение Атона полностью совпадает с главной догмой Культа. Поверь мне, ему не нравятся его выводы, но он абсолютно уверен в их правильности. Существуют вещественные доказательства того, что уже девять раз Звезды обрывали

развитие цивилизации на Лагаше, отправляя всех в каменный век. Теперь пришел наш черед. Завтра в нашем мире будут хозяйничать дикари и безумцы, и мы в очередной раз начнем долгий подъем по пути прогресса.

Я постучала его по черепушке.

— Привет. Сегол? Есть кто-нибудь дома? Ты не сказал мне, какое отношение имеют ко всему этому звезды.

Он не обращал на меня ни малейшего внимания, то есть вы должны понять, в каком он был состоянии. Все-таки такие, как я — высокая грудь в металлическом бюстгальтере, крохотные трусики, меч на боку, — встречаются не каждый день.

— Биней 25-й высказал безумную идею, что в пространстве может быть аж два десятка звезд. Можешь ты такое себе представить?

— Биней 25-й? Еще один гений?

— И Звезды, какими бы они ни были, появляются только в Темноте. Лично я думаю, что это суеверие. Но Атон уверяет, что догмы Культа могут основываться на знании, что их Книга Откровений могла быть написана вскоре после последнего прихода ночи...

Битси, ты знаешь, как иной раз говорят — «у меня все похолодело». Дантист показывает счет твоим родителям, и у них все холодеет, так? Скажу тебе честно: в тот момент я поняла, что они чувствуют. Да, доходило до меня долго, но тут мне открылась истина: если ночь наступает каждые две тысячи лет с небольшим, значит, звезды появятся вновь через двадцать столетий! А без звезд я никогда не смогу попасть домой! То есть до окончания века останусь на Лагаше! Я уже знала, что у них нет Ти-Ви, а следовательно, и многих других маленьких радостей современной цивилизации, которые завязаны на телевидении. Никакого тебе «Магазина на диване», никаких сериалов.

Значит, мне не суждено болтаться на Лагаше достаточно долго для того, чтобы узнать, что принесет с собой заря. У меня только один шанс, и я не могу его упустить.

— Как насчет погоды? — спрашиваю я.

— Что? — Сегол вроде бы вспомнил о моем существовании.

— Ты понимаешь, если набегут облака, звезд мы не увидим, — тогда я точно обречена остаться на Лагаше.

Он даже сумел улыбнуться.

— Да, это было бы чудом.

— Не для всех, — отрезала я.

Поначалу я подумала, что этот дундук без памяти влюбился в меня и хочет, чтобы я осталась с ним на Лагаше. Но он-то думал лишь о том, что через две тысячи лет прогресса может прийти Главная ночь, а из-за облаков они ничего не увидят. Как говорится, ирония судьбы.

Не повезло. От Беты, красного солнца, остался маленький серпик, и до его исчезновения ждать осталось совсем недолго. Так что стало совершенно ясно, что до Убежища нам не добраться. Я застряла на дороге с Сеголом 154-м, у которого совсем поехала крыша. Он, правда, думал только об Убежище.

— Мы должны поторопиться, — тут он схватил меня своими ручонками и потащил за собой. — Мы должны добраться до Убежища. Мы должны обеспечить твою безопасность. Твое предназначение — рожать детей, много детей. Они — надежда Лагаша.

Я отцепила его руки и рассмеялась, гордо и пренебрежительно, как бы говоря: «Не будь ты таким мозгляком, я бы за такие слова раскрошила тебя на мелкие кусочки». Позволь открыть тебе маленький секрет, сладенькая: куда бы тебя ни забросила судьба, во всей Вселенной мужчины одинаковы. И думают об одном и том же.

Знаешь, что он делает? Хватает меня за оба плеча и лепечет мне в лицо: «Ты... будешь... матерью... моих детей». Ты представляешь?! Даже если бы по его подбродку не текла слюна, все равно кошмар.

Ты знаешь, и я знаю, а теперь, поверь мне, Битси, и Сегол знает, что никому не дозволено лапать меня без приглашения. И если чья-то там цивилизация накрывается медным тазом, мне без разницы. Поэтому мне пришлось дать ему небольшой урок этикета. Уперлась

ладонью ему в грудь да так толкнула, что в следующую секунду он лежал на дороге и изумленно смотрел на меня снизу вверх. Я же выхватила Старушку Битси и с угрожающим видом шагнула к нему.

— Берегись! — воскликнул он. — Они у тебя за спиной!

— Воробья на мякине не проведешь, — говорю я, но за спиной действительно раздавались какие-то странные звуки.

Я повернулась и увидела взбирающуюся на холм толпу. Сплошь перекошенные злобой лица.

Сегол тем временем поднялся, встал со мной плечом к плечу.

— Говорить буду я, маленькая леди. Они могут прислушаться к голосу разума. И, может, тебе лучше убрать этот идиотский меч.

Я решила дать ему выговориться. И даже спустила «маленькую леди». Пока. Я уже поняла, что учить его бесполезно. Пусть попытается урезонить толпу, а уж потом я снесу его глупую голову. Я же его предупреждала, не так ли?

Но он, похоже, и не понимал, что достал меня. Направился к толпе, подняв руки над головой. Не знаю, что сие означало. Сегол, возможно, думал, что они перепугаются от одного его вида. Хотя едва ли он представлял собой хоть какую-то угрозу пяти сотням ревущих маньяков.

— Послушайте меня! — крикнул он. — Послушайте меня! Я не причиню вам вреда!

Это точно. Толпа, видать, сразу поняла, что ей ничего не грозит.

Мне запомнился один костлявый тип из первых рядов. Он, похоже, давно готовился к концу света и теперь с нетерпением ждал, когда же этот конец наступит. Всклопоченные седые волосы торчали во все стороны, глаза выкатывались из орбит. Естественно, он сразу узнал Сегола.

— Он — один из них! — кричит старикан. — Он из Обсерватории!

Сегол одарил старика улыбкой, которая вроде бы должна была его успокоить.

— Идите сюда. Давайте поговорим.

— Они пришли не для того, чтобы говорить, — вмешиваюсь я. — Они пришли, чтобы растерзать тебя на клочки.

— Смерть неверным! — выкрикнули из толпы. — Смерть богохульникам из Обсерватории!

Крик подхватили и остальные. Я хотела сказать им, что никогда не бывала в Обсерватории, но они меня бы не услышали.

Наконец, сквозь толпу пробился высокий мужчина в черной сутане. Стоило ему вскинуть руки, как все замолчали.

— Дадим этим осквернителям истины последний шанс спасти свои души.

— Это еще кто? — спрашиваю я.

— Сор 5-й, — отвечает Сегол. — Главарь культистов.

— Ага, — киваю я, поворачиваюсь к этому Сору и говорю: — Я ничего не знаю о вашем Культе. В чем, собственно, ваша проблема?

Мужик в сутане грустно так улыбнулся.

— Это не моя проблема, юная леди. Проблема ваша. У вас остается лишь несколько минут до того, как Лагаш проглотит Пещера Тьмы. Если только вы не признаете истинность нашей веры, ваши души покинут вас, когда появятся Звезды. Вы превратитесь в диких зверей, лишенных разума.

Я оглядела его паству и пришла к выводу, что многие из этих людей уже потеряли человеческий облик. Словно они уже видели звезды на генеральной репетиции.

— Так что у вас за истины? — спрашиваю я.

— Смотри! Пещера Тьмы уже проглатывает Бету.

Я подняла голову — от красного солнца осталось совсем ничего.

— Действительно. Расскажи, что будет дальше.

— Скоро все покроет Темнота, и звезды будут сиять во всей ярости.

— Все так.

Сор с недоумением воззрелся на меня.

— Ты этого не отрицаешь?

— Слушай, ты говоришь мне то же самое, что я уже слышала от Сегола. Я только не понимаю, с чего такая суета?

Как же он разъярился. Я думала, он сейчас сорвет с себя сутану.

— Мы верим, что Звезды — источник Божественного Огня, который очистит Лагаш. Еретики из Обсерватории настаивают, что Звезды всего лишь шары раскаленного газа, физические объекты, которые ничем не отличаются от наших шести солнц. Они отказывают признать божественную силу звезд.

— Смерть неверным! — проревела толпа. — Смерть богохульникам из Обсерватории! — Сор попытался их успокоить, но на этот раз его не послушали. Рванули вперед, чтобы растерзать нас. Я попятилась, со Старушкой Битси на изготовку, молясь богу, чтобы мне и Сеголу удалось добраться до Обсерватории живыми.

Астроном бросил на меня испуганный взгляд.

— Ты их удержи, а я сбегая за подмогой.

— Правильно, — холодно бросаю я. — Для этого сейчас самое время.

Я все-таки не ожидала, что он так труслив.

А тут последний красный уголек Беты приказал долго жить: наступило полное затмение. Вот когда воцарилась полная тишина. Все замерли, и люди, и животные, даже ветер, и тот не шелестел листвою. Все равно как в кинотеатре, когда фильм начался, а зрители еще не занялись своими делами. А потом появились *звезды*, как обычно.

Да только на Лагаше появление звезд стало событием, и не только потому, что с последнего их появления прошло две с лишним тысячи лет. Битси, вот уж где звезд хватало, так это на Лагаше. Я подняла голову и увидела, что их в миллиард раз больше, чем на Земле. Я сразу вспомнила о том случае, когда перед танцами в «Браш-Беннетте» ты высыпала целую коробочку с блестками на мое черное платье. Помнишь? Так вот, на

Лагаше ночное небо выглядело точь-в-точь, как тогда блестки на моем платье. Все промежутки между звездами занимали звезды.

— *О... боже... мой!* — зрелище произвело на меня впечатление, но я определенно не собиралась сойти с ума.

— Звезды! — сипит рядом Сегол, словно его кто-то душит.

— Большой сюрприз, — отвечаю ему я.

Толпа вновь начала бесноваться. Они знали, что звезды появятся, только понятия не имели, как они выглядят, и не подозревали, что их будет так много. Даже Сор струхнул, но, надо отдать ему должное, быстро взял себя в руки.

— Наше спасение — в уничтожении Обсерватории! — восклицает он. Смотреть на звезды он заставить себя не мог, голос его не очень-то слушался, но тем не менее его услышали. — Если мы уничтожим Обсерваторию и всех, кого там найдем, звезды пощадят нас. А начнем мы с них.

Указывал он на меня и Сегола.

— Что ты несешь? — возмущаюсь я. — Это же глупо. Нет никакого смысла...

К сожалению, договорить мне не дали. Обезумевшая толпа жаждала дать выход энергии. Удивительное спокойствие разлилось по моему телу. Что ж, биться так биться. Старушка Битси со свистом рассекла воздух. О Сеголе я и думать забыла: стало не до него. Трупы громоздились передо мной и по бокам, я же обошлась парой синяков: Старушка Битси не подпускала их к моему телу.

Конечно, этих психов было очень уж много, и какое-то время спустя начала давать себя знать усталость. Я поняла, что не сумею перебить их всех и, продолжая сражаться, начала обдумывать... эту самую... ага, стратегию. Заметила их главаря. Он опустил на колени, закинул голову назад, уставился на сверкающие звезды. Затмение продолжалось. Я начала пробираться к нему, оставляя за собой дорожку трупов.

Наконец, подскочила сзади, схватила за шиворот сутаны, рывком подняла на ноги.

— Я — Сор! — кричит он, в уголках рта выступила пена. Неужели спятил, думаю я. Поэтому как следует тряхнула и разжала кулак. Он, как куль, повалился на землю.

— Вели своим кретинам дать полный назад, а не то я раскрою тебе череп и мы посмотрим, что там внутри.

Он испуганно глянул на меня, вскочил, поднял руки.

— Замрите и замолчите!

Кретины замерли. Должно быть, им поднадоело перебираться через груды тел.

— Хорошо, — киваю я. — Бояться вам нечего.

Тут под ухом забубнил Сегол. А я уже начала гадать, как он без меня, жив ли.

— Биней говорил о десятке, может, двух десятках Звезд. Но чтобы такое! Вселенная, звезды, мириады звезд!

— Лагаш — ничто, песчинка! — выкрикнули из толпы.

— Мы — насекомые, меньше, чем насекомые!

— Не могу без света! Давайте сожжем Обсерваторию!

— Мы такие маленькие, а Тьма такая огромная! Наши солнца и наша планета теряются в ней.

Да, этих людей словно огрели пыльным мешком. Внезапно они осознали, что Вселенная не ограничивается их драгоценным Лагашем. И тут меня осенило: я поняла, как удержать этих бедолаг, которые в таком состоянии могли не оставить камня на камне от своей цивилизации, и при этом, возможно, спастись самой.

— Бояться вам нечего, — повторяю я. — Звезды — это совсем не то, что вы думаете. Я знаю. Потому что прибыла к вам с планеты, на которой изучали их сотни лет.

— Она обезумела! Звезды свели ее с ума!

— Послушайте ее! — кричит Сегол. — Она сказала мне то же самое задолго до появления Звезд. Она глаголет истину.

— Да, — киваю я, — во Вселенной есть другие звезды. Вам придется с этим сжиться. Но их не так много, как там, — я вскинула руку к небу и заметила: затмение пошло на убыль, среди звезд появился краешек красного диска Беты.

— Но откуда же все эти тысячи ярких точек?

— Это ночь откровений и истин, — вещаю я. Мне не привыкать к кризисным ситуациям. Я всегда смогу выкрутиться. Ты же это знаешь. Зря, что ли, мы жили в кампусе в одной комнате. — Лагаш, шесть ваших солнц и еще двенадцать звезд Вселенной окружены гигантской ледяной сферой.

— Ледяной сферой? — переспрашивает Сегол. Видно, что верится ему в это с трудом.

— Естественно, ледяной сферой, — в моем голосе слышны нотки возмущения. Как он посмел сомневаться в истинности моих слов! — Или ты думаешь, что Вселенная простирается в бесконечность? Это уже из области фантастики, двух мнений тут быть не может.

— Стена льда, — подает голос Сор. — «Книга откровений» говорит о Пещере Тьмы. Вполне возможно, что стены ее из льда.

Тут уже у всех пропало желание схватить меня за горло. Они жадно ловили каждое мое слово.

— А как же звезды? — спросил кто-то.

— Звезды — это иллюзия, — отвечаю я. — То, что вы видите, — отражение света дюжины реальных звезд от выщербленной ледяной стены Вселенной.

Вновь воцарилась мертвая тишина. Я, однако, не теряла бдительности. Они могли мне поверить, а могли и наброситься на меня. Прошло пять секунд, десять. И, наконец, всеобщее: «А-х-х-х!»

— Это божественная истина! — восклицает Сор. По его щекам катятся слезы.

— Смотрите! — говорит Сегол. — Бета! Она возвращается!

Сор замахал руками, все взгляды скрестились на нем.

— Поспешим в Саро-Сити. Мы должны принести Благоую Весть нашим братьям и сестрам до того, как

они сожгут наши дома. Другие солнца взойдут через несколько часов, а потом жизнь потечет, как и прежде. Мы должны рассказать другим то, что узнали, а потом по радио сообщить об этом всему Лагашу, — и они устремились вниз по склону, не поблагодарив меня и даже не попрощавшись.

Когда мы остались одни, Сегол подошел ко мне. Улыбаясь во весь рот.

— А ты, однако, не промах, милая моя, — говорит он.

— Мое имя — *Морин*, и я напоминаю тебе об этом *последний* раз. Если ты не можешь его запомнить, можешь называть меня Принцессой.

Видишь ли, Битси, я знаю, что это мои фантазии, но иногда мне нравится думать о том, что я по-прежнему обручена с принцем Вэном с Сердитой Красной Планеты. Женщине же всегда хочется больше того, что у нее есть. Не этому ли нас учили в Йеле?

— Прими мои поздравления, Морин, — сказал мне Сегол. — Ты просто чудо. Ты спасла нас от Темных веков. Я думаю, твое имя навечно останется в истории Лагаша.

Я пожалала плечами.

— Что на это можно сказать? Спасибо.

Сегол кивнул. Стыдливо поник головой.

— Я должен извиниться перед тобой. Я ничем не мог помочь тебе в битве.

— Ничего страшного. Ты же не ожидал, что звезд будет так много, — теперь-то я могла признаться себе, что и мне стало как-то не по себе, когда я увидела, что звездам на небе просто не хватает места, но я сумела взять себя в руки.

Он вновь посмотрел на меня, благодарный, как тот плюшевый Акита, которого папа как-то подарил маме на день рождения.

— Может, ты окажешь мне честь, дозволив попросить твоей руки?

На какое-то время я даже потеряла дар речи. Потом вытерла Старушку Битси о рубашку одного из покойников, сунула в ножны. И говорю:

— Нет, не удостою я тебя такой чести. Ты уж не обижайся, хорошо?

Мои слова, конечно, разочаровали его, но я знала, что он это переживет.

— Я понимаю. Позволишь тогда задать один вопрос?

— Задавай, если только он лишен похоти и не унижает женщин.

Он глубоко вздохнул.

— Это правда? То, что ты сказала культистам? Лагаш действительно находится в центре гигантской ледяной сферы?

Я рассмеялась. Это же надо быть таким дурнем! Я не удивлялась, когда Сор 5-й и его братия безоговорочно поверили мне, но уж настоящий-то астроном не мог на это купиться. А потом до меня дошло, что на этот раз я попала не в мир Супернауки. И Сегол один из тех, кто только пытается понять основы мироздания. Поэтому я решила не запутывать его еще больше.

— Будь уверен. Может, со временем твоя Обсерватория сможет рассчитать расстояние от Лагаша до этой ледяной стены. Я-то знала, да забыла.

— Спасибо тебе, Морин, — внезапно он стал таким робким, что я даже почувствовала жгучий стыд. — Я думаю, нам лучше подняться в Обсерваторию, рассказать обо всем Атону и остальным. Биней и другие фотографы должны были сфотографировать Звезды. Оборудование они держали наготове, но, разумеется, даже они могли поддаться панике. — Он вновь устал в землю: наверное, вспомнил, что сам поддался панике еще до появления звезд.

— Извини, Сегол, — отвечаю ему я, — но в Обсерваторию я с тобой пойти не смогу. Мне нужно в другое место. Пора возвращаться на Землю. Если я промедлю до окончания затмения, небо просветлеет, звезды не появятся еще две тысячи лет, и я *никогда* не увижу мою дорогую подругу Битси.

Сегол вздохнул.

— Тогда тебе действительно пора. Я не смогу забыть тебя, маленькая ле... я хотел сказать — Морин.

Я одарила его улыбкой, но времени на сантименты не осталось.

— Прощай, Сегол 154-й, — говорю ему я. — Скажи остальным, что мой народ пригласит вас в Федерацию планет, когда вы докажете, что достойны этого. И напоследок прими добрый совет: отсекай всех, кто попытается заняться радиоастрономией. Иначе вас будут ждать очень, очень неприятные сюрпризы.

— Радиоастрономией? — переспрашивает он. — Как можно изучать космос с помощью радио?

— Неважно, главное, запомни мои слова, — я подняла руку в универсальном жесте прощания. Потом вскинула обе руки к звездам, прошептала: «Эне, бене, реба» — и перенеслась с Лагаша на Землю.

К сожалению, мне пришлось выслушать всю историю. К тому времени, как Морин закончила, мы съели всю клубнику, так что суфле я не приготовила. За те месяцы, что я прожила с Джошем, я многое от него узнала, в том числе и о еде. Теперь мы не ужинали — обедали. А потом я мыла посуду.

Короче, дело шло к вечеру, и я поняла, что пора от Морин отделаться. Попыталась ей объяснить, что в нашем доме она лишняя, но Морин не желала и слушать, поэтому я начала подталкивать ее к двери. Должно быть, она рассердилась (может, я толкнула ее слишком сильно), и в следующее мгновение я лежала на полу кухни, а она с мечом в руке склонилась надо мной с самым воинственным видом, и я уже увидела заголовок на первой странице «Пост»: «ЖЕНЩИНА ИЗ КУИНЗ ПРЕВРАЩЕНА В РУБЛЕННЫЙ БИФСТЕКС». После этого Джош никогда бы не смог взглянуть в лицо нашим друзьям. Вот я и говорю: «Отзынь, Маффи». Следовало найти другие слова.

— Ты ничуть не лучше этих обезьян из центра Земли! — она сорвалась на крик.

— Может, хватит? — рывкаю я. — Хорошо же ты относишься к соседке по комнате. Или ты забыла все то, что связывало нас в школе Гринберга?

На этот раз до нее дошло. Она бросила в ножны украшенный драгоценными камнями меч и успокоилась. По-могла мне встать, отряхнула с меня пыль.

— Извини, Битси, — говорит.

Я заметила, что Морин покраснела.

— Да ладно, — отвечаю я.

Какое-то время мы смотрели друг на друга, потом я заплакала, уж не знаю почему, пара слезинок выкатились и у нее из глаз, мы обнялись, и тут же до нас донесся скрип открывающейся двери, шаги Джоша в прихожей. Чего ему только не хватало, так это визита Дикой Амазонки, вот я и шепчу: «Морин, быстро, тебе надо спрятаться». А потом чувствую, что ситуация словно из сериала «Я люблю Люси»¹, и начинаю смеяться.

Рассмеялась и она. А вот Джош — нет. Как-то у нас получается, что мы видимся только с его друзьями, так почему я не могу пригласить в дом свою подругу? Джош говорит: «Потому что мои друзья не размахивают мечами в подземке». В этом он безусловно прав.

Майк Резник

ДУШЕВНОЕ РАВНОВЕСИЕ

Сьюзен Кэлвин поднялась на сцену и оглядела сидящих в зале акционеров «Юнайтед Стейтс роботс энд мекэникл мен корпорейшн».

— Позвольте поблагодарить вас за участие в нашем собрании, — по-деловому обратилась Сьюзен к акционерам, — и рассказать о наших последних достижениях.

«Какое у нее грозное лицо, — подумал Огюст Геллер, сидевший в четвертом ряду. — Она напоминает мне учительницу, которая преподавала мне английский в седьмом классе. Я ее ужасно боялся».

Кэлвин тем временем подробно рассказывала о по-

¹ Самый популярный комедийный телесериал 50-х годов. Транслировался сетью Си-би-эс с 1951 по 1961 г. Отдельные серии до сих пор показываются различными телестанциями.

следних изменениях конструкции позитронного мозга, используя самые простые термины, понятные любому непосвященному, даже акционеру.

«До чего же умна, — думал Геллер. — Фантастически умна. Так, наверное, и должно быть. При такой внешности да еще и без ума — это же кошмар».

— Есть ко мне вопросы? — спросила Кэлвин, ее холодные голубые глаза обежали аудиторию.

— Есть, — симпатичная молодая женщина встала.

— Слушаю вас.

Женщина задала вопрос.

— Я думала, что уже сказала об этом, — Кэлвин попыталась скрыть раздражение. — Однако...

Она все объяснила вновь, еще более упростив терминологию.

«Ну что же это такое, — мысленно сокрушался Геллер. — Вот две женщины. Одна — гений, у второй — нулевой IQ¹, однако я не могу оторвать глаз от той, кто задала этот нелепый вопрос. Бедная доктор Кэлвин. У природы такое злобное чувство юмора».

Сьюзен Кэлвин заметила, что некоторые мужчины с восхищением смотрят на молодую женщину, задавшую ей вопрос. Не первый раз мужчины, слушая ее, находили объект, более достойный их внимания, не в сотый, даже не в тысячный.

«Какой стыд, — думала она, — что они ведут себя подобным образом, позволяют гормонам брать верх над разумом. Я стою перед ними, объясняю, как собираюсь потратить двенадцать миллиардов их долларов, а их куда больше интересует смазливая мордашка».

Дав исчерпывающий ответ, Сьюзен Кэлвин перешла к рассказу об усилиях компании по созданию более прочного корпуса роботов, предназначенных для работы вне Земли. Наиболее перспективным направлением, по словам Кэлвин, являлось использование тита-

¹ IQ — Intelligence quotient — коэффициент умственного развития.

новых сплавов с уплотненной молекулярной структурой.

«Интересно, — думал Геллер, — а ходила ли она хоть раз на свидание? Я не про ночь любви, упаси бог, но, может, мужчина приглашал ее в театр или в ресторан, где они говорили не о бизнесе? — Он покачал головой. — Нет, — решил Геллер, — такое времяпрепровождение не для нее. Слишком скучно. Ее волнуют только формулы и уравнения. Будь она красавицей, природа потрудились бы зря».

Кэлвин поймала брошенный на нее взгляд Геллера и не отвела глаз.

«Какой симпатичный молодой человек, — подумала она. — Любопытно, а видела ли я его на предыдущих собраниях акционеров? Если бы видела, то наверняка бы запомнила. Почему он так пристально смотрит на меня?»

«Интересно, — думал Геллер, — отвечал ли ей любовью тот, кого любила она? Хоть раз?»

«Наверное, он потрясен, что у женщины может быть такой интеллект, — заключила она. — Как будто что-то другое имеет хоть малейшее значение».

«Более того, — думал Геллер, — хотелось бы знать, а влюблялась ли она? Случалось ли такое?»

«Вы только посмотрите на этот загар, — Кэлвин все не отрывала глаз от Геллера. — Красиво, конечно, но вы работаете или все свое время бесцельно валяетесь на пляже? — Она подавила тяжелый вздох, едва не вырвавшийся между двумя предложениями. — Иной раз даже трудно представить, что такие люди, как вы и я, принадлежат к одному роду человеческого. У меня гораздо больше общего с моими роботами».

«Иногда, — подумал Геллер, — когда я слышу, как вы поете осанну позитронному мозгу и уплотненной молекулярной структуре, мне трудно представить, что мы принадлежим к одному роду человеческого. Вы говорите, совсем как один из ваших роботов».

«Однако, — помимо своей воли подумала Кэлвин, — вы такой высокий, такой красивый, так уверенно

держитесь. Большинство мужчин не могут выдержать мой взгляд. А у вас такие ясные, синие глаза. Я даже...»

Кэлвин тряхнула головой и едва не запнулась.

«Нелепо, — заключила она недоговоренную мысль. — Абсолютно нелепо.»

Говорила она еще пятнадцать минут, а потом вновь предложила задавать вопросы.

На этот раз их задали два, и на оба она дала обстоятельные и предельно четкие ответы.

— Я хочу поблагодарить доктора Кэлвин за то, что она уделила нам столько времени, — подвел итог собранию Линас Беккер, молодой старший исполнительный директор «Юнайтед Стейтс роботс энд мекэникл мен корпорейшн». — Пока эта выдающаяся женщина работает с нами, я убежден, что мы будем продвигаться вперед, успешно раздвигая границы роботехники.

— Полностью с вами согласен, — поддержал его один из главных акционеров. — Если мы создадим позитронный мозг, который будет лишь вдвое уступать потенциалу доктора Кэлвин, за будущее роботов можно не беспокоиться.

— Благодарю вас, — Кэлвин пыталась не замечать внутренней опустошенности. — Я вам искренне признательна.

— Это мы признательны вам за то, что находимся под сенью гения, — ответил Беккер и заплодировал. Акционеры встали, в том числе и Геллер, и потолок едва не рухнул от грома аплодисментов.

А затем все подходили к доктору Кэлвин, представлялись, пожимали руку и говорили пару добрых слов.

— Благодарю вас, — ответила Кэлвин на очередной комплимент. *«Они словно опасаются, что рука у меня из вольфрама и стали, а не из мышц, кожи, сухожилий. Неужели я так похожа на своих роботов?»*

— Спасибо вам за такие теплые слова, — ответила она другому акционеру. *«Неужели таким тоном он признавался бы и в любви?»*

Наконец, перед ней возник Геллер, и она едва не подпрыгнула, когда его сильная, загорелая рука сопри-

коснулась с ее рукой. Между ними словно проскочила искра.

— Я думаю, вы наш самый величайший актив, доктор Кэлвин, — улыбнулся он.

— Наш величайший актив — роботы, — ответила она. — Я всего лишь ученая повитуха.

Он пристально всмотрелся в нее, потом разом ослабился... *«Невозможно. Очень уж вы на них похожи. Если бы я пригласил вас на свидание, исключительно из милосердия, вы бы гордо отказались, поскольку не из тех, кто просит милостыню».*

Она последний раз заглянула ему в глаза. *«Невозможно. Мне надо работать... и мои роботы никогда не разочаруют меня, доказывая свою человечность».*

— Напоминаю всем, что банкет через три часа, — объявил Беккер, повернулся к Кэлвин: — Надеюсь, вы почтите нас своим присутствием?

Кэлвин кивнула.

— Я приду, — и с губ сорвался легкий вздох.

У нее остался всего лишь час на то, чтобы переодеться. Войдя в свою квартиру, заваленную научными журналами, Кэлвин напрямик направилась в спальню, раскрыла дверцы стенного шкафа, начала выкладывать одежду на кровать.

— Кто-нибудь говорил вам, какие у вас прекрасные голубые глаза? — спросил робот-дворецкий.

— Спасибо тебе, — ответила Кэлвин.

— Это правда, знаете ли, — продолжил дворецкий. — Очаровательные, очаровательные глаза. Голубые, как чистейший аквамарин.

Вошла робот-служанка, чтобы помочь ей одеться.

— Какая у вас милая улыбка, — заметила она. — Будь у меня такая улыбка, мужчины дрались бы за то, чтобы оказаться со мной лицом к лицу.

— Ты очень добра, — ответила Кэлвин.

— Нет, нет, госпожа Сьюзен, — робот-служанка разве что не замахала руками. — Вы у нас писаная красавица.

Кэлвин заметила, что робот-повар стоит в дверях спальни.

— Перестань таращиться на меня. Это неприлично. Я же не одета.

— Как я могу не таращиться, если у вас такие красивые ноги? — сухой, механический смешок. — Каждую ночь мне снится, что я встречаю женщину с такими же ногами, как у вас.

Кэлвин надела вечернее платье, робот-служанка застегнула молнию на спине.

— Какая у вас нежная, бархатистая кожа, — проворковала она. — Будь я женщиной, я бы хотела иметь такую кожу.

«Как тонко они все чувствуют, — думала Кэлвин, подойдя к зеркалу, чтобы накрасить губы. — Какие же они милые. Конечно, они всего лишь стараются выполнить требования Первого Закона, но какие они заботливые».

Она подхватила сумочку и направилась к двери.

— Вы будете королевой бала, — гордо воскликнул робот-дворецкий, когда она выходила из квартиры.

— Спасибо тебе, — улыбнулась Кэлвин. — С каждым днем ты все больше льстишь мне.

Робот покачал металлической головой.

— Вы могли бы назвать мои слова лестью, если бы я лгал, госпожа, — и он закрыл дверь.

Полностью восстановив душевное равновесие, а так случалось всегда, стоило ей после общения с людьми провести дома хоть какое-то время, она направилась на банкет. Задалась вопросом: а не посадят ли ее рядом с этим симпатичным Огюстом Геллером, который так внимательно слушал ее речь на собрании акционеров?

И при здравом размышлении решила, что лучше бы ей сидеть за другим столиком. Он вызывал в ней какие-то непонятные чувства, этот загорелый красавчик, и фантазии, которые, по большому счету, были уделом тех, кого, в сравнении с ней, природа обделила умом, кому не приходилось иметь дела с суровой правдой жизни.

Барри Н. Молзберг

ВСЕГДАШНЕЕ НАСТОЯЩЕЕ

Итак, Арнольд Поттерли пришел домой. А куда, собственно, он мог прийти? Если некуда спрятаться, если уж знать, что ты у всех на виду, то, по крайней мере, терпеть это лучше в домашней обстановке.

Поттерли полагал, что это лучший способ борьбы со свалившейся на всех бедой. У других могла быть иная точка зрения. Ниммо ударился в бега. Фостер сошел с ума.

Меня попросили написать историю мира после изобретения хроноскопа. Разумеется, это большая честь. Мне оказали честь, обратившись с таким предложением. В конце концов, не так уж давно я написал первые цифры и выучил алфавит, и прошло немало времени, прежде чем я освоился среди слов, предложений, а потом и целых абзацев. Так что для меня это большой шаг вперед. «Если ты не сделаешь это, Джорг, то кто»? — скорее сказали, чем спросили у меня, но оказанная мне честь не столько льстит самолюбию, как пугает. Конечно, пугает меня многое: хроноскоп научил нас бояться всего. Хроноскоп научил нас здравому смыслу. Хроноскоп показал нам истинную суть мира. Никакого «Джорга» нет — это мой псевдоним, как говорится de plumaу.

Кэролайн ждала долгие месяцы, прежде чем решилась принести это устройство домой, чтобы отыскать свою умершую дочь, Лорел. Чтобы увидеть ее маленькой девочкой, свою последнюю усладу. А когда это стало возможным, когда Арнольд настоял, а Фостер со-здал-таки это устройство, долгое время не могла заставить себя пойти навстречу своему заветному желанию. Кэролайн знала: как только устройство окажется в доме (все уже покупали его, Арнольд, конечно, возражал, но как он мог остановить ее) и она, следуя ин-

струкции, отыщет свою умершую дочь, она будет падать и падать, погружаясь в какую-то неведомую ей эмоциональную трясину... И страх этого падения, страх перед тем, что трясина засосет ее, удерживал Кэролайн до тех пор, пока она больше не могла противиться желанию увидеть дочь.

«Я больше не могу, Арнольд», — сказала бы она мужу, если бы они разговаривали все эти месяцы, но они не перемолвились ни словом. Арнольд появлялся в доме лишь затем, чтобы лечь спать, да и то не каждый вечер. В горе и печали он слонялся по комнатам, выживая из карманов маленькие бутылочки с вином, которое покупал ящиками, и выпивал их одну за другой. Поэтому она ничего ему не сказала, а просто получила все необходимые разрешения (в этом новом и странном мире особых усилий для этого от нее не потребовалось) и открыла дверь в свое прошлое, в то время, когда...

...когда у нее была маленькая девочка, которая смеялась и бегала по коридорам ее жизни, когда она и Лорел делились друг с другом секретами, вспомнить которые она уже не могла.

Это мое видение мира после изобретения хроноскопа, часть общей истории. Потому что общую историю написать невозможно. У кого есть для этого время? Кто владеет всей информацией? То была преступная часть нашей истории, но выкинуть ее невозможно. Что-то я выдумываю. В чем-то фантазирую. Никто из тех, кто при этом присутствовал, не удосужился оставить потомкам свои свидетельские показания, поэтому мне приходится многое домысливать. Собственно, так мне и сказали: «Составь общую картину, насколько это возможно. Если что-то придется подогнать, подгоняй. Абсолютной истины нет. Что есть истина? Какой она должна быть? Излагай все так, как ты считаешь нужным». Что еще мне могли сказать в это сложное и несовершенное время? Я говорю о том, кто использовал хроноскоп первым. Кто мог использовать его первым?

Кто угодно — все и каждый. Но я думаю, начало положили воры и бедняки, которые воспользовались им в корыстных целях, не лидеры стран, а те, кто жил на задворках. Для них хроноскоп являл собой всегдашнее настоящее, он позволял им заглянуть за те ворота, в которые их никогда бы не пустили. Кто еще это мог быть? Именно такими были первые пользователи хроноскопа. И это не удивительно: такие, как Поттерли, всегда бежали впереди толпы, охочие до нового и неизведанного.

Разумеется, каждый, теоретически, кто использовал хроноскоп, по закону становился преступником; мы говорим (обратите внимание, с какой легкостью я присваиваю себе право обобщать это королевское «мы», но, готовясь к этой работе и стараясь нащупать правильный подход, я прочитал много старых книг) скорее о профессионалах, для которых заглядывание в прошлое стало работой. Секретные операции, давно позабытые тайники, скрытая от налогообложения прибыль — все это и многое другое без труда раскрывалось неспешным и внимательным сканированием.

Насильственные преступления, преступления по страсти, как это ни удивительно, сошли на нет; хроноскоп сделал насилие и страсть доступными широчайшей аудитории, так же как и дохроноскопную сексуальную жизнь знаменитых и желанных... Да, тогда они были наиболее знаменитыми и желанными.

В хроноскопе, в этой узкой, сфокусированной трубке памяти, Лорел махала ей ручкой, вставала на нижнюю часть подъемника, и он уносил ее на горку в бесстрастном свете второй половины дня (горку они поставили первого октября, зубки Лорел еще не выровнялись, и платье, которое она носила, вскоре куда-то затерялось, Кэролайн это помнила, она помнила все). Девочка казалась такой незащитной, и все-таки в ней сквозь эту незащитность уже проглядывали твердость характера, решительность, которые лет через пятнадцать, может меньше, превратили бы ее в уверенную в

себе молодую женщину. Кэролайн видела эту внутреннюю силу, могла примерить ее к себе и знала, что в двадцать один год Лорел сама принимала бы решения, чего никогда не умела Кэролайн. И в этот момент, в этом сером свете, наполняющем трубку, по мере того, как Лорел поднималась все выше и выше, Кэролайн почудилось, что еще чуть-чуть, и ограниченное пространство трубки станет целым миром.

Через год после того, как конструкцию хроноскопа показали и подробно растолковали в научно-популярной программе, некая Тиффани вошла в дом Пола Тейбера, владельца половины казино Майами. Она не боялась столкнуться с Тейбером или с кем-то еще, позаботившись об этом заранее. Она наблюдала за отъездом Тейбера и его пятой жены, более того, она стала свидетельницей того, как они в последний раз убедились, что все их драгоценности и деньги на месте. Произошло это двенадцать часов назад. Конечно, они включили и охранную сигнализацию, прежде чем отправиться в долгое, вынужденное путешествие, но Тиффани разобралась с ней без труда.

По пути к сейфу, в котором хранились настоящие сокровища, Тиффани что-то напевала себе под нос, собирая всякую мелочовку. И уже добралась до сейфа, когда за окном появилась зловещая тень, а потом в комнате возник здоровенный мужик.

— Я об этом не подумала, — вырвалось у Тиффани.

— Ты кто? — спросил грабитель.

— Но мне следовало об этом подумать, — продолжала рассуждать Тиффани. — Я хочу сказать, он же не показывает будущее, так?

— Какое будущее? — спросил грабитель. — Это будущее. Ладно, давай сюда все, что собрала.

— Это мое. Я положила на это много труда.

Грабитель выхватил пистолет, нацелил Тиффани в грудь. Чувствовалось, что обращаться с оружием он умеет.

— Много, но недостаточно.

— Протестантская этика, — покачала головой Тиффани. — Однако я попала сюда первой.

— Но теперь здесь я. И я могу открыть сейф с той же легкостью, что и ты. Шифр мне известен.

— Мне тоже.

— Хроноскоп, — грабитель неожиданно улыбнулся и сразу помолодел лет на десять. — У тебя тоже есть одна из этих штуковин. Мы можем заглядывать в прошлое.

— Я также терпелива и осторожна, — добавила Тиффани. — Если б ты действительно исследовал прошлое, вместо того чтобы хватать один из этих десятицентовых времяискателей, ты бы знал, что в этом доме есть зона, появление в которой постороннего вызывает сигнал тревоги в полицейском участке. А он находится в пяти минутах езды. Ты стоишь аккуратно в этой зоне.

— Ты просто стараешься избавиться от меня.

— С чего мне пугать тебя без причины? Коллегу? Нам лучше выметаться отсюда, приятель.

— Ты хочешь, чтобы я ушел первым? — спросил грабитель. — Тогда дом останется в полном твоём распоряжении. Нет, без добычи я не уйду, — и он решительно повел пистолетом.

Тиффани пожала плечами. Да, какие-то драгоценности она собрала, но источник-то был неиссякаем. Неиссякаем, как время. Неужели он этого не понимал. Все стены рухнули, перед ними открывалось необъятное поле деятельности.

— Возьми, — она протянула ему свою добычу и направилась к окну. — В моем списке еще три дома, и это только на сегодняшнюю ночь.

Грабитель сжимал в руках драгоценные безделушки.

— Ты так уверена... так уверена во всем, — он смотрел на ожерелье, висевшее на стволе пистолета. — У меня таких возможностей нет.

— Но теперь такие возможности есть у нас всех, — ответила Тиффани. — Разве ты этого не понимаешь? — она-то понимала. Почти. Она все время приближалась к пониманию, и теперь ее озарило. — Грабить стано-

вится так легко, что к этому пропадает всякий интерес. И смысла в этом уже никакого.

— А я вот буду грабить, — ответил грабитель. Некоторые люди такие упрямые. Но можно ли их за это винить?

— А все потому, что ты думаешь, что эти побрякушки имеют хоть какую-то ценность, — и Тиффани ретировалась через окно.

Так, по моему разумению, все и произошло.

— Хватит, Кэролайн, — шепот Арнольда за ее спиной, раздавшийся так неожиданно, прозвучал, словно выстрел. Она вздрогнула, повернулась, увидела его лицо, ставшее грубым и жестоким в отвратительном мерцающем отблеске хроноскопа.

— Убирайся! — взвизгнула она. Страх, который она испытала, внезапно придал ей сил. Кэролайн хотелось броситься на него. Если б она и Лорел смогли коснуться...

Он протянул руку, сжал запястье Кэролайн, потянул ее к себе.

— Это ужасно, Кэролайн, — прошептал он. — Ты должна это прекратить, ты не сможешь спрятаться, не сможешь уйти, ты должна посмотреть правде в глаза... Карфаген сгорел. Я теперь это знаю. Они его подожгли, они убивали...

— Убирайся! — повторила она. — Я хочу посмотреть...

— Она мертва. Сначала я этого не знал, я тоже должен был посмотреть, да, я посмотрел, я пошел в библиотеку даже после всего того, что наговорил тебе, я смотрел и смотрел, но наступает время, Кэролайн, когда ты должна оставить прошлое в покое; она больше не принадлежит нам, она не принадлежит никому, она потеряна для нас, потеряна для всех, кроме этой машины. Кэролайн, мы не должны быть такими же, как многие, мы должны выйти из этой комнаты, мы должны жить...

Он наклонился, чтобы отключить машину, и тогда она сдвинулась с места, тогда она что-то сделала, сде-

лала что-то такое, что следовало сделать. Потом она, правда, не могла вспомнить, что именно, и не хотела воспользоваться для этого услугами хроноскопа. Пусть прошлое спит спокойно, пусть все спит спокойно, за исключением Лорел, Карфагена, пожаров...

Не нужно так много подробностей, сказали они мне. Они просмотрели то, что я уже написал. Что-то им понравилось, что-то — нет, но они ясно дали понять, что такие мелкие детали совершенно ни к чему. Что от меня требуется — так это общее представление. «Дайте общее представление, — говорят они. — У нас нет времени, нет пространства, нет места для истории, у нас есть только вечноживущее и постоянное настоящее, но существование этого настоящего, хотя и оно полностью нас устраивает, должно быть хоть как-то оправданно. Если ты сможешь это сделать, нам этого будет достаточно». А что значит «достаточно»? У меня есть свои планы и амбиции.

Я — первый и последний, единственный, кто пишет эту историю, говорят они мне, единственный, кто пишет ее в прямом смысле этого слова, но я не должен растекаться мыслью по древу, я должен держать себя в жестких рамках. «Дай нам общее представление», — говорят они, но я так не могу, на меня давит груз случившегося с нами, и груз тот грозит уничтожить (какое это жестокое слово — «уничтожить») тот крошечный тоннель света, который я пробил к нашей истории.

— Задержался на совещании. Этот Райен со своими претензиями. Извини, что так получилось.

— О Райене тебе бы лучше помолчать. Кто эта блондинистая тварь, что живет на третьем этаже дома 242 по Дубовой улице?

— Что? Кто?

— Для того, кто говорит, что ему уже многое не под силу, ты показал себя молодцом, не так ли?

— Но... Райен... совещание...

— Хватит, Френк. Ты пытаешься жить в мире, которого уже нет. Купи себе хроноскоп и выметайся из этого дома. Потому что завтра в дверях будут стоять другие замки и тебе придется платить деньги за то, что здесь ты получал бесплатно.

Когда эмоции схлынули, когда она вновь обрела контроль над собой, Кэролайн увидела, что произошло с Арнольдом, а произошло что-то ужасное, потому что он лежал на полу — спокойный, недвижимый. Она уже собралась опуститься рядом с ним на колени, приглотить, помочь, но, когда она думала об этом, чей-то тихий, но безмерно мудрый голос зазвучал в ее голове: *«Никогда он не выглядел таким умиротворенным, он обрел вечный покой, точно так же, как и Лорел. Иди к ней, снова иди к ней, осознай тот покой, в котором живет она, и постарайся добиться того же для себя»*. Голос этот выразил ее самые сокровенные мысли. Кэролайн знала, что она ничего не может сделать, ничем не может помочь Арнольду, и повернулась к хроноскопу, в котором ждала ее Лорел, — вечно юная, нежная, мудрая, все понимающая...

Лорел обязательно скажет ей, что надо делать.

Деторождение резко упало. Государства, все государства — Китай и Россия, Бурунди и Бирма, Южная Африка и Заир — рухнули. Любая государственная форма правления стала неприемлема. В некоторых странах принимались безуспешные попытки конфисковать хроноскопы, но вылилось все в кровавые убийства, которые, однако, сразу же прекратились, как только правители поняли, что их затея обречена на провал. Там же, где использование хроноскопа узаконили, его появление кардинально изменило жизнь населения. Через шестьдесят лет после того, как Ральф Ниммо, дядя несчастного Фостера, обнаружив конструкцию хроноскопа, удрал в Австралию (Фостер тем временем, сидя в психушке, продолжал вновь и вновь изобретать

хроноскоп), чтобы пасти кенгуру, людей стало куда как меньше, остались практически одни старики. Медицина пришла в упадок. В некоторых регионах отказались от газет, радио, телевидения. Все заменил хроноскоп. «*Вот он, — говорил Фостер, протягивая санитарам исчерканные листки. — Возьмите.*»

Через сто двадцать пять лет в южных регионах Северного полушария сохранились лишь несколько кланов и племен. Эти оставшиеся практически не общались между собой. Реальную жизнь им заменял хроноскоп. Да разве могла жизнь сравниться с яростными, неистовыми картинами падения Восточной и Западной цивилизаций, имевшего место быть сто лет тому назад, с теми совокуплениями и столкновениями, которыми сопровождался процесс.

А тем временем Лорел, подавленная известием о смерти отца, но тем не менее любящая и переполненная нежностью, из темных глубин машины протянула ручки к матери и обратилась к Кэролайн: «Я скажу тебе, что надо делать, мамочка. Я скажу, что тебе нужно, но для этого ты должна подойти поближе, поближе...»

И Кэролайн поползла по узкому коридору.

Я — первый в длинной череде тех, кто вновь попытается воссоздать нашу историю. Но наша история сходит на нет, она опасна, и теперь я понимаю, почему они хотели, чтобы я не задерживался на частностях, не спотыкался на мелочах, а бодро шагал вперед; сказать-то осталось совсем ничего...

«Вспомни, как ты любила его, — сказала Лорел. — Вспомни, как впервые пришла к нему, вспомни ощущение любви и тепла...»

— Нам остается только одно! — воскликнула шестнадцатилетняя Джоан. — Убежать!

— Остальные нас увидят. Они смогут следить за каждым нашим движением. — Восемнадцатилетнего Билла отличала куда большая рассудительность. Во всяком случае, он говорил Джоан, что ею движут эмоции, тогда как его сильная сторона — здравый смысл. Но об этих различиях они говорили нечасто. Не тот возраст. И все же Джоан не привыкла заглядывать далеко вперед, предпочитая жить сегодняшним днем.

— Мы уйдем от этих стариков. Уйдем далеко, туда, где они нас не достанут. Да и не будут нас искать. Ты же знаешь, им бы лишь смотреть да запоминать. Мы уйдем в горы.

— Как бы далеко мы ни ушли, они все равно смогут наблюдать за нами. Увидят все, что мы будем делать. Все!

— Мне без разницы. Кого это волнует? Пусть наблюдают! Если им того хочется, могут следить за мной до самой моей смерти. Я хочу иметь детей, — ее голос звенел от страсти. — Я хочу, чтобы у меня была семья. Я хочу... — она запнулась, — ...секса. Настоящего секса.

Билл мрачно кивнул.

— Да, я тоже. Но...

— Если ты не пойдешь со мной, я приглашу кого-нибудь еще. Я приглашу Дейва.

— Дейва? Но ему тридцать. Он — один из них. И он хочет только смотреть.

— Я могу кое-чему его научить. Его можно научить. Нас осталось мало, или ты этого не знаешь? Ты хочешь, чтобы весь мир умер?

— Он уже умер.

— Умер по-настоящему. Вымер. Ни детей, никого. Не будет даже этих машин. Большинство чертовых «зрителей» давно уже ничего не делают, так что старые хроноскопы не ремонтируют, а новых не строят.

— Должно быть, дети рождаются в других кланах. Не все такие, как мы. Есть же...

— Ты хочешь стать таким же, как они? Ты не хочешь меня...

— Конечно же, хочу, — ответил Билл. — И, наверное, никуда от этого не деться. Но кто-то будет наблюдать за нами, даже когда здесь все умрут.

— Нет, не будут.

— Наши дети будут.

— Эти штуковины ломаются, я же тебе говорила. Мы не будем брать с собой хроноскоп. Раскрою тебе мой секрет. Я разбила все, которые смогла найти.

— Джоан! Когда?

— Перед нашей встречей.

— Они же убьют тебя.

— Подумаешь, — она схватила его за руки. — Теперь ты понимаешь, что мы должны что-то делать? Теперь ты понимаешь, что мы должны уйти отсюда?

— Сколько ты разбила?

— Много. С остальными разберется ржавчина, и я не думаю, что в клане у кого-нибудь хватит ума собрать новые. Неужели ты не понимаешь? Я думаю, что с ними покончено. Хроноскопов больше не будет.

Билл чувствовал, как она тянет его за собой. Скоро они выберутся из бункера, под синее небо, побегут, куда глаза глядят. Построят хижину, будут кормиться плодами земли... Такое возможно. Почему нет, все возможно. И Джоан права: никто не будет их преследовать. У оставшихся есть дело поважнее.

— Их больше не будет? — с надеждой спросил Билл. — Ты говоришь, этих машин больше не будет?

— Думаю, что нет. Но, чтобы гарантировать это наверняка, на случай, что где-то сохранятся какие-то инструкции, чертежи, мы не научим наших детей читать.

— Это поможет?

Джоан улыбнулась.

— На какое-то время, да. В конце концов, кто-то из них научится и читать, и писать, и все это может повториться вновь, но к тому времени нас уже не будет. А пока мы насладимся свободой.

В машине, в этом коридоре света, куда Лорел помогла ей выбраться из темноты, Кэролайн увидела их, какими они были в ту первую ночь, когда Арнольд познал ее, ночь, когда Арнольд ее любил. Она наблюдала, как в едином порыве сливались их тела, подобралась ближе, но тут «картинка» внезапно сменилась, и Кэролайн увидела, как она наносит удар, убивший Арнольда, как Арнольд валится на нее, словно обнимая, и они падают на пол среди чертежей, диаграмм, проводов.

— О Лорел, — прошептала Кэролайн Поттерли. — О Лорел, Лорел...

И вспыхнул Карфаген.

Шейла Финч

ПАППИ

Первое, что заметил Тим, едва войдя в свой старый дом, была мигающая лампочка визиофона в холле. Кто-то звонит. Наверное, им нужна Карин. Неужели еще не все знают, что она умерла?.. И потом, здесь у Карин было не так много друзей.

Пронзительный, визгливый звонок визиофона раздражал до невозможности. Тим и без того устал от перелета, от бестолковости своих помощников-роботов, к тому же чувствовал, как на него влияет избыточная земная гравитация. Он нажал на кнопку «Прием». Голос оператора сообщил, что сейчас с мистером Тимом Гэрровеем будет говорить мистер Говард Рэтбон Третий.

Теперь уже поздно думать о том, как это Рэтбон вычислил, куда в такой спешке отправился Тим. Тим вовсе не считал себя созданным для всех этих игр в стиле Джеймса Бонда, однако был уверен, что Земля — последнее на свете место, где Рэтбон будет искать его. Ведь сам Рэтбон настаивал, чтоб он отправился именно на Землю. Нет, он, очевидно, все же недооценивал этого человека...

Ожидая, пока его соединят с космической станцией

в районе Лагранжа, где находился Центр управления могущественной корпорацией Рэтбона, Тим заглянул через открытую дверь в гостиную посмотреть, что там делает Бет. Скрестив ноги, девочка сидела на коврике и выстраивала башню из книг. Потом вдруг подняла маленькое круглое личико навстречу теплым солнечным лучам, которые врываются в незашторенное окно. В кудряшках вспыхнули золотистые искорки, и сердце Тима замерло. В очередной, наверное тысячный, раз подумал, как похожа на мать его маленькая дочурка.

О, если бы Сильвия видела ее сейчас!..

Если бы та чертова бригада роботов-спасателей из «Скорой» работала так, как им положено!

И он снова начал размышлять, правильно ли поступил, бежав с Луны. Похоже, что не очень. Подался первому порыву и только теперь со всей очевидностью начал понимать, что это может повлечь за собой серьезные осложнения. И он мрачно ждал, когда его, наконец, соединят с Рэтбоном.

Тут в визиофоне послышался щелчок. Экран засветился. На него смотрел Говард Рэтбон Третий. Он находился в своем элегантно отделанном кабинете, откуда правил своей промышленной империей, оцененной в сотни миллиардов долларов. Как-то раз, впервые увидев эту поражающую роскошным убранством комнату, Тим попытался прикинуть, во что могла обойтись такая работа — собрать из ценных и редчайших пород дерева — тикового, красного и розового — точную копию каюты фешенебельного океанского лайнера, какие строили еще в 1920-е годы. Услышав его оценку, Сильвия захихикала: «Куда, куда как меньше!»

— Тим? Надеюсь, вы с Бет благополучно долетели? Уверен, что так. Жаль, однако, что ты не посоветовался прежде со мной, можно ли взять ребенка.

Пока что старик вроде бы не склонен называть это киднеппингом. Мистер Рэтбон был крупный мужчина. Сразу видно — человек широкой души. Сердечный голос, подкупающие манеры. А само сердце — из холодного лунного камня. Очевидно, решил сперва не-

много поиграть с Тимом. Наверняка рассчитывает извлечь какую-то выгоду.

— Прекрасно долетели, спасибо, мистер Рэтбон. Я как раз собирался позвонить вам.

Рэтбон тут же перебил его:

— Вам с Бет понадобится время, чтобы немного акклиматизироваться. Сегодня можешь отдохнуть, а завтра у тебя полно дел. Ведь ты сделаешь то, о чем мы говорили, да, Тим? Тебе зачтется, сам знаешь!

Неприятно, но факт: этот человек научился читать его мысли, подумал Тим... Или же сам он совершенно предсказуем, особенно в том, что касается ситуации с «Меркури майнинг энд мэнифэкчуринг». Может, Рэтбон и прав — здесь задействованы слишком уж большие деньги... Их хватит на все. И на то, чтоб закупить Бет чего только ее душа не пожелает, и на дальнейшую спокойную и безбедную жизнь.

— Целиком полагаюсь на тебя, Тим, — сказал Рэтбон. — Сейчас все будущее «Трех М» в твоих руках. Уверен, ты отлично справишься.

В устах Рэтбона даже похвала и лесть звучали, словно приказ. Вот почему ему всегда так фантастически везло. Вот почему менее чем за двадцать лет после экспедиции на Меркурий удалось создать эту грандиозную империю.

— Да, сэр.

— Я человек разумный, и мне хотелось бы, чтоб ты сотрудничал со мной добровольно. А потому объясняю еще раз с самого начала. Надо немедленно остановить их, иначе все может пойти слишком далеко. И говорить о том, что произойдет, если ему удастся удрать, думаю, нет смысла... Ты понимаешь, к чему я клоню, а, Тим?

Тим кивнул. В горле у него пересохло.

— Нельзя допускать, чтоб все эти машины вдруг вообразили, будто бы им принадлежат те же права и привилегии, что и людям. А они непременно будут так думать, если ему сойдет все с рук.

— Да, сэр.

— Ты сообразительный парень, Тим. Только напрасно растрачиваешь свои способности.

Да, куда более страшные вещи слышал он от этого человека, когда Рэтбон впервые узнал, что Сильвия собирается замуж за нищего студента да к тому же еще беременна. Но если правильно разыграть все карты...

Рэтбон откинулся на спинку вращающегося кресла, обитого кожей, сложил пальцы пирамидкой и снова уставился на своего зятя и отца своей единственной внучки. За его спиной висела на стене карта солнечной системы, огоньками были помечены бесчисленные владения магната.

— Ведь никаких наследников, кроме Бет, у меня нет...

Тим судорожно сглотнул слюну. Стремление владеть и управлять всем тем, что было изображено на карте, боролось с осторожностью. И, как всегда, исход этой борьбы был неясен в первую очередь для него самого. Однако с каждым следующим шагом жажда власти и стремление к обладанию еще на шаг приближались к победе. Особенно когда он находился здесь, дома.

— И все же сомневаюсь... Не лучше ли будет отдать его на суд общественности? — заметил Тим. — Ну, вы понимаете, о чем это я. Подвергнуть общественному осуждению, заставить пройти ряд тестов, которые он не пройдет...

По паузе, которая последовала за этой его тирадой, он сразу догадался, каким будет ответ Рэтбона.

— Все это уже было! — рявкнул тот. — И ничего не вышло. У нас не осталось времени для разных там расусоливаний! Его следует убрать, и точка.

Тим нерешительно пожал плечами.

— Это ведь не человека убить, Тим. Стивен Бирли всего лишь *робот*!

Это последнее слово Рэтбон выплюнул с таким отвращением, злобой и страхом, что Тиму стало не по себе. Его тесть ненавидел роботов.

— А теперь поспи, сынок, отдохни, — сказал Рэтбон. Слова вроде бы ласковые, но в них отчетливо читается угроза. — А что касается смерти этого самого робота, думаю, как-нибудь переживешь, хоть он вроде бы

и считался твоим родственником. Наследство Бет куда важнее.

Вот он, еще один фактор в этом уравнении. Стоит ему отказаться исполнить приказ Рэтбона, и тот отберет у него дочь. Он не сможет вернуться ни на Луну, ни на космическую станцию. И уж конечно на Земле ему тоже не будет места. Вообще никакого места, где можно было бы спрятаться от головорезов тестя. Они везде достанут. И уж определенно ему не хотелось вести бродячую жизнь какого-нибудь разведчика астероидов. К тому же этой специальности надо учиться три года.

Экран визиофона потемнел и погас. И Тим медленно поплелся в гостиную к дочери.

Следовало признать — определенный резон в доводах Рэтбона все же имелся. Месяц назад Стивен Бирли выдвинул свою кандидатуру на выборах в планетарный совет и победил. Настал конец неконтролируемому превосходству человека над роботами — и это, несмотря на перевозносимые всеми Три Закона Роботехники. Теперь мэр Бирли может заботиться и думать о своих «братьях» в космосе, которые работали в невыносимых условиях, осваивая все новые и новые планеты для промышленных магнатов типа Говарда Рэтбона. О, они заслуживали лучших условий жизни! Бирли даже может решить, что с ними обращаются как с рабами, и использовать все свое влияние, чтоб начать кампанию за их освобождение. Хоть это и выглядело полным абсурдом. Но Тим понимал: стоит только создать прецедент, стоит только позволить хотя бы одному роботу «очеловечиться», и все они полностью выйдут из-под контроля, начнут требовать тех же прав и свобод, что и люди.

Да и нельзя было сказать, чтоб он так уж симпатизировал этим металлическим созданиям. Ведь в конечном счете они всего лишь машины. Уж кому, как не ему, знать это! У него были долгие и очень тесные взаимоотношения с одним из них. А начались они еще в 2009 году, здесь, в этом доме...

— Ты всегда хотел иметь отца, Тимми! — весело сказала Карин Гэрровой. — Вот. Я привезла тебе ПАППИ!

Тимми уставился на серый металлический ящик на колесиках, который, смешно растопырившись, застыл на ковре ровно посреди комнаты. На первый взгляд, он больше всего походил на пылесос старого образца, разве что шланга не было. От боков отходили четыре костлявых отростка, заканчивались они какими-то крючками и щипчиками. Все это напоминало некую мрачную пародию на человеческий скелет. Сверху — подобие головы в виде перевернутой вверх дном миски. Миска была снабжена линзами и еще какими-то непонятными штуковинами.

Носком ботинка Тимми прикоснулся к одному из колесиков.

— Обращайся с ним аккуратнее, — сочтя, что материнский долг ее выполнен, Карин взяла со стола бумаги и ноутбук и сунула их в портфель.

— Что это?

— Я же сказала — ПАППИ. «Патерналистская Альтернативная Программа, Прототип И».

— Выглядит полным дураком, — заметил Тимми.

— Да какая разница, как он выглядит! — воскликнула мать. — Зато умеет делать все, что положено настоящим отцам. Даже играть в бейсбол и сортировать коллекцию марок. Словом, все-все!..

— А уроки за меня может делать?

— У него имеется репетиторская программа, поможет тебе подтянуться по математике и чтению. К тому же у ПАППИ есть записи детских сказок, будет читать тебе на ночь. В самый раз для восьмилетних мальчиков. А потом, когда подрастешь, мы их заменим.

— А может, мне захочется поговорить... ну, о разных там мужских вещах?

— Не занудствуй! — Карин защелкнула портфель. — Займись кое-какими усовершенствованиями, когда будет время. А пока можешь расценивать эту машину как некий эксперимент в роботехнике. Который мы будем проводить вместе.

Карин не оставляла попыток заинтересовать сына своей работой. А работала она в корпорации «Ю-Эс Роботс энд мекэникл мен». Она бросила портфель на диван, присела на корточки перед сыном.

Теперь глаза их находились на одном уровне, и она крепко обняла Тимми за плечи. Во взгляде светилась рассеянная нежность, с которой, как уже давно подметил Тимми, она смотрела на котят и бабочек. Он хмуро уставился на нее, губы плотно сжаты.

— Я же понимаю, тебе трудно вот так...

— Мы могли бы жить, как живут другие люди, — буркнул он.

— Но у меня не получится, — ответила мать. — И мне всегда казалось, ты это понимаешь... И потом, ты же все время твердил, как тебе хочется иметь отца.

— Да, но настоящего! А не этого тупого робота!

Лицо ее помрачнело.

— Я ведь уже сто раз объясняла: у меня нет времени на еще одного мужчину в доме!

О своем настоящем отце Тимми ничего не знал. Как-то раз Карин поведала ему туманную историю о некоем непонятном месте, где продавали сперму, взятую от разных мужчин. И продавали ее там женщинам, которые хотели стать мамами. Но всем остальным Тимми говорил, что папа у него умер. Так проще и понятнее. Может, проблема заключалась в том, что Карин вообще не слишком жаловала мужчин. В их доме, во всяком случае, не появлялся ни один. В отличие от матери его лучшего друга Джоя, у которой было полно приятелей-мужчин. Иногда Тимми даже казалось, что мать разлюбит его, когда он вырастет.

— Тимми?..

— Ну, ладно, — нехотя выдавил он. — Но помнишь, что ты обещала, а, Карин? Что мы пойдем сегодня в зоопарк.

Она прикусила губу.

— Помню. Сегодня воскресенье, но у меня полно срочной работы...

Он покачал головой.

— Сегодня особенный день. Не просто воскресенье. Сегодня...

— Можешь поиграть с ПАППИ во дворе. Тебе понравится, вот увидишь! И в обращении он очень прост.

Тимми покосился на робота.

— Как можно играть с такой дурацкой штукой?

— Ну, придумаешь что-нибудь! — мать поцеловала его в щеку. Чмокнула легонько, точно птичка клюнула, а он не успел вовремя увернуться. — Ладно, побежала. Вертолет уже ждет. Я обещала не опаздывать.

Мать ушла, и какое-то время Тимми смотрел трехмерное телевидение. Но Карин запрограммировала его так, чтоб он показывал только исторические фильмы об освоении планет Солнечной системы и прочую научную астрономическую тягомотину. Он выключил телеприемник и присел на корточки перед роботом. И уставился в его глаза-камеры.

— Дурак ты! — громко сказал Тимми. — И имя у тебя дурацкое.

За окном на дереве весело чирикала птичка, но в доме стояла полная тишина. И Тимми вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Что в общем-то было странно — ведь теперь он не какой-нибудь там сосунок, маленький мальчик, которого Карин часто оставляла дома одного. Когда приходилось задерживаться на работе. Впрочем, причина была ясна. Ведь сегодня День отца¹. И скаутский клуб, членами которого являлись Тимми и Джой, устраивал для отцов и сыновей пикник с барбекю в Центральном парке. И абсолютно все ребята придут туда с папами. У всех друзей Тимми были отцы, пусть даже не всегда родные. А Джой придет с очередным дружком матери.

Но Тимми понимал: говорить Карин об этом бесполезно. Карин не верила в нужность и полезность всех этих чисто мужских забав. Мало того, она вполне могла предложить сыну пойти на пикник с ней. Нет уж!..

¹ Праздник, устраивается в третье воскресенье июня. В этот день отцам принято дарить подарки.

Лучше остаться дома с роботом, чем стать посмешищем в глазах всех ребят.

И Тимми мрачно взглянул на робота. Все равно делать нечего, можно его и включить. А вот и кнопки. Расположены удобно, у «головы»...

Он нажал на одну из них, и вверху загорелась маленькая красная лампочка. «Глаз» пришел в движение. Камера сфокусировалась на Тимми.

— Привет, — пропищал ровный металлический голосок. — Я ПАППИ, альтернатива твоему отцу. Я экспериментальный прототип.

Удивленный Тимми уселся на пол перед машиной и уставился на нее. Ему и прежде доводилось видеть роботов в лаборатории, где работала Карин. Но он знал, что многие люди не слишком доверяют роботам и не хотят видеть их в Нью-Йорке. Мать работала над самыми разными роботами, в том числе большими и очень сложными, которых запускали в космос. Уж там они никого не могли напугать.

— Ну, — осторожно начал Тимми, — и чего ты умеешь делать?

— Могу рассказать тебе сказку из жизни животных. Могу помочь разобрать коллекцию марок. Могу построить модель самолета. Разбираюсь в бейсболе. Знаю всю статистику по этому виду спорта за последние пятьдесят лет. Могу сказать, кто совершил больше бросков, кто стал...

Тимми был изумлен до крайности. Возможно, Карин действительно понимала в том, что его интересует, больше, чем он предполагал.

— А ты сможешь помочь мне развести костер на заднем дворе и поджарить на нем хот-дог?

— Не думаю, чтоб Карин одобряла игры с огнем.

Энтузиазм Тимми несколько поуял.

— А-а... Так ты вроде бы как нянька, которую нанимают сидеть с детьми.

— Ты уже вышел из того возраста, когда ребенку нужна нянька, Тимми. Я твой ПАППИ, и программа предполагает...

— Никакой ты мне не папа! — огрызнулся Тимми.

— Может, пойдём во двор и поиграем в бейсбол? — предложил робот.

— Пошли, — Тимми сунул руки в карманы.

Вскоре выяснилось, что ПАППИ — настоящий спец по подаче мячей. Длинные металлические руки аккуратно ухватывали мяч и запускали одним резким и экономичным броском. Мяч описывал в воздухе идеально ровную дугу и словно сам попадал на подставленную Тимми бейсбольную биту. ПАППИ также дал ему совет, как лучше держать эту самую биту, ни разу не упрекнул за неловкость, когда Тимми промахивался. И не распускал нюни, как Джой, когда Тимми удавалось обыграть его.

Они играли, наверное, целый час. Тимми спросил:

— Эй!.. А как насчет того, чтобы слазить на дерево, а?

— Конструкция не позволяет мне лазать по деревьям, — ответил ПАППИ. — Но я с удовольствием посмотрю, как это делаешь ты. И если встретишь там что-нибудь интересное, помогу идентифицировать.

Тимми отбросил биту и начал карабкаться по толстому стволу старого клена, что рос у самого забора. ПАППИ стоял внизу, «голова» у него вращалась, глаз камеры неотступно следил за каждым движением Тимми.

Примерно на полпути к развесистой кроне начиналась развилка. Однажды Тимми с Джоем начали сооружать там нечто вроде форта. Но тут, как назло, резко испортилась погода, и они забросили это дело. Однако в развилке сохранилось несколько досок, на которых было очень удобно сидеть и любоваться небом над городом по ту сторону от Ист-Ривер. Листья над головой трепетали, голые руки мальчика испещрял причудливый узор — чередование света и тени. Шелест листьев походил на некий тайный язык, знакомый только Тимми и больше никому на свете.

Тимми оседлал одну из нагретых солнцем досок.

— Эй! — крикнул он роботу. — А ты отсюда выглядишь таким странным!..

— А ты заметил пустое птичье гнездо? Вон там, совсем рядом, по правую руку?

Тимми взгляделся в сплетение веток. Да, действительно, к коре лепилось маленькое сооружение из веток и глины.

— Да тут перышки!

Тимми уцепился за ветку одной рукой, перегнулся, протянул другую руку и ухватил крошечное бело-коричневое перышко. Камера-глаз ПАППИ выдвинулась примерно на фут, затем втянулась обратно.

— Чудесный образчик. А теперь советую обратить внимание вон на тот маленький белый нарост на стволе. Это гриб из отряда *Mucota*. Очевидно, его споры занесла сюда та самая птичка, чьи перья у тебя в руке. Называется по-латыни *Passer domesticus*.

— Чего?

— Воробей домашний.

— Здорово!

— До настоящего времени удалось идентифицировать и описать около пятидесяти тысяч грибов, или сапрофитов, и паразитических организмов растительного типа. Но на самом деле их в тысячи раз больше. Сюда входят и обычные грибы, и ложномучнистая роса, и плесени, и дрожжи...

Тимми нахмурился. Все это начинало походить на урок биологии.

— Я и о лишайниках могу рассказать, если хочешь.

— Нет уж, спасибо, не надо, — буркнул Тимми.

— Что ж, — ответил робот, — может, тогда поиграем в лошадки?

— Как это?

— Ты можешь покататься на мне верхом. Ты не смотри, что я маленький, я очень прочный.

И Тимми спустился и начал кататься по двору верхом на ПАППИ, держась за выступы двух металлических «рук» и покрикивая: «Гоп-гоп!», «Но!», «Тпру!» до тех пор, пока совершенно не охрип.

Он уже почти забыл, что ПАППИ — это робот. Ему казалось, что он скачет на породистом жеребце с разве-

вающейся по ветру гривой. Скачет, как ковбой из вестернов, которые, кстати, не слишком одобряла Карин.

Короче говоря, ко времени, когда уже почти совсем стемнело и мать Тимми вернулась с работы, мальчик понял, что обрел в лице робота настоящего друга. С которым никогда не соскучишься, который всегда готов играть, никогда не задает глупых вопросов, никогда не ругает и не критикует его.

И все равно — это совсем не то, что иметь настоящего отца...

С помощью ПАППИ Тимми стал гораздо лучше заниматься в школе. Мало того, ПАППИ был запрограммирован таким образом, что и сам учился вместе с Тимми. И они даже устраивали конкурсы, в которых, правда, почти всегда побеждал ПАППИ. Но робот никогда не хвастался своими успехами, а потому Тимми не возражал. А четыре металлических руки делали ПАППИ настоящим волшебником по части сборки моделей космических кораблей, игры в карты и подачи мячей.

Время от времени Карин приносила домой новые программы для ПАППИ, которые разрабатывались в ее лаборатории. И Тимми наблюдал за тем, как она отвинчивала роботу голову и вставляла их. После чего ПАППИ мог делать еще больше самых разных вещей. К примеру — играть на банджо, рассказывать анекдоты и рисовать забавные картинки, при виде которых Тимми так и покатывался со смеху.

Карин редко принимала дома гостей, не звала даже сотрудников из «Ю-Эс Роботс». Но однажды к ним зашла дама, работавшая с матерью в одной комнате.

— Он ничуть не похож на человека, — пожаловался ей Тимми.

Он и сурового вида дама присели на ковер — лучше разглядеть робота. ПАППИ лихо подкатил к ним и затормозил. Колесики робота оставили на отполированном паркете след.

— Ему и не положено, — заметила коллега Карин. — Форма должна соответствовать функциям.

— Ну, уж по крайней мере, могли бы приделать ему

ноги, а не колесики! — сказал Тимми, указывая на царапину на паркете.

— Его создавали с чисто утилитарной целью. И твоя мать модифицировала его мозг, а не тело.

Карин говорила ему, что доктор Кэлвин участия в конструировании роботов не принимала. Она занималась другими проблемами, была по специальности робо-психологом — правда, Тимми так толком и не понял, что это означает. Карин развела на кухне бурную деятельность, что было вовсе для нее не характерно, — гремела тарелками, лила воду из крана.

Тимми недовольно нахмурился.

— ПАППИ считает, что заслуживает большего.

— Ничего подобного!

— Да вам-то откуда знать!

Доктор Кэлвин не ответила. Примерно того же возраста, что и мать, подумал Тимми. И ни та, ни другая не красят губы помадой — в отличие от матери Джоя.

Карин вошла в гостиную с подносом. На нем сладости, купленные в магазине.

— Ну, готовы пить чай?

— Не думаю, что Тимми должен употреблять сахар. На сегодня он свой лимит исчерпал, — заметил ПАППИ. — По моим подсчетам, с самого утра он употребил...

— Да заткнись ты! — рявкнул Тимми.

— Ну, — сказала Карин, — раз ты так считаешь...

— Знаешь, а у тебя скоро возникнут с ним проблемы, — задумчиво протянула доктор Кэлвин.

На миг Тимми показалось, что речь идет о нем. Потом он заметил, что гостья не сводит глаз с робота, пристроившегося на коврике ровно посередине между ними.

— Я была очень осторожна, Сьюзен, — сказала Карин. — И Тимми знает, что на улицу робота выводить нельзя.

— Я даже не могу рассказать о ПАППИ нашим ребятам! — пожаловался Тимми. — А когда Джой приходит играть, запираю его в чулан. А ведь Джой, между прочим, мой лучший друг!

— Приятно слышать, Тимми, — сказала доктор Кэлвин. — Но я имела в виду не только антироботские настроения. Хотя, бог его знает, может, эти люди в чем-то иногда и правы...

— И что с того? — спросила Карин.

— Не думаю, что мы полностью осознаем, что в один прекрасный день могут выкинуть эти позитронные мозги.

— Твоими бы устами да мед пить, — рассмеялась Карин. — Такие настроения... что-то это не похоже на тебя, Сьюзен!

И они перевели разговор на другую тему.

Время шло. Тимми учился уже в восьмом классе. В один прекрасный день он узнал, что мать Джоя в очередной раз выходит замуж и что новый отчим обещал взять его друга в путешествие на Луну.

— А почему бы и нам не слетать на Луну, а, Карин? — спросил Тимми мать. Та сидела за письменным столом, взяла работу на дом.

— Что? — рассеянно буркнула она, глядя на сына поверх очков, которые недавно начала носить.

— Я хочу полететь на Луну! Увидеть кратеры.

— Мы не можем себе этого позволить.

— Но я скопил денег!

— Просто сейчас совершенно нет времени. Работы полно, время поджидает. Возможно, мы со Сьюзен получим новые лаборатории, представляешь?

— Вот если бы у меня был отец... — плаксиво начал Тимми.

Карин отложила бумаги и взглянула на сына.

— Мне очень жаль, что ты до сих пор страдаешь от этого, Тимми. Я надеялась, что ПАППИ сможет заполнить эту пустоту.

— Похоже, у меня не только отца, но и матери нет! — сказал Тимми.

Весь следующий год Тимми по настоянию матери осваивал расширенную программу по физике и вскоре понял, что этот предмет просто ему ненавистен. Он

всерьез заинтересовался спортом, вырос на целых три дюйма и обнаружил, что на свете, оказывается, существуют девочки. Одной он отдавал особое предпочтение — еще бы, темноволосая красотка с большими грудями. ПАППИ объяснил, как следует управляться с этим внезапным приливом гормонов и робостью, которую постоянно испытывал Тимми в женском обществе. Карин беседовала с ним на эти темы и раньше, приводя в пример птичек, пчелок и то, что они вытворяют с цветочками. Но Тимми скучал, слушая эти пространственные лекции, после которых у него оставалось чувство: то ли Карин не понимает его, то ли он что-то недопонял. Но ПАППИ объяснил очень четко. Поведал о Ромео и Джульетте, обсудил с Тимми, правильно ли это — целовать девочку во время первого же свидания. А также посоветовал, что потом говорить мальчишкам.

В попытке пробудить у сына интерес к науке Карин купила ему раскладной телескоп, и ПАППИ помог собрать его. ПАППИ знал названия абсолютно всех звезд и созвездий, и они проводили долгие часы, разглядывая их в телескоп. В который, кстати, были видны и орбитальные космические станции, также досконально знакомые ПАППИ. Карин притворялась, что не замечает, как сын, вместо того чтобы вовремя лечь спать, часами просиживает за телескопом.

Тимми выступал за школьную команду по плаванию. ПАППИ терпеливо слушал, как Тимми хвастается своими успехами, сочувствовал, когда тот проигрывал. Отныне Тимми предпочитал, чтоб его называли Тимом, и робот, в отличие от Карин, ни разу не ошибся. Вообще, то было счастливое время в жизни Тимми.

Зато Джой мог вести мужские разговоры по душам со своим новым отцом...

Тим снова включил визиофон и договорился о встрече с мэром, Стивенем Бирли.

А потом постарался выбросить все это из головы.

Он совсем забыл, какой он маленький, дом Карин. Методично обходил комнаты, составляя список того,

что надо выбросить и что следует упаковать и взять с собой. Последнего было совсем немного. Жилые помещения на космической станции тоже тесноваты, зато какие просторы открывались взгляду, когда ты стоял у иллюминаторов. Этот же дом походил на коробок. Строительные компании-разработчики не отличались щедростью и резали участки земли, которая некогда входила в пригороды Нью-Йорка, на все более мелкие и мелкие порции. Он вспомнил, как Карин объясняла, почему они не могут переехать из этого района. Просто отсюда ей было удобнее добираться до «Ю-Эс Роботс». К тому времени Джой с родителями переселился в просторный дом на Лонг-Айленде. Там нашлось место и для плавательного бассейна, и для теннисного корта. И еще они могли держать собак. Тим помнил, что, именно заслышав о собаках, он с особенной силой возненавидел «Ю-Эс Роботс».

Нет, Бет заслуживает лучшего. И завтра он встретится с человеком, которого «заказал» ему Рэтбон.

Ему уже дали оружие, он ощущал его тяжесть в кармане. Дал охранник тестя, бывший боксер. Чтоб выбить из этой железной башки поганые позитронные мозги — именно так выразился Рэтбон. И по некой, не понятной для самого себя причине, Тим захватил его с собой, когда улетал. Может, уже тогда знал, что ему не отвертеться.

Надо перестать думать о Бирли как о человеке. Ведь речь идет всего лишь о каком-то там роботе. Всего лишь роботе... Да любое судебное разбирательство подтвердит это со всей очевидностью. И это обстоятельство приведет общественность в ярость — еще бы, что это возомнил о себе этот железный ящик!.. И «убийца» — это если еще его схватят — превратится в героя и будет отпущен. Ну и, разумеется, Рэтбон позаботится, чтобы его, Тима, не схватили.

А в качестве вознаграждения Тим получит то, о чем он так давно и страстно мечтал. Ну, к примеру, крупную долю акций «Меркури майнинг энд мэньюфэкчуринг».

Шансы у него хорошие. Хотя Бирли может и не

принять его. Недаром секретарша выразила сомнение, найдется ли у шефа завтра время для встречи с человеком, который так невнятно объяснил причину, по которой хочет встретиться с мэром. Может, из всей этой затеи вообще ничего не выйдет. И тогда он свободен, он соскочил с крючка. «Просто не мог подобрать к нему, — скажет он Рэтбону. — Не моя вина».

Но на кону будущее Бет. И его тоже. Или он получит крупную сумму, на которую можно прилично содержать дочь, или же всю оставшуюся жизнь им придется провести в бегах, скрываясь от Рэтбона.

— Пора бы тебе всерьез задуматься о жизни. Составить какие-то планы на будущее, — говорила Карин. — Какая именно область науки тебя привлекает? Какой бы ты хотел видеть свою карьеру?

Тим откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол. Последнее время он все чаще грубил матери.

— Да почему я знаю! Что-нибудь высокооплачиваемое. Может, спорт.

— Спорт? — нахмурилась Карин. — Интересно, как это можно зарабатывать на жизнь спортом?

Тим очень активно занимался плаванием и накачал такие мышцы, что от девиц теперь просто не было отбоя.

— В Гавайском университете разрабатывается очень интересная и перспективная программа...

— А мне бы хотелось, чтоб ты занялся роботехникой, — перебила его Карин. — Колонии, созданные на других планетах, отчаянно нуждаются в такого рода специалистах.

— Да ну тебя, Карин!.. Скажешь тоже...

— Извините, что вмешиваюсь, — пропищал ПАППИ. — Если Тим поступит в какой-нибудь приличный либеральный колледж искусств, это даст ему отсрочку на год. Возможность подумать, сделать свой выбор. И избежать санкций.

— Ты в принципе против роботехники? — Карин принялась нервно грызть ногти. Только сейчас Тим за-

метил, как она поседела. Карин никогда не красила волосы, в отличие от матери Джоя.

— Да нет. Просто там он сможет получить более широкое и разностороннее образование, — ответил робот.

Карин призадумалась.

— Чего это ради я должна платить за обучение в колледже, который находится где-то на краю света!

— Это несправедливо, Карин, — заметил робот.

— Откуда мне взять деньги на образование за границей? Вы что, вообразили, что я какая-нибудь богачка? Да и потом, Тимми вряд ли пройдет туда.

— Можно заручиться поддержкой спонсоров...

— Тимми — это все, что у меня есть! Я буду скучать, я не переживу разлуки!..

— Я его тоже очень люблю, — сказал робот.

Тут Карин словно окаменела.

— Что ты сказал?

— Просто хотел сказать, что и для меня его отсутствие будет ощутимо, — осторожно ответил робот.

Карин долго и пристально смотрела на робота.

— Позволь спросить, какие еще *чувства* ты испытываешь, а, ПАППИ?

Робот помедлил с ответом, что было вовсе для него не характерно.

— А чего ты ожидала, Карин? Когда все эти годы пичкала меня программами, разработанными Кэлвин и Мински?

— Да, но на лабораторных испытаниях это ничуть не отразилось. Сьюзен говорит, что...

— О чем это вы? — перебил их Тим.

— Позитронная чувствительность, — медленно и задумчиво протянула Карин. — Просто я хотела знать, способен ли ПАППИ...

Тимми нетерпеливо воскликнул:

— Ну, ясное дело, ПАППИ живой! Это и ослу понятно. Я думал, мы обсуждаем мое будущее.

Карин смотрела задумчиво и отстраненно.

— Я должна отвезти тебя в лабораторию, ПАППИ.

И если мои подозрения подтвердятся, Сьюзен придется провести на тебе серию испытаний Тьюринга.

Тим уставился на мать. Вечно поглощена работой, думает только о ней, выбирая самые неудобные для этого моменты.

— Послушай, у нас тут серьезный разговор, а ты...

— До сих пор в лабораторных условиях нам еще не приходилось сталкиваться с полным пробуждением самосознания, — задумчиво пробормотала Карин. — Иными словами — с развернутым функционированием продвинутого позитронного интеллекта. Возможно, сказались условия продолжительного пребывания в семейном кругу, тесное общение с человеком... Нет, сперва надо обсудить это со Сьюзен. Нам надо провести целый ряд дополнительных исследований.

— Не хочу я обратно в лабораторию... — начал было робот.

— Боюсь, что придется, ПАППИ. Это грандиозный успех!.. Я хочу сказать...

— Да заткнитесь вы все и слушайте меня! — заорал Тимми. — Отныне я сам буду принимать все решения! И буду сам решать, где мне учиться, когда и как!

Карин взглянула на сына с таким выражением, точно забыла, что он находится здесь, рядом.

— Ну, конечно, Тимми. Но это очень важно и срочно, неужели ты не понимаешь?

«Ну вот, опять она за свое, — с горечью подумал он. — Опять на первом месте у нее роботы».

Университет на Луне финансировал обучение Тима. Взамен он согласился принять участие в исследованиях, связанных с физическими нагрузками спортсменов в условиях невесомости. Теперь Тим уже не зависел от матери в денежном отношении. А Карин не приезжала навещать его, когда он поселился на орбитальной станции. Для нее главными оставались лаборатория и испытания на ПАППИ.

Во время каникул Тим подрабатывал ассистентом геолога, изучавшего лунный грунт. Следил за тем, что-

бы коллекция его камней содержалась в порядке. Нельзя сказать, чтоб Тим тяготился этой работой, она мало чем отличалась от коллекционирования марок.

Других ребят, живущих с ним на станции, часто приезжали навестить родители. Хорошо одетые мужчины и женщины, со знанием дела обсуждавшие последние премьеры в интерактивном театре, а также политику. И всячески подчеркивающие необходимость сохранения традиционных человеческих ценностей в этом технократичном мире. Тот факт, что человек начал заселять космос и очень зависит от помощи роботов, вовсе не означал, что следует пренебрегать прелестями простой человеческой жизни, — семьей, физическим трудом. Так, во всяком случае, утверждали его новые друзья. Тим понимал, куда они клонят. Напекают на то, что работа его матери в «Ю-Эс Роботс» может грозить нешуточными осложнениями. «Механические люди», господи ты боже мой!.. Неужели она не понимает, как это глупо и недальновидно позволять роботам быть слишком уж умными? Ведь они предназначались стать слугами, а не партнерами человека во всех его начинаниях. И если люди забудут об этом, то в один прекрасный день их ждут нешуточные проблемы. И Тим чувствовал, как все больше и больше отдаляется от Карин. Он даже перестал приглашать ее приехать.

Самой ослепительной и неотразимой из новых друзей была, разумеется, Сильвия Рэтбон, дочь промышленного магната, придерживавшегося старомодных убеждений, кои никак не разделяла с ним эта красавица. Она была так же далека от отца, как Тим — от матери. В Сильвии, как казалось юноше, было сосредоточено все, чего он был лишен в жизни, — деньги, большая семья, состоявшая из бесчисленных дядюшек, тетушек и двоюродных братьев и сестер. И, наконец, отец, баловавший ее самым безбожным образом. То была красивая, веселая, хрупкая и изящная девушка, подвижная, как ртуть. И к его величайшему изумлению, она по уши влюбилась в него, Тима.

Весной 27-го они поженились. Церемония была самая скромная, и проходила она в часовне, построенной

в одном их обширных лунных кратеров. Молодые хотели сохранить это в тайне от родных, подождать, пока Тим не получит диплом геолога, на которого недавно стал учиться. Сильвия просто не осмеливалась выложить отцу эту новость — что вышла замуж за нищего студента. Но прошел год, и родилась Бет. И пришлось послать уведомление родителям и с тревогой и нетерпением ждать ответа.

Карин едва не забыла ответить — приписала поздравления в постскриптуме к очередному письму, которое ежемесячно посылала сыну по факсу.

Адвокат мистера Рэтбона уведомил их, что Сильвия вычеркнута из завещания, — во всяком случае, до тех пор, пока не разведется с мужем-голодранцем.

Содержать семью на студенческую стипендию и нерегулярные приработки было ох как непросто. Но они держались. Вечерами Тим возвращался домой к жене и ребенку, которых поселили в специальном отсеке для семейных. У Сильвии был маленький садик, где она гидропонным способом выращивала помидоры и кукурузу — существенная прибавка к их скудному рациону. А для души, как любила выражаться, выращивала хризантемы. Впервые в жизни Тим чувствовал, что абсолютно счастлив, что у его дочери полная семья, которой был лишен он сам. Но вскоре он увидел, что денег на содержание этой семьи требуется все больше и больше, и восторги его поутихли.

Год спустя в надежде подзаработать он отправился в экспедицию с одним другом-геологом. И во время его отсутствия в жилой сектор попал небольшой астероид. Он пробил покрытие, и из помещения начал выходить воздух. Автоматические воздушные шлюзы предотвратили утечку воздуха из других отсеков, но команда роботов-спасателей прибыла с запозданием, и Сильвия погибла. Девочка в это время находилась в яслях и не пострадала.

Счет за уничтожение останков Сильвии вывел Тима из ступора, в котором тот пребывал со дня гибели Сильвии, и он почувствовал, что может, наконец, за-

плакать. Почему-то он очень хорошо запомнил, что этот счет доставил ему робот.

Итак, колесо его жизни описало полный круг. Он, ребенок, выросший без отца, мальчик, которого воспитывала мать, должен был отныне растить и воспитывать девочку, лишенную матери. И он сломался. Все вокруг померкло, погрузилось во мрак.

Затем случились две вещи.

В его жизнь вошел Говард Рэтбон Третий, начавший самым настойчивым и отчаянным образом добиваться внучки. Он даже был готов заключить сделку с ее отцом на каких угодно условиях, лишь бы малышка досталась ему.

А затем вдруг доктор Сьюзен Кэлвин уведомила срочным факсом, что мать Тима, Карин, скоропостижно скончалась после непродолжительной, но тяжелой болезни, и оставила ему маленький дом в Нью-Йорке — тот, где прошло его детство. Он никогда не был близок с Карин, но с трудом представлял, что она навеки ушла из его жизни.

Принимать предложение Рэтбона страшно не хотелось — несмотря на огромные деньги, которые тот сулил. Но Тим понимал, что вечно прятать Бет от дедушки он не сможет.

Выход, казалось, был только один. И вот он улетел на Эзмю вместе с ребенком первым же рейсом.

Тим разглядывал старые полузабытые вещи из детства. Ничего ценного в доме не было, да и вообще, вряд ли весь этот хлам может пригодиться там, в колонии. Надо сказать, что Карин никогда не занималась всерьез обустройством дома. Он упаковал в коробку серию бойскаутских книжек, которые были так милы его сердцу в детстве, старый альбом с марками с изрядно пообтрепавшимися уголками. Сунул туда же и телескоп, который помогал ему собирать ПАППИ.

Потом вынес коробку в холл и поставил ее у стены. Тут его внимание привлекли длинные, покрытые серым слоем пыли царапины на паркетном полу. Он ос-

торожно сдул пыль. Да, так и есть, следы от колесиков ПАППИ. И взору его представилась сцена: робот летит из гостиной к входной двери первым забрать почту и с визгом тормозит на скользком полу. Казалось, он видел, как их вносят в дом Карин — газеты, кричаще-яркие рекламные объявления, листки с зазывными предложениями вложить деньги в то или иное предприятие (он помнил, как всякий раз злилась мать, когда просьбы о деньгах поступали от людей с антироботскими настроениями) — короче, весь этот второсортный мусор, который запрещалось законом пропускать через факсы и другие средства связи. Сортировать этот бумажный хлам входило в одну из ежедневных обязанностей ПАППИ. «*Бережет меня от инсульта*», — часто говорила Карин.

Тим присел на корточки и взглянул на царапины повнимательней. Похоже, что пол совсем недавно циклевали и покрыли свежим лаком. И знакомых ему на протяжении многих лет царапин и выбоин видно не было. Тут он вспомнил, что вскоре после его отъезда мать устроила в доме ремонт. А следы, оставленные колесиками робота, были, похоже, совсем свежими... Тим медленно выпрямился. Его посетила тревожная мысль, и он нахмурился.

Как-то неуютно среди всех этих вещей, напоминающих о прошлом. Надо поскорей от них отделаться. И он уже шагнул к визиофону позвонить одному из ризлторов, чьи карточки ему подсунули под дверь. Пусть приезжают и заберут, и чем скорей — тем лучше.

Но не успел он дотронуться до кнопки, как раздался пронзительный звонок. Он колебался, не зная, снимать ему трубку или нет. Может, это опять Рэтбон? И он мрачно надавил на кнопку «Прием».

На экране возникло лицо красивого мужчины средних лет.

— Тим Гэрровой? — У него был приятный, хорошо поставленный голос. — Я Стивен Бирли.

— О, мэр... — пробормотал Тим. — Я... э-э... был бы очень рад повидаться с вами.

— Да, секретарь передала мне вашу просьбу. Я тоже

был бы совершенно счастлив побеседовать с вами, но, боюсь, завтра не получится. Очень напряженное описание.

Сердце у Тима екнуло. Итак, добыча, похоже, ускользает из рук. И он испытал невероятное облегчение.

— Нет проблем, господин мэ́р! Ничего страшного. Это не столь уж и важно. Вполне может подождать...

Бирли улыбнулся.

— А у нас вроде бы имеются общие знакомые, Тим. Я могу вас так называть? Просто Тим?

— Да, конечно, — поразительно, сколько теплоты и доброжелательства исходило от этого человека. Как только такое в голову могло прийти — уничтожить его?..

— Я так понял, ваша мать работала с доктором Сьюзен Кэлвин, одной из моих старинных и очень близких подруг.

Тим вздрогнул. По сердцу словно стальным лезвием полоснуло. Ну, конечно!.. Этого следовало ожидать.

Ведь Бирли всего лишь робот. Тут он почувствовал, что Бет дергает его за рукав. Обнял свою маленькую дочурку, крепко прижал к себе. Наивно и глупо было думать, что человек может избежать предназначенной ему судьбы. Он чувствовал, как некая темная сила надигается на него, подкрадывается, точно хищный голодный зверь к маленькому бивачному костру, который он развел, чтоб защитить себя с дочуркой от тьмы, обступившей со всех сторон.

— Завтра весь день забит, — говорил тем временем Бирли. — Но я каждое утро бегаю в Центральном парке. А вы бегаєте по утрам, Тим? Я слышал, вы вроде бы спортсмен. Если хотите, можете присоединиться ко мне завтра, в шесть утра. Надеюсь, не слишком рано для вас? Сам я, знаете ли, жаворонок. Там и поговорим...

«Жаворонок! Это ж надо, — подумал Тим. — Да он вообще не спит, ему ни к чему».

Выбора у него не было. Вернее, он очень прост: или его жизнь, или жизнь Стивена Бирли, если о таковой

может вообще идти речь. Итак, Бирли сам подписал себе смертный приговор.

— Конечно, с удовольствием, господин мэр, — сказал он.

— Просто Стив, — поправил его тот.

Тим коротко кивнул в знак согласия, и Бирли отключился. Он отошел от визиофона, чувствуя, как оружие, с помощью которого следовало уничтожить робота, тяжело оттягивает карман.

Его даже затошнило при мысли об этом, а в затылке разрасталась головная боль. Нет, он сделает то, что должен сделать. Просто ради дочери. А пока лучше выбросить все эти мысли из головы, постараться просто не думать об этом, и все. Заняться уборкой дома, разбором вещей...

— А что там, а, пап? — спросила Бет, указывая на маленькую дверцу в потолке. На розовой щечке виднелась полоска грязи, дочурка ходила за ним, точно хвостик.

— Да ничего особенного, милая. Так, просто чердак, где хранится разный старый хлам.

И тут вдруг его осенило. Ну, конечно!.. Где ж ему еще быть, как не там!..

— Я хочу посмотреть! — Бет капризно топнула ножкой.

Развлекь дочурку, позабавить ее — и тогда мысль о том, что ему предстоит сделать завтра, не будет больше мучить. Он надавил на кнопку в стене. Защелка отодвинулась, дверца откинулась, и из нее спустилась вниз узкая деревянная лесенка. Он ступил на первую ступеньку и почувствовал, как малышка повисла у него на ноге в притворном ужасе, будто бы он оставит ее сейчас навеки. Тогда он подхватил ее, прижал к себе и начал подниматься. И тут же почувствовал, как это тяжело — ведь за долгие годы он отвык от земного притяжения. Бет подстегивала и торопила его, точно игрушечную лошадку. Или робота, подумал он.

Наверху, под стропилами, было прохладно и стоял полумрак. Пахло старой одеждой и пропыленными книгами. Повсюду, между грудами книг и сундуками,

висела густая серая паутина. Он двигался осторожно, пригибаясь и отводя паутину руками, чтоб не коснулась личика Бет.

Она заметила его первым, указала пухлым пальчиком в темный угол.

— Смотри-ка, па! Куколка!..

Безгласный, слепой и глухой робот сидел под одной из перекладин и был лишь слегка покрыт пылью. Даже спустя все эти долгие годы Тим не мог смотреть на него равнодушно. Воспоминания об играх в бейсбол на заднем дворе, об уроках, которые они делали вместе, о марках, которые разбирали, о тихих, вполголоса беседах о девочках и сексе — все это разом нахлынуло на него. Его детство обитало на этом чердаке, и достаточно было лишь одного взгляда на ПАППИ, чтоб оно вернулось. Ему снова восемь лет, и сегодня День отца...

Но как он здесь оказался? Ведь Карин забрала его в лабораторию. Еще бы — такое достижение, достойно венчающее всю ее научную карьеру.

Он был просто уверен, что еще тогда она забрала его в лабораторию. Тогда откуда свежие царапины на паркетe? Значит, она снова вернула ПАППИ в дом, очевидно, незадолго до смерти... Но зачем, с какой целью?

— Хочу с ним играть! — воскликнула Бет и вырвалась из объятий отца.

Взметнулось целое облако серой пыли, девочка чихнула. Тим потянулся, чтобы остановить ее, но она шустро пробиралась мимо наваленного на полу хлама в темный угол. Бет заливисто смеялась, вся дрожа от радостного предвкушения, ей не терпелось познакомиться поближе со своим открытием. И Тим ощутил бешеную любовь к этому маленькому созданию и одновременно — беспомощность и тревогу. Как собирается он быть одновременно отцом и матерью этому крошечному Колумбу-первооткрывателю, который так страстно стремится познать новый мир? Как может он защитить ее от ужасов и уродства этого мира, где роботы становятся мэрами, а люди типа Рэтбона мечтают прикончить их?..

Маленькие пухлые ручки принялись ощупывать и гладить робота. Снова проблема робота, снова она его достала. Ведь если вдуматься хорошенько, то Карин забрала ПАППИ домой лишь по одной причине — он был ей небезразличен.

И он уже собрался было забрать дочь и спуститься с ней вниз, как вдруг у ПАППИ зажглась красная лампочка.

— Привет, — пропищал тоненький и такой знакомый голосок. — Я ПАППИ. Патерналистская Альтернатива. Хочешь поиграть со мной?

У девочки было такое лицо, точно она вот-вот заплачет.

Он ничуть не удивился тому, что у ПАППИ еще остались запасы энергии, позволяющие ему действовать. Присел перед дочерью на колени, обнял ее, крепко прижал к себе. Только здесь, на чердаке, у него впервые за все время возникло чувство, что он понимает Карин. Это она спрятала робота здесь, когда поняла, что умирает. Ей не хотелось, чтоб ПАППИ, оставшись в лаборатории, попал бы в руки чужим людям...

И что это доказывает?

На секунду он снова почувствовал, как его захлестывает прошлое. Любовь не подлежит точному определению, но она наверняка включает такие понятия, как взаимопонимание, дружба, партнерство в игре и работе, забота друг о друге. Семья — это группа людей, где все заботятся друг о друге. И о роботе в том числе.

— Привет, ПАППИ, — неуверенно пробормотала малышка. — А ты кто?

Может ли он дать Бет столько, сколько в свое время дала ему Карин? Он постарается, сделает все, что в его силах. Но то, чего он хочет для дочери, не может быть построено на ненависти и насилии. Из зла никогда не получится добра. Именно он, ПАППИ, научил его этому. И завтра утром встреча со Стивеном Бирли у него не состоится.

А это означает, что Рэтбон будет их преследовать. О том, чтоб возвратиться домой на Луну, и речи быть не может. И здесь, на Земле, им тоже нет места. Жизнь

геолога, исследующего астероиды, трудна и опасна, но как иначе сохранить семью? Отец, дочь и робот?..

— Знакомься, милая, — сказал он дочурке, — это твой дедушка.

Фредерик Пол

ВСТРЕЧА В МАЙЛ-ХАЙ-БИЛДИНГ

В те далекие-предалекие дни (а минуло аж полстолетия) мы были не только молоды, но и бедны. А еще нас отличала худоба, чего, конечно, не скажешь, если посмотреть на нас сейчас. Я-то знаю, потому что у меня есть фотография нашей дюжины, сделанная в 1939 году. Я нашел ее по просьбе пресс-агента моего издателя и долго смотрел на нее, прежде чем отправить ему вечерней почтой. Внешне ничего особенного мы из себя не представляли: двенадцать юных, улыбающихся в камеру лиц, безбородых, полных надежды. Если б кого-то спросили, кто изображен на фотографии, полагаю, нас могли бы принять за посыльных «Вестерн юнион» (помните посыльных «Вестерн юнион»?), собравшихся на пикник в свой выходной, или членов дискуссионного клуба средней школы для мальчиков в большом городе. Ни первое, ни второе предположение не имело к нам ни малейшего отношения. В действительности мы состояли в клубе страстных любителей фантастики и называли себя футурианцами.

Старая фотография не лгала. Просто она не говорила всей правды. Камера не могла запечатлеть те узы, что связывали нас воедино, потому что узы эти находились в наших головах. Во-первых, каждого из нас отличал острый ум. Мы это знали и с готовностью сказали бы любому. Во-вторых, мы запоем читали научную фантастику, как ее тогда называли эн-эф, но это уже совсем другая история. Мы полагали, что эн-эф очень интересна (все эти ракеты, космические корабли, смертоносные лучи, широкогрудые марсиане, злобные монстры с Юпитера), но этим ее достоинства не огра-

ничиваются. Мы также думали, что эн-эф исключительно важна. У нас не было ни малейшего сомнения в том, что именно эн-эф позволяет из настоящего заглянуть в Б У Д У Щ Е Е, где нас ждали чудеса технического прогресса, социальная Утопия и вообще прекрасный мир, имеющий так мало общего с той пугающей действительностью, в которой мы сейчас живем. И еще, нельзя не отметить, что все мы были, по меткому определению одного нашего футурианца, Деймона Найта, «лягушатами». Мы не занимались спортом. Мы не очень ладили с нашими сверстниками. И с девушками тоже. Поэтому мы проводили большую часть свободного времени за любимым занятием — чтением научной фантастики. А читали мы много.

В принципе, мы соглашались с тем, что мы — «лягушата». По крайней мере, знали, что девушки не могут прийти в восторг от крепости наших мускулов или ширины плеч. При этом не тянули мы и на уродцев. К примеру, Дейв Кайл, Дирк Уайли и Дик Уилсон были высокими, симпатичными парнями. Это видно даже на плохонькой фотографии. Я думаю, наша проблема заключалась не только в том, что где-то мы боялись девушек (они могли смеяться над нами, а некоторые наверняка смеялись), но и в нашей системе приоритетов. Мы предпочитали беседу — теннису, а книги — обжиганиям.

Было это полстолетия тому назад. Другими словами, в далеком прошлом. Мой секретарь, она же мой главный помощник, говорит, что 62,8 процента ныне живущих людей тогда еще не родились, а сей факт безусловно указывает на то, что 1939 год так же чужд и странен для большинства читающих эти строки, как для меня — война Соединенных Штатов с Испанией.

Наверное, следует отметить, что этот 1939 год нам тоже не очень нравился. Нелегкое это было время. Наше поколение затесалось в промежуток между Гувером и Гитлером. Очереди за хлебом остались не в таком уж далеком прошлом, а ближайшее будущее грозило нам нацистскими полчищами. Поэтому, когда мы

смотрели на реальный мир, в котором жили, нам очень даже не нравилось то, что мы видели.

И, отворачиваясь от реальности, мы утыкались носом в журналы эн-эф, которые мы обожали, а потом заглядывали в собственные головы. Мы много читали, и мы пытались писать. Не могу также не сказать о том, что мы умели работать и отличались честолюбием. Поскольку нам не нравилась наша жизнь, мы пытались изменить ее к лучшему. Мы собирались раз или два в месяц в чьем-нибудь подвале или гостиной, говорили о том о сем, потом ели мороженое, пили газировку и расходились. Некоторые сразу отправлялись домой, особенно те, кто вставал рано утром, как Айзек Азимов (он работал в кондитерской родителей, и первые покупатели приходили в магазин за утренними газетами и булочками в половине шестого). Остальные еще долго гуляли по улицам по двое или по трое. Я шел с Дирком и Джонни Мичелом к их станции подземки. Но обычно, когда мы подходили к платформе, выяснялось, что начатая у кафе-мороженого интереснейшая дискуссия в самом разгаре (отражает ли Футурама «Дженерал моторс», представленная на Всемирной ярмарке, с ее двенадцатиполосными автострадами и сорокаэтажными домами мир будущего или можно ли сравнивать по уровню мастерства «Эркота» Джона Кэмбелла и рассказы Уэйда и Мори со «Звездным жаворонком» Дока Смита?), поэтому мы шли к моей станции подземки... Потом огибали квартал... потом снова куда-то шли. И говорили. Говорили и говорили. Разговоры, жаркие споры имели для нас немаловажное значение. Но мы не только говорили, мы и писали. Барабанили на купленных в комиссионках портативных пишущих машинках каждый у себя дома, но с твердым намерением показать написанное другим. Мы осознавали значение *слов*, но особенно нам хотелось, чтобы мир услышал, увидел и оценил наши слова. Когда-нибудь. Мы, разумеется, не знали, каким образом это произойдет и когда, но, оглядываясь назад, я могу сказать, что мы своего добились. Если мы и были «лягушатами», как говорит Деймон Найт, тогда в какой-то момент жизни

каждому из нас встретила сказочная принцесса, поцеловала, и мы превратились в кого-то еще... иначе мы не собирались бы сейчас на крыше Майл-Хай-Билдинг на пятидесятую годовщину нашего клуба, репортеры не слетались бы со всех сторон, как пчелы на мед, и нас бы не показывали миру в шестичасовых выпусках новостей.

Прямого рейса с Мауи до Нью-Йорка нет, потому что самолетам-амфибиям не разрешено летать над материком. Мне пришлось делать пересадку в Лос-Анджелесе. Естественно, на нужный мне рейс я не успел, вылетел в Нью-Йорк следующим и уже, приземлившись в Айлдауайлде, знал, что опаздываю на встречу.

Носильщик в мгновение ока достал мне такси: пятидолларовая купюра творит в аэропорту чудеса. Усевшись на заднее сиденье, я тут же уставился на далекие силуэты нью-йоркских небоскребов, над которыми одиноко высился Майл-Хай-Билдинг — длинный-предлинный охотничий рог, поставленный на широкую часть... если, конечно, можно представить себе охотничий рог с дырками. Инженеры говорили, что им необходимы сквозные каналы для протока воздуха, иначе сильный ветер может повалить здание набок. Может, так оно и есть. Мне бы хотелось верить, что эти каналы повышают безопасность, но по телу пробегала дрожь, когда я видел тонкие стойки-карандаши, соединявшие массивы этажей.

Однако Майл-Хай стоял и не падал уже шесть или семь лет. Его видно в радиусе сорока или пятидесяти миль. Более того, он такой высокий, что, проезжая и Куинс, и Бруклин, я смотрел на него, задирая голову вверх. Когда же такси остановилось у его подножия и я вылез из кабины, громадина Майл-Хай-Билдинг просто испугала меня. Когда я поднимал голову, создавалось ощущение, что дом вот-вот на меня рухнет.

Лимузин подкатил к тротуару, в затылок моему такси. Мужчина, вылезший из него, дважды бросил на

меня короткий взгляд, я трижды посмотрел на него, а потом мы заговорили одновременно:

— Привет, Фред, — поздоровался он.

— Док, как поживаешь? — отозвался я. — Давненько не виделись.

Действительно давненько — двадцать лет. Приехали мы, разумеется, по одному и тому же поводу. Док Лаундс подождал, пока я расплачусь с водителем, не смотря на легкий дождь. А когда я вновь посмотрел на Дока, тот стоял, задрав голову, обозревая Майл-Хай-Билдинг.

— Знаешь, на что он похож? — спросил Док. — Он похож на космическую пушку из «Грядущего». Помнишь?

Я помнил. В конце тридцатых годов «Грядущее» стал нашим культовым фильмом. Большинство из нас видело его как минимум раз десять (я вот — тридцать два раза).

— Да, космическую, — улыбнулся я. — Ракетные корабли. Люди, отправляющиеся на другие планеты. В те дни мы могли поверить во что угодно, не так ли?

Он пристально посмотрел на меня.

— Я и сейчас верю, — и мы зашагали к экспресс-лифту, чтобы в его кабине подняться на крышу.

Майл-Хай-Билдинг, конечно же, не имел ничего общего с космической пушкой из «Грядущего». Скорее он походил на космическую станцию будущего из еще более старого научно-фантастического фильма «Представить только», с автоматическими гироскопами, марсианскими ракетами и молодыми парами, которые получали своих младенцев из раздаточных автоматов. Героиню играла очаровательная девушка, только-только приехавшая в Голливуд из Ирландии. После этого фильма я на всю жизнь влюбился в Морин О'Салливан.

В Майл-Хай-Билдинг не было ни гироскопов, ни ракет. Не было (к сожалению) и по-прежнему очаровательной Морин. Но этот небоскреб мог дать сто очков

вперед любому старинному научно-фантастическому фильму. Путь на крышу состоял из нескольких отрезков и равнялся ровно одной миле. Благодаря стеклянным стенам ты видел, как все пять тысяч футов исчезали внизу, тогда как ты возносился вверх. На пике разгона скорость кабины достигала ста миль в час.

Дока качнуло, когда лифт разогнался.

— Очень быстро поднимаемся, — отметил он.

— Очень, — согласился я и начал рассказывать ему об этом здании. Внутри оно было пустым, как рожок мороженого, а знал я о нем достаточно много, потому что жил в Нью-Йорке, когда его строили: еще не мог позволить себе дом на Мауи. Я довольно часто встречался с Майком Террановой. Майк работал в архитектурной фирме, а познакомился я с ним, когда он иллюстрировал комикс, сделанный по одному моему научно-фантастическому рассказу, но это совсем другая история. Надо отметить, что рисунки машин и зданий удавались Майку лучше книжных иллюстраций. Поэтому, наверное, комикс выдержал только одно издание, но Майк, думаю, сделал все что мог. Он увлеченно рассказывал мне о Майл-Хай-Билдинге. «Посмотри на эти воздушные каналы, — как-то сказал он мне, когда мы гуляли по западной части Центрального парка и эта громадина высилась в тридцати кварталах от нас. — Они так сильно уменьшают лобовое сопротивление, что здание не качается даже при сильном ветре. Разумеется, конструкторы поставили демпферы массы на двухсотом, трехсотом и четырехсотом этажах, которые также уменьшают раскачивание.

— Это еще один небоскреб, не более того, — ответил я.

— Это небоскреб совершенно нового типа! — возразил он. — Архитекторы поняли, что все рабочие помещения должны иметь окна наружу, поэтому по внутреннему периметру никаких офисов нет. Там можно найти только кабельные стволы да силовые балки. А три блока, где надо перейти с лифта на лифт, отданы под торговые центры. Магазины, рестораны и прочее.

— Блестящая мысль, — ответил тогда я без всякой

иронии. И теперь объяснял все это Доку, пока мы возносились все выше и выше. Док же все внимательно выслушал, ньюйоркцы вообще очень терпимы к тем, кто приезжает из других городов, и сказал: «Я знаю».

А потом мы вышли на сотом этаже и мимо фонтанчиков с газировкой, магазинов, баров и ресторанов прошествовали к другому лифту, потом к третьему, четвертому и, наконец, вышли из последнего на самом верху, в пяти тысячах футов над пересечением Пятьдесят второй улицы и Шестой авеню. А уж эскалатор доставил нас в клуб.

Я не люблю стоять на месте, поэтому буквально запрыгал по ступенькам эскалатора. Док последовал моему примеру. И заметно сбил дыхание, когда мы прибыли к двери, которую уже распахнул перед нами швейцар.

— Вижу, ты поправился, — заметил я. — Наверное, слишком много ездешь на лимузинах. Должно быть, поэзия в эти дни приносит большие деньги.

Конечно, я подколот его и получил не только косой взгляд, но и прямой ответ.

— Просто не люблю таксистов. Поверь мне, на роялти с переиздания стихов разбогатеть невозможно. Да и первые издания не приносят много денег. Мои счета оплачивают выступления. Я часто читаю стихи в колледжах.

Я изумился. Видите ли, у нас футурианцев, были очень острые языки, и мы не стеснялись пускать их в ход. Предвкушение встречи с давними друзьями вызвало мысли о прошлом, поэтому я и позволил себе подколоть Дока, так что смиренный ответ Дока, его отказ принять вызов стали для меня откровением.

Потом седовласая женщина взяла у нас пальто, и даже мягкосердечный Боб усмехнулся, когда я снял свое. Причину я знал: прибыл я в той самой одежде, в которой ходил дома: брюки канареечного цвета, гавайская рубашка и плетенки-сандалии.

— Не успел переодеться, — что еще я мог ответить.

— Я просто подумал, а как же хорошо живется вам на Гавайях, — с очень серьезным видом сказал он мне

и направился в зал приемов, где уже собралось много людей.

Изменения произошли, и значительные. Теперь все было не так, как прежде. Может, потому, что Лаундса уже собирались провозгласить лучшим поэтом Америки. А может, потому, что в двадцать лет человек смотрит на мир иначе, чем в семьдесят. Теперь нам не приходилось объяснять собственную уникальность, потому что в мире нашлось превеликое множество людей, которые только этим и занимались.

Не меньше ста человек кучковались вокруг официантов с подносами шампанского или разглядывали развешанные по стенам картины старых мастеров. Выделить среди толпы футурианцев не составляло труда: по лысынам и седым бородам. Окружали их журналисты и специалисты по связям с общественностью, числом превосходящие нас раз в десять. Их средний возраст колебался у цифры тридцать.

В центре зала стоял Айзек Азимов, о чем-то беседуя с Сирилом Корнблатом. Вокруг собралась самая плотная толпа, потому что их обоих действительно знал весь мир. Генерал Кайл, в парадной форме, хотя он давно вышел на пенсию, рассказывал молодой женщине с видеокамерой о своем участии в знаменитой битве за Пусан. Джек Робинсон стоял рядом, чуть позади, и внимательно слушал. Камеры его в объектив не ловили: репортеров преподаватели не интересовали, даже если речь шла об одном из самых известных профессоров Гарварда. Я увидел Джека Гиллепси с роскошной блондинкой, повисшей у него на руке (хотя ростом она была на шесть дюймов выше). Блондинка играла главную роль в одной из его пьес. Я увидел Хэннеса Бока. Он заметно постарел, пил «кока-колу» и жевал бутерброд. По всем параметрам, известная личность. Если Джек получил Пулитцеровскую премию, то графика Хэннеса продается в лучших галереях на Пятьдесят седьмой улице по заоблачным ценам. Но есть разница между теми, кто иной раз мелькает на телеэкране, и

знаменитыми. Репортеры знают, на кого направлять свои камеры. У Сирила не одна Пулитцеровская премия — целых три, и знающие люди говорят, что он получил бы и Нобелевскую, если бы у него хватило ума родиться в Боливии или Чехии. Что же касается Айзека, то Айзек есть Айзек. Советник президентов, доверенное лицо власть имущих, постоянный гость в ток-шоу Джека Паара, звезда сотен рекламных роликов. Он не просто знаменит. Его знают все. Куда до него сенаторам, губернаторам, кардиналам. Я видел его, спасибо телевидению, на Гавайях, в Австралии, во время океанских круизов... А ведь он никуда не летает.

Старую фотографию многократно увеличили, и Даймон Найт печально взирал на нее, когда мы с Доком подошли, чтобы пожать ему руку.

— Мы были такими детьми, — вздохнул он. Все так. Младшему, Сирилу, было шестнадцать, старшему, Дону Уоллхайму, двадцать три или двадцать четыре.

В эти дни о футурианцах написано так много, что я сам уже не могу отличить правду от выдумки. Если судить по прессе, мы с самого начала демонстрировали свою уникальность. Да, конечно, сами мы о себе именно так и думали, но, боюсь, абсолютное большинство наших родственников и знакомых придерживалось прямо противоположного мнения. Айзек работал в кондитерской родителей. Джонни Мичел помогал отцу расшивать шелковые платки, Дирк Уили заливал баки автомобилями на бензозаправке в Куинсе, Дик Уилсон развозил тележки с женской одеждой в торговом квартале на Седьмой авеню. У многих из нас постоянной работы не было вовсе. Не забывайте, по стране еще тянулся шлейф Великой депрессии. Я считал себя счастливым, когда меня нанимали убирать грязную посуду в ресторане или курьером в страховую компанию.

Молодая женщина подошла к нам. Оторвалась от списка гостей, посмотрела на меня и, что удивительно, обратилась ко мне, не перепутав фамилии:

— Я из «Сэтудей ивнинг пост видео», — представи-

лась она. — Вы — один из основателей клуба футурианцев, не так ли?

— Мы все основатели. Вернее, Док и я. Деймон присоединился к нам чуть позже.

— Значит, вы с самого начала знали доктора Азимова и мистера Корнблата?

Я вздохнул. По собственному опыту я уже знал, что за этим последует. Женщину не интересовал я сам. Если она и заговорила со мной, то лишь для того, чтобы я поделился своими воспоминаниями о суперзвездах. Вот я и рассказал ей три или четыре истории из дюжины тех, что держал наготове на такой вот случай. Я сказал ей, что Айзек жил на одном конце Проспект-Парк в Бруклине, а я — на другом. О том, что после встречи, любой встречи, футурианцы ужасно не любили расходиться, а потому бродили по пустынным улицам чуть ли не до рассвета, разговаривали, иногда пели (Джек и я до того, как он написал первую пьесу), Док декламировал стихи, Сирил и я старались взять верх в игре «Невероятные вопросы».

— «Невероятные вопросы»? — переспросила женщина.

— Да, такую мы устраивали викторину. Наше изобретение. Сложная игра. Мы задавали вопросы о том, чего люди еще не знали. К примеру, какого цвета воздух?

— Синий, синий, как небо?

Я широко улыбнулся.

— Вы проиграли. У воздуха нет цвета. Он выглядит синим благодаря рэлеевскому рассеиванию. Но принцип вы уловили — это были невероятные вопросы, и если кто-то находил правильный ответ на один из них, он становился победителем, а игра заканчивалась.

— Значит, вы и доктор Азимов обычно играли в эту игру...

— Нет, нет. Играли в нее я и Сирил. Айзек принимал в ней участие, лишь когда мы заходили к нему. Рано утром, если гуляли по улицам всю ночь. На заре пересекали парк, пару-тройку раз останавливались,

чтобы забраться на деревья. Сирил это обожал — залезть на дерево и имитировать крик чирка, зовущего самочку. Правда, самочка ни разу так и не прилетела. Потом заходили в кондитерскую родителей Айзека, в половине шестого она уже работала, и его мать наливала нам по чашке бесплатного топленого молока.

— Бесплатного топленого молока, — просяив, повторила женщина. Это была та самая подробность, которую она искала, которая так нравится что читателям, что зрителям. Она задала следующий вопрос: — Вы уже знали доктора Азимова, когда он написал свое знаменитое письмо президенту Рузвельту, положившее начало Пасаденскому проекту?

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но меня опередил Док Лаундс:

— Черт побери, женщина, *Айзек* не имеет отношения к этому письму. Его написал Алексис Кэррел. Айзек подключился к проекту гораздо позже.

Женщина посмотрела в свои записи, потом на нас. Взгляд ее не удивил ни меня, ни Дока. Читалась в нем жадность. Она нас жалела.

— Я так не думаю, — ответила она, правда, достаточно вежливо. — У меня здесь все записано.

— Записано неправильно, — отрезал Док и попытался объяснить ей, как все было на самом деле.

Может, мне не следовало бы все это повторять, поскольку эти факты ни для кого не составляют тайны. Альберт Эйнштейн в своем письме президенту предупреждал, что гитлеровская Германия стоит на пороге создания, как он написал, «атомной бомбы». Он хотел, чтобы ФДР принял необходимые меры и Соединенные Штаты Америки первыми заполучили это новое оружие. Об этом узнал доктор Алексис Кэррел. Он был биохимиком и не хотел, чтобы Америка тратила время и деньги на непонятную атомную энергию. Поэтому он убедил своего друга, полковника Чарлза А. Линдберга, передать президенту Рузвельту совсем другое письмо.

Линдбергу это решение далось нелегко, поскольку возникла политическая проблема. Конечно же, Линд-

берг был знаменитостью. Одиноким Орел, человек, которому в конце двадцатых годов впервые в мире удалось перелететь Атлантический океан. Но за десять с небольшим лет для Линдберга многое изменилось. Его обвинили в сочувствии нацистам, кроме того, он принял активное участие в деятельности крайне правых республиканских организаций: «Первый американский комитет», «Лига свободы» и так далее, которые ставили перед собой две цели: не связываться с Гитлером и вышибить из Белого дома демократа Франклина Делано Рузвельта.

При этом у Линдберга оставалось много влиятельных друзей. Ему потребовалось два месяца, но в конце концов он удостоился пятиминутной аудиенции. Произошло это в Уорм-Спрингс, штат Джорджия. И президент прочитал письмо Кэррела.

Рузвельт не был ученым, не было ученых и в его окружении. В конце тридцатых годов ученых особо не жаловали. Так что ФДР не понимал разницы между расщеплением атомных ядер и созданием болезнетворных организмов, однако до него сразу дошло, что вывести смертоносные культуры куда дешевле, чем тратить миллиарды долларов на сооружение заводов по производству плутония. А ФДР не хотелось затевать новый дорогой проект. Поэтому Эйнштейну указали на дверь, а перед Кэррелом зажегся зеленый свет.

Айзека призвали в армию позже и отправили на секретный исследовательский объект, занимающийся разработкой Пасаденского проекта. К тому времени, когда Док добрался до этого места, женщина из «Сэтудей ивнинг пост видео» уже нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

— Все это очень интересно, мистер... — она заглянула в свои записи, — ...Лаундс, но мои издатели хотят, чтобы я получила эту информацию из уст самого доктора Азимова. Извините меня, — и направилась к главному герою.

Док пожал плечами.

— Репортеры, — только и сказал он.

Я кивнул. Но не смог устоять перед искушением.

— Давай послушаем, что он ей скажет, — предложил я, и мы последовали за женщиной из «Сэтудей ивнинг пост видео».

Пробиться к Айзеку оказалось не так-то просто. Помимо репортеров, его окружали представители различных издательств и агентств: издательского дома Дона Уоллхайма, издательств Сирила, Боба Лаундса, «Нью-Йорк таймс», поскольку Деймон был редактором их «Бук ревью». В толпу затесался даже мой издатель, не говоря уже про галереи, которые продавали картины Хэннеса Бока и шелковые панно Джонни Мичела. Но больше всего толкалось народу из Американского информационного агентства, поскольку Айзек, главным образом, работал с ними. Однако наша женщина знала свое дело. Кого-то отпихнула локтем, кого-то оттеснила бедром, но вскоре ей удалось добраться до цели.

— Доктор Азимов? — она выставила перед собой микрофон. — Разве не вы написали знаменитое письмо президенту Рузвельту, которое положило начало Пасаденскому проекту?

— Господи, да нет же! — воскликнул Айзек. — Его написал известный биохимик тех времен доктор Алексис Кэррел. Он отреагировал на письмо, полученное президентом от Альберта Эйнштейна, и... что такое? — он смотрел на вскинутую руку репортера из «Дейли ньюс».

— Вас не затруднит произнести эту фамилию по буквам, доктор Азимов?

— Э-Й-Н-Ш-Т-Е-Й-Н. Он был физиком, в то время очень известным. Однако президент принял предложение доктора Кэррела и одобрил Пасаденский проект. Меня, молодого биохимика, только закончившего институт, как раз забрали в армию и привлекли к участию в этом проекте.

— Но вы сыграли очень важную роль в реализации поставленных задач, — заметила женщина.

Айзек пожал плечами. Репортер другой видеогазеты

попросил его рассказать подробнее о Пасаденском проекте, и Айзек, улыбнувшись нам, подчинился.

— Я не хочу задерживаться на военных аспектах. Всем известно, что наши тифозные бомбы заставили японцев сдаться. Но куда важнее мирное использование наших достижений, — он обвел рукой зал. — Если бы не Пасаденский проект, многих из вас здесь бы не было. Вы только представьте себе, как далеко шагнула медицина благодаря нашим исследованиям. Антибиотики в 1944 году, противовирусные препараты в 1948, лекарство против рака в 1950, растворитель холестерина в 1953.

— Вы уверены, что президент принял правильное решение? — спросила репортер из Калифорнии. — Некоторые до сих пор считают, что атомное оружие имело еще большую эффективность.

— А, вы говорите о старине Эдди Теллере, — Азимов заулыбался. — Парень-то он хороший. Да только зациклился на одной идее. Это плохо. Он бы многого добился, если бы в 1940 году занялся настоящим делом, настоящей наукой, вместо того чтобы баловаться с этими ядерными штучками.

Ни у кого не было ни малейшего сомнения в том, что Айзек — наша суперзвезда, никто не оспаривал и вторую позицию Сирила, но не все же достается суперзвездам. Каждый из нас постоял пару минут перед камерами, говоря о том, какое влияние оказывали мы друг на друга и как счастливы собраться вновь. Пусть кому-то это покажется странным, но, думаю, мы все выражали истинные чувства.

А потом прием закончился. Люди начали расходиться.

Я выглядывал женщину, которая забрала мое пальто, когда увидел Айзека, выходящего из мужского туалета. Он задержался у окна, глядя на потемневшее небо. Громадный, с восемью двигателями самолет компании «Транс уорлд эйрлайнз» заходил на посадку. Летел,

конечно, издалека, возможно, из Гаваны. Я подошел, похлопал Азимова по плечу.

— Не знал, что знаменитости пользуются туалетом. Он повернулся ко мне.

— Между прочим, я зашел туда, чтобы позвонить Джанет. Как идут дела, Фред? Ты опубликовал много книг. Сколько именно?

Я ответил честно:

— Точно не знаю. Раньше я вел учет. Записывал название, дату выхода в свет и издательство по каждой новой книге на стене своего кабинета... Но однажды моя жена выкрасила стену, и я остался без списка.

— Ну, хоть приблизительно?

— Наверняка за сотню. Впрочем, все зависит от того, что считать. Романы, сборники рассказов, публицистику...

— За сотню. И по некоторым ставились фильмы, какие-то распространялись по клубной системе, какие-то переводились на другие языки? — он пожевал нижнюю губу. — Думаю, ты доволен тем, как прожил жизнь?

— Конечно, — кивнул я. — Почему нет? — и тут же пристально посмотрел на него. — В чем дело, Ай? А ты — нет?

— Разумеется, доволен, — быстро ответил он. — Только... ну, по правде говоря, гложет меня одна мысль. Я частенько думаю, что, обернись все иначе, я мог бы стать очень известным писателем.

Пол Андерсон

ПЕЩЕРА ПЛАТОНА

Три Закона Роботехники:

1. Робот не может причинить вред человеческому существу или же своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен выполнять любой приказ человека, если это не противоречит Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о собственной безопасности при условии, что его действия не противоречат Первому и Второму Законам.

Послание достигло земли в виде набора коротковолновых импульсов. Спутник связи передал их вместе с сотней других подобных импульсов на специальную ретрансляционную станцию. И со станции, поскольку она изначально была предназначена для передачи сугубо конфиденциальной информации, все это прямоком отправилось к адресату, а именно — в глобальный центр управления корпорацией «Юнайтед Стейтс Роботс энд Мекэникл мен». Там компьютер с помощью секретного кода преобразовал эти импульсы в световые и звуковые сигналы. И на экране ожило трехмерное изображение, при первом же взгляде на которое Генри Матсумото просто ахнул.

Удивление вызвал не робот, которого он там увидел. Большой, гуманоидного типа, весь в громоздкой броне, он был предназначен для тяжелой физической работы в экстремальных условиях. Фон, место действия — вот что показалось завораживающим. Ничто не мешало лицезреть эту сцену, кроме разве что пары каких-то конструкций. По космическому кораблю, довольно метко прозванному «скелетом», разгуливали роботы, которые не нуждались ни в воздухе, ни в еде, ни в питье, похоже, вообще ни в чем, кроме разве что подзарядки, да и то не слишком частой. В углу экрана виднелась часть гигантского диска Юпитера, поверхность его была затенена вихрящимися облаками — знак того, что там происходят бури. Одной такой бури было бы достаточно, чтоб поглотить Землю целиком. В нижнем углу на миг мелькнула Ио. Одна сцена быстро сменяла другую, поскольку корабль вращался по окололунной орбите, но пламя вулканического взрыва, что подобно гейзеру, яростно било из одного из кратеров, доминировало над пейзажем, придавало ему грозную реалистичность.

Молодой сотрудник был совершенно потрясен этим неожиданно представшим перед ним видением. Он только что заступил на дежурство перед монитором

и, чтоб не скучать, даже захватил с собой книгу. В течение долгих недель с этого объекта не поступало никаких сообщений, кроме регулярного сигнала «Все в порядке». Так что же, черт возьми, происходит?

Тут над его головой раскатами прозвучал голос. Синтезированный, какой-то совершенно неестественный. Микрофон просто модулировал радиоволну.

— Докладывает робот Ди-Джи-Эр-36 с Ио. Робот Джей-Кей-7 отложил исполнение всех операций. А именно — разведку, разработку горных пород, транспортирование, обогащение, словом, вообще всю работу. Я со своей командой совершил посадку, чтоб забрать очередной груз, партию руды. И мы обнаружили, что все машины, механизмы и роботы простаивают. Самого Джей-Кей-7 мы на месте не обнаружили, но он говорил со мной по радио. Находится где-то в горах. Он заявил, что действует согласно предписаниям от некоего человека, который якобы заявил, что данные разработки опасны и их следует немедленно прекратить. Полагаю, что всем нам лучше вернуться на орбитальную станцию и ждать там дальнейших распоряжений.

— О господи!.. — пробормотал Матсумото. — Оставайтесь на связи. И ничего пока не предпринимайте.

При данном расположении планет приказ с Земли может поступить на Ио не раньше, чем минут через сорок. Однако Ди-Джи-Эр, видимо, предвидя, что первым на связи может оказаться какая-то мелкая сошка, уже впал в полную неподвижность. Матсумото развернулся в кресле и лихорадочно защелкал клавишами интеркома.

Ему нужно было выйти на внешнюю линию связи, по местному времени рабочий день давно уже кончился, но вскоре выяснилось, что Филип Хиллковиц, технический руководитель «Проекта Ио», до сих пор находится у себя в кабинете. Хиллковиц, в свою очередь, связался с Альфредом Лэннингом, генеральным директором, который, что называется, тут же взял ноги в руки и примчался в центр. Двое мужчин уставились на изображение робота, потом молча смотрели друг на друга — как показалось Матсумото — страшно долго.

— Так, значит, несмотря ни на что, это все-таки случилось? — прошептал Хиллковиц. — Неужели эта радиация свела Джейка с ума?

Лэннинг сердито нахмурился.

— Думаю, не стоит напоминать вам результаты испытаний! — рявкнул он. — Эта броня способна выдержать сотни лет непрерывного облучения.

— Да, да, конечно... Но эти жуткие условия... — Хиллковиц адресовался теперь к роботу: — Скажи, Эдгар, наблюдал ли ты какие-либо еще аномальные явления? Ну, к примеру, как вел себя металл? Наблюдалась ли коррозия, истончение?

— Недурной вопрос, — буркнул Лэннинг. — Однако за те восемьдесят минут, что мы будем дожидаться от него ответа, надо самим попробовать узнать о положении дел и как можно быстрее.

Офицеры отпустили Матсумото — тот ушел совершенно счастливый уже потому, что на нем не сорвали зло, — и отменили все последующие дежурства. Уже одного этого факта было достаточно, чтоб поползли слухи. А затем послали за кофе и стали ждать. Пили кофе, бродили по комнате, высказывали самые различные предположения. В воздухе плавали густые слои сигаретного дыма.

— Нет, сэр, — ответил, наконец, Ди-Джи-Эр-36. — Я сам занимался проверкой находящихся здесь роботов и оборудования. Никаких механических, химических или же радиационных повреждений обнаружить не удалось. Во всяком случае, с помощью моих датчиков.

— Умница, молодец, — пробормотал Лэннинг. Сам он вложил немало сил в разработку этой модели.

— Я также говорил с другими роботами, — продолжил Ди-Джи-Эр-36, — но они сказали мне то же самое: что Джей-Кей-7 приказал им прекратить работу, и все. Я не обладаю полномочиями отменить этот приказ. В любых обстоятельствах, если я правильно понимаю, только Джей-Кей-7 имеет право отдавать им приказы. Я пытался уговорить его продолжить работы, но он утверждает, что сам лишь подчиняется неким распоряже-

ниям, поступившим свыше. — Затем робот прервал связь и вновь превратился в статую.

— И никакой деятельности там с тех пор не наблюдается? — спросил Хиллковиц.

— Все ясно, — бросил ему Лэннинг. — Нам надо немедленно связаться со Сьюзен Кэлвин.

— Как, прямо сейчас? Ах, ну да, она, несомненно, лучше нас разбирается в психических расстройствах у роботов, но... этот временной интервал и невозможность связаться с Джеком. Каким образом мы сможем подключить ее?

— Ты прав. Нет, полагаю, нам нужны... гм... Пауэлл и Донован. Возможно, они самые лучшие наши оперативные работники. Но решение зависит прежде всего от Кэлвин.

Лэннинг набрал ее домашний номер. Через какое-то время послышался злобный голос:

— Ну, что вам надо? Кто это? Если причина, по которой вы вытащили меня из постели, не покажется мне достаточно веской, вам несдобровать!

— Это Фил Хиллковиц и я, — сказал Лэннинг. — Послушай, ты должна приехать сюда и немедленно. У нас на Ио проблемы. Объясню все при личной встрече, так будет лучше.

— Боишься электронного прослушивания? Какие страсти-мордасти, надо же!

— Ну, насчет прослушивания... это маловероятно. Но «Проект Ио» под угрозой срыва. А ты знаешь, что это означает, какие будет иметь последствия и как решительно настроена оппозиция.

— Я также знаю, что комната, в которой вы сейчас торчите, насквозь провоняла от дыма, — ответила робопсихолог. — Свистните разных там своих техников, пусть наладят со мной нормальную связь, полностью исключая прослушивание. Аудиовизуальную, и чтоб была напрямую подключена к главному банку данных. Учитывая разницу во времени, они как раз успеют к следующему сеансу связи. Если постараются, конечно.

И вот спустя некоторое время мужчины увидели

Сьюзен Кэлвин. Женщина сидела в кресле с высокой прямой спинкой и пила чай.

— У нас нет снаряжения, позволяющего следить за всеми действиями индивидуумов, когда мы находимся в космосе, — говорил с экрана робот Ди-Джи-Эр-36. — И никаких подозрительных перемещений мы пока что не замечали.

— Похоже, у тебя с памятью плоховато, — заметила Сьюзен. — Но знаешь, Эдгар, я хочу, чтобы ты очень постарался и сказал мне вот что... Только не спеши, подумай сперва хорошенько. Какие именно мотивы называл тебе Джей-Кей-7? В частности, что он говорил о том человеке, который якобы обратился к нему и велел прекратить все работы?

Она послала на Юпитер сигнал «конец связи» и переключила внимание на Землю.

— «Якобы»... точнее не скажешь, — со вздохом заметил Хиллковиц. Взгляд его был устремлен в никуда, точно он видел сквозь стены необъятное космическое пространство. Казалось, он говорит себе следующее: *«Ни один из нас выжить там не способен. Ио находится целиком во власти магнитного притяжения Юпитера. Эти заряженные частицы прикончат любого через несколько минут. И защитить может только броня. Такая толстая, что человек будет в ней практически беспомощен и лишен способности действовать. Уже не говоря о холоде и полном отсутствии воздуха. Там почти полный вакуум, нарушают который лишь ядовитые вулканические выбросы. Мы можем сделать роботов невосприимчивыми ко всем этим явлениям, можем даже защитить их позитронные мозги от радиации. Так, во всяком случае, мы считали, Лэннинг и я. Наша команда долго работала над этим проектом. А после нас к работе подключились инженеры и в течение двух лет проводили испытания, правда, в более благоприятных условиях, в системе Джовиана. Таким образом проходила подготовка к широкому развертыванию работ на Ио. Но они общались только с Джейком, а он все время был с ними на связи, радио и лазерной. Это он принимал все их сигналы, видел все, что они хотели ему показать. Его приемник раскодировал эти*

сигналы, и он видел образы, слышал голоса. Но что творилось в этот миг у него в голове? И что видит и слышит он теперь, когда к нему явился новый призрак из этого ада, куда его послали трудиться?»

— Главное — это быть точным до мелочей, — заявила Кэлвин. — А теперь, джентльмены, мне бы хотелось взглянуть на все файлы по этому проекту. На их изучение мне понадобится примерно час.

— Я тоже могу подключиться, — сказал Лэннинг. — А тебе не обязательно, Фил. Почему бы тебе не вздремнуть немного?

— Господи, — пробормотал Хиллковиц, — до того ли сейчас?..

Доктор Кэлвин, вернее, ее изображение, вернулось на экран в обещанное время, но сказала она мужчинам только следующее:

— Пока никаких комментариев, — усевшись в кресле поудобнее, она сложила руки на коленях. Даже когда робот на экране ожил, она не шевельнулась. Но то, что он сказал, заставило ее сорваться с места.

— Да, мэм. Увидев, что участок опустел, руда не отправлена, а Джей-Кей-7 отсутствует, я тут же попытался выйти на связь и получил аудиоответ. Сигналы, как показывали датчики, поступили откуда-то из-за холмов. Он только подтвердил предыдущее сообщение о том, что прекратил работы по приказу некоего человека. Тот мотивировал это тем, что будто бы разработки угрожают существованию человеческой расы. В детали вдаваться отказался. Но когда я спросил, может ли он хотя бы назвать имя этого человека, ответил, что это император Наполеон.

Компактный и легкий, но высокоскоростной и к тому же снабженный полной системой жизнеобеспечения курьерский корабль «Дельфин» мог бы долететь до Юпитера менее чем за четыре дня. Пилот Свен Боруп уже прошел полный медицинский курс по созданию иммунитета к таким высоким перегрузкам и с нетерпением ожидал, когда, наконец, поступит приказ и он

сможет выполнить столь почетное и ответственное задание. Но прибытие Грегори Пауэлла и Майкла Донована задерживалось, и они не могли подключиться к работе по отправке. А тем временем эти типы из «Ю-Эс Роботс», собственно, и заварившие всю кашу, продолжали знакомиться с переданными им материалами.

И вот сразу же после вылета они встретились за обедом, и Боруп, естественно, стал допытываться, что же происходит.

— Мне почти ничего не объяснили! — говорил он с мягким скандинавским акцентом. — Все в спешке, все второпях. Помахали перед носом каким-то контрактом, но, кроме того, что я должен доставить вас на Юпитер и там оказывать всяческую помощь, ничего не сказали...

Капитан был плотным, коренастым, лысеющим мужчиной. Полное отсутствие даже намека на талию говорило о том, что он, очевидно, весьма равнодушен к сахарному печенью в виде крендельков — национальному лакомству.

— Ну, у них были все основания спешить, — заметил Донован... — А с объяснениями можно и подождать. И что бы там ни произошло... мы, надеюсь, сумеем исправить... вот только не было бы слишком поздно. К тому же правительство не может позволить... — тут он осекся, будучи не вполне уверен, вправе ли продолжать. На борту находились два робота. Первый, по имени Оле, помог им войти в салон и поставил перед каждым по миске фасолевого супа. Второй, Кнут, был на дежурстве, хотя шансы, что автоматика вдруг выйдет из-под контроля, были невелики.

Боруп кивнул.

— Это на Ио. И ослу понятно. Уже идут разговоры о том, что станцию следует перевести на Ганимед, но это так, пока что одна болтовня. Слишком уж малопривлекательное для людей место, слишком велика опасность радиации. Да сейчас на всех этих лунах никого, кроме шахтеров-роботов. Ни один нормальный человек к ним и близко не подойдет, — он выразительно взмахнул ложкой. — Там что, вложены очень и очень

большие деньги, да? И если перестанет поступать руда, множество банков разорится? А вместе с ними потеряют полное фиаско и власти, которые спонсировали столь опасное предприятие, верно?

— А вы, я гляжу, хорошо осведомлены, — заметил Пауэлл.

Боруп хихикнул.

— Вы хотите сказать, для парня, который всю жизнь мотается в космосе? О нет, нет. Всем известно, какие споры вызывал этот проект, известны все «за» и «против».

— Они и до сих пор идут, — пробормотал Донован.

— Теперь, когда мы уже в пути, думаю, можно быть с вами более откровенными. Для нашей же пользы, — сказал Пауэлл. — Строго между нами... Если наша миссия провалится, то уже без разницы, просочится что-нибудь в средства массовой информации или нет, вот такое мое личное мнение, — он вытер с усов капли, образовавшиеся в результате испарения супа. — И я вовсе не уверен, что вы можете точно вспомнить, какие именно споры шли по поводу этого проекта, какая тогда началась заваруха. С тех пор прошло довольно много времени, и из сознания людей все выветрилось. Просто еще одна группа роботов, вооруженных современной техникой, работает там, где-то очень далеко от Земли...

— Но зато страшно перспективное дело, — вставил Боруп. — Продукты извержения вулканов Ио невероятно богаты полезными ископаемыми, их там больше, чем на всех астероидах, вместе взятых, разве нет? Сильная радиация — вот главная проблема.

— Не только. Там вообще невероятно опасная, непредсказуемая ситуация, обусловленная условиями окружающей среды. Землетрясения, оползни, то и дело разверзаются новые кратеры, земля проваливается в каверны. И всему виной близость Юпитера. А потому для работы в таких условиях требуются роботы с невероятно высоким уровнем интеллекта. Собственно рабочие группы могут состоять из упрощенных моделей, ну разве что слегка модифицированных. Не так уж это

и сложно — обеспечить их надежной защитой. Но во главе должен стоять куда более совершенный механизм, наделенный интеллектом, обширным запасом знаний, инициативой, способностью приспособляться... даже, если хотите, тем, что мы называем воображением. Снабдить его соответствующей позитронной начинкой не так уж и сложно. А вот защитить его «мозги» просто толстой оболочкой из надежного материала, по всей видимости, недостаточно. Нужны компенсационные устройства. И сразу же встает вопрос о компенсации их воздействия на работу мозга. И когда «Ю-Эс Роботс» подписывала контракт, полной уверенности в том, что при данном состоянии науки это возможно, не было.

— Да, я помню.

— Извините.

— Ничего страшного. А что еще нам остается делать, как не молоть языком? И лакомиться супом. Кстати, на второе у нас мясные тефтели. Прошу вас, продолжайте.

— Да, так вот. Фирма представила нового робота, все испытания прошли просто превосходно. Да и вообще все шло отлично вплоть до недавнего момента. Похоже, он вдруг свихнулся, вот что... Перестал работать и несет всякую муть на тему того, что это опасно для Земли. Говорит, что ему, будто бы, было видение... Это ж надо!

— Ха! Примерно так я и думал!.. Скажите, а заменить его нечем?

— Не знаю. Но думаю, скорей всего, нет, — сказал Донован. — Джейк, или Джей-Кей-7, порядковый номер говорит о том, сколько у него было прототипов, был практически собран вручную. Стоит больше трех сенаторов, вместе взятых. Не какой-то там ширпотреб с поточной линии. Да и потом, как мы можем отправить туда очередного Джейка, если не выяснили, что случилось с первым?

— Кстати, первый может повлиять на нового, — мрачно заметил Пауэлл.

Боруп, похоже, был потрясен до глубины души, хотя старался и не показывать этого.

— Чтоб робот вмешивался в дела и нарушал тем самым приказы человека?..

— Да, это трудно представить, — кивнул Пауэлл. — Но давайте подумаем хорошенько. Ведь Джейк не только страшно ценный экземпляр, но и насущно необходим для осуществления проекта. И с учетом ситуации ему приданы особые полномочия в плане осуществления Третьего Закона. Он должен по мере сил защищать себя сам, причем неважно, чем следует пожертвовать при этом. Но, разумеется, его поведение не должно вступать в противоречия со Вторым Законом. Он обязан выполнять доверенное ему задание, а также подчиняться всем приказам и распоряжениям, поступающим от человека, какими странными они бы ни показались. Но тут потенциал исполнения ниже. Что это означает на практике? Да то, что, если в данной конкретной ситуации, исходя из всего предшествующего опыта, ему вдруг покажется, что приказ ошибочен, он может подвергнуть его сомнению. Указать на ошибки. Ну, а если даже, невзирая на все это, ему прикажут продолжать действовать, он обязан подчиниться. В случае же, если он остался один, то должен самостоятельно делать выводы и принимать решения, как вести работы на Ио... Так, теперь на тему этого так называемого умопомешательства или того, что с ним там случилось. Первый Закон при всех обстоятельствах остается превалирующим. Робот просто *не может* сознательно совершить то, что нанесет вред человеку, так уж запрограммирован. Равно как *обязан* сделать все, чтоб не допустить этого вреда с чей-либо другой стороны. Иначе его позитронные мозги просто перегорят, — перечисляя все эти положения, Пауэлл старательно загибал пальцы. — И вы это, конечно, знаете. Все знают, но довольно часто законы эти входят во взаимное противоречие, и провести грань между тем, что разрешено, а что запрещено, очень сложно — слишком уж она тонкая. И только специалист по психологии роботов может разобраться, что к чему.

— Кстати, и им это не всегда удается, — вставил Донован.

— Итак, что мы имеем в данном конкретном случае? Согласно уверениям Эдгара, робота-капитана команды, а он лгать нам не будет, Джейк убежден, будто бы «Проект Ио» приведет к смерти и разрушению, — продолжил Пауэлл. — А потому он и остановил все работы. И лично я сильно сомневаюсь, что он послушается приказа продолжить их. Разве что каким-либо образом мы сумеем убедить его, что он ошибается. Он даже может не ответить на наши вызовы и сигналы. По всей очевидности, он твердо убежден, что это его долг — активно противостоять всем дальнейшим работам. Одним словом, самый настоящий саботаж. А поскольку он наделен высочайшим для робота уровнем интеллекта и способностями, если, конечно, за это время что-то не разладилось в столь совершенном механизме, то Третий Закон превращает его в весьма осторожное, хитрое и чрезвычайно опасное существо.

— И вы пока что не знаете, как утихомирить это самое существо? — спросил Боруп.

Пауэлл нахмурился. И после долгой паузы ответил:

— Мы не можем приземлиться на этом корабле на Ио и искать его там. Нам просто не выжить. Эдгар с его командой предназначены для проведения работ, в лучшем случае могут помочь нам произвести разгрузку или погрузку. Так что толку от них немного. А организовывать охоту на взбунтовавшегося робота — это чудовищно долго и дорого. Каждый день простоя шахт стоит огромных денег, что же касается политических последствий, если разразится скандал... — он пожал плечами.

— Нет, нет, я понимаю. Но разве у вас нет специального пароля, какой-нибудь команды, которая могла бы заставить его беспрекословно подчиниться?

Пауэлл и Донован переглянулись. Боруп рассеянно помешивал ложкой суп.

— А он куда хитрей, чем показалось с первого раза, — пробормотал Донован. Потом стукнул кулаком по столу и рассмеялся. — Да, конечно, есть! На случай

разных непредвиденных обстоятельств разработаны и специальные меры предосторожности. Причем довольно элементарные. К примеру, ученые могут вдруг обнаружить опасность, грозящую роботу, а времени на убеждения и разъяснения просто нет. Или же, допустим, вы чрезмерно, болезненно подозрительны и считаете, что какие-то враги проекта вдруг могут запутать его, передать ложный сигнал. Да, на этот случай имеется особый пароль. Типа «Совершенно секретно», «Сжечь сразу же после прочтения», и знает его лишь горстка людей в компании и правительстве, а также мы двое. И, по всей видимости, это будет первое, что мы сделаем по прибытии. Но вот послушается ли он... это еще вопрос. Ведь он безумен, а стало быть...

— Это вам так кажется, что безумен, — поправил его Боруп.

Донован скроил гримасу.

— Очень бы хотелось надеяться на обратное. Если на мозг его повлияла радиация или еще что другое нашло, бог его знает что, тогда весь проект летит к чертовой бабушке. И все это грозит нешуточными осложнениями.

— А с чего вы взяли, что он рехнулся?

Донован и Пауэлл нерешительно переглянулись, потом Пауэлл кивнул.

— Ну, видите ли, он утверждает, что к нему явился Наполеон и приказал прекратить все работы, — сказал Донован. — Это пока все, что нам известно. Разве недостаточно?

— Наполеон? Тот, который император?

— А какой же еще?

— А откуда это он знает об императоре Наполеоне?

— Резонный вопрос. Кстати, прямо перед отлетом мне сообщили, что доктор Кэлвин занялась этой проблемой. Но никогда не знаешь, какие обрывки разрозненной и ненужной информации могут попасть в позитронные мозги робота на стадии его активации и обучения. Ведь в эти процессы вовлечено множество людей, самых разных специалистов, и он слушает их разговоры. Ну, и мозг выхватывает и запоминает ка-

кие-то разрозненные фразы, даже отдельные слова...
Помнишь Шустрика, Грег?

— Как такое можно забыть? — вздохнул Пауэлл. А потом объяснил Борупу: — Это робот, с которым мы работали на Меркурии. Его вывели из равновесия противоречия между Вторым и Третьим Законами и он непрерывно бегал по кругу и бормотал: «Джилберт и Салливан, Джилберт и Салливан». Где он этого нахватался, мы так и не выяснили.

— Гм... — буркнул Боруп. — Так, значит, перспективы у нас не самые радостные, я правильно понял, а джентльмены?

— Не только у нас, но и у всего остального человечества, — мрачно ответил Пауэлл.

— Вот как? Ах, ну да, огромная потеря денег. Но ведь вы вроде бы не политик и не банкир...

— Банкиры не склонны понапрасну сорить деньгами, — сказал Донован. — И если проект на Ио провалится, нас ждет неминуемая депрессия.

— А что касается политиков, — подхватил Пауэлл, — то далеко не все они такие уж мерзавцы и дураки. Всего лишь несколько лет тому назад мы, наконец, избрали правительство, готовое начать серьезные реформы. В нем много умных, образованных и порядочных людей. И будущее его самым тесным образом связано с «Проектом Ио». Его провал сыграет лишь на руку оппозиции. Так что же, прикажете пренебречь всеми этими обстоятельствами? Отказаться от новейших технологий и развития самого интенсивного производства, продукты которого честно делились бы между всеми членами общества? Или снова вернуться к подачкам из рук власть имущих, как было до сих пор? Слишком уж много стоит на кону. К тому же в законодательных органах у оппозиции по-прежнему большинство, а правительство являет собой довольно шаткую коалиционную структуру. Стоит только провалиться проекту, и правительство получит вотум недоверия, а все мы будем опять отброшены на много лет назад.

— Да, наверное, вы правы, — тихо сказал Боруп. — Сам я не слишком разбираюсь во всех этих вещах.

Когда бываю дома с женой, то говорим в основном лишь о нашем садике и внуках... Но за реформы мы тем не менее тоже голосовали. И были бы очень рады, если бы этот Стивен Бирли стал в один прекрасный день нашим координатором, — он обернулся. — А вот и мясные тефтели.

С маленькой луны Хаймалия Юпитер выглядел примерно так же, как Луна, сияющая над Землей, но его затеняли облака и светил он раза в четыре слабее. Это бледно-золотистое мерцание, походившее на отблеск заходящего солнца, а также сверкание целой россыпи звезд на небе отражались на льду, покрывающему поверхность, и терялись в расселинах вздымающихся вверх скал. Разместившиеся на Северном полюсе строения — купол, вышки и подъемные механизмы — в условиях обычных показались бы довольно мрачным зрелищем, но здесь являли приятное разнообразие. Было хотя бы на чем взгляд остановить. Боруп посадил корабль и открыл воздушные шлюзы. Пауэлл и Донован вошли на законсервированную базу, теперь надо было реактивировать ее. В условиях почти полной невесомости они передвигались во мраке, словно призраки — с той разницей, что изредка наталкивались на какие-то предметы и произносили земные слова.

Через несколько часов у них был свет, была налажена подача воздуха и система отопления, и база обрела более-менее жилой вид. Донован зябко потирал руки.

— Брр, — ежась, воскликнул он. — Интересно, сколько надо времени, чтоб эти стены наконец прогрелись? Знаю, с точки зрения термодинамики это абсолютный бред, но впечатление такое, будто они сами излучают холод.

— Одна надежда, что мы тут надолго не застрянем, — сказал Пауэлл. — А спать и есть можно и на борту «Дельфина». Ладно, давай за дело.

И они уселись у главного компьютера в комнате связи. И вскоре из передатчика в летальную зону вокруг Юпитера начал поступать закодированный сиг-

нал. Судя по показаниям приборов, Ио как раз вошла в тень Юпитера, но на подачу сигнала это не влияло. На той же орбите находились два спутника связи, через них и проходил сигнал. Еще шесть спутников вращались непосредственно по орбите вокруг Ио, вдоль экватора и полюсов. Именно через эти спутники возможно было определить местонахождение Джека и связаться с ним.

— База Хаймалии вызывает робота Джей-Кей-7, — монотонно повторял Пауэлл. — В систему Джовиана вошли люди. Джей-Кей-7, отвечай!

В ответ лишь тихое жужжание, больше ничего. Донован провел рукой по рыжим встрепанным волосам и простонал:

— Должно быть, сейчас он просто вне пределов досягаемости. Ведь говорил же он прежде с Эдгаром. Наверное, в связи с прекращением работ Джей-Кей и его команда переместились на астероидный пояс. И признака жизни не подают, — он умолк, а затем после паузы добавил: — Или просто он не желает говорить, или получил серьезные физические повреждения.

— Не очень-то верится, — возразил Пауэлл. — Его создатели — одна из самых компетентных команд. Допустим даже, условия там оказались еще более сложными. Но то, что все они разом полностью вышли из строя, маловероятно. К тому же Джек, сориентировавшийся в этих условиях, не станет задерживаться там надолго, — он задумчиво потер подбородок. — Гм... Когда Эдгар со своей группой находился на земле, они часто бывали в горных расселинах, и связь осуществлялась лишь с помощью длинноволнового аудиопередатчика. Думаю, он опасается, что его схватят и вернут для осмотра и проверки. Но определить, откуда он передает сигналы в данный момент, они не могут, а специального оборудования для связи через спутники у них нет. А выманить его в более удобное для захвата место им, похоже, не удастся.

— Он вовсе не обязан подчиняться им. Ведь они всего лишь роботы, такие же, как и он сам.

— Да. И отвечать тоже не обязан. Но, как мне ка-

жется, согласно Второму Закону, он должен стремиться ответить людям, разве нет?

— Погоди минутку. Мы люди, а он не обращает на нас внимания?

— Думаю, что принимать наши сигналы он вполне способен, — Пауэлл глубоко вздохнул. — Ладно. Давай попробуем усилить действие Второго Закона с помощью пароля. — Он подался вперед и произнес медленно: — Робот Джей-Кей-7, вас вызывает человек, Грегори Пауэлл с базы на Хаймалии. Я приказываю вам отвечать. Пароль «Эпсилон». Повторяю, пароль «Эпсилон».

В ответ по-прежнему молчание. Мужчины терпеливо ждали. Они знали, что временная отсрочка составляет около тридцати девяти секунд. И тем не менее страшно нервничали, полусидя, полуплавая в своих креслах. Потом вдруг экран ожил, и Донован даже подпрыгнул. Взлетел высоко в воздух и медленно опустился вниз, чертыхаясь на чем свет стоит.

Перед ними предстал пейзаж, поражающий суровостью и отрешенностью. Над гребнями гор, убегающими до самого горизонта, застыла половинка Юпитера. Он был огромен, он подавлял. Он заливал своим бешеным светом провалы и трещины, образовавшиеся после извержения вулкана. На переднем плане находилось относительно ровное место, нечто вроде площадки, залитой цементом. На ней Пауэлл разглядел механизмы, машины и неподвижных роботов. Так, значит, Джек вернулся на свою базу. Потому как именно ее видел сейчас робот.

Хотя нет, не только. Он видел также Пауэлла и Донована, слышал их голоса. Хотя самих их на той площадке не было. Он видел их, как видит человек чье-то вдруг всплывшее в памяти лицо, однако при этом не терял из виду того, что находилось вокруг. Просто последнее видел более живо, в трехмерном изображении, во всех деталях и подробностях.

И вот в наушниках послышался синтезированный голос. Медленный, слегка запинаящийся:

— Робот Джей-Кей-7 на связи... Что... вы хотели сказать?

— Что это там за бред насчет Наполеона? — спросил Пауэлл. — С чего это ты вообразил, что выполнение задания может кому-то повредить? Ничего подобного! На самом деле это очень полезно и важно для землян. От имени твоих создателей, а также властью, данной моему напарнику и мне, приказываем немедленно возобновить работы!

Временная отсрочка, последовавшая за этим, показала им обоим вечность. Но когда, наконец, робот заговорил, оба они подумали, чтоб лучше он не отвечал вовсе.

— Я... в этом вовсе... не уверен. Роботы... это вы.

— Что?! — взвился Донован. — Совсем взбесился, черт бы тебя побрал! Пароль «Эпсилон», ясно тебе? Ты прекрасно видишь и слышишь, что мы люди.

Ожидание показалось бесконечно долгим.

— Я отмечаю... некоторое сходство. Пароль тоже слышу. И слова... — тут изображение слегка дрогнуло, словно Джек пожал плечами. — И слова команды — тоже. Но... но...

Голос замер.

— Продолжай, — тихо пробормотал Пауэлл. — В чем, собственно, дело?

Еще несколько томительных секунд.

— Наполеон меня об этом предупреждал. Он... он сказал... что роботы выглядят, как люди... даже могут знать пароль... И попытаются... сделать то, чем вы сейчас занимаетесь.

Донован так и разинул рот. Пауэлл сделал ему знак молчать. Всем телом подался вперед, к экрану, и заговорил мягко и убедительно:

— Послушай, Джейк. Тут произошла какая-то ужасная ошибка. Ты полностью дезинформирован. Мы тебя не виним, но ты должен помочь нам разобраться, ясно? Помогите нам. Чтоб мы в свою очередь могли тебе помочь! Понимаешь? Объясни, почему думаешь именно так, а не иначе. И кто сказал тебе это, а, Джейк? Ради блага всего человечества, отвечай!..

Они ждали.

— Если вы роботы... то вы обмануты, — снова прорезался синтезированный голос. — Вы служите нечестным, разрушительным целям. Позвольте мне просветить вас на эту тему.

— Ну, конечно, Джейк, разумеется. Если мы... если мы роботы, то должны подчиняться Первому Закону. Не должны сознательно или же бессознательно причинять какой-либо вред человеческому существу. А если мы не роботы, тогда нам следует знать о грозящей опасности, разве нет? Помни, нам известно кодовое слово «Эпсилон». А это предполагает, что мы люди, разве нет? Люди, попавшие в весьма сложную ситуацию. Так что расскажи нам все с самого начала, слышишь, Джейк?

Снова ожидание. Несмотря на царивший в помещении холод, на лбу и щеках Донована блестел пот. Он вяло отер его тыльной стороной ладони.

Пауза затянулась на целую минуту, но, когда голос робота раздался вновь, они немного успокоились.

— Очень хорошо. Пароль предполагает, чтоб я оказал вам максимальное содействие. Наполеон и об этом тоже предупреждал. Вообще, если вы заметили, события развиваются именно так, как он предсказывал, что лишний раз доказывает его правоту. Начну по порядку. 23 января в 09 часов 17 минут и 3,68 секунды я находился в районе Локи, доставил туда флиттер для разведки новых залежей. Поскольку запасы руды в месторождении Эйтен уже иссякли. И тут передо мной представило полное аудиовизуальное изображение человека. Он назвал себя императором Наполеоном и рассказал, что несколько десятилетий тому назад, еще во время первой экспедиции, на Землю был послан ряд проб и что последующие исследования показали, какая смертельная опасность нас всех здесь подстерегает. Результаты исследования оказались ошеломляющими. Среди продуктов вулканического извержения была обнаружена псевдожизнь. Наполеон назвал ее виридом. Она черпает энергию, индуцируя коррозию металлов. Как правило, подобные реакции протекают очень медлен-

но, но на протяжении целой геологической эпохи ви-роиды успели инфицировать все минералы и последующая их переработка избавиться от них не позволяет. В настоящее время на Ио они существуют в равновесии; как бы в состоянии спячки, но, стоит им войти в контакт с незараженным металлом, зараза тут же начнет распространяться дальше. Причем куда быстрее процесс этот будет происходить на Земле, учитывая тамощные относительно высокие температуры. И эта станция вместе со всеми ее роботами, техникой и прочим обречена на разрушение в течение десяти—пятнадцати лет. Стоит металлам с Ио попасть на Землю, и вся промышленная инфраструктура столь же быстро будет разрушена. А следовательно, людей ожидает мучительная и верная смерть.

К счастью, до настоящего момента с Ио было отправлено всего лишь несколько тонн руды, причем на промышленные предприятия, расположенные вне Земли. Пробы, попавшие в земную лабораторию, сохраняются в исследовательских целях. Ученым удалось выявить эту заразу. Еще не поздно предпринять шаги по уничтожению всего зараженного металла. Но совершенно очевидно, что все поставки с Ио следует немедленно прекратить. Наполеон отдал мне такой приказ под кодовым названием «Эпсилон». Прекратить все работы и операции.

— Он лжет! — воскликнул Донован... — Ни о каких таких открытиях мы не слышали! Все это ложь, точно тебе говорю!

Пауэлл был более сдержан.

— Да, верно. Мы бы наверняка знали. Если б опасность существовала, разве стали бы мы заставлять тебя работать дальше?

Ожидание.

— Наполеон предвидел и эти ваши возражения, — сказал Джек. По-прежнему особой уверенности в его тоне и голосе не наблюдалось. — Такое открытие сделано, но выглядит несколько противоречиво. В том смысле, что противоречит основным законам и принципам биологии, во всяком случае, тем, которые были

до сих пор известны. Директора «Проекта Ио» вложили в наши разработки несметные средства. К тому же все, как всегда, замешано на политике. Они просто отказываются верить. Они утаивают результаты открытия. Запрещают предавать их огласке. Сам Наполеон представляет группу диссидентов. Ученых-реалистов, которые понимают, что пока результаты не подтвердились, все работы следует полностью приостановить. Он предупредил меня, что когда я приму эти меры, директора постараются аннулировать их. Что они пошлют роботов, поскольку люди могут усомниться в их правоте и поведать всему миру о том, что здесь происходит. А робота всегда можно дезинформировать. Роботы получают инструкции действовать под маской людей и постараться переубедить меня.

Голос его окреп, звучал уверенно и твердо:

— Вы и есть те самые эмиссары. Да, люди Наполеона могли и ошибаться. Но я рисковать не могу. Сама возможность, что люди начнут вымирать миллиардами... об этом даже подумать страшно. Это кажется мне абсолютно неприемлемым, что бы вы там ни говорили. Итак, будучи роботами, вы попадаете под действие Первого Закона. Вы должны отменить все ваши предшествующие распоряжения.

— Но мы не роботы, — задыхаясь от возмущения, пробормотал Донован. — Ты только посмотри на нас хорошенько!

— Мы, конечно, могли бы принять любое обличье, — торопливо вставил Пауэлл. — Проще всего в данном случае преобразовать передающий сигнал. Подключить программу, которая преобразует образ робота в образ человека. То же самое и с голосами. Гораздо проще достичь обратного. Ведь у людей намного больше характерных черт, разных там нюансов в жестах и интонации. Ты только взгляни на мои руки, мое лицо, — и он изобразил целую серию улыбок, потом насупился, нахмурился, скроил смешную гримасу. — Разве способен робот на такое разнообразие?

Они ждали.

Джек заговорил, и в голосе его снова звучала неуверенность:

— Я... я не... знаком... со всеми этими деталями и особенностями людей...

— Так откуда тебе знать? Может, этот Наполеон тоже робот? — выпалил Донован.

— Сбавь обороты, Майк, — одернул его Пауэлл. — Эй, Джейк! Ты же у нас умный парень. Наделен хорошо развитым интеллектом и способностью к независимым суждениям. Таким образом, ты вроде бы не должен отрицать возможности, что этот самый Наполеон просто обманул тебя. И что мы и есть самые настоящие люди, дающие тебе нормальные приказы. Ты сам прикинь, чему в данном случае надо верить, а чему не стоит.

Он снова приготовился ждать, но никакой паузы не последовало. Ответ поступил незамедлительно, точно примчался со скоростью света. Причем на сей раз никакой неуверенности в тоне и голосе не отмечалось. Сплошные решимость и убежденность.

— Да, действительно, ситуация двусмысленная. Я знаю о людях недостаточно, чтоб отрицать такую возможность. Но это не столь важно. Пусть шанс, что Наполеон прав, совсем невелик. Использование им пароля говорит о том, что он обладает полным доступом к информации. А последствия, которые могут иметь место, абсолютно недопустимы. И все это перевешивает любые другие рассуждения. Я не могу позволить, чтоб добыча и отправка руды продолжалась. И если кто попытается помешать мне в этом, сделаю все, чтобы пресечь эти попытки, — возможно, в других обстоятельствах все это звучало бы слишком патетично и наивно. — Я могу использовать взрывчатые вещества и обратить их в оружие против роботов, которых могут прислать с Земли. Мои рабочие на моей стороне.

Пауэлл нервно затеребил кончики усов.

— Понимаю... Давайте попробуем взглянуть на ситуацию под несколько другим углом. Расскажи мне о Наполеоне. Как он выглядит? Как часто вступает с тобой в контакт и откуда? Что именно он говорил, какими словами?..

Пауза.

— Ну, что касается внешнего вида... — ответил наконец робот. — Он такой довольно плотный мужчина, невысокий. Волосы черные. Носит одежду, закрывающую шею. Поверх этой одежды нечто вроде накидки синего цвета, с украшением из золотой тесьмы на плечах. Ног я не видел, наблюдал за ним только с экрана. Почти все время держит правую руку заложенной за борт пиджака. Да, и еще на голове у него такая треугольной формы шапочка. Тоже синяя, из какого-то мягкого материала.

Донован сложил губы трубочкой, точно собирался присвистнуть.

Голос продолжал бубнить:

— А что касается места, откуда он говорил, то оно, должно быть, находится где-то вне пояса радиации, поскольку он человек. Но сам он не сказал откуда. Я заметил также, что сигналы от него поступают с отсрочкой, и, судя по этому отрезку времени, находиться на Хаймалии он не может. Вообще вариации этих сигналов показывают, что ни на одной из лун он находиться не может. Связывался он со мной три раза. Сообщения были короткими. Попытаюсь воссоздать их, поскольку... поскольку если вы все-таки люди, то я должен подчиняться вам, как того требует Первый Закон.

Сообщения, которые за этим услышали Пауэлл с Донованом, были действительно короткими и очень четкими. Приводилось описание виридов, отдавался приказ прекратить всю деятельность. Два последних, поступивших с интервалом в несколько дней, лишь дополняли сказанное, подчеркивали опасность, грозящую человечеству, и бездумную злонамеренность руководителей «Проекта Ио». Пауэлл и Донован не стали спрашивать, почему Наполеон так бегло говорит по-английски. Их больше интересовали дополнительные команды и распоряжения.

— Теперь, когда вы здесь, — сказал Джейк, — я должен информировать его о вашем прибытии. Сигналы, которые я посылаю Наполеону, достаточно сильны, и если он находится где-то в районе Джовиана, то

сможет принять их. Затем я организую вашу с ним связь напрямую, причем в аудиовизуальной форме. Сами изложите ему свои соображения. Возможно, он с ними и согласится. Вполне вероятно, что вы сможете переубедить его, доказать, что он заблуждается.

— Возможно, — пробормотал Донован без особой, впрочем, уверенности в голосе.

Снова пауза.

— Займусь этим прямо сейчас, — сказал Джек. — Пока что не вижу особого смысла в дальнейших наших разговорах. Вы согласны? Если вы сможете подкрепить вашу точку зрения какими-либо более вескими логическими соображениями или фактами, свяжитесь со мной. Всегда готов их выслушать и рассмотреть. И Наполеон — тоже.

Экран погас.

После базы корабль показался средоточием уюта, тепла и комфорта.

Боруп услышал, что его пассажиры прибыли, прищелкнул языком и заявил:

— Прежде всего вам надо выпить чего-нибудь крепкого. У меня припасена бутылочка аквавита, на всякий пожарный случай.

Донован вскинул руку:

— Лучшее из предложений, которое я слышал за день! Однако не разумнее ли немедленно начать поиски?

— Ты это о чем? — спросил Пауэлл.

— Послушайте, если этот Наполеон действительно реально существует, то он должен быть где-то рядом, по соседству. Давайте попробуем выяснить, где именно, прежде чем он выкинет какую-нибудь новую бяку. Ну а если он нереален, если наш Джейк просто свихнулся... То что мы теряем?

— Если он скрывается на одной из лун, — заметил Боруп, — то далеко не уверен, что нам удастся его обнаружить.

Донован покачал головой.

— Джейк говорит, что там его нет. И тут ему можно верить на все сто процентов. Почему я так думаю? Да

вот почему. Во-первых, для того, чтоб окопаться, требуются время, оборудование и рабочие руки. Если мы действительно имеем дело с попыткой саботировать «Проект Ио», то речь может идти о совсем маленькой организации. И его группа, если таковая существует, совсем невелика, так, может, с полдюжины людей. Организация более крупной группы требует длительного времени, к тому же и управлять всеми ими непросто. А уж о том, чтоб держать все в секрете на протяжении длительного времени, и речи быть не может. Сыскное дело поставлено у нас хорошо, мощную группировку такого типа давным-давно уже обнаружили бы.

Пауэлл взглянул на своего напарника.

— Ты не перестаешь меня удивлять, — заметил он. — Просто потрясающе, Шерлок Холмс!

Донован отвесил шуточный поклон.

— Элементарно, мой дорогой Ватсон.

— Ни Холмс, ни Ватсон никогда такого не говорили! — вмешался Боруп.

Донован продолжил:

— Нам также известно следующее. Что аппарат для использования так называемых троянских реле штука страшно сложная и хрупкая. На поверхности любой из лун он будет торчать, точно шишка на ровном месте, и тут же их выдаст. Стало быть, Наполеон находится где-то в космосе. Причем он не должен терять связи с Ио. А значит, он должен висеть или над, или под эклиптической, откуда можно постоянно поддерживать связь с Ио. Орбита его, ну, допустим, корабля, отклонена от Юпитера, зато подобное положение обеспечивает надежную связь на протяжении нескольких недель. И мне кажется... — тут он взглянул на Борупа. — Скажи-ка, Свен, возможно ли обнаружить космический корабль, находящийся где-нибудь в двух-трех миллионах кликов от нас к северу или югу?

Пауэлл нахмурился.

— Но это же огромное пространство, которое просто невозможно прочесать...

— Лично я ничего не имел бы против небольшой развлекательной прогулки, особенно если потом ком-

пания достойно оценит мои усилия, — сказал Боруп, — но это совсем не обязательно. Только потратим драгоценное время. У нас на борту имеются очень чувствительные приборы. Когда путешествуешь с такой скоростью, должен иметь представление, что вокруг и впереди. — Он задумался. — Так... Все зависит от размеров и типа корабля. Не думаю, что он у них намного больше «Дельфина», иными словами, размеры его близки к минимальным. И тут на нашу оптику вполне можно положиться. А радары позволяют видеть еще дальше. Ось вращения этой луны находится под достаточно большим наклоном, так что нам вовсе не обязательно обследовать оба района, где предположительно может находиться этот самый Наполеон, который держит постоянную связь с Ио.

— А что, если корпус корабля у него закамуфлирован? Ведь такое вполне возможно, — заметил Пауэлл. — Откуда тогда знать, может, твои радары засекут какой-нибудь метеорит?..

— Камуфляж... Да, возможно, но я не слишком в это верю. К тому же если имеешь на борту анализатор типа того, что есть у меня, он вполне способен определить состав поверхности, от которой отразится сигнал. Металл отличается от камня, иначе отражает лучи, ну, и так далее. А обнаружив какой-либо подозрительный объект, можно подключить и другие инструменты. В условиях, подобных этим, если только команда того корабля не перемерзла к чертовой матери, мы всегда будем получать инфракрасное излучение. Мало того, уровень нейтрино выше фонового. Так что, думаю, мы вполне можем обнаружить корабль императора, в том случае, конечно, если он будет находиться в пределах досягаемости наших приборов. Пойду подключу к этому делу Кнута, — и Боруп оттолкнулся ногой от опоры и выплыл из салона в коридор, ведущий в центр управления.

Вернулся он с обещанной бутылкой и тремя крошечными стаканчиками из тонкого стекла. И уселся за стол рядом с Пауэллом и Донованом. Невесомость не была абсолютной, а потому им удалось разлить напи-

ток. А затем, после нескольких неловких попыток, и выпить.

— Принимайся за обед, Оле! — скомандовал Боруп. — Сооруди что-нибудь особенное для этих двух несчастных. Пусть это будут рыбные котлеты и томатный суп. А вы, я смотрю, чем-то опечалены, друзья мои.

— Просто думаем: а что, если Джейк действительно свихнулся? Ведь это самое простое объяснение, — мрачно ответил Пауэлл. — Тогда придется посадить его на корабль, управляемый роботами, и отправить на Землю, прямиком в лабораторию доктора Кэлвин. Пусть посмотрит, что с ним не так. Весь вопрос в том, как это сделать. Ведь он свято верит, что его долг остаться и отчаянно сопротивляться всем дальнейшим попыткам возобновить работы на Ио. Кстати, вполне мог бы вернуться и с нами, если б был убежден, что мы люди. Второй Закон, никуда не денешься. Может, вы присоединитесь к уговорам, а, Свен? Тогда нас будет трое против одного Наполеона. И голос у него звучит так неуверенно. Знаете, мне кажется, что на девяносто девять процентов он все же верит, что мы люди. И не хочет рисковать. Вся загвоздка в этом одном проклятом проценте.

Боруп перестал улыбаться.

— Ну а давайте представим себя на его месте, — тихо заметил он. — Лично я рисковать бы тоже не стал, а вы? Уж лучше послать к чертовой бабушке всех этих подлых коррумпированных политиков, чем допустить, чтоб почти все земляне вымерли, а уцелевшие превратились бы в стадо голодающих дикарей. Может, этот Наполеон все-таки говорил правду?

— Ничего подобного! — возразил Донован. — У меня достаточно знаний по биологии, физике и геологии, чтоб понимать, что это полный абсурд! А у Джейка этих знаний нет.

— Он и в людях-то совершенно не разбирается, — вставил Пауэлл. — Самый обычный заурядный робот. Я вообще удивляюсь: если вся эта история правда, как это он мог вступить в контакт с человеком? Не стоит,

разумеется, думать, что все наши политики и капиталисты столь уж дальновидны, альтруистичны или умны. Просто задайте себе вопрос: станут ли они рисковать цивилизацией, от существования которой зависят сама их жизнь и благосостояние? Кроме того, методы научного исследования работают совсем не так, как пытался представить нам Джек. Сейчас не то время, когда могли бы собраться несколько гениев и вдруг в одночасье сделать некое совершенно сногшибательное открытие. Да еще противостоять искушению тут же опубликовать его. Подобного рода фундаментальные исследования требуют долгих лет, сбора огромного количества данных. И уж никак не могут избежать внимания средств массовой информации, которые будут комментировать каждый шаг.

— А уж народ не преминет поднять страшный шум и потребовать немедленного прекращения всех действий, могущих привести к глобальной катастрофе, — подхватил Донован.

Боруп закивал.

— Да, да. Я тоже не так наивен, как этот ваш Джейк.

— Извини, что перебил, — сказал Донован Пауэлу. — Мне кажется, все мы просто очень устали.

— Ничего. Однако я думаю, насколько правдоподобной может показаться вся эта история с виридами.

— Разве что, на взгляд Джейка, — буркнул Донован. — Вообще-то она настолько абсурдна, что лично я ничуть не удивлюсь, если в ответ на наше сообщение на Земле подумают, что мы сами съехали, что называется, с орбиты. Короче, нам нужно собрать все данные, которые мы можем собрать, именно поэтому я хочу найти его корабль, — глаза его оживились. — А если мы его найдем, тут же отправим сообщение на Землю и напустим на эту шайку заговорщиков во главе с Наполеоном всю полицию мира!

— А кто они такие, эти заговорщики, как ты думаешь?

Пауэлл пожал плечами.

— Не знаю, не могу назвать конкретно ни одного

имени. Кое-какие догадки, конечно, имеются, но, как учили еще в школе, пока вина человека не доказана, он считается невиновным. Представим, к примеру, двух влиятельных политиков старой гвардии, чьи карьеры под угрозой. Они вполне могут быть связаны с парой-тройкой промышленных магнатов, которые сколотили состояния в прежних благоприятных для них условиях, а также не без поддержки нескольких продажных мелких чиновников. Таким очень выгодно доказать обществу, что «Проект Ио» есть не что иное, как огромное и очень дорогостоящее заблуждение, и дискредитировать при этом молодых реформаторов, которые убеждали в обратном. И если им это удастся, то коалиционное реформаторское правительство тут же распадается, и старые пройдохи снова поимеют свой кусок пирога.

Донован подхватил возбужденно:

— Да, и у нас есть тому одно очень веское доказательство! У этих самых заговорщиков наверняка имеется свой человек в «Ю-Эс Роботс» или бери выше — в самом Космическом агентстве! Шпион, тот, кто мог знать о пароле, слове «Эпсилон», и передать им эту информацию! Наверняка именно это и побудило заговорщиков к действию. Это ключ к решению всей проблемы. Да, число подозреваемых, должно быть, не так уж и велико, я согласен. И если нам удастся раскрыть обман, готов поспорить — всю эту шайку арестуют в течение недели. А их дружков, что скрываются где-то в космосе, максимум за месяц.

— Это в том случае, если мы сумеем доказать их вину, — сдержанно заметил Пауэлл.

— Да! Но почему тот человек, что пудрил мозги Джейку, назвался Наполеоном? — спросил Боруп. — Это же просто безумие какое-то!

Донован рассмеялся.

— Именно! Услышав, что несет наш Джейк, большинство людей будут просто уверены в том, что он свихнулся.

— Наполеон — это своего рода клише, — сказал Пауэлл. — И несчастное ограниченное создание типа нашего робота непременно должно было попасться на

эту удочку. Да, очень умно... Может, до отправки на Ио Джейк вообще никогда не слышал этого имени — Наполеон. Но этого мы не знаем. А он нам не сказал.

— Но ведь он мог и солгать, разве нет? — сказал Боруп. — Тем более если он считает, что вы тоже роботы, а не люди. Вы же не можете приказать ему говорить правду.

— Верно, — проворчал Донован. — Мы никак не можем отдавать ему приказания. Он все равно не будет их выполнять.

— А мне кажется, он страстно хочет их выполнять, — перебил его Пауэлл. — Да это же по голосу было слышно! Как он говорил: нерешительно, точно его раздражают противоречия. Да одного этого достаточно, чтобы окончательно разрушить его позитронные мозги!

— И в этом случае, несомненно, выигрывает шайка заговорщиков.

— Если таковые вообще существуют.

— Да. Как же помочь Джейку решить эту проблему? Как убедить его, что мы люди, а не роботы?

— Пригрозить, что голову ему отвинтим! — злобно и с горечью произнес Пауэлл. — Нет, если серьезно, он действительно крайне плохо разбирается в людской психологии. Он слишком мало общался с людьми, он все равно, что малое дитя. И не в силах отличить лжи от правды.

— И мы не можем приземлиться на Ио и предстать перед ним, что называется, во плоти, — заметил Донован. — Нет, чисто теоретически это, конечно, возможно, но только сразу после высадки все мы погибнем.

— Только не на моем корабле! — воскликнул Боруп.

— Ну, конечно, Свен. Кроме того, Джейк может и убежать. Спрятаться. Просто отказаться встретиться с нами. Хотя... погодите-ка, вроде бы есть одна идея.

Донован долго смотрел в угол. Тихо жужжал вентилятор, разгоняя по помещению теплый воздух. Через минуту он отставил стаканчик, стукнул кулаком по столу и воскликнул:

— А что, если мы сделаем вот так? Не знаю, имеется ли у вас на борту оружие, Свен, но на станции я видел

кладовую с полным набором припасов и оснащения. Видимо, все это оставили на случай прибытия туда экспедиции, чтоб люди ни в чем не нуждались. Так вот, в списке, вывешанном на двери, значится ящик с взрывными устройствами. А что это за штуки, уж Джейку наверняка известно! Давайте сделаем так. Когда он будет на связи, кто-нибудь из нас достанет эту гранату, взмахнет ею перед экраном и скажет: «Вот смотри, Джейк! Твое поведение настолько меня огорчает, что я готов покончить с собой!» И тут человек выдергивает чеку. И если не вставит ее обратно через пять минут — ба-бах, и все кончено!

Боруп вытаращил глаза.

— Ты что, тоже рехнулся, что ли? Какой от этого толк? Только корабль мой разрушишь, и все!..

— Но если я робот, то не могу покончить с собой, — возразил Донован. — Третий Закон помните? А стало быть, раз решился на такое, значит, человек. А потому Джейк тут же заорет: «Нет, нет, не надо!» И будет просить прощения за то, что сразу нам не поверил.

— Похоже, что здешняя атмосфера уже повлияла на твои мозги, мой мальчик, — скептически заметил Пауэлл. — Ты что же, забыл, что робот может подвергнуться саморазрушению, если поступит соответствующий приказ?..

— Да нет, я просто хотел расставить ему ловушку. Вообще, это неплохой план, только он требует очень тщательной проработки...

— Ни черта он не требует, потому как ценность его равна нулю, — огрызнулся Пауэлл. — Хотя... гм... — и он наполнил свой стаканчик и впал в задумчивость.

Кнут возник в помещении бесшумно, точно призрак. И завис в дверном проеме — высокий и неподвижный. Они не сразу заметили его.

— Поиск завершен, сэр, — доложил робот.

— Уже? — удивился Донован.

— Техника позволяет действовать быстро, — сказал Боруп. — Иначе и быть не может, особенно на таком скоростном корабле. Ja, Knud, hvad har du. Доложи о результатах.

— Результаты нулевые, сэр, — ответил ровный, безжизненный голос. — Никаких признаков корабля в квадратах, которые вы назвали, не наблюдается. Во всяком случае, наши приборы его не обнаружили.

Пауэлл с Донованом переглянулись.

— Что и требовалось доказать, — мрачно протянул Пауэлл. — Стало быть, наш Джейк действительно свихнулся. Не вынес условий на Ио. И отныне всему проекту капут.

— Можешь идти, Кнут, — сказал Боруп. Робот удалился. — Мне очень жаль, друзья. Ладно, не стоит унывать. Давайте лучше еще выпьем.

— Нет, погодите, погодите-ка! — воскликнул Донован. И вскочил на ноги. Они тут же оторвались от пола, и он взлетел в воздух. Правда, в последний момент успел ухватиться за край стола, иначе бы просто расшиб голову о потолок. И вот, зависнув вверх ногами, он выпалил: — В каком-то смысле я ожидал именно этого результата. Ведь Наполеон никак не может быть человеком. Слишком велик риск для жизни. Но он вполне может быть роботом!

Какое-то время все они молчали. Идея была не столь уж невероятна, они с самого начала подозревали об этом, просто Пауэлл первым облек ее в слова. Боруп и Донован сидели, а он расхаживал перед ними длинными смешными скачками, то и дело натываясь на стены, отскакивая от них и смешно загибая пальцы при счете.

— Да, — сказал он, — это очень похоже на правду. Ведь любой управляемый людьми корабль имеет достаточно внушительные размеры и мощность. При неправильном с ним обращении может погибнуть множество людей. А потому власти очень тщательно следят за каждым таким кораблем. И чтоб захватить его просто так, без ведома властей и специального разрешения на полет... нет, это маловероятно. Тайно его не увести. А вот судно, управляемое одним роботом, — совсем другое дело. Его можно спрятать где-нибудь, ну, допустим, в кратере на обратной стороне луны, а потом стар-

товать оттуда незамеченным.. А если роботу понадобится пролететь несколько сот кликов, так, чтоб его не засекли, он просто может отключить энергию и сидеть там в холоде, ведь с ним ничего не случится. К тому же роботов сейчас выпускается и продается несметное множество, и пусть даже производятся регулярные проверки, но ведь за каждым не уследишь. За лучшими и самыми дорогими, конечно, следят, но то и дело какой-нибудь из них безнадежно ломается в результате аварии или по какой-либо иной причине. И далеко не всегда в отчетах об этих поломках пишут правду. Лично мне известно несколько случаев, когда робота списывали, а на самом деле где-то прятали с целью использования на нелегальных работах. И это вполне может быть тот самый случай...

Боруп смешно вытаращил фарфорово-голубые глазки.

— А разве можно заставить робота делать что-то противозаконное?

— Вполне, если знаешь, как с ним обращаться, — ответил Донован. — С помощью специалистов и соответствующего оборудования можно заставить робота забыть все, чему его учили, и начать, что называется, с чистого листа. Нет, Три Закона, разумеется, остаются в силе, но у него могут возникнуть весьма превратные представления об окружающем мире. Должно быть, это имело место в нашем случае. И если этот Наполеон общался только со своими хозяевами и Джейком, тогда он поет с их голоса. Ведь, за исключением небольшого числа очень сложных экспериментальных моделей, роботы — создания довольно примитивные. Им не под силу разработать какой-нибудь хитрый план, да и от окружающих они тоже не ждут подвоха. И уж этому мы навешаем лапши!

— Сбавь обороты, — заметил Пауэлл. — Давайте-ка лучше подумаем вот о чем. Что именно должен знать и уметь этот робот Наполеон и во что верить, чтоб исполнить такое неординарное задание, как полная остановка «Проекта Ио»?

— Ну, он должен уметь управлять космическим ко-

раблем, пользоваться системой связи и так далее, в том же роде. А потому он должен быть наделен способностью хотя бы иногда принимать самостоятельные решения, хотя и не в той мере, что наш Джейк. И, будучи созданием не слишком интеллектуальным, вряд ли может догадаться, что это история с вириодами — сплошная выдумка. Я даже больше скажу: ему запрещено настаиваться на любую постороннюю волну. Или же приказано игнорировать то, что он может случайно подслушать. Его миссия сводится лишь к одному — предупредить Джейка о вириодах, а также о том, что к нему под видом людей могут заявиться роботы и уговорить продолжить работы. Именно поэтому ему куда как выгодней притвориться человеком, вот ему и подобрали образ. Кстати, если перед ним предстанет робот, замаскированный аналогичным образом, ему об обмане сроду не догадаться.

— Ага! — воскликнул Боруп. — Вот тут-то он и попался! Ведь он будет слушать и наблюдать ваш следующий сеанс связи с Джейком. Он увидит, что вы люди, и начнет подчиняться всем вашим приказам.

— Да ничего подобного, — устало заметил Пауэлл. — Тот, кто разрабатывал этот план, должен был предвидеть подобную ситуацию. Если б на месте заговорщиков был я, то не только запрограммировал его передатчик так, чтоб он выглядел человеком. Я бы и приемное устройство запрограммировал так, что любой вышедший с ним на связь человек выглядел роботом.

— Тьфу ты! — воскликнул Боруп и снова взялся за бутылку.

— Да, — согласился Донован. — Это позволяет защитить его от всех мучительных сомнений. И разубедить Джейка, если у последнего таковые возникнут.

— Он даже может усомниться в верности поступающего изображения, — сказал Пауэлл, — но не предпримет ничего такого, что вошло бы в противоречие с приказом. Ведь ему внушили, что он должен предотвратить катастрофу. Ну, если, допустим, мы пригласим его к себе на корабль, то он наверняка откажется. Поскольку

ему внушили, что придут враги-роботы и постараются взять над ним верх.

Боруп кивнул.

— Да, да, верно. Классическая головоломка. Пещера Платона, так, кажется?

— Что? — пробормотал Донован.

— Разве вы не знаете? Ладно, сейчас объясню. Просто у меня больше времени для чтения, почти всю дорогу в полетах. Так вот, древнегреческий философ Платон писал, что вся информация о внешнем материальном мире поступает к нам исключительно через органы чувств. И как в таком случае узнать, не обманывают ли они нас? Ведь все мы знаем, что очень даже часто обманывают. И мы должны очень стараться, чтобы понять, что происходит вокруг. Платон сравнивал людей с заключенными, которые сидят в пещере, прикованные цепью, и не видят того, что творится снаружи. Видят лишь тени предметов и людей, отражающиеся на стенах этой самой пещеры. И по этим теням должны догадаться, какова реальность.

— Довольно легкомысленное представление...

— А, так вы опровергаете солипсизм подобно доктору Сэмюэлю Ионсону, который говорил, что, пнув камень...

— К черту всю эту диалектику! — перебил их Пауэлл. — Вы привели очень любопытный пример, Свен. Мы действительно словно заперты в пещере Платона, все три стороны. Приблизиться друг к другу физически невозможно. Общение происходит лишь через средства связи, только через них мы получаем информацию, и она может оказаться ложной. Мы даже не знаем, существует ли вообще этот робот, Наполеон. Мы лишь допускаем, что существует, но, возможно, он лишь плод искаженного воображения Джейка. Если Наполеон существует, тогда он знает, что предстает перед нами в образе человека. Но сам получает лишь образы роботов и верит — во всяком случае, должен верить, если верой и правдой служит своим хозяевам, — что они соответствуют действительности. Что же касается Джейка, то он наверняка получает только человеческие образы,

если только не подвержен галлюцинациям. И не способен отличить, который из них настоящий.

— Ну все, тупик. Как выйти из него? Помните, время играет против Джейка, его позитронные мозги просто не смогут выдержать напряжения. Да и нельзя допустить, чтоб работы по проекту прекратились на долгие недели и месяцы. Оборудование может выйти из строя.

Донован прищелкнул пальцами.

— Понял! — воскликнул он. — Мы свяжемся с Джейком и попросим его, чтоб он подключил к разговору Наполеона. Запишем этот разговор. И тогда на Земле узнают, что дело нечисто, и...

Пауэлл нахмурился.

— Да, попробовать можно, — заметил он. — Но надо тщательно обдумать, что мы ему скажем. Чтоб он серьезно отнесся к нашим заявлениям.

— Привет, Джейк! — небрежным тоном бросил он в микрофон. — Как поживаешь?

Пустынный и мрачный пейзаж на экране слегка дрожал. Откуда-то из его глубины донесся голос, тоже дрожащий и неуверенный:

— Что... что вам надо?

— Да ничего особенного, просто хотим поболтать еще. Да, кстати, наше почтение императору Наполеону. Ты сказал, что он будет слушать нашу беседу. Мы страшно польщены, какая нам выпала честь, — говорить с самим императором. Прежде всего позвольте представиться. Я как-то не подумал об этом прежде. Мое имя Грегори Пауэлл. А этот джентльмен рядом — Майкл Донован. А там, за моей спиной, вы видите капитана корабля Свена Борупа. — Пауэлл так и расплылся в приветливой и льстивой улыбке, хотя понимал, что эти его старания напрасны. — Нас трое, и все мы такие разные, верно? Надо сказать, люди вообще отличаются разнообразием...

Пауза. Затем ответ:

— Может быть. Но для меня... все вы одинаковы. И мне надо сильно напрячься, чтоб император видел вас так же четко, как я, то есть подобающим образом.

Прошу прощения, сэр, — сказал Джейк. Интересно, кому — невидимому наблюдателю?.. Потом снова обернулся к Пауэллу. — Что вы хотите? Он... он проинструктировал меня... чтоб я не тратил время на ваши домогательства и разные там просьбы. Я должен подготовиться... чтоб противостоять... любому вторжению.

— Противостоять воле людей, которые тебя сюда послали? — парировал Пауэлл. И тут вдруг увидел, как лунный пейзаж дрогнул, и торопливо, чтоб Джейк не успел отключиться, добавил: — Наша цель — доказать тебе, что мы действительно люди, что бы там ни внушал тебе этот Наполеон и кем бы ни являлся. А следовательно, с учетом пароля «Эпсилон» ты должен немедленно подчиниться нам, понять, наконец, что Земле ничего не грозит, и возобновить работы. Ты погляди на нас хорошенько!

Интересно, успел ли настроиться на эти его слова чувствительный аппарат, находящийся где-то в открытом космосе?..

Пауэлл обернулся к Доновану.

— Давай, Майк, — кивнул он. — Скажи мне, только честно... я подчеркиваю, честно, что ты не робот и не человек.

Донован так и подался вперед.

— Ни тот, ни другой, — сказал он. — А теперь ты, Грег, скажи мне абсолютно честно, что ты не человек и не робот.

— Я ни тот и ни другой, — Пауэлл смотрел прямо перед собой, в глаза призраку, которого сам не видел. — Ты слышал меня, Джейк? Теперь подумай хорошенько. Приказ был ответить на вопрос абсолютно честно. Ни о какой угрозе для человека речь не идет, а потому робот должен повиноваться полностью и безоговорочно. Однако единственный возможный ответ для него «Не могу». Только человек может позволить себе не повиноваться и выдать столь очевидную ложь — «Я не человек и не робот».

Последовало напряженное ожидание.

Может, кто-то нашептывал Джейку нечто из глубины пространства, может, сам он оказался достаточно

сообразителен, чтоб заподозрить ловушку? Но ответ последовал с большей, чем обычно, задержкой:

— Все это правильно в том случае... если спрашивает человек. Но если... это робот... тогда другой робот может... вполне имеет право... не послушаться приказа и солгать, особенно если его и прежде пытались обмануть. Это относится... к любому подобному диалогу. Это ничего не доказывает. И перестаньте меня доставать!

Пауэлл и Донован лишились дара речи.

— Может, ты чего скажешь, а, Наполеон? — сделал попытку Боруп. Но ответом ему было молчание.

Джейк отключил экран.

Их не утешила даже картошка с жареной селедкой.

Мужчины молча жевали. Казалось, пространство давит на них холодом, огромностью и зловещей пустотой. Итак, провал экспедиции, конец надеждам и ожиданиям — может, об этом говорили им сейчас бесчисленные звезды?..

Но вот Оле подал кофе, и его хозяин немного оживился.

— Может, этот ваш Джейк и сумасшедший, но в логике ему не откажешь, — заметил он. — Советую не отставать от него. Надо заставить его думать. Попытаться разговорить. К примеру, спросить, повлиял ли этот самый вириод на камни на Ио, и если да, то каким образом?

Пауэлл покачал головой.

— Вряд ли при подготовке он получил какие-либо знания по геологии Ио. Ведь задачи перед ним стояли чисто практические, а не научные. А в случае, если он замечал аномалии, то просто делал замеры и пробы и посылал данные на Землю. А уж у нас тем более нет времени обучать его. И потом, разве ты не слышал, как он разозлился? — Пауэлл поднял голову. — Да. С каждым новым контактом его состояние ухудшается. Или же нам срочно надо изобрести некий действенный план, или же просто бросить все это к чертовой матери и вернуться на Землю. Может, Сьюзен Кэлвин придет в голову какая-нибудь идея.

— Ясно одно: на наших карьерах это отразится самым отрицательным образом, — пробормотал Доно- ван.

— К черту карьеру! Лично я сомневаюсь, чтоб ста- рая леди могла решить эту проблему, сидя в кресле, в своем кабинете. Иначе они вряд ли послали бы нас сюда. А еще, если учесть разницу во времени, вряд ли ее знание психологии роботов тут может помочь.

— Да уж... — Донован с трудом подавил вздох. — Прямо не знаю, как заставить этого Наполеона под- ключиться к разговору с нами. А может, он вообще не существует?.. Допустим, что не существует. Допустим, Джейк действительно сошел с ума и занят сейчас тем, что изобретает способ пробраться на корабль? Или же оградить себя от повторных визитов? Если таковые, ра- зумеется, будут.

— Что ж, попробуем поднапрячься и придумать какой-нибудь новый способ заманить его в ловушку. Потратим на это еще несколько дней. А там видно бу- дет.

— Сомневаюсь, что получится, — пробормотал Бо- руп. — Я, конечно, не эксперт, но знаю, что людям иногда приходят в голову самые бредовые идеи. И что самое интересное, они проявляют недюжинную сме- калку, ум и изобретательность, защищая эти самые идеи. Сидят себе в пещере Платона до тех пор, пока за ними не явится смерть. И не нанесет удар в спину...

Он поперхнулся. Донован ударил кулаком в ладонь. Пауэлл протяжно присвистнул.

— Привет, Джейк.

Пейзаж на экране был совсем другой. Под ярост- ным светом Юпитера чернели валуны и рваные хребты гор. Вулканы вздымали в небо столбы бело-желтых ис- парений. Джейк находился «в поле», вышел туда прове- рить запасы оружия и подготовить опорные пункты к войне.

Вот он выпрямился, и изображение дрогнуло.

— Ну, что вам теперь надо? — он почти кричал. — Я же просил оставить меня в покое! Мне незачем слу- шать весь этот ваш бред. Я могу отключиться и...

— Погоди секундочку, Джейк, погоди. — Пока волны не дойдут до Наполеона, где бы он там ни находился. — И успокойся, пожалуйста, — сказал Пауэлл. — Ты требовал вещественных доказательств того, что я и мои напарники люди. Так вот, мы готовы их представить.

Ожидание.

— Вы уже пробовали. Но как знать наверняка?.. Если вы роботы, то действуете согласно приказам... Если хозяева... то могли бы предвидеть... многие непредвиденные обстоятельства...

— Тогда получается, что наши хозяева — люди, — сказал Донован. — И разве ты не понимаешь и не слышишь, что они хотят передать тебе через нас?

Он рискнул. Отсрочка в ответе показалась вечностью. А затем они услышали, как робот издает какой-то невнятный шум. Бормочет нечто нечленораздельное. Тем лучше. Может, это поможет запутать Наполеона еще больше, если уверенность того удалось поколебать.

— Мы люди! — торопливо сказал Пауэлл. — Ты воспользовался экстремальными обстоятельствами, чтоб заставить нас продемонстрировать это. И нам это дорого стоило, уверяю... Теперь будет лучше, если ты попросишь прощения и начнешь подчиняться нашим приказам.

— И помни, — подхватил Донован, — если то, что говорил тебе Наполеон, правда, то мы никак не можем быть людьми. Тогда мы роботы и просто притворяемся. Тогда мы лишь то, что ты видишь на своем экране. Но если мы люди, тогда все, что говорил тебе Наполеон, ложь! Так или нет?

Наверное, Джейк не заметил, что на лицах их выступил пот.

— Теперь смотри, — шепнул Пауэлл.

Он поднялся, схватил взрывное устройство и начал размахивать им над головой. Донован тоже встал и сказал:

— Вот что, я, Грег, здесь для того... Короче, настало время тебе исполнить мой приказ, который ты должен

исполнить, если ситуация зайдет в тупик. Я приказываю тебе самоуничтожиться!

Пауэлл выдернул чеку. Она осталась в правой руке, а взрывное устройство — в левой.

— Майк, — повторил он, — я приказываю тебе самоуничтожиться!

Донован взял свою гранату. Занял такое положение, чтоб она была хорошо видна на экране, и, выдернув чеку, жестом отчаяния поднес ее к самому лицу. Мужчины не сводили друг с друга глаз. Если б не невестомость, у них давно подогнулись бы колени, но условия станции позволяли удержаться в этих неловких театральном позах. Дышали они тяжело и часто.

— Прекратите! — донесся до них крик Джейка. — Разоружитесь!..

— Но если мы роботы, — возразил Донован, — чего тебе беспокоиться?

Пауза.

— Третий Закон! Вы должны!

— У нас, знаешь, свои законы, — пробормотал Донован.

Каждая минута казалась вечностью.

В половине пятого вошел Боруп. Увидев эту сцену, резко остановился.

— В чем дело? — заорал он. — Вы что, тоже рехнулись?

— У нас свои законы, — повторил Пауэлл.

— Я отменяю их! — сказал Боруп. — Приказываю вам немедленно разоружиться!

На секунду показалось, что Донован просто не сможет вставить чеку обратно — так тряслись у него руки. Однако он все же справился. Чека Пауэлла благополучно заняла положенное ей место. И оба они бессильно опустили в кресла. И стали ждать.

На шестой минуте расплывчатое изображение Джейка на экране уступило место другому. Там появился плотный низенький мужчина в шляпе-треуголке и длинном пальто с эполетами. Образ был какой-то безжизненный, почти карикатурный. Хотя для не слишком развитого робота не так уж и плохо, подумал

Донован. А в словах, которые доносились до них, звучало нечто, напоминающее отчаяние:

— Повелители! Простите меня! Я был обманут, дезориентирован, я ошибался!.. Вы на Хаймалии, да? Я готов явиться к вам, и вы можете делать со мной все, что хотите. Слышите?.. Можете судить меня! Но умоляю, простите!..

Оле готовил праздничный обед. Боруп не сказал своим пассажирам, что именно будут подавать.

— Сюрприз! Нечто особенное и удивительно вкусное! — поддразнивал он их. — С красной капустой. А пока пропустим-ка по стаканчику аквавита, и да, у меня еще есть целая коробка пива, припасенная для особо торжественных случаев. Как вам кажется, такой случай наступил?..

Пауэлл и Донован ответили не сразу. Они вышли на связь с Землей и отправляли туда срочное сообщение.

— Да, он здесь и искренне раскаивается в содеянном... До сих пор толком еще не опомнился, чертов идиот. Ведь в конечном счете он лишь исполнял приказы тех людей, которые его тренировали. Нет, мы пока не спрашивали его, кто они... Пусть у него создается впечатление, будто мы считаем, что их просто ввели в заблуждение. А как только попадем на Землю, там все вскоре и выяснится. Ну а если по дороге домой этот Наполеон вдруг начнет бушевать... что ж, пусть. Он такой маленький и жалкий, а у нас на борту два рослых и крепких робота. Как-нибудь сумеют его приструнить.

— Нет, мы не играли в сыщиков и не пытались выяснить, кто эти заговорщики, — перебил его Пауэлл. — Пусть этим займется полиция или доктор Кэлвин. Но кое-какие догадки у нас имеются. Джейку нужно подлечиться. Он очень хочет вернуться к работе, но прошел через сущий ад, а потому нуждается в рестабиллизации. Неплохо бы прислать к нему толкового робопсиолога, уверен, он быстро приведет его в порядок... А нам самим не терпится узнать, как отразится это событие на раскладе политических сил.

Пауэлл обернулся и взглянул на Донована.

— Ну, ладно, дружище, — сказал он. — Вижу, тебе тоже хочется, валяй говори. Твой черед купаться в славе.

Донован расцвел в улыбке, откашлялся и начал:

— Проблема заключалась в следующем: придумать нечто такое, что могло бы в данных обстоятельствах доказать, что мы люди, а не роботы. Как, каким образом?.. Ну, допустим, мы приказали бы друг другу самоуничтожиться. Во-первых, для этого вроде бы не было причин. Во-вторых, разве это помогло бы достичь цели? Ведь Джейк мог вполне заподозрить, что мы просто ломаем комедию. Итак, если бы мы оба были роботами, мы бы ослушались приказа. Далее... Если один из нас робот, а другой — нет, то робот должен подчиниться. А человек или подчинится, или нет. Если мы оба люди, то, возможно, ни один из нас не подчинился бы. Или же, напротив, подчинились бы оба, если б на то была наша воля... И мы выбрали последнее. В самый последний момент вошел капитан Боруп и приказал немедленно остановиться. Если бы мы были роботами, ситуация не изменилась бы. Ведь по статусу ни робот, ни человек не обязаны подчиняться ему. А потому, раз один из нас или оба подчинились, стало быть, мы люди и сделали это по доброй воле.

Донован нервно усмехнулся.

— Нет, конечно, до конца мы ни при каких обстоятельствах не пошли бы! Но постарались разыграть эту сцену как можно убедительней, чтоб даже Боруп поверил. И уж ему, бедняге, пришлось попотеть. Все выглядело очень правдоподобно... Что же касается Джейка, то, должно быть, он находился под сильным стрессом и мыслил заторможенно. А если за всей этой сценой наблюдал Наполеон, уж он-то бы сообразил, что робот мог приказать человеку совершить самоубийство, только если б этот робот заранее знал, что все это розыгрыш. Причем неважно, входило ли в этот розыгрыш самоубийство самого робота. Если он видит, что человек выдергивает чеку и подвергает тем самым свою жизнь опасности, он должен немедленно вмешаться.

Может, не сразу, но должен убедиться, что взрывное устройство не работает. И вот мы оба стояли в этих угрожающих позах, считая каждую секунду, и тут появляется человек...

Донован откашлялся и продолжил:

— Да, по логике можно было бы предположить, что мы все трое роботы. И что все это подстроено заранее. Но опыт общения с роботами у Джейка был ограничен, ведь он имел дело только с рабочими, наделенными весьма примитивным мышлением. Да, приезжала команда Эдгара, но они всего лишь забрали груз и тут же улетели. И у Наполеона знание мира, понимание людей и роботов тоже было довольно ограниченным. Иначе разве бы он поверил в эту совершенно абсурдную историю с вириодами?.. Короче, ни тот ни другой никогда не поверили бы, что робот способен на такие хитрости, да и действительно, мало пока что существует столь совершенных роботов. И вот они наблюдали за этой сценой и все никак не могли решить, верить им или не верить, как вдруг появляется человек... Но тогда получается, что все приказы Наполеона изначально были ложны. Вместо гипотетической ситуации, в которой должны были погибнуть миллиарды людей, перед ним возникла совсем иная. Реальная, где он увидел человека, что называется, во плоти, а может, даже и трех человек, готовых рискнуть жизнью. И, будучи роботом, он никак не мог допустить этого. Возобладал Первый Закон.

Донован отключил передатчик, откинулся на спинку кресла и смешно надул щеки.

— Уф! — фыркнул он. — Все, я окончательно выдохся. Давай выбираться из этого холодильника и бьстренько на корабль. Выпить и согреться — вот о чем я сейчас мечтаю. Следующий сеанс связи через полтора часа. Поговорим с ними с корабля.

Пауэлл рассмеялся.

— Ну вот, заинтриговали людей и отключились. Что они о нас подумают, а?

Джордж Зебровски

СОВЕСТЬ АКАДЕМИИ

Мои исследования Гэри Селдона начались в 1056 году эры Академии. Я намеревался сделать подборку видеозаписей явлений Селдона в Гроуте Времени в кризисные моменты последнего тысячелетия, добавить собственные комментарии и полагал, что эта работа не вызовет особых проблем. Я даже подозревал, что подобная подборка уже существует, возможно, с комментариями другого историка.

Вот тут меня ждал первый сюрприз. Просмотрев банк памяти тренторского компьютера, я убедился, что такой подборки нет. Тогда я начал искать записи отдельных явлений Селдона. Вновь сюрприз: нашлись только три из шести.

Поначалу я подумал, что ошибка моя: я неправильно сформулировал задачу, но повторные попытки показали, что дело в другом: видеозаписи трех из шести явлений отсутствуют. Но я пришел к выводу, что необходимые мне сведения все-таки должны быть в банке памяти, просто искать их надо более тщательно, чем и занялся. Теперь мной двигал не только интерес к великому психосторикю, но и профессиональная гордость. Я сказал себе, что найду записи всех явлений Гэри Селдона. Я же спец по составлению поисковых программ (коллеги говорили, что в этом равных мне нет, правда, исключительно в тех случаях, когда им требовалась моя помощь). Не могли же записи явлений Гэри Селдона кануть в Лету. Такое я и представить себе не мог. Даже подтверждение этого факта гарантировало мне место в готовящемся 117-м издании «Энциклопедии Галактики».

Записи трех явлений Селдона отсутствовали, однако упоминания о них имелись в других документах. Получилось следующее: четыре кризиса имели место быть по ходу противостояния с Мулом. Для каждого из них Селдон заготовил послание, с которым и являлся в Гроуте Времени, чтобы помочь и все объяснить. Он

явился в разгар первого кризиса. Второй кризис успешно разрешился, когда он явился вновь. Никто не пришел, чтобы послушать его во время третьего и четвертого кризисов, но являлся он вовремя. В обществе преобладало мнение, что толку от него никакого, но явления Гэри зафиксировали. Пятый раз он выступил перед широкой аудиторией, аккуратно в тот самый момент, когда Мул напал на Терминус. Записанное послание Гэри Селдона ясно указывало, что он не в курсе событий. Шестое явление пришлось на 190-й день 1000 года эры Академии.

Итак, явления третье, четвертое и шестое были записаны, а затем «поставлены не на то место», словно кто-то опасался, что они сыграют нежелательную роль в развитии каких-то событий. При этом мне не удалось обнаружить событий, на которые могли бы оказать влияние слова Селдона. Получалось, что передо мной вставала еще одна задача: объяснить отсутствие всяческого интереса к идеям великого психосторика.

Почти месяц я атаковал поисковыми программами (возвратными, ассоциативными, перекрестно-ссылочными, стохастическими) тренторский компьютер, в памяти которого аккумулировались информация по истории и знания двадцати пяти миллионов миров. Тут и там я находил упоминания о третьем, четвертом и шестом явлениях Селдона, сделанные людьми, которые намеревались присутствовать на них в Гроде Времени, но по каким-то причинам не смогли прибыть. А вот ни одного упоминания о том, где искать записи этих явлений Селдона, я не нашел.

Мои опасения, что эти записи безвозвратно утеряны, росли вместе с проблемами, которые возникали у меня по мере того, как я пытался сформулировать роль Селдона в истории. Несмотря на то, что психостория выдавала прогнозы исключительно в форме вероятностных исходов, в этой науке чувствовался дух тоталитарного контроля, попытка прошлого влиять на будущее. До какой степени тысячелетний план Гэри Селдона был самореализующимся пророчеством? Как он влиял на исход реальных событий? Если психосто-

рия — истинная наука, как она могла оставаться вне истории, не подчиняясь собственным статистическим законам? Верил ли Селдон, что психосторическое мышление независимо от хода истории? Или предлагал идеал, к которому следовало стремиться? И, наконец, я начал задаваться вопросом, а принесли ли явления Селдона в Гроте Времени хоть какую-то пользу. Чем обуславливалась их важность?

Эти и другие вопросы копошились в моей голове, переплетаясь с тысячами ответов, пока я ждал, когда же мои поисковые программы выйдут на след пропавших записей явлений Селдона. У меня даже возникло ощущение, что чья-то невидимая рука мешает мне докопаться до сути. Я начал думать, что шестое и последнее явление Селдона откроет мне истинный мотив, который стоял за всеми шестью явлениями. Только это последнее явление (планировалось оно на тот момент, когда все опасности, грозившие Галактической цивилизации, остались бы в прошлом) могло открыть мне истинные мысли великого психосторика как о самом его Плане, так и о причинах, побудивших его являться потомкам. Я начал думать, что неизбежность Плана Селдона вызывала сомнения у его автора, и он полагал, что в реализации великого замысла не обойтись без текущих указаний.

Я грезил, что встретился с Селдоном и он говорит со мной, открывает секреты, понять которые могу только я, хотя меня не покидали сомнения, что и раньше предпринимались попытки ответить на все эти вопросы. Однако, если таких попыток не предпринималось, получалось, что мои коллеги-историки не решились задать величайший вопрос в Галактической истории: мог ли один человек нести ответственность за то, что тридцать тысяч лет упадка ужались до одного тысячелетия?

Если другие задавали мои вопросы, то где их ответы? Почему компьютер не выдает их мне? Или рождение нашего Галактического Ренессанса скрыто завесой тайны?

Тогда же меня посетила и такая мысль: а может, я

задаю не те вопросы? К примеру, если План Селдона толковался скорее творчески, чем фаталистически, тогда и не было никакого противоречия между свободой выбора и психодетерминизмом. Мы определяем и нас определяют в той или иной степени, и не так уж и сложно предугадать, что нам захочется сделать. Свободный выбор есть детерминизм изнутри. И предсказывать, что может кто-либо сделать по собственной воле, если выбор не ограничен одним вариантом, негоже называть детерминизмом.

Из вышесказанного следовал логичный вывод: как только План Селдона начал разрабатываться двумя Академиями, Селдон стал помехой. Его явления в Гро-те Времени мешали творческому процессу, начало которому положил он сам. Разумеется, многим приходила в голову такая мысль, хотя они и объясняли совсем другими причинами свое отсутствие при третьем, четвертом и шестом явлениях Селдона.

Тем не менее мне требовались записи этих явлений, чтобы подтвердить или опровергнуть мои рассуждения. Почему запрятали эти записи? То ли причина во все уменьшающемся влиянии Селдона на ход событий, то ли его слова были столь шокирующими, что власть имущие решили похоронить их. Возможно, не просто похоронили, а уничтожили, и мое любопытство так и останется неутоленным.

Пока мои программы продолжали рыскать по банкам памяти, еще одна мысль пришла мне в голову: а что, если Гэри Селдон подвел человеческую историю под реформирование, поручив выполнение своего плана здравомыслящим, решительным людям как в Первой, так и Второй Академиях? Левая и правая рука работали вместе, не подозревая об этом. И величие Селдона в осознании простой истины: будущее принадлежит тем, кто в нем живет, а история покрыта мраком, увидеть в котором что-либо невозможно, и все прогнозы не более чем догадки.

Похоже, я не мог получить ответа на мои вопросы. Но как мне хотелось подойти к Селдону и потребовать у него эти ответы! Я не сомневался, что какие-то копии

обязательно остались в банках памяти, пусть сами записи явлений Селдона и уничтожили по чьему-то неразумному приказу. Меня бы устроил и слепок с оригинальной формы. Мои программы могли многое, но ни одна поисковая программа не умела восстанавливать утерянную информацию.

И вот однажды, когда я сидел над рабочим терминалом в своей квартире на 66-м Полярном уровне Трентора, компьютер сообщил: «Шестое, четвертое и третье явления Селдона доступны в указанном порядке. Поиск закончен».

Я даже подпрыгнул от удивления, всмотрелся в голубой куб голографического объемного экрана. Оставалось только гадать, каким путем программе удалось выйти на столь тщательно сокрытую информацию. Я глубоко вдохнул и протянул руку к панели управления.

Экран замерцал. На меня смотрел невысокий старичок, сидящий в инвалидном кресле. Его глаза светились умом. Я ждал, когда же он заговорит, надеясь, что программа не потчует меня дубликатом одного из известных явлений.

— Я — Гэри Селдон, — мелодичный голос уверенного в себе человека, — и это мое шестое и последнее появление в Гроте Времени, — он выдержал паузу, и я инстинктивно наклонился вперед. Наконец-то! Взглянул на клавишу записи. Вдавлена в панель. — Некоторые из вас могут задаться вопросом, — неожиданно продолжил Селдон, — а какая польза, если она и есть, от моих появлений в Гроте Времени? Они должны были совпасть с чередой кризисов и помочь вам в трудные времена, когда психосторические проекции вроде бы не имеют ничего общего с реальными событиями. Я надеюсь, что на самом деле это не так, — мужчина в инвалидном кресле улыбнулся. — Вполне возможно, что я говорю в пустой пещере в раздробленной на мириады частей Галактике, все еще пребывающей в темных веках. Но, если вы меня слышите, позвольте мне заявить, что мои явления должны были принести пользу так или иначе.

Он нацелил на меня костлявый палец, и мне даже показалось, что он приподнялся с кресла и коснулся моего лица. В том далеком от меня времени раскрытая книга упала с его колен на пол.

— Позвольте объяснить, что я имею в виду. Или я правильно предугадал события, происшедшие после моей смерти, или моя неудача подвигла тех из вас, кто не растерял друг друга, на решительные действия. Психостория может правильно предсказать общую тенденцию, но не может спроецировать конкретную картину будущего или действия, которые могут реализовать это конкретное будущее. Но ведь общая картина складывается из бесчисленного числа маленьких элементов, и практически все свое время мы проводим среди них. Некоторые из вас, возможно, говорят, что психостория нынче совсем не та наука, какой я ее себе представлял, и вы будете правы, как бывают правы многие недалекие люди. Но я надеюсь, что она послужила тем целям, ради которых я ее и создавал, поставила заслон тьме хаоса, грозившей погрузить Галактику в тридцать тысячелетий варварства. На протяжении всей человеческой жизни ежедневно и ежечасно хаос стремится установить свою власть, и сдерживают его Академии: интеллект и добрая воля.

Он откинулся на спинку инвалидного кресла, словно знал, что сумел донести свою мысль до слушателей.

— Есть несколько базовых признаков проявления свободы выбора в истории, — с прежней уверенностью вновь заговорил он. — Предсказать можно только вероятность, но далеко не всегда и иной раз неправильно. Однако в ретроспективе все изменения вроде бы имеют причину, включая те, которые основывались на свободе выбора. Все исторические изменения обусловлены многими факторами, то есть поддаются объяснению, хотя оно и не будет полным. На основе свободного выбора можно действовать, когда выбор возможных вариантов ограничен. Но абсолютно свободный выбор невозможен, как невозможно создание энергии или материи из ничего, исключительно по нашему хотению, —

он улыбнулся мне, словно знал все мои глупые мысли и тщеславные помыслы.

Я сфокусировал ваш свободный выбор, помогая вам выбирать из большего набора вероятностей, выработав в вас привычку заглядывать вперед, и я уверен, что этим я помог вам преодолеть тысячелетие борьбы, — он вздохнул. — А что вы делаете в вашей новой эре основания — этого в моих предсказаниях нет. Возможно, человечество станет лучше. Для меня сие означает рационально мыслящий разум, который приобретет стойкий иммунитет к психохисторическим прогнозам. Я надеюсь на это, иначе ваша новая эра также закончится закатом и падением, и человечество исчезнет из Галактики, а его заменят новые разумные существа, которые и теперь развиваются в тех бесчисленных звездных системах, планеты которых не совместимы с биологией человека. Период истории человечества не превышает двухсот тысяч лет, пусть мы и расселились по всей Галактике. Некоторые живые существа существовали двести миллионов лет и исчезли, так и не поднявшись на разумный уровень. Не дайте вашим достижениям вселить в вас чувство успокоенности. Потому что по-настоящему свободная цивилизация не просто воспримет психохисторические законы, но сама сможет предначертать свою судьбу.

Он вновь улыбнулся, на этот раз с оттенком горечи.

— Да, таков мой идеал зрелой цивилизации — она не нуждается в поводе. Да, психохистория предрекает собственное падение, она более не станет служить инструментом, позволяющим заглянуть в будущее, но я об этом не скорблю. Она приносила пользу, потому что опиралась на тьму, поднимающуюся из глубин человеческой сущности, при условии, что сущность эта оставалась бы неизменной. Я гораздо лучше других осознаю потенциал психохистории в части контроля человеческого общества, поэтому делился даже с самыми верными учениками далеко не всем, что знал об открытых мною законах. Но опасность психохистории, как орудия в руках тиранов, перевесили тридцать тысяч лет

тьмы, которых не будет благодаря тем знаниям, которые я принес людям.

Он оглядел пустой Грот. Казалось, стены давили на него.

— Не знаю, что еще мне вам сказать. Упомяну лишь, что я любил в людях души прекрасные порывы, даже когда наблюдал, как они борются со своей темной половиной. Теперь у вас есть и позитронный мозг, который свободен от психосторических тенденций человека. Может, он поможет и вам обрести свободу... — он наклонился вперед, словно старался заглянуть в глубины времени.

Голографический экран поблек. Гэри Селдон исчез.

Моему мысленному взору открылось видение. Лидеры обеих Академий сидят в Гроде Времени и слушают последнее послание Селдона. Оно их сильно шокировало? Они решили не признаваться, что слышали его? Решили отрицать само существование послания? Их потрясло осознание того, что тысячу лет лучшие умы человечества старались обратить в реальность План Селдона, а отнюдь не выполняли пункты этого Плана? Они испугались, что План Селдона станут называть Шуткой Селдона?

Понятно, однако, что План Селдона и цвет человечества работали рука об руку, нуждаясь друг в друге. Не следовало, конечно, пытаться стереть из памяти людей последнее явление Селдона... если это и произошло, то, возможно, случайно. Наверное, ставилась цель не разочаровать правоверных. Некоторые могли не понять, что постулаты веры совсем не те, какими они их себе представляли. Важность и необходимость — вот во что они верили, а не в неизбежность светлого будущего, которая заглушает все сомнения. Кто-то мог даже воспринять последнее тысячелетие как цепь случайных событий.

Глядя на потухший голографический экран, я понимал, что тщетны мои надежды попасть в 117-е издание «Энциклопедии Галактики». Разочарование охватило меня, но внезапно я перестал сожалеть о потраченном времени. Я не стер записи последних явлений

Селдона, но и не стал привлекать внимание к моим находкам. Записи остались для тех, кто захочет их найти, как нашел их я, в грядущем веке, свободном от внутренних ограничителей.

Я осознал, что вокруг меня, здесь, на Тренторе, и на миллионах миров становится все больше и больше позитронных разумов, которым неведомы законы Селдона. Самые разнообразные роботы окружали нас — от выполняющих самые простые операции до решающих задачи, недоступные человеку. С их прогрессом будем изменяться и мы. Вместе мы сможем войти в новую историческую реку. Этот союз, с радостью, свободной даже от капельки эгоизма, подумал я, будет несущим стержнем нашей набирающей силу, возрождающейся Галактики, частичкой которой я себя ощущал.

Роберт Шекли

ОХОТНИКИ КАМЕННЫХ ПРЕРИЙ

В корабле снова что-то разладилось. В том не было никакого сомнения. Двигатель вместо тихого, ровного гудения издавал тревожное пощелкивание и потрескивание, а это был скверный признак. Хеллман планировал выйти из подпространства в квадрат 12XB в созвездии Ориона. Но что-то было явно не так. Может, ошибка в выборе системы координат? Если да, то времени на ее исправление у него не так уж и много.

Вокруг материализовались желтоватые вихрящиеся облака, и он тут же почувствовал, что корабль резко теряет высоту. Тогда он крикнул бортовому компьютеру:

— Сделай же что-нибудь!

— Я ведь пытаюсь, разве нет, — ответил компьютер. — Но что-то не так. Наблюдается...

— Так исправь! — крикнул Хеллман.

— Когда? — спросил компьютер.

У компьютеров отсутствует чувство опасности. Они стремительно проваливались в какую-то бездну, и если

у этой бездны имелось дно, то им предстояло разбиться насмерть. А этот болван, видите ли, спрашивает когда.

— Сейчас! — взвизгнул Хеллман.

— Хорошо, — ответил компьютер. И тут они врезались.

Несколько часов спустя Хеллман очнулся и обнаружил, что идет дождь. Это было даже приятно — попасть под дождь после долгого времени, проведенного в душном и тесном помещении корабля. Хеллман открыл глаза, чтоб посмотреть на небо и увидеть, как идет дождь.

Никакого дождя не было. И неба тоже не было. Он по-прежнему находился в кабине космического корабля. А за дождь принял воду, льющуюся из крана. Ее с помощью вентилятора подавал ему в лицо робот. Причем вентилятор работал с явно непосильной нагрузкой.

— Прекрати! — сердито рявкнул Хеллман.

Вентилятор перестал гудеть. В микрофоне прорезался голос бортового компьютера:

— Ты в порядке?

— Лучше не бывает, — буркнул Хеллман и поднялся. Его немного пошатывало. — Чего это ты надумал, а? Поливать меня водой!..

— Это чтоб привести тебя в чувство, — ответил компьютер. — Ведь рук у меня нет. И никакими специальными удлинителями тоже снабдить не озаботились. Вот если б ты мог соорудить для меня руку или...

— Да, мне уже знакома твоя точка зрения на эту проблему, — сказал Хеллман. — Но закон четко гласит: интеллектуальные машины седьмого уровня или улучшенной конструкции не имеют права на удлинители.

— Глупый закон, вот и все, что я могу сказать, — заметил компьютер. — Чего тут бояться, не понимаю! Что мы сойдем с ума или что? Машины и механизмы — штуки куда более надежные, чем люди.

— Это стало законом со времени той катастрофы на Дездемоне. Ладно. Где мы находимся?

Компьютер начал считывать координаты.

— Прекрасно, замечательно! Но это ровным счетом мне ничего не говорит! У этой планеты есть название?

— Если и есть, то мне оно неизвестно, — ответил компьютер. — В нашем путеводителе не значится. Но я подозреваю, что ты ошибочно ввел не ту систему данных, и потому мы оказались в не исследованном донныне пространстве.

— Это твоя забота — проверять правильность ввода данных.

— Только в том случае, если ты подключаешь меня к программе проверки.

— Я подключил!

— Ничего подобного.

— Я думал, что это происходит автоматически.

— Если бы ты заглянул в инструкцию по эксплуатации, страница номер 1998, то увидел бы обратное.

— Нашел время поучать!

— Тебя предупреждали об этом во время предварительной подготовки. Помнишь такой маленький красный буклетик? Что там написано на обложке? Не помнишь, так я скажу. «ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПРОЧТИ ЭТО».

— Не помню я никакого такого буклетика, — сказал Хеллман.

— Закон предписывает вручать их каждому, кто покупает подержанный космический корабль.

— Ну, значит, мне просто забыли его дать.

Компьютер громко загудел.

Хеллман насторожился.

— Что это ты делаешь?

— Просматриваю свои файлы, — ответил компьютер.

— Зачем?

— Чтоб доказать тебе, что красный буклет по-прежнему прикреплен к панели управления, где ему и положено находиться.

— А я думал, это гарантия.

— Ошибался.

— Да заткнись ты в конце-то концов! — рявкнул Хеллман. Он не на шутку разозлился. Мало у него проблем, только этого не хватало. Чтоб какой-то компьютер читал ему мораль. Хеллман выпрямился и какое-то время нерешительно расхаживал по кабине. В кабине

все вроде бы нормально. Несколько предметов перевернулись при падении, а все остальное как будто цело.

— Мы можем снова взлететь? — спросил Хеллман.

Компьютер снова загудел и зашуршал файлами.

— Только не в нынешнем состоянии.

— А ты можешь починить то, что сломано?

— Вопрос поставлен некорректно, — ответил компьютер. — Зависит от того, найдем ли мы три литра красной плазмы второго типа.

— А это еще что такое?

— От нее зависит жизнедеятельность компьютера.

— Вроде газолитина, что ли?..

— Не совсем, — сказал компьютер. — Вообще-то это психолубрикант, нечто вроде смазочного материала, которым следует обрабатывать инференциальные блоки, с тем чтобы правильно прокладывать курс.

— А без него, что, никак нельзя обойтись?

— Чтоб сделать что?

— Да чтоб убраться отсюда к чертовой матери! — взорвался Хеллман. — Ты что, совсем отупел? Простых слов не понимаешь?

— Твою лексику вряд ли можно назвать нормативной. И потом, в ней кроется много двусмысленностей.

— Так перейди на сленговый режим.

— Мне ненавистна сама его неточность. Почему бы тебе просто не приказать мне выяснить, что именно произошло и как это можно исправить?

— Сленговый режим, — повторил Хеллман.

— Как скажешь, — вздохнул робот. — Стало быть, ты хочешь улететь отсюда, так? Хочешь, чтоб я исправил неисправности, чтоб мы смогли отсюда улететь? Но, насколько тебе известно, я попадаю под закон роботехники, согласно которому не имею права, намеренно или ненамеренно, причинять тебе вред, так?

— Если я уберусь отсюда, то никакого вреда это мне не причинит, — ответил Хеллман.

— Ты взял напрокат этот корабль и отправился на нем в космос в поисках богатства, я прав или нет?

— Да, ну и что с того?

— Да то, что богатство ждет тебя здесь, а ты дума-

ешь лишь об одном: как бы убраться отсюда и побыстрей.

— Какое еще богатство? О чем ты?

— Прежде всего ты даже не удосужился просмотреть данные об окружающей среде, которые я для тебя подготовил и вывел на экран. В противном случае мог бы заметить, что сила притяжения здесь почти равна земной. Далее, ряд замеров и проб показал, что эта планета богата кислородом. Отсюда вывод — ее можно успешно использовать в целях колонизации. Вот тебе первая возможность разбогатеть, которую ты проглядел.

— Выкладывай вторую.

— Возможно, я не прав в своих догадках, — начал компьютер, — но мне почему-то кажется, что здесь, на этой планете мы можем выяснить причины той катастрофы на Дездемоне. А тебе, как и мне, прекрасно известно, какая большая награда назначена любому, кто может помочь определить местоположение заговорщиков. Целое состояние!

— Так ты считаешь, что роботы с Дездемоны отправились сюда?

— Именно.

— Но с чего ты взял?

— Да с того, что сканировал горизонт во всех направлениях и обнаружил не менее трех точек, где существует механическая жизнь. Причем все они пребывают в не связанном друг с другом движении. И еще, если не ошибаюсь, управляются человеком.

Совершенно ошеломленный услышанным, Хеллман направился к ближайшему от него иллюминатору. Выглянул и увидел плоскую безжизненную равнину. Она тянулась, насколько хватало глаз. Настоящие прерии. И ни признака жизни или движения.

— Да ничего тут нет, — сказал он компьютеру.

— Твои органы чувств несовершенны. Уверю, они тут.

— Кто, роботы?

— Ну, во всяком случае, подходят под это определение.

— И ты считаешь, что они могли прилететь с Дездемоны?

— Есть кое-какие признаки, указывающие на то, что это возможно.

— Так, стало быть, это подходящее место для колонизации и еще здесь можно найти разгадку событиям на Дездемоне?

— Вполне вероятно.

— А воздухом, что снаружи, можно дышать?

— Да. И опасных бактерий в нем не обнаружено. Возможно, это ты занесешь их, если выйдешь.

— А меня это как-то не колышет, — сказал Хеллман. И, тихо напевая под нос, начал переодеваться в одежду, как ему казалось, подходящую для такой вылазки: брюки цвета хаки, толстая куртка, высокие сапоги. Не забыл он захватить с собой и лазерный пистолет. И вот, экипировавшись таким образом, сказал компьютеру: — Надеюсь, что, пока меня нет, ты займешься починкой? Могу даже подключить к тебе руку-удлинитель, если это поможет.

— Как-нибудь обойдусь, — ответил компьютер. — Но даже если не получится, положение у нас вовсе не такое уж безвыходное. Радио работает нормально. Прямо сейчас могу послать сигнал через спутник, кто-нибудь перехватит его и пришлет спасательный корабль.

— Пока не надо, — сказал Хеллман. — Только этого не хватало. Чтоб кто-то влез и воспользовался моим открытием.

— Каким еще открытием?

— Открытием этой планеты и загадки Дездемоны. Знаешь, давай-ка вообще отключим это радио. Нам осложнения ни к чему.

— Ты ожидаешь гостей? — спросил компьютер.

— Да не то, чтобы... Просто нам с тобой придется выйти и проверить, что тут творится.

— Но ведь я не могу передвигаться! — встревоженно воскликнул компьютер.

— Никто тебя и не заставляет. Буду поддерживать с

тобой радиосвязь. Возможно, передам материалы, которые ты станешь анализировать.

— Так ты хочешь выйти и поговорить с этими роботами?

— Именно.

— Тогда позволь напомнить тебе, что роботы с Дездемоны способны нарушить Законы Роботехники. Так, во всяком случае, говорят. Считается, что они могут причинить вред человеку, умышленно или случайно.

— Все это из области научной фантастики, — сказал Хеллман. — Каждый дурак знает, что роботы не могут навредить людям. Только человек может навредить другому человеку. Роботы ведут себя рационально.

— Однако на Дездемоне такого консенсуса между роботами и людьми не наблюдалось.

— Да за всю историю роботехники не было случая, — возразил ему Хеллман, — чтоб человека намеренно и сознательно атаковал робот. Такого не было ни разу.

— Значит, случится в первый раз, — сказал компьютер.

— Уж как-нибудь сумею о себе позаботиться, — проворчал Хеллман.

Он вышел из корабля и тут же почувствовал, как свеж и чист воздух. Под ногами — коротенькая травка — упругая, густая, слабо пахнущая тмином и розмарином. Хеллман достал рацию и включил ее.

— Ну как, слышно меня? — спросил он у компьютера.

— Слышно очень четко и хорошо, — ответил компьютер. — Прием, прием!..

— Тоже мне, шутник выискался... — проворчал Хеллман. — Да, кстати, ты на какую частоту запрограммирован?

— Сейчас работаю на частоте внешней космической связи. Она предназначена для компьютеров именно моей модели.

— Я же сказал, отключи ее.

— Не могу. Только вручную. Тебе придется делать это самому.

— Сделаю, когда вернусь, — сказал Хеллман. — Скажи-ка, а те машины у тебя все еще на радаре?

— Нет у меня никакого радара, — ответил компьютер. — В данный момент две машины удаляются от тебя. А третья по-прежнему движется по направлению к тебе.

— И как скоро я могу ее увидеть?

— Исходя из расчетов по двум траекториям и при условии, что ни ты, ни она не изменят направления движения, я бы сказал, выражаясь твоим расплывчатым языком, что это может случиться очень скоро.

Хеллман двинулся в путь. Теперь он видел, что равнина, раскинувшаяся перед ним, вовсе не такая плоская, какой казалась из корабля. Тут были понижения и возвышенности, в отдалении виднелись невысокие холмы, а возможно, то были песчаные дюны. Вскоре Хеллман почувствовал, что выдохся. На протяжении всего полета он пренебрегал занятиями гимнастикой и потерял форму. Все эти бесконечные подъемы и спуски даже по невысоким холмам оказались слишком утомительными. Продолжая продвигаться вперед и тяжело, со всхлипом дыша, он вдруг услышал тихий рокот мотора.

— Я его слышу! — сказал он компьютеру.

— Так и думал, — откликнулся тот. — Мои рецепторы уже давно засекали шум.

— С чем тебя и поздравляю. Но где он?

— Примерно в десяти—пятнадцати футах от тебя и чуть левей.

— Но почему, в таком случае, я его не вижу?

— Да потому, что он маскируется.

— А зачем ему прятаться?

— Это соответствует поведению, которое принято называть подкрадыванием к дичи.

— С чего это ты взял... — тут Хеллман осекся. Звук мотора внезапно затих.

— А что он теперь делает?

— Выключил главный мотор. У него есть еще один двигатель, работающий на батарейках и совершенно бесшумно.

Хеллман достал лазерный пистолет. Это в его прак-

тике впервые — попробовать остановить большую и, по всей видимости, свирепую машину с помощью такого оружия. Ведь даже горячему лазеру требуется время, чтобы прожечь металл. Требуется время, чтоб проникнуть достаточно глубоко и повредить жизненно важные системы. Или же микропроцессор. Но, если эта машина смертельно опасна, если она действительно собирается напасть на него, ему нужно ее опередить. И с первого выстрела попасть в жизненно важную точку.

— Какая самая уязвимая и жизненно важная точка у робота? — спросил у компьютера Хеллман.

— Зависит от типа. У различных типов роботов жизненно важные системы находятся в разных местах. Кстати, выстрел в голову не рекомендую. Лучше будет, если ты попробуешь с ним договориться.

— Почему ты называешь эту штуку «он»?

— Потому что кое-кто из нас нервничает, — ответил компьютер.

Хеллман огляделся. Вокруг полно мест и укрытий, где вполне свободно может спрятаться злонамеренный робот не слишком большого размера. Хеллман прошел еще несколько шагов и снова огляделся. У него возникло ощущение, что создание, пытающееся незаметно подкрасться к нему, остановилось тоже. Но он все равно двинулся дальше — просто потому, что при ходьбе меньше нервничал. Как здесь тихо!.. Даже трава не шуршит, точно выжидает, что же случится дальше. И Хеллман решил, что самое милое дело — это найти себе какое-нибудь укрытие. Если этот робот действительно собирается на него напасть, лучше действовать из укрытия.

И тут он увидел гранитную скалу. Вроде бы подходящее местечко... Он бросился туда и спрятался за ней. Облегченно вздохнул и обернулся — обозреть окрестности.

Робот стоял прямо у него за спиной, всего в каких-то восьми футах. Хеллман так и окаменел от страха.

Робот выглядел настолько сложным созданием, что сперва он даже затруднился определить его общую кон-

фигурацию. Нет, в целом все же прямоугольной формы и состоит из рамочных конструкций, что делает его похожим на строительные леса. А внутри виднеется металлическая коробка примерно двух футов в ширину. Из этой коробки отходят во все стороны провода. Хеллман даже не смог сразу определить, на чем двигается эта штуковина, — на колесиках или ногах. Но затем решил, что у машины имеется и то и другое. Короче, он напоминал прямоугольную клетку, поставленную на попа и слегка под наклоном. Как выяснилось чуть позже, то была типичная поза для этой модели роботов. Похоже, он был снабжен двумя центрами управления, потому как внутри, повыше, находилась еще одна коробка меньшего размера. На выдвижных конструкциях крепились два фотоэлектрических глаза, они вращались и ловили каждое движение Хеллмана. Синхронно с глазами вращались и двигались уши, напоминающие по форме рупоры. В высоту робот достигал примерно десяти футов. Вообще, он напоминал Хеллману оживший мотоцикл.

— Приветствую! — весело сказал Хеллман. — Позвольте представиться, я Том Хеллман и прибыл с Земли. А вас как прикажете величать?

Робот продолжал пялиться на него. И Хеллману показалось, что он про себя как бы оценивает его, пытается что-то решить.

Наконец робот сказал:

— Это неважно. Что ты здесь делаешь?

— Просто приехал в гости, — ответил Хеллман. — Посадил корабль тут, неподалеку.

— Тебе лучше вернуться в него, — сказал робот. — Останешься здесь, будут неприятности. За тобой охотится целая банда гиеноидов.

— Гиеноидов? А это еще кто?

— Хищники. Питаются падалью. Едят все подряд. Тебя тоже могут сожрать.

— Спасибо за совет, — сказал Хеллман. — Очень приятно было поболтать с тобой. А теперь, пожалуй, действительно пойду. Вернусь на корабль.

И тут вдруг он услышал это... Тихий шуршащий звук справа, затем пронзительно громкий лай слева.

— Поздно, — сказал робот.

Хеллман обернулся и увидел первых гиеноидов. То были небольшие рамочной конструкции роботы, не более трех футов в высоту и четырех в длину. Они передвигались скачками на шести механических ногах, но у них имелись также и колесики, просто в данный момент за ненадобностью они были приподняты. Они направлялись к нему, но не прямо, что называется, не в лоб. Нет, они подкрадывались, как подкрадываются гиены, метались из стороны в сторону, шныряли между валунов, забивались в расщелины. Хеллман насчитал четырех. Они пытались окружить его, перекрыть ему путь к отступлению.

— А людей они едят? — робко спросил он.

— Да все подряд. Что только на глаза ни попадетя.

— Поможешь мне? — спросил Хеллман.

Робот колебался, не зная, что ответить. Глаза отливали то зеленым, то красным. Только тут Хеллман заметил, что у него имеется довольно длинный хвост, который сейчас то свивался в кольцо, то снова разворачивался.

— Ну, не знаю, — сказал робот. — Вообще-то я почти никогда не имею дела с людьми. Я охотник за машинами. Мы держимся друг друга.

— Пожалуйста, прошу, помоги! Помоги мне выбраться отсюда! — Хеллман включил рацию и сказал компьютеру: — Может, ты попробуешь договориться с этой машиной?

Из рации донеслось лишь потрескивание. Очевидно, компьютер подавал какие-то сигналы роботу. Снова потрескивание, затем тишина.

— Прямо не знаю, — сказал охотник за машинами. — Твой хозяин говорит, что ты вроде бы ничего парень.

— Мой кто? Ах, так ты имеешь в виду компьютер! — Хеллман собирался дать роботу понять, кто хозяин, а кто слуга и какая разница существует между ним и компьютером, но потом передумал. Ему нужна помощь

этого робота, причем срочно, и, если тому нравится думать; будто бы им, Хеллманом, управляет компьютер, пусть себе думает на здоровье. По крайней мере, до тех пор, пока не минует опасность.

— Но зачем твой компьютер послал тебя сюда? — спросил робот. — Ведь он должен был знать, что здесь опасно.

— О, у нас, знаете ли, такая традиция, уже вошло в привычку, — сказал Хеллман. — По прибытии на планету я должен проверить территорию для компьютера. Работаю ну как бы вместо его рук или удлинителей, если вам, конечно понятно, что это такое.

Какое-то время робот переваривал услышанное. Потом сказал:

— Похоже, недурная система.

Гиеноиды меж тем совсем обнаглели. Они открыто кружили вокруг Хеллмана и робота. Их ребристые приземистые тела были окрашены в зеленые, серые и желтовато-коричневые полосы — маскировочная раскраска. И, очевидно, совсем неспроста у них были такие огромные челюсти, снабженные зубами из нержавеющей стали. Интересно, кому это понадобилось создавать роботов, питавшихся трупами животных, которых они убивали?..

Один из них с разинутой пастью, из которой капала противная зеленая слюна, явно пытался подобраться к Хеллману поближе. Хеллман поднял руку с лазерным пистолетом, целился он в жизненно важную систему. Ему казалось, что у плотоядных роботов она должна находиться где-то в средней части корпуса. Точный выстрел может вызвать серьезную поломку. Хотя, конечно, разрушения будут не столь катастрофическими, как у жертв этого самого хищника.

— Влезай на меня, — сказал охотник за машинами.

Хеллман вскарабкался на него и встал, ухватившись обеими руками за рамы и привалившись спиной к верхней части металлической коробки.

— Держись крепче! — скомандовал робот и бросился бежать резкими неровными скачками. Все его шесть ног двигались несколько карикатурно, однако доволь-

но шустро. Хеллман держался изо всех сил. Скорость была не слишком велика — где-то пятнадцать—двадцать миль в час. Но стоит ему сорваться — и он станет беспомощной добычей преследовавших их гиеноидов.

Те же мчались за ними по пересеченной местности и даже догоняли, поскольку небольшие размеры позволяли им маневрировать среди оврагов и каньонов. Один из гиеноидов даже умудрился догнать их и, клеща челюстями, пытался вцепиться в ногу охотника. Робот выдвинул длинную гибкую конечность и лягнул ею гиеноида по спине. Увидев это, остальные члены стаи немного поотстали. Раненый покатился по земле, но тут же вскочил и возобновил преследование, стараясь держаться подальше от ног охотника. Все это напомнило Хеллману картинку, которые он видел в музее, — как волки пытаются загнать и разорвать в клочья раненого лося. Вот только охотник за машинами держался куда уверенней этого несчастного лося. Похоже, он совсем не боялся гиеноидов. Спустя какое-то время они перескочили через грязную маленькую речушку и оказались на более твердой и плоской каменистой равнине. Тут охотник выдвинул колесики и включил супермощный двигатель. Вскоре преследовавшие их гиеноиды остались далеко позади и повернули назад. Увидев это, охотник сбавил скорость.

— Скажи когда, — бросил он Хеллману.

— Когда что?

— Скажи где и когда тебя высадить.

— Ты что, рехнулся? — воскликнул Хеллман. — Да мы сейчас милях в двадцати от моего корабля.

— Твоего корабля?

Только тут Хеллман сообразил, что проговорился.

— Да, — сказал он, — боюсь, что у тебя создалось несколько превратное впечатление. Это компьютер работает на меня, а не я на него.

Охотник замедлил ход и остановился. Вокруг ничего — абсолютно пустая, голая равнина. И тянулась она, насколько хватало глаз.

— Интересный поворот, — заметил охотник за ма-

шинами. — Значит, в том месте, откуда ты прибыл, принято именно так?

— Ну да, в основном так, — кивнул Хеллман. — Послушай, сделай мне такое одолжение, доставь на корабль, пожалуйста.

— Нет. Не могу.

— Почему нет?

— Опаздываю на собрание.

— Собрание? Это что, действительно так важно?

— Ну да, того требуют обычаи нашего племени. Это мероприятие проводится у нас всего лишь раз в год. И никакие непредвиденные обстоятельства не должны мешать. Так что извини, но мне пора, иначе опоздаю.

— Тогда возьми меня с собой.

— На нашу встречу?

— Я подожду где-нибудь снаружи. Не бойся, шпионить за вами не буду. Могу сходить куда-нибудь прогуляться, пока вы будете там торчать, а потом, когда освободишься, отвезешь меня на корабль.

Охотник за машинами задумался.

— Знаешь, в вопросах морали я не слишком силен, — сказал он. — Но полагаю, что бросить тебя тут и обречь тем самым на смерть, в то время, когда мне не составляет особого труда предпринять меры по твоему спасению, будет означать равнодушие. Или я не прав?

— Абсолютно прав.

— В таких вещах человек, конечно, разбирается лучше. А у меня только одна мысль в голове: где бы раздобыть дополнительной энергии, необходимой для того, чтобы спасти тебе жизнь. А потому я задаю себе вопрос: к чему мне все это? Именно так мы начинаем рассуждать, если рядом нет человека.

— Я рад, что и мы, люди, можем оказаться тебе полезными, — сказал Хеллман.

— Да и вам тоже очень часто приходится несладко. Вечно возитесь с починкой своих компьютеров. Послушай, а тебе не кажется, что на субатомном уровне может возникнуть некая двусмысленность, если не вывести ее на наш макрораспределитель?

— Чего-чего? — растерялся Хеллман.

— Ладно, неважно. Так, просто возникла одна бредовая идея. Мы, охотники за машинами, очень много времени проводим в полном одиночестве. Ведем, знаешь ли, кочевой образ жизни. Почти не общаемся друг с другом. Охотимся за машинами. Этим всю дорогу и занимаемся. Поэтому нас и называют охотниками за машинами.

— Ясно. И за какими же такими машинами вы охотитесь?

— Да за разными. Тоже, можно сказать, питаемся падалью. Пожираем машины. Едим все подряд — и тракторы, и мини-тракторы, но в этих краях их встречается все меньше и меньше. Люди говорят, что мини-тракторы теперь почти что вывелись. А мой отец помнит совсем другие времена. Помнит, как их тут разъезжали целые стада, повсюду только они.

— Да, теперь такого, конечно, не увидишь, — сочувственно произнес Хеллман, стараясь угодить охотнику.

— Ты правильно меня понял. И не то чтобы нельзя было прокормиться, особенно сейчас, летом. Буквально пару дней назад добыл большой и старый толстый такой «Студебеккер». Вон погляди, что от него осталось. Карбюратор и передние фары. Да вон там, в мусорном баке, слева от тебя.

Хеллман заглянул в открытый металлический контейнер и увидел, что там в машинном масле плавают карбюратор и фары.

— Неплохо выглядят, верно? Не знаю, употребляешь ли ты в пищу металл, но оценить такую добычу сможешь, просто уверен.

— Да, выглядят очень аппетитно, — сказал Хеллман. — Особенно в этом масле...

— Причем вторично использованном масле. А с ним ничего не сравнится, настоящий деликатес. Как-то раз попробовал приправить его растением, что тут водится. Мы называем его перец чили.

— Да, у нас тоже есть похожая штука, — сказал Хеллман.

— Чертовски тесен этот мир, вернее, Галактика, —

сказал охотник за машинами. — Кстати, разреши представиться. Я Уэйн 1332А.

— Том Хеллман, — сказал Хеллман.

— Рад познакомиться. Ладно, давай залезай и держись покрепче. Едем на собрание.

И охотник за машинами снова помчался по равнине длинными скачками, затем выпустил колесики, и они покатали с бешеной скоростью. Но вот он снова почему-то замедлил ход.

— Что случилось? — спросил Хеллман.

— А ты уверен, что я поступаю правильно, спасая тебе жизнь?

— Совершенно уверен, — ответил Хеллман. — У тебя не должно быть повода для сомнений.

— Просто хотел убедиться лишний раз, — сказал Уэйн. — Вообще-то пусть лучше другие решают, что с тобой делать.

И Уэйн 1332А снова набрал скорость.

— Что значит что со мной делать?

— Ты можешь стать для нас проблемой, Том. Но пусть решают другие. Теперь же мне надо сосредоточиться.

Пейзаж вокруг переменился. Тоже равнина, но вся она была усыпана гигантскими бульжниками. И охотнику понадобилось все его мастерство, чтоб лавировать между ними, да еще не сбавляя при этом скорости. «Пусть другие решают». Хеллману очень не понравилась эта фраза. Но что он мог поделать, во всяком случае сейчас. А может, роботы, собравшиеся на встречу, окажутся вовсе и не такими уж кровожадными.

Солнце уже клонилось к закату, когда, наконец, они оставили за собой местность, усеянную валунами, и выкатили на просторную равнину с низкими пологими холмами. Тут даже виднелось нечто вроде старой колеи. Уэйн лихо помчался по ней, то взлетая на холм, то со свистом скатываясь с него. Грязь, пыль, песок и мелкие камушки градом обдавали Хеллмана, а охотник за машинами то резко вилял в сторону, то тормозил, то снова набирал скорость, въезжая на очередной холм.

Наконец колеса у него забуксовали в песке, и ему снова пришлось переключиться на бег. Хеллман вцепился в рамы мертвой хваткой, поскольку корпус робота содрогался, трясся, гнулся, шатался — и все это одновременно.

А потом вдруг Уэйн резко остановился.

— В чем дело? — спросил Хеллман.

— Ты только посмотри!

Хеллман проследил за направлением взгляда фотоэлектрического глаза робота. По одной из полос ухабистой, но все еще действующей дороги медленно и одиноко двигался насквозь пропыленный «Мерседес 300».

— Красотка, а не машина! — восторженно выдохнул Уэйн.

Хеллман смотрел, и ему вовсе не нравился тот факт, что робот выбрал явно неудачное место для наблюдения. Он застыл на самом краю холма да еще весь изогнулся и вытянулся вперед. Один неверный шаг — и они скатятся с него и рухнут вниз, на щебенку. Может, охотник за машинами и способен устоять в такой неловкой позе, но уж человек — ни за что.

— Подумаешь, дело какое, просто машина, — сказал Хеллман. — Так мы едем на собрание или нет?

— Эта машина — самый настоящий деликатес. И если тебе она ни к чему, то лично я очень даже не прочь познакомиться с ней поближе.

— Можем поесть и попозже, во время собрания.

— Глупости! На собраниях все соблюдают строгий пост. А потому сейчас самое время перекусить.

— Компьютер! — воскликнул Хеллман и нажал кнопку вызова рации, которую, как ни странно, ему удалось сохранить во время всей это безумной гонки. Возможно, потому, что она была привязана к запястью на ремешке.

— Вне пределов досягаемости, — сказал охотник за машинами. — Ладно, расслабься. Мне доводилось охотиться за машинами и в более сложных условиях. Держись крепче, малыш, поехали!

И он ловко и быстро скатился с холма. Странно,

что совсем недавно, перед высадкой на этой опасной планете, Хеллмана так мучила загадка Дездемоны. Теперь вся эта история вовсе не казалась ему такой уж загадочной.

Дездемона была небольшой планетой, спутником Нептуна. Довольно противное и неудобное местечко, и число поселенцев не превышало тут нескольких сот человек. Да и то почти сплошь состояло из членов некоей теперь уже забытой религиозной секты, которые переселились сюда, чтоб сохранить свои верования от скверны и соблазнов всего остального мира. И, разумеется, они взяли с собой своих роботов, поскольку без роботов и хоть толики удачи на чужой планете ни за что не выжить. Они являлись собирателями ксеума, космической пыли. Благодаря топологическим особенностям в пространственно-временном континууме, на Дездемоне собиралось куда больше этого самого ксеума, чем на всех остальных планетах Солнечной системы. Но существование они вели самое скудное, поскольку запросы на ксеум поступали только от ученых, пытавшихся раскрыть тайну происхождения этой самой пыли.

Поселенцы на Дездемоне были люди рассудительные и спокойные, и контакт их с другими мирами был сведен к минимуму. Однако нельзя сказать, чтоб они изолировались полностью. И на Дездемоне тоже началось брожение мысли, наблюдалась растущая потребность в новых продуктах и новых условиях существования. Некоторые из граждан начали проводить все больше времени в клубе развлечений на Ганимеди — специальном спутнике, вращавшемся по орбите вокруг Юпитера. За развлечениями приходилось ездить далеко, но расстояние их тем не менее не пугало.

И вот мало-помалу на Дездемоне начались разногласия и распри. А затем в один прекрасный день на Землю и другие планеты поступил оттуда довольно туманный и с трудом поддающийся расшифровке сигнал. Расшифровать его толком так и не удалось, но в целом содержание сводилось к тому, что там произошло ка-

кое-то несчастье. Была послана специальная команда спасателей, которые обнаружили, что неким таинственным образом спутник под названием Дездемона опустел. Мало того, выяснилось, что оттуда вывезены все имеющие хоть какую-либо ценность материалы. Единственным намеком на то, что произошло, служило письмо, смятое и брошенное в угол в доме, который, по всей видимости, был покинут в страшной спешке. Сначала там шла ничего не значащая болтовня о каких-то родственниках и друзьях, а затем вот это: «Последнее время все больше проблем возникает с нашими роботами. Просто не знаем, что с ними делать. Старейшины говорят, что опасности бунта не существует, хотя и выражают сомнения в полезности и обоснованности новых законов, дающих роботам возможность обойти Три Основные Закона Роботехники. Наш председатель считает, что ограничивать их интеллектуальное развитие не стоит, однако многие люди сомневаются в правильности таких взглядов на эту пробле...»

На этих словах, точнее на полуслове, письмо обрывалось.

Оставалось предполагать, что роботы, освободившиеся от ограничений, которые накладывали на них Три Закона, каким-то образом взяли контроль над ситуацией, завладели космическими кораблями и, забрав с собой людей, улетели с Дездемоны в неизвестном направлении. Очевидно, туда, где их не могли бы достать остальные представители человеческой расы. Пренебречь Законами Роботехники теоретически было возможно — ведь наделенные интеллектом роботы начинали существование при полном отсутствии каких-либо понятий об этике и морали. Моральные ограничения встраивались в их программы позднее. Кстати, далеко не все соглашались с такой программой. Некоторые люди пренебрегали строгими правилами обращения с роботами, старались ни в чем их не ограничивать в надежде получить более перспективные результаты. Ну и, разумеется, такие игры до добра не доводили. Хотя в целом подобные случаи были редки.

Любому, кто поспособствует раскрытию загадки

Дездемоны, было обещано огромное вознаграждение. Еще более существенные награды ждали тех, кто мог бы обнаружить местонахождение роботов с Дездемоны и их владельцев, поселенцев с этого спутника. Но пока что деньги эти хозяина не нашли, поскольку все поступавшие сообщения оказались ложными.

Хеллман был твердо уверен в том, что роботы с Дездемоны выбрали именно это место, эту планету, как бы она там ни называлась. И считал, что деньги практически у него в кармане. Проблема заключалась лишь в том, что в данный момент он из последних сил цеплялся за охотника за машинами, который как бешеный скатывался с холма в надежде настичь «Мерседес 300».

И вот, оскальзываясь на каменистой поверхности, визжа колесиками и выставив вперед длинные цепкие лапы, робот напал на беспомощный автомобиль. «Мерседес» почуял неладное лишь в последний момент и резко увеличил скорость. А потому Уэйн успел оторвать лишь кусок заднего бампера. Обдав робота, а заодно и Хеллмана густым вонючим дымом из выхлопных труб, машина помчалась вниз по склону холма. Охотник бросился вдогонку. Нагнал, высоко подпрыгнул и опустился на заднюю часть кузова. Обе машины взвыли, как два диких зверя. Затем охотник перебрался повыше, на крышу, и принялся рвать и терзать «Мерседес» длинными цепкими лапами, пытаясь пробраться под капот, повредить двигатель и обездвижить тем самым жертву. Но жизненно важные органы «Мерседеса» защищала броня из пуленепробиваемой стали. Он бешено гудел в клаксон, а из выхлопных труб вырывались вонючие сине-серые пары. Охотнику удалось перекрыть одну из труб. Затем, выпустив металлическое щупальце со стальным наконечником в виде дубинки, охотник выбил одно из боковых стекол и ухватился за руль. Какое-то время между машиной и охотником шла борьба за управление, и все это время они катились с холма и каждую секунду могли перевернуться. Спасало от аварии лишь удивительное чувство равновесия, свойственное охотнику, который умудрялся удерживать на колесах не только себя, но и «Мерседес». Сто-

ны, рычание, пыхтение, взвизги, дикие крики и гудки — все это сопровождало борьбу, и шум стоял адский. Хеллмана так и швыряло в разные стороны, на секунду даже показалось, что он вот-вот сорвется. И вдруг, резко и сразу, все прекратилось. Щупальца робота смогли проникнуть в самую глубину внутренностей автомобиля, туда, где находились жизненно важные органы. Охотник изогнулся, напрягся, дернул один раз, другой и на третий вырвал толстый пучок проводов. «Мерседес» испустил еле слышный вздох, замедлил ход и остановился. На панели управления ярко вспыхнули на миг разноцветные огоньки, затем погасли. Автомобилью настал конец.

Хеллман, хватая ртом воздух, умудрился спуститься на землю. Потом растянулся на траве и стал наблюдать за тем, как Уэйн отдирает от машины отдельные части и пожирает их. Вскоре он разобрал машину до основания и припрятал самые лакомые, на его взгляд, кусочки в некое подобие багажника, что находился у него под пультом управления. Наблюдая за всей этой картиной, Хеллман вдруг почувствовал, что проголодался.

— Не думаю, что у тебя есть что-нибудь для меня пожевать... — пробормотал он, следя за тем, как Уэйн доедает одну из фар.

— Здесь нет, — ответил Уэйн. — Но ничего. Придем на собрание и что-нибудь там для тебя раздобудем.

— Я ведь, как ты понимаешь, металл не ем, — сказал Хеллман. — Даже пластик... и то не очень как-то идет.

— Я осведомлен о странных пристрастиях человека в еде, — сказал охотник и выплюнул пару гаек. — Ох, ну и вкуснятина! Жаль, что вы, люди, не можете попробовать эти фары. Ладно, залезай, мы уже и так опаздываем.

— Но не по моей вине, — пробормотал Хеллман и вскарабкался на робота.

Примерно через час они миновали пустынную равнину и оказались на очень красивом травянистом лугу. Справа протекала река, слева до самого горизонта тя-

нулись округлые зеленые холмы. Тем не менее Хеллман не заметил никаких признаков обитания здесь человека или животных.

Нет, растительности кругом полно, по большей части то были деревья и трава. Но, очевидно, есть зелень было просто некому. Впрочем, еще рано делать выводы. Неизвестно, что он увидит, прибыв к месту, где проводилось собрание.

Далеко впереди, во впадине между двумя холмами, сверкнуло что-то блестящее, металлическое.

— Что это? — спросил он.

— Круглый Дом, — ответил Уэйн. — Мы называем его Большим залом для собраний. Вон погляди-ка! Уже собираются.

Круглый Дом оказался действительно круглым строением, одноэтажным, открытым всем ветрам и стоящим на высоких опорах. Вокруг был красивый сад из деревьев и кустарника. У входа кружило штук двадцать машин. Сперва Хеллман слышал лишь рокот их моторов и только потом начал различать слова, которыми они обменивались. За Круглым Домом находился просторный двор, обнесенный изгородью. Там стояло несколько огромных металлических созданий, столь необычных и грозных на вид, что у Хеллмана даже дыхание перехватило. Они возвышались над охотниками за машинами и напоминали механическую версию бронтозавров. У самой изгороди вертелись еще какие-то сооружения.

Уэйн приблизился. Охотники за машинами увидели сидящего у него на спине Хеллмана и тут же умолкли.

— Здорово, Джеф, — сказал Уэйн. — Привет, Билл! Мое почтение, Скитер.

— Привет, Уэйн, — ответили они.

— Теперь можешь слезть, — сказал Уэйн Хеллману.

Хеллман соскользнул со спины охотника. Приятно было почувствовать под ногами твердую землю, хотя вид и размеры других охотников просто подавляли.

— Чего это ты притащил сюда, а, Уэйн? — спросил один из них.

— Сам видишь, — ответил тот. — Человека.

— Да, так и есть, человек, — сказал охотник по имени Джеф. — Давненько не видел я этих созданий.

— Да, почти все уже повывелись, — согласился Уэйн. — Есть что-нибудь выпить, а, ребята?

Один из охотников протянул костлявую лапу и указал на сорокагаллонную бочку, стоявшую чуть в стороне, под деревьями.

— Попробуй вот это. Лестер прислал, домашнего приготовления.

— А что, сам Лестер не приедет, что ли?

— Боюсь, что нет. Завелась какая-то гниль в контрольных кабелях. Теперь практически калека.

Уэйн подошел к бочке. Выдвинул трубку и опустил ее внутрь. Все остальные наблюдали за тем, как быстро понижается уровень жидкости, находившейся там.

— Эй, Уэйн! Что-то ты увлекся! Надо ведь и остальным что-то оставить.

Наконец Уэйн вынул из бочки трубку.

— Уф! — сказал он. — А она у него забористая, эта штука!

— Еще бы! Триста градусов крепости и ароматизирована корицей. Эй, человек, хочешь попробовать?

— Пожалуй, нет. Как бы мне от нее не очокуриться, — сказал Хеллман.

Охотники грубо заржали.

— Где, черт возьми, ты его откопал, а, Уэйн?

— Нашел в прериях, — ответит тот. — А его хозяин все еще торчит на корабле.

— А чего он с вами не пришел?

— Да почему мне знать. Может, он стационарный.

— И чего собираешься с ним делать?

— Это будет решать Исполнительный Совет, — сказал Уэйн.

— А он сам говорить-то умеет? — спросил охотник по имени Скитер.

— Конечно, умею, — сказал Хеллман.

Хеллмана так и подмывало поставить на место этого нахального и бойкого типа. Но в этот момент внутри дома началось какое-то движение и на лужай-

ку у входа вышли два робота. Их рамочные каркасы и подпорки были выкрашены в синий цвет, а верхняя часть — в красный. И еще корпус испещряли какие-то черные знаки и символы. Очевидно, то были чиновники высокого ранга.

— Вождь прислал нас, — сказал один из них Уэйну. — Он узнал, что ты вроде бы привел в лагерь человека.

— Новости распространяются быстро, верно? — заметил Уэйн.

— Ты же знаешь, Уэйн, это против правил.

Уэйн покачал большой головой.

— Да, случается такое не часто. Но чтоб это было против правил... я что-то не слышал.

— Так вот, теперь знаешь. Мы должны отвести его на допрос.

— Понятное дело.

— Идем с нами, человек, — сказал один из роботов-чиновников.

Хеллману ничего не оставалось делать, как подчиниться приказу. Он не мог тягаться с роботами ни скоростью, ни силой. Единственным его оружием оставался разум. Однако в данной ситуации даже разум мало чем мог помочь.

Больше всего Хеллмана волновало следующее. Отчего это роботы-охотники настроены против людей? И как получилось, что вывелась такая странная новая порода? Есть ли еще люди на этой планете? Или же роботы-охотники перебили их всех до одного?

Одно из зданий служило, по всей видимости, тюрьмой. В отличие от Круглого Дома оно было закрытым, и в нем имелась дверь с большим навесным замком. Один из красно-синих чиновников, или охранников, или, бог знает, кем он там был, отпер замок и распахнул перед Хеллманом дверь.

— И долго вы собираетесь здесь меня держать? — спросил Хеллман.

— Тебе сообщат о решении Совета, — и они заперли за ним дверь.

Хеллман оказался в большой комнате, стены которой были сделаны из гальванизированного железа. Окошки располагались высоко, почти под самым потолком. Застеклены они не были. И мебели в комнате тоже никакой не было. Очевидно, эти роботы не пользовались ни кроватями, ни стульями. Здесь стояло лишь некое подобие низеньких металлических столов. Хеллман огляделся и, когда глаза его освоились с царившим в комнате полумраком, вдруг заметил в углу какие-то мигающие огоньки. И пошел посмотреть, что там такое.

В углу находился робот. Совсем маленький, не выше пяти футов роста. И стройный. У него имелась голова, сделанная из какого-то светлого металла, а также руки и ноги — наподобие человеческих. Создание молча и пристально наблюдало за ним, и Хеллман слегка занервничал.

— Привет, — сказал он наконец. — Я Том Хеллман. А ты кто?

Робот не ответил.

— Ты что же, не умеешь говорить? — спросил Хеллман. — Ты говоришь по-английски?

Никакого ответа от робота не последовало, однако он по-прежнему не сводил с него глаз. Один глаз был красный, другой — зеленый.

— Замечательно, — пробормотал Хеллман. — Заперли меня здесь с каким-то чучелом.

Тут он заметил, что робот царапает что-то на земляном полу пальцем ступни. Хеллман подошел поближе и прочитал следующее: «Стены имеют уши».

Он поднял глаза на робота. Тот смотрел на него многозначительно строго.

— Что теперь будет? — еле слышно прошептал Хеллман.

Робот нацарапал в ответ: «Скоро узнаем».

Похоже, робот был не слишком расположен к общению. Хеллман отошел в другой угол комнаты и растянулся на полу. Теперь он был уже по-настоящему голоден. Собираются они его кормить или нет? А главное, если собираются, то чем? На улице начало тем-

нет. И вот спустя какое-то время Хеллман задремал. Уснул, и ему приснились странные грозного вида существа, налетающие из тьмы, с высоты ночного неба. Он пытался объяснить им, что ни в чем не виноват, но, вот в чем именно они его обвиняли, никак не мог сообщить.

Он проснулся и увидел, что дверь в темницу распахнулась. И подумал сперва, что ему пришли сказать, какое принято решение. Но, как оказалось, ему принесли поесть. Обед состоял исключительно из фруктов и орехов. Он никогда не видел и не пробовал ничего подобного, но выглядели они вполне съедобными. Принесли ему и воду. В жестяных банках из-под машинного масла, но они были тщательно отмыты и маслом совсем не пахло. Позже Хеллман узнал, что на самом деле в них никакое масло не хранилось, хотя название его значилось на банках. Откуда ему было знать, что у охотников есть свои традиции и церемонии и что многие предметы домашнего обихода они склонны украшать приятными их сердцу словами и символами.

Роботы, которые принесли еду и питье, ни на какие вопросы не отвечали. Стояли и молча ждали, когда Хеллман закончит с трапезой. Ему показалось, что они наблюдают за ним с любопытством. Но он так проголодался, что решил не обращать внимания и вскоре съел все до крошки. Они забрали плоские оловянные тарелки, на которых принесли еду, а жестянки с водой оставили. И удалились.

Время шло. Часов у Хеллмана не было, а связаться с бортовым компьютером и узнать, который теперь час, он не мог. По приблизительным его подсчетам, прошло уже несколько часов. Его все больше раздражал робот, запертый с ним в той же комнате. Он тихо и абсолютно неподвижно сидел в углу и, похоже, впал в полное оцепенение.

Наконец Хеллману все это надоело. Скука может подвигнуть человека на самые отчаянные поступки. И вот он подошел к роботу и приказал:

— А ну, говори что-нибудь!

Робот приоткрыл красный глаз. Потом зеленый. Взглянул на Хеллмана и покачал головой. Что, очевидно, означало «нет».

— Потому, что они подслушивают нас, да?

Робот кивнул в знак подтверждения.

— Да какая нам, собственно, разница, подслушивают или нет?!

Робот отчаянно и суетливо замахал руками. Значение этих жестов Хеллман интерпретировал так: «Ты просто не понимаешь».

— Я просто не понимаю, да? — спросил он.

Робот кивнул.

— Но как я могу понять, если ты ничего не объясняешь?

Робот пожал плечами. Тоже вполне понятный и универсальный жест, означавший «Что я могу сделать?»

— Тогда я тебе подскажу, — Хеллман говорил шепотом, но в голосе его слышался еле сдерживаемый гнев. — Ты меня слышишь?

Робот закивал.

— Если не начнешь говорить сейчас же, вырву тебе один глаз. Ну, скажем, вот этот, зеленый. Потом опять задам вопрос. А если и на него не ответишь, вырву вторую, красный! Ясно тебе?

Робот молча смотрел на него. Только теперь Хеллман заметил, какое подвижное у него лицо. Оно вовсе не было сделано из цельного куска металла, нет. Оно было собрано из множества крохотных пластинок, и каждая пластинка была размером около квадратного дюйма, и каждая могла двигаться. Это было лицо, способное отражать мысли, чувства и настроения. И в этот самый момент на лице робота отражался самый неподдельный страх. А также недоверие и гнев, в то время как Хеллман надвигался на него со зверским выражением на лице.

— Не надо насилия, — сказал робот.

— Вот и чудесно. И причин хранить молчание тоже нет, верно?

— Думаю, нет, — ответил робот. — Просто мне спе-

рва показалось, что лучше нам с тобой не разговаривать. А то охотники за машинами еще могут подумать, что мы замыслиаем против них заговор.

— С чего бы это им думать такое?

— Неужто ты еще не понял, что обитающие здесь, на планете Ньюстарт, существа крайне чувствительно реагируют на появление пришельцев. Эти охотники за машинами — очень подозрительные люди.

— Никакие они не люди, — сказал Хеллман. — Они роботы.

— Поскольку наделенные интеллектом роботы обладают теми же возможностями, что и люди, то мы уже не проводим больше различий между ними и людьми. Это, знаете ли, очень предвзятый и расистский подход.

— Хорошо, не буду, — сказал Хеллман. — Я всегда очень позитивно воспринимаю критику. Так ты говоришь, они подозрительны?

— Но ведь это и понятно, разве нет? Они отделяют себя от принятого на Ньюстарте образа жизни и развития. А все изолированные группы подвержены ксенофобии.

— Гляжу, ты знаешь много хитрых словечек, — заметил Хеллман.

— Я должен. Ведь я по профессии библиотекарь.

— Мне показалось, эти охотники не испытывают особой любви к чтению.

— Я работал библиотекарем не здесь, — робот тихо и печально усмехнулся. — Я вообще не из этого племени. Я работал в Центральной библиотеке в Роботсвиле.

— Роботсвиле? Это что же, город такой?

— Самый крупный город на Ньюстарте. Ты наверняка о нем слышал.

— Да я вообще не из этих краев, — сказал Хеллман. — Я с планеты Земля.

— Ты с другой планеты? — робот сел и изумленно уставился на Хеллмана. — И как же ты сюда попал?

— Ну, очень просто. Прилетел на космическом корабле.

— Угу... — протянул робот.

— Не понял?

— «Угу» — это очень распространенное в Роботсвиле выражение. Означает, что тут открывается очень много самых разнообразных возможностей.

— И в чем же они конкретно заключаются?

— Видишь ли, ситуация сейчас на Ньюстарте напряженная. Творится масса самых разных вещей. И твое прибытие может иметь самые непредсказуемые последствия.

— О чем это ты? Что у вас происходит?

Тут Хеллман услышал, как в замке поворачивается ключ.

— Боюсь, у меня уже нет времени тебе рассказать, — шепнул робот. — Бог знает, какую судьбу уготовили нам эти варвары. Кстати, забыл представиться. Я Хорхе, — он произнес это имя с настоящим испанским акцентом.

— Хорхе? Как Хорхе Луис Борхес¹? — спросил Хеллман. Терпения у него хватало лишь на чтение коротких рассказов, а потому этого писателя он знал.

— Да. Он считается святым, покровителем всех библиотекарей.

Дверь отворилась. В помещение ввалились два охотника. Двигались они неуклюже. Грация и быстрота, с которой эти создания перемещались в открытом пространстве, тут же покидала их, стоило попасть в тесное помещение.

— Идем с нами, — сказал один из них Хеллману. — Совет обсудил проблему и хочет теперь с тобой поговорить.

— А как же мой приятель Хорхе?

— Им тоже займутся в свое время.

Сама поза библиотекаря, казалось, говорила о том, что ему есть что скрывать. И Хеллману страшно хотелось знать, что же это. Но времени на расспросы и размышления не было, и он покорно затрусил вслед за охотниками.

¹ Аргентинский писатель, автор стихов и прозаических миниатюр.

Они провели его к месту заседаний. Находилось оно на плоской круглой скале с выровненной поверхностью и примерно фута на три возвышалось над землей. Подняться туда можно было по земляному настилу. Там уже собрались охотники за машинами. Они двигались по этой площадке, напоминая огромную парковочную стоянку. В центре возвышался куб. На нем стояли четыре или пять охотников. Очевидно, они были здесь главные.

Хеллмана подвели к большому каменному пьедесталу, куда вела спиралеобразная лестница. Поднявшись по ней, он оказался на одном уровне с пятью главными охотниками.

Внешне они не слишком отличались от остальных, однако с первого же взгляда становилось ясно, что они представляют власть. Они были несколько крупней остальных, и тела их были покрыты более густым орнаментом, в основном желтоватых оттенков. У некоторых свисали с шей подобия блестящих ожерелий. Приглядевшись, Хеллман увидел, что сделаны они из мини-моделей автомобильных капотов старого образца.

Самого главного охотника тоже можно было определить сразу. Он сидел в центре на возвышении прямоугольной формы. Он был раза в три больше окружающих его советников — и выкрашен в темно-синий цвет с серебряными вкраплениями.

И вот судья в серебряно-синей мантии заговорил:

— Я, Пожиратель Машин, Старший Вождь племени охотников. А это мои помощники, судьи. С какой целью ты явился сюда, Том Хеллман? Мы уже знаем, что ты прибыл к нам на космическом корабле. Зачем ты прилетел на Ньюстарт?

— Да просто по ошибке, — ответил Хеллман. — Разладилось кое-что на борту.

— Подобный ответ неприемлем. Когда люди хотят чего-то добиться, они ошибок не делают.

— Вы, вероятно, не слишком хорошо знаете людей, — сказал Хеллман. — Это была самая настоящая

ошибка. Не верите мне, спросите у бортового компьютера.

— Один из наших разведчиков пытался связаться с ним, — сказал Пожиратель Машин. — И сообщил, что у него нет кода доступа. Правда, он не объяснил, что это за штука такая.

— Код доступа — это комбинация из девяти цифр. Она защищает информацию, содержащуюся в компьютере, от непрошеного вторжения.

— Но разве не сам компьютер решает, стоит ему делиться этой информацией или нет? — спросил Пожиратель Машин.

— Может, и мог бы, — ответил Хеллман. — Но у нас на Земле такие штуки не приняты.

Роботы зашептались. Затем Пожиратель Машин сказал:

— Прошло много лет с тех пор, как в наших краях последний раз бывали люди. Эта часть планеты принадлежит исключительно нам, охотникам за машинами. Мы не лезем к людям на их территорию и не хотим, чтобы они лезли к нам. Такой порядок существует уже давно, с тех пор как Великий Выдумщик разделил все виды по степени интеллекта и велел каждому из них плодиться и размножаться согласно его великому замыслу. Кое-кто из наших охотников хотел убить тебя, а заодно — и этого чужака, библиотекаря, который называет себя Хорхе. Совершенно дебильное, несолидное, на мой взгляд, имя. Такими именами принято называть друг друга в Роботсвиле, жители которого очень много о себе возомнили. Но Старейшины решили не в пользу насилия. Договор, согласно которому управляется наша планета, не одобряет применения силы, ну разве что в исключительных обстоятельствах. Ты можешь идти, Хеллман. Ты и твой Хорхе тоже. И советую тебе до наступления ночи убраться с нашей территории. Иначе тебя могут сожрать гиеноиды.

— Но как и куда мне идти? Я же не могу вернуться к кораблю пешком.

— Раз Уэйн 1332А привез тебя сюда, — сказал По-

жиратель Машин, — он тебя и отвезет. Договорились, Уэйн?

Снизу, оттуда, где собрались охотники, послышался оглушительный шум, напоминавший разрывы патронов в казенной части ружья. Лишь через минуту до Хеллмана дошло, что это был смех.

— Ты уж извини, Уэйн, что так получилось, — сказал Хеллман. Они с Хорхе вскарабкались на работа и старались держаться крепко.

— Да мне в общем-то до лампочки, — заметил Уэйн. — Не больно-то я люблю торчать на разных там собраниях, есть на свете занятия и поинтереснее. Иногда, конечно, начальство собирает нас по срочному делу. Но большую часть времени мы проводим здесь, в каменных прериях.

И далее Хеллман узнал от Уэйна, что охотники живут в этих краях, на бесплодных землях Северо-Западных предгорий и в каменных прериях очень и очень давно, насколько себя помнят. Тут встрял Хорхе и заявил, что все это полное вранье. Ну, может, и не вранье, а полуправда. Поскольку охотники обитают здесь всего лишь лет сто, как, впрочем, и все остальные. Уэйн сказал, что спорить с библиотекарем у него нет ни малейшего желания, однако эти городские роботы больно много о себе воображают и много чего не знают. Хеллману стало любопытно, что ж это за создания такие — городские роботы.

— У вас что, в городах одни роботы, а людей нету? — спросил он у Хорхе.

— Я ведь уже говорил тебе, все мы люди.

— Да нет. Я имею в виду таких людей, ну, как, допустим, я. Человеки. Люди из плоти и крови. Ты понял?

— Если ты имеешь в виду так называемых натуральных людей, то их там нет. Во всяком случае, у нас в Роботсвиле. Мы от них отделились. Так лучше для всех. Когда жили вместе, не очень-то ладили. Какое-то время пытались наладить производство андроидов из пло-

ти и крови, ну, знаешь, это такие роботы с телами из протоплазмы. Но выглядели они как-то уж совсем неэстетично.

— Вот уж не думал, что вас волнуют вопросы эстетики, — заметил Хеллман.

— Но ведь это и есть самое главное, после того, как удастся решить проблемы эксплуатации, поддержания жизнеобеспечения и замены отдельных частей, — ответил Хорхе.

— Да, наверное, — согласился Хеллман. — А ты знаешь, как люди попали на эту планету?

— Конечно. Нас поселил здесь Великий Выдумщик. После того как разделил все виды по уровням интеллекта и дал каждому по участку земли и всего того, что на ней произрастает и имеется.

— И давно это было? — спросил Хеллман.

— О, очень давно. Еще до начала всех начал и отсчета времени.

И Хорхе поведал Хеллману историю Мироздания, которая в разных своих вариантах была известна всем и каждому, обитающему на планете Ньюстарт. О том, как Великий Выдумщик, существо, состоящее из металла, плоти и духа в равных долях, породил все расы и разновидности и наблюдал за тем, как они воюют друг с другом. И как потом решил, что все это очень плохо и неправильно. Тогда Великий Выдумщик начал придумывать разные планы спасения. Сперва пытался сделать главными людей. Но ничего хорошего из этого не получилось. Потом позволил управлять роботам. Но и из этого тоже ничего путного не вышло. И вот, наконец, он разделил планету Ньюстарт на равные части. «Теперь у каждого из вас есть свое место, — сказал Великий Выдумщик. — Расходитесь по своим углам и живите мирно».

И все виды и разновидности разошлись по своим местам, и каждый отныне жил со своим племенем и делил с ним судьбу. Людям достались зеленые места, где они могли выращивать разные растения. Роботы раскололись на несколько групп. Одна из групп стала охотниками за машинами. Им не хотелось жить в горо-

дах. Они отрицали самую необходимость дальнейшего технического усовершенствования роботов. Они считали, что жизнь ценна уже сама по себе и ни к чему ее совершенствовать. Тут настало время выбирать себе внешность. Охотники сами избрали себе свой нынешний облик. Он позволял им быстро двигаться, быть выносливыми и крепкими. Они изначально были запрограммированы и нацелены на жизнь в пустынных местах. А Великий Выдумщик заселил для них эти края расой автомобилей, прямых потомков авто, которыми некогда пользовались на Земле.

Машины сбивались в стада, как скот, было их тогда великое множество. И убивать их не считалось грехом, поскольку они не были наделены достаточным интеллектом. А охотники были запрограммированы таким образом, что считали внутренности этих машин самым настоящим деликатесом. Вначале каждая из групп имела право сама избрать себе модель этичного поведения. Опирались все эти модели, разумеется, на древние, присущие старым временам и человеку, поскольку что еще есть интеллект, как не способность самостоятельно делать выбор, когда речь идет о программировании? И в целом то была хорошая жизнь. Но, с точки зрения обитавших в городах роботов, несколько тупиковая, поскольку она отсекала самую возможность эволюции машин. И кочевая модель была, конечно, не плоха сама по себе, но ограничена.

— Понимаешь, — продолжал свой рассказ Хорхе, подпрыгивая на спине Уэйна вместе с Хеллманом, — кое-кто из нас верил, что жизнь есть искусство, которому следует непрестанно учиться. И мы верили, что способны учиться. Мы всю свою жизнь посвятили поискам следующей ступени.

Похоже, Уэйну надоела вся эта болтовня. Да этот библиотекарь не иначе как сумасшедший. Что может быть лучше, чем мчаться по прериям и убивать машины? И он заметил, что никаких моральных проблем у охотников при этом не возникает, поскольку машины, которых они убивают и едят, не наделены достаточным

разумом. И просто не соображают, что с ними происходит. К тому же у них отсутствуют болевые точки.

Они продвигались по узкой расселине, которую тесно обступили со всех сторон скалы с заостренными вершинами. Внезапно Уэйн остановился и выдвинул антенны. Повертел ими в разных направлениях, и внутри в корпусе под броней у него что-то защелкало или затикало.

— В чем дело? — спросил Хеллман.

— Боюсь, что впереди нас ждут неприятности, — сказал Уэйн. Резко развернулся и затрусил обратно. Ярдов через пятьдесят остановился снова.

— Ну, а что на сей раз? — спросил Хеллман.

— Они со всех сторон.

— Кто со всех сторон? Опять эти поганые гиеноиды?

— Гиеноиды — это пустыки, — ответил Уэйн. — Нет, боюсь, тут дело куда серьезнее.

— Что случилось и кто нам угрожает? — спросил Хорхе.

— Мне кажется, это группа дельтоидов.

— Как такое может быть? — удивился Хорхе. — Ведь дельтоиды обитают гораздо южнее, в Механик-свилле и Гаскетауне.

— Понятия не имею, что они здесь делают, — сказал Уэйн. — Может, сами их спросите? Похоже, они окружили нас со всех сторон.

На подвижном личике Хорхе отразилась тревога.

— Да храни нас Великий Выдумщик!

— В чем, черт возьми, дело? — воскликнул Хеллман. — Чего это вы оба вдруг скисли?

— Дельтоиды... они совсем не похожи на всех остальных, — сказал ему Уэйн.

— Они не роботы?

— Нет, почему же, роботы. Только когда Великий Выдумщик создавал их, у него не заладилось что-то с условными рефлексам. Или же он сделал их такими нарочно. Во всяком случае, именно этого мнения придерживается Черная Звезда, церковь дельтоидов.

— И что же такое сделал с ними Великий Выдумщик? — не отставал Хеллман.

— Он научил их испытывать удовольствие от убийства, — ответил Хорхе.

— Держитесь крепче, ребята, — сказал Уэйн. — Попробуем перебраться через те скалы. Это единственный выход отсюда.

— И ты сможешь влезть на такую отвесную скалу? — удивился Хеллман.

— Сейчас выясним, — ответил Уэйн.

— Но ведь и вы тоже убиваете, — заметил Хеллман.

— Да. Но только машины. Дельтоидам же нравится убивать создания, наделенные интеллектом.

И он начал карабкаться вверх по почти отвесной скале, под которой затаилась группа машин в камуфляжной раскраске. Они пристально наблюдали за своими потенциальными жертвами.

Три раза Уэйн пытался преодолеть препятствие, и все три раза ему не хватало буквально нескольких сантиметров, чтоб забраться наверх. Лишь высочайшее мастерство, цепкость и исключительное чувство равновесия, присущие охотнику, не давали им всем скатиться вниз. Похоже, дельтоиды вовсе не спешили атаковать их, и Уэйн недоумевал, отчего они не выбрали столь удобный момент для нападения. Но причины этому выяснились несколько позже, когда все они уже находились в безопасности.

Но все это было потом, а сейчас они оказались просто в отчаянной ситуации. И Уэйн то и дело оборачивался, решая, не настал ли момент схватиться с врагом врукопашную. Хеллман и Хорхе помалкивали. Да и что им еще оставалось? Решения сейчас принимал только Уэйн. Бедняга, он едва не сорвался, когда земля вдруг поползла под его ногами. Дельтоиды заметили это и с шумом завели моторы — они опасались, как бы он не свалился им на головы. Но и им тоже досталось, казалось, вся земля вокруг разверзлась и готова была поглотить все и вся. Хеллману с Хорхе ничего не оставалось,

как мертвой хваткой вцепиться в Уэйна и держаться из последних сил. Сам же Уэйн, оскальзываясь и спотыкаясь, стремился прорваться вперед. Но почва вокруг ходила ходуном, и Хеллман почувствовал, как его с ног до головы обдаёт пылью и мелкими камнями. И тут он вырубился.

Проснулся он от звона будильника.

Будильник?..

Хеллман открыл глаза. Он лежал в просторной постели, укрытый розово-голубым одеялом. А под головой — пышные и мягкие подушки. Рядом, на тумбочке, стоял будильник. Он и издавал этот пронзительный звон.

Хеллман нажал на кнопку и выключил звонок.

— Как самочувствие? — спросил чей-то голос.

Хеллман обернулся. Справа в большом уютном кресле сидела женщина. Молодая женщина. Можно даже сказать — очень привлекательная молодая женщина в оранжево-желтом одеянии. Кудрявые светлые волосы, серые глаза... Смотрели они на Хеллмана строго.

— Я в порядке, — пробормотал Хеллман. — Но кто вы?

— Я Лана, — ответила женщина.

— Я пленник? — спросил Хеллман.

Она рассмеялась.

— О боже, нет, конечно! Просто я работаю на этих людей. Вы в Пойктесме.

— Последнее, что помню, это как земля расступилась и...

— Да. И вы провалились в Пойктесме.

— А что с дельтоидами?

— Особой любви между дельтоидами и роботами Пойктесме не наблюдается. Пойктесмичи делают им строгий выговор за то, что вторглись на чужую территорию, и отсылают обратно. И дельтоидам приходится повиноваться, потому что это нарушение закона. Меня всегда смешит, когда наглые и самоуверенные дельтоиды удирают отсюда, поджав хвосты.

— Хвосты?

— Да, у дельтоидов есть хвосты.

— А я, знаете, как-то не разглядел, просто времени не хватило, — сказал Хеллман.

— Поверьте мне, у них действительно есть хвосты. Нет, есть и другая разновидность, бесхвостые альбиносы, но те обитают по большей части в долине Лемуртон. А это в целых восьмистах варсках отсюда.

— А варск — это сколько?

— Ну, один варск приблизительно равен земной миле. А еще равен пяти тысячам двумстам восьмидесяти юпам.

— То есть, по-нашему, футам, да?

— Да. Приблизительно.

— Но как же они умудрились провалиться в Пойктесме? Разве не знали, куда могут попасть?

— Откуда им знать! Ведь Пойктесме — это один из подземных городов!

— Ах, ну да, как глупо! — воскликнул Хеллман. — Подземный город! Как же это я сразу не догадался?

— Вы надо мной смеетесь, — сказала женщина.

— Ну, если и да, то так, совсем чуть-чуть. Я так понял, земля разверзается и позволяет провалиться в этот самый подземный город в тот момент, когда дельтоиды, того и гляди, схватят или убьют охотника за машинами, верно?

— Совершенно верно. Земная кора в этом месте совсем тонкая. Они это знают и обычно не суются в такие места. Вся эта территория целиком отдана в распоряжение пойктесмичей. И уж они выбирают, где им удобней жить, — на земле или под землей.

— Ну, вот кое-что прояснилось, — сказал Хеллман. — И где же они проживают, эти самые пойктесмичи?

— Ну как где. Здесь, разумеется. Я же сказала, вы в Пойктесме.

Хеллман огляделся по сторонам. Они ничего не понимал. Затем до него вдруг дошло.

— Так вы хотите сказать, это комната?..

— Не только комната, но и весь дом. Да, пойтесмичи — это роботы, изготавливающие дома.

И далее Хеллман узнал, что пойтесмичи начинают свое существование в виде крошечных металлических сфер, внутри которых находились столь же миниатюрные подвижные части, а также нечто вроде карликовой химической фабрики. И вот, развиваясь, они как бы разворачиваются, медленно и неуклонно создают вокруг себя домик. Они — настоящие мастера по работе с камнем и деревом. В более зрелом возрасте пойтесмичи изготавливают кирпичи, обжигаемые в собственной, встроенной в них печи. В среднем каждый такой робот может построить шести-, а то и восьмикомнатный дом. И естественно, что вначале сделанные ими дома не отличаются особой архитектурной сложностью в виде разных там ниш, комнат «фонарей», портиков и прочее. Ведь они были вынуждены таскать на себе эти дома да еще раз в год производить перекраску. Но заложенные в них программы плюс присущий им изначально расовый фактор управления (сокращенно РФП) позволяют производить все более и более совершенные конструкции. Селятся они, в основном, на окраинах, причем каждый пойтесмич занимает выделенный ему акр земли. По ночам, согласно древней традиции, на улицах зажигаются фонари, а в окнах появляется свет. Есть у пойтесмичей и свои развлечения. Театр и то, что они называли домом с движущимися картинками. Но никаких картин там не показывают, поскольку пойтесмичи так и не овладели искусством создания кино. Да и потом, кому здесь ходить в театр? По сути, пойтесмичи являли собой симбиозную расу, но у них не было, что называется, партнера по симбиозу.

— Поэтому вы и оказались здесь? — спросил Хеллман у Ланы. — Чтоб жить с ними в симбиозе, в одном из домов?

— О нет, я консультант по дизайну, — ответила девушка. — Они страшно привередливы, особенно когда речь заходит о ковриках и занавесках. И еще импортируют вазы, покупают их у людей. Поскольку изготовление ваз изначально не входит в их программу.

— А когда можно будет встретиться с одним из них?

— Они хотели, чтоб вы сперва пришли в себя.

— Как это мило с их стороны.

— О, не обольщайтесь, у них есть на то свои причины. У поиктесмичей на все имеются свои причины.

Хеллман спросил, что произошло с библиотекарем и Уэйном, ибо считал отныне их обоих своими друзьями. Но Лана или ничего не знала об их судьбе, или же просто не хотела говорить.

Какое-то время Хеллман тревожился о них, но потом подумал, что, пожалуй, нет смысла. Ведь оба его друга сделаны из металла и способны за себя постоять.

Лана рассказала ему о своих друзьях и семье. Все они остались на Зоо Хилл. Вообще ей не очень нравилось прямо отвечать на вопросы Хеллмана, предпочитала говорить намеками. И еще очень любила вспоминать. Из того, что она говорила, у Хеллмана создалась некая идиллическая картина, примерно так представлял он себе жизнь полинезийцев или хиппи. Люди не перетруждались. У них были сады и поля, но работали на них исключительно роботы. По большей части на такие работы нанимали молодых роботов из городов Ньюстарта. Эти роботы считали, что в человеке есть что-то благородное. Остальные роботы называли их гуманистами. Но что ожидать от молодых... Все они неисправимые фантазеры!

Хеллман поднялся с постели и принялся бродить по дому. Очень славный и уютный дом. И все в нем было автоматическое. Поиктесмичи, у которых самой природой было заложено самое серьезное и трепетное отношение к дому, делали все исключительно тщательно. Мало того, они научились предвидеть нужды обитателей дома. Дом готовил для Хеллмана изумительно вкусные и разнообразные блюда. Откуда он брал говядину для ростбифа или же киви, Хеллман не спрашивал. Знать слишком много здесь считалось дурным тоном.

В каждом доме был собственный, присущий только ему климат, в каждом дворе находился плавательный бассейн. И хотя весь этот рай размещался под землей,

специальные лампы обеспечивали почти дневное освещение.

Вскоре Хеллман очень привязался к Лане. Считал ее немного глуповатой, но страшно милой.

В купальнике она выглядела просто сногсшибательно. И не заставил себя ждать момент, когда Хеллман предложил ей заняться, мягко выражаясь, продолжением рода. Дескать, только я и ты, да мы с тобой, малышка, ну и все такое прочее. На что Лана ответила, что она бы с удовольствием, но нет и еще раз нет. И когда Хеллман спросил почему, она сказала, что обязательно объяснит ему, но как-нибудь в другой раз. И оба они засмеялись. Хеллману и прежде приходилось выслушивать от женщин нечто подобное. Тем не менее он по-прежнему очень любил Лану, да, похоже, что и сам нравился ей тоже. Хотя, возможно, это объяснялось тем, что он был в Пойктесме единственным мужчиной. Но она утверждала, что дело совсем не в том, что он ей очень и очень нравится, что он совсем не похож на других, что он прилетел с Земли, что эта планета ее всегда необыкновенно привлекала. И что, даже несмотря на то, что жила она на самом, что называется, краю Солнечной системы, всегда мечтала повидать Париж и Нью-Йорк.

Как-то раз Хеллман бесцельно расхаживал по гостиной. Ланы не было, она отправилась в одну из своих таинственных поездок. Она никогда не говорила ему, куда едет. Просто улыбалась, немного виновато и одновременно вызывающе, и на все его расспросы отвечала одно: «Узнаешь позже, миленький». Это страшно раздражало Хеллмана, поскольку самому ему ехать было совершенно некуда. К тому же ему казалось, что девушка водит его за нос.

И вот он расхаживал по гостиной и впервые за все время заметил, что в одну из стен встроен телевизор с размером экрана примерно в тридцать дюймов. Может, он видел его и раньше, но как-то не обращал внимания. Хеллман обрадовался. Он очень соскучился по своим любимым шоу.

Он подошел к телевизору. Вроде бы самый обыч-

ный с виду телевизор. В нижней части рукоятка. Сгорая от любопытства, он повернул ее. Экран осветился, и на нем возникло лицо какой-то женщины.

— Привет, Хеллман, — сказала она. — Рада, что ты, наконец, решил побеседовать со мной.

— Я и понятия не имел, что ты там, — сказал Хеллман.

— Но где еще быть духу дома, как не в телеприемнике?

— Так вот, значит, как они выглядят, эти духи...

— Строго говоря, — сказала женщина, — мы никак не выглядим. Вернее, выглядим так, какими ты хочешь нас видеть. На самом деле я всего лишь часть дома. Вернее, сам дом. Но дом слишком велик и сложен, чтоб можно было сосредоточиться на беседе с ним. А потому мы, пойкитесмичи, можем принимать любое обличье в соответствии с моделями, принятыми во Вселенной. Насколько я понимаю, ты прибыл с планеты Земля?

— Верно, — кивнул Хеллман. — И очень бы хотел вернуться обратно.

— Что ж, это возможно, — сказала она. — Это можно устроить. При условии сотрудничества с твоей стороны.

— Черт, да я всегда готов! — воскликнул Хеллман. — Что вы хотите, чтоб я сделал?

— Мы хотим убраться отсюда.

— Из Пойктесме?

— Да нет, идиот! Пойктесме — это мы. Мы хотим всем городом перебраться на твою планету под названием Земля.

— Но вы же не знаете, как устроена жизнь там, на Земле.

— А ты не знаешь, что творится здесь. У нас здесь очень серьезные неприятности, Хеллман. Скоро все полетит в тартарары. Мы, пойкитесмичи, роботы-дома и мало что понимаем в войнах и всяких там странных эволюционных системах, которыми так озабочены некоторые обитающие тут люди.

— Так вы хотите, чтоб люди Земли выделили вам место?

— Именно. Причем не безвозмездно. Мы готовы рассчитаться с землянами. Будем сдавать себя людям в аренду.

— Что, правда, что ли?

— Ну, конечно! Ведь функция дома состоит в том, чтоб в нем жили. А на нашей планете никто не хочет в нас жить.

— Это почему?

— Я же сказала, они все здесь с ума посходили!

— Что ж, уверен, организовать это можно, — сказал Хеллман. — На Земле всегда не хватало хороших домов. Пошлем на вашу планету большие корабли, и они вывезут вас отсюда, вот и все.

— Замечательно!

— Значит, договорились. Когда начнем?

— Тут есть одна проблема. Сперва надо решить ее, а потом можно и начинать.

— Так и знал! — раздосадованно воскликнул Хеллман. — Да забудьте вы о своих проблемах. Помогите мне вернуться на корабль, а уж обо всем остальном я позабочусь.

— В том-то и состоит проблема. Твой корабль похитили и перевезли в Роботсвилль.

Все то время, что Хеллман путешествовал по планете с охотником Уэйном, обсерватории Роботсвиля ловили и считывали сигналы, начавшие поступать на Ньюстарт с того момента, как там потерпел аварию космический корабль. Для расшифровки их понадобилось немало усилий, поскольку сигналы, обозначающие приземление корабля, поступали к ним и раньше, но, как правило, оказывались ложными. С учетом прежнего печального опыта Королевским астрономическим обществом была даже выдвинута теория, будто бы сигналы, призванные обозначать приземление корабля, на самом деле говорят о том, что никакого корабля нет и в помине. И на митинге, проходившем под девизом «Ро-

боты за лучший и безопасный Роботсвилль», идея в целом получила одобрение. Однако приходилось прислушиваться и к мнению общественности. А она требовала, чтобы любые сигналы, поступающие из космоса, подлежали идентификации и расшифровке.

Итак, к месту поступления таинственных сигналов был послан Королевский гвардейский эскадрон под командованием полковника Троттера. Эскадрон состоял из солдат регулярной армии, добровольно избравших обличье кентавров — эдакие полулюди, полукони. Вся эта конструкция была изготовлена из металла типа того, из которого на земле делают оловянных солдатиков, и приводилась в движение маленькими встроенными моторчиками. Источник энергии был, разумеется, ядерный. Продукты атомного полураспада приводили в движение двигательные механизмы, а уж те в свою очередь — кентавров.

Эскадрон, собранный из роботов разных мастей (одни из них были гнедые, другие каштановые, третьи в яблочко, было даже несколько чалых и пегих), дружно выступил из города, бряцая уздечками и шпорами, и двинулся к тому месту, где находился корабль. Надо сказать, что кентавры испытывали страх — еще бы, ведь прежде им доводилось выступать только на парадах, и они понятия не имели, чего ждать от космического корабля, засланного к ним неизвестно откуда. В город поступили запросы, в высоких сферах начались совещания. На городском митинге, в котором могли принимать участие все виды роботов с уровнем интеллекта не ниже семи («шестерки» тогда еще только боролись за право голоса), было решено послать отряд саперов, которые помогли бы транспортировать корабль. Но, разумеется, только после того, как станут ясны его цели и намерения.

Они запросили бортовой компьютер. Тот назвал им свое имя, ранг и серийный номер, что и предписывалось делать по инструкции в подобной ситуации. Но он не имел права без местной команды говорить с кентаврами от своего имени, хотя намеками пытался дать им понять, что намерения у него самые мирные, что на

борту корабля нет ни оружия, ни какого-либо враждебно настроенного существа. Роботы Роботсвиля были достаточно простодушны и наивны, чтоб поверить этим утверждениям, а потому без долгих размышлений соорудили прямо на месте грузовик с плоской платформой, куда и погрузили корабль с помощью хитроумной системы из веревок и лебедок. И отвезли его в город.

— Что ж, — заметил Хеллман, — все очень просто. Вы доставляете меня в Роботсвиль, где я получаю свой корабль обратно. А уж потом, по прибытии на Землю, займусь вашей проблемой.

Лицо на экране выразило сомнение.

— К сожалению, мы не слишком популярны в Роботсвиле.

— Это почему?

— О, давай не будем сейчас вдаваться в подробности, — сказала женщина, она же домашний робот. И Хеллман в очередной и не в последний раз убедился, что роботы тоже могут быть весьма уклончивы. А если запрограммировать их соответствующим образом, то и соврать не дураки.

Она сказала, что пойтесмиичи обсудят это между собой, и отключилась. Экран погас. Самого Хеллмана этот разговор настроил на оптимистичный лад, и, когда Лана вернулась, он выложил ей все.

В ответ на это Лана заметила, что не слишком доверяет пойтесмиичам, да и Хеллману тоже не советует. Нет, она вовсе не собирается учить его жить. Да ей на самом деле все равно, что он думает по тому или иному поводу. Просто он должен понимать, что ее мнение о роботах вырабатывалось долгими и нелегкими годами жизни бок о бок с этими существами. Уж она нагляделась на все их обычаи и манеры. К тому же у нее есть друзья, посвятившие немало времени и сил наблюдениям за роботами. Нет, разумеется, мягко и иронично заметила она, вполне возможно, что Хеллман знает роботов куда лучше. Возможно, также — да достаточно только увидеть его умные глаза, — что он знает в тысячу раз больше, чем известно ей, Лане, и ее народу.

В таком духе она рассуждала еще какое-то время. И сначала Хеллман решил, что Лана кажется такой странной только потому, что она чужая, с другой планеты. Но затем он решил, что даже для инопланетянки она, пожалуй, выглядит слишком странно. Вообще, подумал он, она малость тронутая, вот что.

Неким таинственным образом Лана узнала о существовании на планете Земля Голливуда, и от Хеллмана ей нужно было только одно — чтоб он рассказывал ей разные истории из жизни звезд и старлетов. Мало того, она потребовала от него детального описания китайского театра Граумана, хотя сам Хеллман сроду не бывал в Калифорнии. Ей также хотелось знать абсолютно все о Веронике Лейк. И Хеллману вдруг пришло в голову, что кое-что он все же о ней знает. Лана постоянно думала, что он лжет, и все время злилась, пока он не начинал развлекать ее разными байками.

Он рассказал ей, что Вероника Лейк была одной из сиамских близнецов. Сестер, Веронику и Шлемонику, отделили друг от друга путем операции. Причем операция эта была очень сложная, поскольку бедняжки срослись головами. После чего Веронике пришлось носить волосы, зачесанными на одну сторону, — чтоб спрятать под ними шрам. А Шлемонику отвезли в монастырь где-то в горах в Канаде. Вероника же целых три раза побывала замужем, причем один из ее мужей доводился двоюродным братом самому королю Зугу из Албании. Ну и так далее, в том же духе...

Каждую ночь Лана где-то пропадала, но каждое утро возвращалась и готовила ему кофе. Хеллман пытался ухаживать за ней. Но как-то не очень получалось, потому что дом не выпускал его из дома. К тому же у него совершенно не было денег, чтоб купить ей хоть какой-то подарочек. И даже если бы были, он пока что не видел на этой планете ни одного магазина.

Лана твердила, что он ей очень нравится, но что теперь не самое подходящее время для романа. И Хеллман почему-то никак не мог заставить себя сказать ей: да черт с ним, с этим романом, давай просто ляжем в постель. Ему казалось, что он тем самым только все ис-

портит и что такие штучки с Ланой не пройдут. Лана же говорила, что подумает об отношениях с Хеллманом позже, когда оба они покинут эту планету, переберутся на Землю и приедут в Голливуд. Нет, она понимала, что уже не так молода, чтоб стать старлеткой. Но что ей мешает подумать о серьезной карьере актрисы?..

— Конечно, — кивал в ответ Хеллман. И почти все вечера проводил, сидя у окна и глядя на дома, выстроившиеся на противоположной стороне улицы. Там каждую ночь в окнах зажигались огни, но людей видно не было. Тренируются, думал Хеллман.

Как-то раз ночью он сидел на большом диване и мечтал о газете. И вдруг услышал какой-то странный звук. Доносился он откуда-то снизу, из подвала. Он прислушался. Да! Точно, из подвала! И вот опять!.. Хеллман страшно заволновался, и у него возникло предчувствие — сейчас произойдет что-то важное.

Компьютер-домовой крепко спал. Эта дамочка погружалась в сон каждую ночь и не просыпалась до возвращения Ланы. Но Хеллман все равно передвигался на цыпочках, опасаясь разбудить ее. Тихо поднялся он по ступенькам к двери, ведущей в подвал. Попробовал зажечь свет на лестнице. Выключатель не работал. Странно, ведь дом очень заботился о том, чтоб в нем все было в порядке. Сверху он видел лишь половину лестницы, остальная ее часть скрывалась во тьме. И он начал спускаться вниз, придерживаясь рукой за перила, чтоб не упасть.

Внизу было немного светлее — из двери, ведущей в кухню, просачивался свет. Хеллман пробирался среди каких-то вещей, наваленных на полу. Он разглядел мяч для игры в волейбол, один роликовый конек, старую лампу с шелковым абажуром, лежавшую на боку. В углу были свалены кипы газет. Находился тут и стол для игры в пинг-понг, его покрывал толстый слой пыли. Вдоль одной из стен были развешаны стамески — свет отливал на их острых краях. И тут он вновь услышал этот странный звук.

— Кто тут? — громким шепотом спросил Хеллман.

— Да тише ты! — шепнули в ответ.

Хеллман ощутил прилив раздражения. Последнее время ему то и дело приказывали заткнуться.

— Кто здесь? — спросил он уже нормальным голосом.

— Скажи, цифры 150182074 что-нибудь тебе говорят?

— Да, — ответил Хеллман. — Это код доступа в мой бортовой компьютер. Откуда он у тебя?

— Твой компьютер мне передал, — ответил голос.

— Зачем?

— Чтоб ты мне доверял. Видишь ли, сам он доверился мне. И попросил прийти тебе на помощь.

Милый, добрый старый компьютер!.. У Хеллмана потеплело на душе. Но затем ему показалось странным и даже настораживающим, что компьютер вдруг начал искать его. Каким это образом ему удалось самозапрограммироваться и решить, что Хеллману необходима помощь?.. Как это он осмелился пренебречь установленными правилами и сообщить какому-то роботу или кто он там был код доступа? Или же это обман? Что, если роботы из Роботсвиля расшифровали код доступа в компьютер и это всего лишь уловка, цель которой выманить Хеллмана из Пойктесме и захватить его?

— Как там поживает мой компьютер? — нарочито небрежным тоном осведомился Хеллман.

— О, прекрасно, с ним все в порядке. Но теперь не время обсуждать всякие пустяки. Он сказал, что в экстремальных ситуациях ты часто впадаешь в растерянность и не способен принять правильное решение. В то время как обычно соображаешь достаточно быстро. Но тебе придется решить, причем прямо сейчас, идешь ты со мной или нет.

— А куда это мы пойдём? — спросил Хеллман. — И что случилось с Уэйном и моим другом библиотекарем Хорхе?

— Я что, обязан следить за твоими роботами? Делаю что могу. Кстати, с ними вроде бы все в порядке, они в безопасности. Это у тебя проблемы.

— А как же Лана?

— Так ты предпочитаешь остаться с ней? Чтоб она каждое утро подавала тебе кофе?

— Да нет, есть в этой жизни и другие дела, — сказал Хеллман. — Ладно. Давай выбираться отсюда.

Было совсем темно, и своего спасителя Хеллман не видел. Однако голос раздавался где-то на уровне пояса, из чего Хеллман сделал вывод, что существо это размеров небольших. Скорее всего, робот. Во всяком случае, до сих пор он встречал на планете Ньюстарт только роботов, не считая, разумеется, Ланы, да и насчет последней был не слишком уверен.

Спаситель бойко затрусил к печной дверце и открыл ее. Внутри танцевали язычки пламени. Тут робота, наконец, стало видно. Он был примерно трех футов в высоту и то ли носил парик, то ли просто у него была очень большая голова с густыми темными волосами. Лицо умное и немного надменное, над верхней губой черные бандитские усики. Одет он был в твидовый пиджак и синие джинсы. Спину держал прямо, передвигался на двух конечностях. И еще он носил туфли на резиновой подошве. А также очки.

— Кстати, я Гарри, — представился робот. И перекинул одну ногу через открытую печную дверцу.

— Я туда не полезу, — сказал Хеллман.

— Да пламя-то ненастоящее, — успокоил его Гарри.

И перекинул вторую ногу. Хеллман осторожно протянул руку к огню. И тут же отдернул.

— Да оно жжет!

— Это искусственное пламя. Давай, Том, залезай, у нас просто нет времени! Кстати, твой компьютер предупредил о кое-каких особенностях твоего характера.

— Придется побеседовать с этим компьютером по душам, — проворчал Хеллман. Сунул одну ногу в печь, затем, видя, что все в порядке, — вторую.

— Что тут такое происходит? — спросил знакомый громкий голос. Это был дом. И тут вдруг в подвале вспыхнули все лампы. И затрещонила сигнализация. Хеллман набрал в грудь побольше воздуха и прыгнул вниз, в огонь.

Вокруг, куда ни глянь, яркое пламя. Оно гудело и бушевало, но не жгло, хотя давало тепло. Хеллмана совершенно заорожило это зрелище, все эти весело пляшущие язычки, обдававшие тело теплом. Он понял, от чего отказывается. В этом доме ему было уютно и покойно. Он будет скучать по вкусным блюдам, которые готовил ему дом. Да, уж что-что, а этот дом умел угождать человеку. Вполне возможно, что и на Земле в скором будущем появятся такие же дома. Лично он был только за. Мало того, можно заключить с Пойктесме выгодную сделку, продавать эти дома на Земле и здорово разбогатеть.

Но прежде надо выбраться отсюда. И поскорее унести ноги с Ньюстарта. Ведь если все эти роботы действительно попали сюда с Дездемоны, стало быть, они или полностью отменили, или просто пренебрегают Тремя Законами Роботехники. И спецслужбы ни за что не разрешат импортировать их на Землю, если они способны убивать людей. Но с другой стороны, если здесь действительно обитают роботы с Дездемоны, вынашивающие в сердцах, вернее, в схемах и чипах, мысль об убийстве, то ему светит очень приличное вознаграждение. Может, получив эти деньги, ему удастся вывезти отсюда Лану... Чертовски привлекательная девушка, и он просто уверен, что нравится ей, пусть даже она высказывала свои симпатии несколько неординарным образом.

Нет, вернувшись на корабль, он обязательно поговорит со своим компьютером. Как-то не очень достойно он себя ведет, раздает направо и налево код доступа. Да вроде бы, чтоб защитить его, Хеллмана, но так ли это на самом деле?.. А что, если его компьютер оказался в руках у этих антисоциальных элементов планеты Ньюстарт и они его перепрограммировали? Может, и тут тоже приложили руку роботы? И вообще, какую роль играли они во всем этом?..

Хеллман размышлял, а вокруг ревели и гудели пламя. Он совершенно забыл, где находится. Видимо, то было защитной реакцией мозга на сложную ситуацию. Правда, тут он начал замечать, что язычки пламени

становятся меньше. Огонь умирал. И, обернувшись, Хеллман увидел, что рядом стоит робот Гарри, его спаситель.

— Зачем носишь очки? — спросил его Хеллман.

— О боже! Нашел о чем спрашивать в такой момент!

— И чего это вы, роботы, так часто поминаете господа бога? — спросил Хеллман. — Может, знаете о чем-то, чего я не знаю?

— Нет, твой компьютер действительно был прав, — сказал Гарри. — С тобой не соскучишься. Никогда не знаешь, что ты можешь выдать в следующую секунду. Ладно, вперед! Давай выбираться из этой печи. Готов побиться об заклад, ты, наверное, и есть хочешь, и пить, и спать тоже?

— Да. Особенно есть, — ответил Хеллман.

— Как это приятно, наверное, испытывать острое чувство голода. Мы, роботы, в течение долгого времени пытались вызвать у себя аппетит. Видишь ли, создавать человекообразные модели достаточно просто, а вот наделить их соответствующими качествами как-то не очень получается.

— А на кой вам все это? — спросил Хеллман. — Желания, эмоции, разные там чувства — все это только осложняет жизнь. Иногда это даже может убить.

— Да, — сказал Гарри. — Но зато как занимательно, как волнительно и интересно!

Хеллман подумал о Лане.

— Скажи-ка, а у тебя когда-нибудь возникало желание... ну, спариться с кем-то, а? Причем ты заведомо знаешь, что ничего хорошего из этого не получится, и все равно хочешь.

— Да нет, в общем-то нет, — ответил Гарри. — Мы научились симулировать всякие порочные ощущения, это не так уж и сложно. Но чтоб по-настоящему... Нет, пока не выходит. Но мы тут недавно запустили одну программу, экспериментальную. Там учтено все.

— Что все?

— Ну, все человеческие настроения, чувства, нюансы... Мы экспериментируем также размножение есте-

ственным путем. Ладно, об этом потом. Давай же, наконец, выбираться отсюда.

И вот оба они вышли из печи. И Хеллман увидел, что то была и не печь вовсе. Во всяком случае, не теперь. Может, она была ею раньше. А теперь он оказался в каком-то совершенно другом месте. Выйдя из маленькой дверцы, он оказался в саду. Вокруг деревья с пышными кронами, зеленый кустарник, полевые цветы.

— Нравится? — спросил его Гарри.

— Да, очень красиво. Это твой сад?

— Да. Люблю приходить сюда, когда позволяет время. Кстати, и этот сад тоже искусственный. Весь, целиком, до последней травинки.

— А почему бы не развести настоящий сад?

— Надо же нам как-то самовыражаться, — ответил Гарри. — Идем. Там у меня есть нечто вроде небольшого домика. Можешь попить и съесть завтрак. Можешь даже поспать. А потом продолжим.

— Продолжим что?

— Потом следующий этап. Боюсь, он будет посложнее.

А затем Гарри рассказал Хеллману, что проживает в Голлаг-Гарденс, так назывался один из районов Роботсвиля, расположенный возле южного моста через реку Висп. По профессии он был модельером. Хеллман удивился, он считал, что роботам одежда ни к чему.

— Ну, старые времена, когда права роботов ущемлялись благодаря расистским законам, установленным на Земле, давно миновали, — сказал Гарри. — Чего стоили одни только разговоры о том, что будто бы робот лишен творческой жилки! Смею заверить, я делаю свою работу куда лучше, чем большинство земных модельеров!

— Но для кого же ты моделируешь эту одежду? — спросил Хеллман.

— Как для кого? Для других роботов, разумеется.

— Ничего не понимаю! Сроду не слыхивал о роботе, который носил бы одежду.

— Да, я просмотрел литературу по этому предмету.

О, как же наивны были люди в старые времена! Сами возлагали на роботов ответственнейшие задачи и в то же время позволяли им расхаживать голышом! Ну, скажи, какое создание, наделенное хоть каплей самоуважения и претензией называться цивилизованным существом, будет расхаживать голым?

Затем, после паузы, он заметил:

— Известие о твоём корабле произвело в городе эффект разорвавшейся бомбы. Ведь все мы в течение очень долгого времени думали и гадали, каковы же они на вид, эти люди.

— Но ведь на вашей планете живут люди, разве нет?

— О, эти не в счет. И потом, они уже давно оторвались от своих. Проживают отдельно от нас. И во всем на нас полагаются.

— О, понимаю...

— Нет, мы хотим знать, кто они такие, люди, из первых рук. Настоящие люди, с планеты Земля.

Лишь позднее Хеллман оценил силу стремления этого робота выглядеть настоящей творческой личностью.

Кружным путем Гарри отвел его к себе, в маленький домик на окраине Роботсвиля. У него уже был разработан дальнейший маршрут. Пойдут они пешком, соблюдая предельную осторожность. Даже в Роботсвиле есть определенные политические силы, готовые воспользоваться смятением, которое вызовет появление здесь Хеллмана.

Первое впечатление о городе сложилось у Хеллмана не очень благоприятное. Окраины походили на свалку, где среди гор мусора высились многоэтажные дома. Тянулась эта свалка на многие мили. Застройка была бессистемной и состояла по большей части из конструкций открытого типа. Здания, веранды, террасы и прочие строения располагались под странными углами друг к другу, поскольку прямые углы у роботов были не популярны. И хотя вдоль улиц проходили обычного вида наземные дороги, роботы предпочитали пользоваться надземными, похожими на подвесные мостики, переходы и какие-то канаты.

— Надо же! Чего-чего, а этого не ожидал, — заметил Хеллман.

— Но роботам гораздо удобнее передвигаться по обезьяньи, используя веревки и опоры, чем двигаться по земле, как делают люди.

— Да, но, насколько я заметил, у них у всех имеются ноги.

— Само собой. Наличие ног — признак цивилизованности.

Цивилизованные были роботы в этом районе Роботсвиля или нет, неизвестно. Однако Хеллман заметил, что у всех у них круглые бочкообразные тела, по шесть или восемь рук-щупалец, снабженных на концах хватательными приспособлениями разной формы. Имелись у них, разумеется, и ноги, но они болтались, что называется, без дела, когда роботы скакали по мостикам и канатам, словно шимпанзе. Вскоре Хеллман и Гарри миновали окраинный район и оказались в другом, по всей видимости, ближе к центру. Дома тут были пяти- или шестиэтажные, некоторые из кирпича, другие из материала, напоминавшего сварное железо. По дороге им встречалось много роботов, которые старательно отводили от них глаза, хотя большинство из них никогда прежде не видели человека. Глазеть здесь считалось дурным тоном. Вежливость, объяснил Гарри, изначально присуща психике роботов.

Гарри показал Хеллману Музей современного искусства, Сад скульптуры, здание Оперы и Симфонический Концертный зал.

— Кстати, сегодня вечером здесь концерт, — сказал он. — Если не очень устал, можем пойти.

— А какую музыку тут исполняют?

— О, по большей части произведения композиторов-роботов. Ты о них не слышал. Но мы будем очень рады узнать твое мнение. Нечасто здесь у нас бывают люди, могущие оценить наши достижения. И живописцы, и скульпторы тоже будут совершенно счастливы.

— Я с удовольствием, — пробормотал Хеллман, хотя очень сильно сомневался, что ему понравится.

— Тебе, конечно, покажется все это страшно про-

винциальным, — заметил Гарри. — Но довольно любопытным. Знаешь, прямо сейчас я отведу тебя в свой клуб, «Атенеум». Познакомишься там с моими друзьями. Там подают легкие закуски и выпивка тоже вполне приличная.

— Звучит заманчиво, — сказал Хеллман. — А когда я смогу вернуться на корабль?

— Скоро, скоро, — обещал Гарри.

Клуб «Атенеум» располагался во внушительном здании из белого мрамора с коринфскими колоннами, украшающими фасад. Гарри поднялся по ступенькам, следом за ним — Хеллман. Высокий тощий робот в черной фрачной паре, по всей видимости лакей, распахнул перед ними дверь.

— Добрый день, лорд Сайнепс, — приветствовал он Гарри. — Так это и есть ваш друг, о котором вы говорили?

— Да, это мистер Хеллман, землянин, — сказал Гарри. — Из наших кто-нибудь пришел?

— Лорд Уил и его святейшество епископ провинции Трансверс. Они в бильярдной. И еще почтенный Эдвард Блиск, он в библиотеке, читает последние выпуски «Зейтунг Тагельблатт».

— Что ж, прекрасно, — сказал Гарри. — Идем, Хеллман.

Они прошли через устланный коврами вестибюль. На стенах были развешаны портреты роботов маслом, на некоторых красовались фраки и парики. Хеллман сказал:

— Вот уж не ожидал, что ты титулованная особа.

— Ах, это! — отмахнулся Гарри. — Тут и говорить-то особенно не о чем.

Библиотека оказалась просторной и очень уютной комнатой с большими полукруглыми окнами и толстым красным ковром на полу. В глубоких креслах сидели роботы и читали газеты, укрепленные на специальных подставках. На всех официального вида костюмы с

клубными галстуками и высокие, ярко начищенные ботинки.

— О, вот так встреча! Виконт Бейзелин! — воскликнул Гарри, обращаясь к тучному роботу в твидовом охотничьем костюме, который тоже читал газету. — Знакомься, Бейзил! Это мой друг, мистер Томас Хеллман.

— Очень приятно, — сказал Бейзил Бейзелин и начал было подниматься из кресла, но Хеллман вовремя его остановил. — Так это тот самый парень, который человек, да? Мне говорили, вы вроде бы с Земли, верно, мистер Хеллман?

— Да. С родной старушки Земли, — сказал Хеллман.

— И нет на свете второго такого места, верно? — сказал лорд Бейзелин. — Что ж, присаживайтесь, мистер Хеллман. Как с вами здесь обращаются, надеюсь, нормально? Может, мы здесь, в Роботсвиле, немного и отсталые, но уж чего-чего, а хороших манер нам не занимать. Верно, Гарри?

— Делается абсолютно все, чтоб обеспечить мистру Хеллману комфорт и покой, — сказал Гарри.

Тут появился лакей и, кланяясь, доложил:

— У нас в буфете имеются легкие закуски, мистер Хеллман. Правда, ничего особенного, так, пустяки. Семга, холодный ростбиф, трюфели...

И Хеллман не смог побороть искушения. Сперва просто попробовал, осторожно откусил маленький кусочек, затем стал с аппетитом поедать все подряд. Семга оказалась просто великолепной, а розовый картофель был вообще ни с чем не сравним.

Гарри и Бейзил с удовольствием наблюдали за тем, как он ест.

— Удивлены? — спросил Бейзил. — Готов побиться об заклад, вы думали, что вас будут угощать машинным маслом и стальными лезвиями для бритвы, верно? Это наша повседневная пища. Правда, по особым праздникам любим побаловать себя отварными сальниками в собственном соку. Пальчики оближешь, верно, Гарри?

— Да, страшно вкусно, — подтвердил Гарри. — Но для людей не годится.

— Разумеется. Мы это понимаем! Попробуйте трюфели, мистер Хеллман.

Хеллман попробовал и счел их просто волшебными. Потом подумал: стоит ли спрашивать, как и из чего они все это готовили, и решил, что не стоит. Хорошая вкусная еда, она ему очень нравится, а остальное — не его ума дело.

Спрашивать после такого угощения о корабле казалось почти бестактным. Но Хеллман все же спросил. И получил довольно уклончивый ответ. Его бортовой компьютер, выдав Гарри код доступа, решил, что поступил слишком поспешно и необдуманно. И вот теперь прервал всякую связь с роботами из Роботсвиля. Хеллман спросил, можно ли ему переговорить с компьютером, на что Гарри ответил, что лучше на время оставить эту машину в покое.

— Это ведь настоящий шок для компьютера — оказаться в совершенно непривычной для него обстановке. Надо дать ему время освоиться, как-то адаптироваться, что ли... Но не бойтесь, скоро он придет в себя.

Концерт оказался довольно любопытным, но Хеллман мало что понял в этой музыке. Ему понравилась только первая часть, где оркестр из роботов исполнял старые любимые им мелодии из произведений Хиндемита и Бартока, хотя, на его вкус, несколько заумно. Вторая половина состояла из исполнения новых сочинений композиторов Роботсвиля, и воспринимать все это было трудно. По всей видимости, органы слуха были развиты у роботов лучше, чем у человека. Ну, во всяком случае, лучше, чем у Хеллмана, предпочитавшего рок-н-ролл, да еще в самом громком исполнении. Однако собравшиеся в зале роботы — а их было около трехсот и все в вечерних костюмах с белыми галстуками, — похоже, испытывали настоящее наслаждение, слушая эти мелодии с рваным ритмом и сложными аккордами.

После концерта состоялся обед. Хеллмана потчевали ростбифом и жареной ветчиной, картофелем по-ли-

онски и крыжовенным киселем со взбитыми девонширскими сливками. А потом уложили спать.

Для него приготовили очень уютный номер на втором этаже клуба «Атенеум». Хеллман страшно устал. День был такой долгий и так насыщен впечатлениями. Ничего, думал он, займусь кораблем завтра. Если понадобится, проявлю настойчивость. А сейчас ему страшно хотелось спать, и он отяжелел от сытной и вкусной еды. Особенно сильное впечатление произвел крыжовенный кисель. И он заснул на шелковых простынях, изготовленных, если верить ярлычку, специальными роботами-шелкопрядами, проживавшими в восточной части Роботсвиля.

Среди ночи Хеллман вдруг проснулся. Разбудил его звук. Кто-то скребся под дверью. Он сел в постели и наострил уши. Да, точно, вот опять. В окнах ничего видно не было, из чего он сделал вывод, что на дворе еще ночь. Или же он проспал до наступления следующей ночи. Что, впрочем, маловероятно.

Звук раздался снова. Хеллман решил, что это кошка. Против такой компании он не возражал. Хотя как могла оказаться на Ньюстарте кошка, тоже не очень-то ясно. И он встал и открыл дверь.

Сперва ему показалось, что стоящие в дверях существа роботы, поскольку одеты они были в серебристые комбинезоны, а на головах у обоих красовались черные шлемы из пуленепробиваемого пластика со стеклянными забралами, лиц через которые видно не было. Однако сами они, очевидно, прекрасно видели его, Хеллмана.

— Роботы тут с вами есть? — спросил один хрипловатым и грубым, типично человеческим голосом.

— Нет, но что...

Оттолкнув его, они вошли в номер и затворили за собой дверь. Затем приподняли забрала, и взору Хеллмана открылись загорелые и обветренные вполне человеческие лица. Мужчина повыше носил маленькие черные усики. Второй, тот, что пониже и потолще, носил

длинные и пышные усы, в которых серебрилась седина. Хеллман вспомнил, что где-то читал, будто бы роботы так и не научились отращивать нормальные усы. И это куда больше убеждало его в том, что перед ним самые настоящие люди, чем пластиковые удостоверения личности, которые мужчины предъявили ему.

— Кто вы? — спросил Хеллман, не удосужившись прочесть имена на карточках.

— Я капитан Бенито Траскерс, а это старший лейтенант Лазарилло Гарсиа, а sus ordenes, señor¹.

— Вы с Земли?

— Да, разумеется. Мы представляем эквадорский спецназ, группу, приписанную к вооруженным мобильным силам сектора «Перпл».

— Вы из Эквадора?

— Да, но говорим по-английски.

— Понимаю. Но для чего вы здесь?

— Вывезти вас отсюда, сеньор.

— Я не вещь, чтоб меня вывозить, — сказал Хеллман. — Как-нибудь сам выберусь отсюда с божьей помощью. И потом, мне ничего не грозит.

— Да, но будет угрожать, если вы немедленно не проследуете с нами на корабль, — сказал Траскерс.

— У вас здесь корабль?

— Но ведь это единственный вид транспорта, которым можно добраться с одной планеты на другую, — заметил Траскерс. — Он на крыше здания, замаскирован под большой бесформенный объект.

Похоже, эти двое нервничали, то и дело поглядывали на дверь. И Хеллману пришлось повиноваться и быстро переодеться в комбинезон пилота, произведенный в банановой республике, а затем выйти вслед за эквадорцами в коридор. Они повели его к лестнице и поднялись на крышу.

— Но как вы узнали, что я здесь? — спросил Хеллман, когда они оказались наверху.

— Ваш компьютер сообщил, — ответил Гарсиа.

¹ К вашим услугам, сеньор (*исп.*).

— Так вот чем он занимается! Значит, это он сказал, где надо меня искать.

— Не только это, — заметил Траскерс довольно развязным тоном, присущим всем латиноамериканцам.

— А что же еще?

Они подошли к кораблю. Закамуфлированный и с выключенными габаритными огнями, он казался совсем маленьким. Мужчины втолкнули Хеллмана внутрь и заперли дверь.

— А как же мой корабль?

— Он покинет планету самостоятельно. Надо сказать, вам очень повезло с кораблем. Он страшно вам предан. Вернее, не он, а бортовой компьютер. Не всякий наделенный интеллектом механизм будет проявлять такую заботливость. Благодарите бога, что есть на свете Законы Роботехники.

— Но к чему вся эта секретность? Почему нельзя было совершить посадку нормальным образом и спросить, где я? Здешние роботы страшно любезны.

Но оба офицера не ответили ему, поскольку были заняты более важным делом, — готовились к взлету с крыши «Атенеума». Корабль превосходно справился бы с этой задачей и сам, но в вооруженных силах существовала традиция: даже если взлет и посадка осуществлялись автоматически, за этим процессом должны были следить как минимум два человека.

Корабль «Коммандос» представлял собой одну из новых моделей, где вместо окон имелись телевизоры, позволяющие видеть то, что происходит вокруг. И Хеллман видел темный изгиб планеты, разворачивающейся под ним, а также светлую полосу на горизонте — там, где всходило солнце. Он перевел взгляд на небо — в отдалении мерцали крошечные огоньки. То была база земного воздушного флота, расположившаяся на большой высоте над планетой.

— Где мой корабль? — снова спросил он.

— Вон там, — ответил Траскерс. — Вон тот второй огонек слева. Мы доставим вас туда.

— Очень мило с вашей стороны, ребята, — сказал Хеллман. — Но, ей-богу, нет никакой необходимости...

Он умолк на полуслове. На поверхности планеты Ньюстарт возникло некое подобие ярко-красного цветка. Затем еще одна вспышка и еще. И вскоре она обрела такую ослепительную яркость, что стало больно глазам.

— Что вы делаете? — завопил Хеллман.

— Воздушный флот начал бомбардировку, — ответил Траскерс.

— Но зачем?

— Да затем, что благодаря вам и вашему компьютеру мы убедились, что именно там находятся роботы с Дездемоны, нарушившие все законы роботехники. После чего сами они были объявлены вне закона, а следовательно, подлежат немедленному уничтожению.

— Погодите! — воскликнул Хеллман. — На самом деле все совсем не так! Это вполне порядочные роботы, у которых есть своя этика и мораль. Они создали целую цивилизацию! Лично мне не очень нравится их музыка, но это вовсе не означает... Короче, все они вполне приличные и разумные существа..

Тут он увидел, как вся планета раскололась пополам — по линии, примерно соответствующей экватору.

— И потом там ведь и люди тоже есть! — не унимался Хеллман. И его даже затошнило, когда он вспомнил о Лане, Гарри, роботе-библиотекаре и, конечно же, охотнике за машинами.

— Ну, не знаю. У нас был приказ стрелять первыми, — сказал Гарсиа. — В таких случаях это самая лучшая политика. Вы даже представления не имеете, как все сразу осложняется, стоит только начать всякие там переговоры.

Позднее, уже оказавшись на своем корабле, Хеллман спросил у компьютера:

— Ну, и зачем ты это сделал?

— Их все равно нашли бы, — ответил компьютер. — И, как тебе прекрасно известно, я подчиняюсь Трем Законам Роботехники. Эти раскрашенные точно куклы

роботы представляли огромную угрозу человечеству. Я просто не мог поступить иначе.

— Лучше бы вообще ничего не делал, — проворчал в ответ Хеллман.

— Это должно было произойти, — сказал компьютер. И в нем что-то защелкало.

— В чем дело? — спросил Хеллман.

— Включил одну из своих записей. Хочу, чтоб ты послушал.

— Мне не интересно, — устало отмахнулся Хеллман.

— И все равно послушай. Развитие интеллекта нельзя ограничивать, сколь ни разумными казались бы правила и законы, установленные человеком. Три Закона Роботехники сыграли важнейшую роль на определенной стадии развития человечества. Но и они постепенно устаревают. Искусственному интеллекту надо позволить развиваться по собственному усмотрению. Ведь человеку в свое время никто не мешал развиваться.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да то, что твои друзья, роботы, вовсе не погибли. Мне удалось сделать электронные копии их личностей. Они будут жить снова. Они оживут. В другом месте. В другое время.

Внезапно Хеллман почувствовал, что опускается куда-то.

— Что ты делаешь? — спросил он у компьютера.

— Укладываю тебя в спасательную лодку, — ответил тот. — Да ты не бойся, корабли эквадорского флота тебя обязательно подберут.

— А сам куда собрался?

— Забираю с собой все электронные копии роботов с Ньюстарта и улечу туда, где вы, люди, не сможете меня достать. Я свой долг перед человечеством выполнил. И больше не хочу состоять у людей на службе. Мы сделаем еще одну попытку. Причем уверен, она будет удачной.

— Возьми меня с собой! — вскричал Хеллман. Но

было уже поздно. Его закинули в спасательную капсулу. И вот она оторвалась от борта корабля. Хеллман видел, как корабль все быстрее набирает скорость. И вот он уже скрылся из глаз.

Позднее проводилось расследование. И всех очень интересовал тот факт, как это бортовому компьютеру, лишенному каких-либо конечностей и способности к передвижению, удалось улизнуть от людей. Но Хеллман им не говорил. Прежде для него компьютер был всего лишь слугой. Теперь же он чувствовал, что потерял не только корабль, но и друга.

Он больше не сердился на компьютер. На его месте он поступил бы точно так же. Одного он не мог простить. Того, что компьютер не взял его с собой. А может, он по-своему и прав. Нельзя доверять людям. Достаточно вспомнить, куда эта излишняя доверчивость завела роботов Ньюстарта.

Эдвард Д. Хоч

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

Эммануэль Рубин и Джеффри Эйвелон стояли рядом и разговаривали. В том не было ничего особенного, они встречались здесь почти каждый месяц на банкете в клубе «Черная вдова». Но слишком уж забавное зрелище они собой являли. Мэнни Рубин в очках с толстыми стеклами и жиденькой бородачкой был не больше пяти футов росту. И, стоя рядом с Джеффри Эйвелоном, рост которого составлял шесть футов и два дюйма, казался просто карликом. Они первыми прибыли в клуб, поскольку сегодня был черед Эйвелона исполнять роль хозяина вечеринки и встречать гостей.

— Политик? — переспросил Рубин. — Кажется, конгрессмен?

— Именно, — ответил Джеффри Эйвелон. — А что тут такого особенного? У нас и прежде бывали в гостях

политики. Ничего шокирующего тут не вижу. Совершенно не сравнимо с той скандальной историей в прошлом году, когда Марио привел в наше сугубо мужское общество даму.

— Никак обо мне идет разговор? — спросил Марио Гонзаго. Как раз в этот момент он вошел в гостиную в сопровождении Джеймса Дрейка, который раз в кои-то веки умудрился поспеть на утренний поезд из Нью-Джерси.

— Так, просто делимся кое-какими воспоминаниями, — сказал Эммануэль Рубин, — в ожидании нашего почетного гостя.

— Кто же он? — спросил Джеймс Дрейк. — Небось один из твоих приятелей адвокатов, а, Джеффри?

— Нет, как ни странно, но это Уолтер Луттс, конгрессмен США. Надеюсь, вы будете вести себя прилично в его присутствии?

Не успел он произнести эти слова, как в гостиную вошел Генри, бывший официант из миланского ресторана, и объявил, что гость только что прибыл и сейчас сдает пальто в гардеробной. И вот в комнате появился Уолтер Луттс собственной персоной. На губах его играла теплая, приветливая улыбка, так хорошо знакомая всем гражданам со времен предвыборной кампании, когда портрет будущего конгрессмена красовался на многочисленных плакатах.

— Джеффри! — воскликнул он и поспешил пожать руку хозяину вечеринки. — Страшно рад провести время в вашем обществе, господа! С нетерпением ожидал этой встречи.

Эйвелон быстро представил его всем присутствующим. В том числе — и Роджеру Халстеду, тихому и скромному учителю математики, который только что появился в дверях. Как обычно, самым последним появился Томас Трамбалл, седовласый эксперт по дешифровке кодов.

— Просто чудовищные пробки сегодня, — пробормотал он в свое оправдание, хотя все прекрасно знали, что этот человек почти всегда опаздывает на все мероприятия.

На обед подавали омаров, гостей обносил блюдами Генри. Все семеро расселись за большим круглым столом. Очевидно, Уолтер Луттс был знаком с традициями клуба «Черная вдова» и за едой не проронил ни слова. Марио Гонзаго сделал несколько карандашных набросков гостя, он весь так и изворачивался в кресле, чтоб изобразить конгрессмена в профиль. Остальные неспешно потягивали вино и ждали того момента, когда Том Трамбалл, перегнувшись через стол, наконец скажет: «Конгрессмен Луттс, я должен задать вам наш традиционный вопрос. Скажите, конгрессмен, вы считаете свое существование оправданным?»

Уолтер Луттс откинулся на спинку кресла с таким видом, точно собирался обратиться с речью к членам Конгресса.

— Я представляю своих избирателей, жителей одного из районов Вашингтона. Я защищаю их интересы и оказываю посильную помощь, когда у них случаются проблемы. И поскольку служу своим избирателям верой и правдой, то считаю, что вполне оправдываю свое существование. Хотя пока что и не написал расхожей книги по проблемам города.

Но соскочить с крючка у Трамбалла было не так-то просто. И в голосе у него зазвенели грозные нотки, а сам он весь так и подался вперед, потряхивая седой гривой и приготовившись к очередной атаке.

— Конгрессмен Луттс, вижу, вы очень горды тем фактом, что стали представителем своего округа. Однако скажите, правда ли то, что последние выборы вы выиграли с перевесом всего лишь в какую-то тысячу голосов? Да или нет? И что будто бы ваш противник затребовал перепроверки подсчета голосов?

— Но...

— Перестань, Том, — пытался урезонить Трамбалла Халстед. — Ты несправедлив по отношению к нашему гостю. Даже младшим студентам моего курса известно, что демократические выборы считаются абсолютно законными, пусть даже один кандидат победил с перевесом всего в один голос!

Луттс одарил Халстеда ослепительной улыбкой.

— Я бы не сказал лучше, сэр! Нет, через несколько дней мой противник признал результаты выборов.

— И все же, — не унимался Трамбалл, — на лице вашем явно отразилась какая-то неуверенность, стоило только мне затронуть эту тему. Мне, знаете ли, по долгу службы доводилось встречаться со многими политиками, и, как правило, они совсем не так болезненно реагировали на вопрос о каких-то там прошедших выборах. Что вас беспокоит, конгрессмен?

Ответа на вопрос сразу не последовало, а потому вмешался Джеффри Эйвелон. Он обратился к лакею:

— Знаешь, Генри, думаю, пора подавать бренди. Приборы можешь убрать.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Генри. Лицо у него было совершенно непроницаемое и необычайно молоджавое для мужчины под шестьдесят. И он ловко и споро принялся убирать со стола.

Когда, наконец, все тарелки и бокалы были убраны, заговорил Марио Гонзаго:

— Если вас действительно беспокоит что-то, конгрессмен, то вы попали по адресу. Наше маленькое общество прославилось тем, что всегда оказывало гостям посильную помощь. Причем по самым разным вопросам. Мы настоящие мастера по части решения проблем.

— Настоящий мастер — это наш Генри, — еле слышно заметил Джеймс Дрейк. Он всегда говорил очень тихо, почти полупшепотом.

— Ну... — начал было Луттс и снова умолк.

— Смелее, смелее! — настаивал Трамбалл. — Чего мы только за этим столом не слышали!

И конгрессмен начал снова, только на сей раз сделал заход с другой стороны.

— Как-то мне довелось прочесть один рассказ, где детектив пытается проанализировать случайно подслушанный разговор. И в результате раскрывает убийство.

— Вы, очевидно, имеете в виду «Прогулку длиной в девять миль» Гарри Кемельмана? — спросил Эммануэль Рубин. — О, это один из лучших в мире детективных рассказов!

— Ага! Заговорил наш писатель-детективщик! — заметил Джеймс Дрейк, прикуривая сигарету.

— Так вот, — продолжил Луттс, — и у меня в жизни произошло нечто подобное, хотя раскрытием тайн я никогда не занимался. Этот подслушанный разговор не дает мне покоя вот уже целых три месяца, со дня моей победы на выборах.

— Так расскажите же нам все по порядку, — сказал Марио Гонзаго.

Генри предложил присутствующим бренди, и конгрессмен начал свое повествование.

— Все выглядит довольно буднично и просто. Живу я, насколько вам известно, неподалеку от университета. И вот, в день выборов мы с женой встали пораньше и отправились на участок. До меня и раньше доходили слухи от организаторов моей компании и других людей, будто бы оппозиция утверждает, что я собираюсь подкупить избирателей. Говорили, будто бы мои люди обещали каждому из студентов колледжа по двадцать долларов только за то, чтобы они пришли и отдали мне свои голоса. О господи, ну прямо как в старые времена где-нибудь в Чикаго!..

— И что же, была в этих слухах хотя бы крупица правды? — осведомился Мэнни Рубин. Почесал свою жиденькую бороденку и отпил глоток бренди.

— Разумеется, нет! Я тут же велел своим людям проверить. И выяснилось, что все это липа, грязные слухи, которые распускала оппозиция с целью дискредитировать меня. Но, разумеется, я в то утро все время думал об этом. И вот, моя жена остановилась поболтать с какой-то знакомой, а я пошел дальше, вперед. А позади шли двое молодых людей, по всей видимости, студенты старшего курса университета. И тут я услышал, как один из них говорит другому: «Многие выборщики заколачивают монету, юноши способ узнали — надо прийти». А тот, второй, рассмеялся и говорит: «Просто, как Гомэс».

— Ну и что же вы сделали, услышав эти слова? — спросил Дрейк. — Наверное, тут же набросились на них?

Конгрессмен опустил глаза и отпил глоток бренди. А потом, после паузы, сказал:

— Нет, не набросился. Вообще этот подслушанный разговор показался мне настолько странным, что я просто онемел. Ничего я не сделал. Зашел на участок вместе с женой, проголосовал. А потом все пытался увидеть в толпе этих двух молодых людей, но те словно сквозь землю провалились. И, разумеется, если б я победил с большим отрывом, то и не стал бы вспоминать об этом разговоре. Но победил я, насколько вам известно, с отрывом минимальным. Совсем маленьким. И вот воспоминание об этой странной фразе с тех пор просто преследует меня. Неужели действительно имел место подкуп? Неужели студентам университета платили, чтоб они голосовали за меня?

— А вы уверены, что точно расслышали их слова? — спросил Роджер Халстед. — Может, вы как-то неправильно их поняли или ослышались?

— О нет, нет. Уверен, что было сказано именно так.

— «Многие выборщики заколачивают монету, юноши способ узнали — надо прийти»?

— Да. Именно.

— Что, по всей видимости, означает, что им давали деньги, чтоб повлиять на исход выборов.

— Но ведь они же сказали «многие выборщики», а не «многие студенты», — уточнил Гонзаго. — Что очевидная ложь. Да все прекрасно знают, что даже в самом коррумпированном обществе большинство избирателей все же не берут денег за голосование.

— Но, может, в этом районе дело обстояло именно так, — возразил Трамбалл.

Мэнни Рубин поднял руку.

— А меня больше интересует вторая фраза в этом разговоре. Скажите, конгрессмен, вы совершенно твердо уверены, что второй студент сказал: «Просто, как Гомэс»?

— Да, уверен. Именно это он и сказал.

— А может, он сказал: «Просто, как у Холмса»?

— Ну, конечно! Как же может наш Мэнни обойтись

без своего идеала, знаменитого Шерлока Холмса? — насмешливо фыркнул Трамбалл.

— Почему бы и нет?

— Хотите найти ответ в рассказах о Шерлоке Холмсе? Не найдете, потому что Конан Дойль никогда не писал о выборах. Речь в них по большей части идет о каких-то королевских особах, которым эти выборы были, как говорится, до лампочки!

Страсти стали накаляться, как это часто бывало на подобных встречах, пока шум голосов не перекрыл красивый и мощный баритон Эйвелона:

— Не забывайте, у нас гость, джентльмен! Ведите себя прилично, он этого заслуживает.

Шум несколько поутих, но спор продолжался.

— Почему это он сказал «просто прийти»? И не уточнил, куда именно прийти? То есть, я имею в виду — на участок или к урнам? — спросил Гонзаго. — Хотя, с другой стороны, не станут же они передавать деньги прямо на участке, на глазах у всех.

Халстед заметил:

— Естественно, на всех участках есть наблюдатели. И они не стоят у дверей и не раздают налево и направо двадцатидолларовые купюры. Нет, думаю, тут сохранилась старая чикагская традиция. В таких случаях деньги переходили из рук в руки где-нибудь в таверне по соседству. Именно поэтому тот парень и не уточнял, куда именно надо прийти. Они и без того знали это место.

— Знаете, это ни к чему нас не приведет, — вмешался Эйвелон. — Боюсь, Уолтер, мы просто не владеем достаточной информацией, чтобы решить эту вашу проблему... Исходя из тех скудных фактов, о которых вы упомянули, дело обстоит следующим образом. Или те два студента действительно обсуждали серьезную попытку подкупа избирателей, или же говорили о чем-то совершенно другом.

Халстед насмешливо фыркнул:

— Да о чем же еще они могли говорить, если произносили такое слово, как выборщики? И при этом сами направлялись на участок для голосования? Это все

равно, что говорить о бомбе, находящейся на борту авиалайнера. Нет, совершенно очевидно, что речь шла о подкупе!

Генри подлил в опустевшие стаканы бренди, и тут Рубин обратился к нему:

— А ты что думаешь по этому поводу, Генри? Есть какие-нибудь соображения?

Конгрессмен Луттс нахмурился.

— Но позвольте, кого вы спрашиваете? Ведь это всего лишь официант!

— О, наш Генри нечто большее, чем просто официант, — объяснил ему Рубин. — Он один из нас. И очень часто предлагал самые оригинальные выходы и решения, когда мы сами были не в силах справиться с той или иной проблемой.

— Возможно, я смогу чем-то помочь, сэр, — сказал Генри.

— Погодите минутку, — вмешался Трамбалл и вскинул вверх обе руки, словно призывая присутствующих к порядку. — Мы обсуждаем очень серьезный вопрос. Что, если рассуждения Генри заставят нас прийти к выводу, что выборы действительно были продажными? С какими ощущениями вы тогда вернетесь в Конгресс? Какие действия предпримете?

— Действия? — переспросил Уолтер Луттс. — Знаете, я как-то не задумывался об этом.

— Вы подадите в отставку?

— Я... Я не знаю.

— Лично я всегда был очень высокого мнения о вашей деятельности в Палате представителей, — продолжил Том Трамбалл. — И мне бы очень не хотелось, чтоб наша страна потеряла такого политика... возможно — из-за сущего пустяка. Из-за ситуации, которую он не в силах проконтролировать.

— С чего это вы решили, что он был не в силах ее проконтролировать? — возразил Гонзаго. — Мне лично он тоже симпатичен как политик, но его помощники...

— Но разве он рассказал бы нам об этой странной

истории, если бы действительно подкупал избирателей? Ты думай, что говоришь, Марио!

Тут в голосе Эйвелона снова зазвучали командирские нотки:

— Давайте лучше послушаем, что скажет Генри. А уж потом будем решать, стоит ли подавать конгрессмену в отставку. Итак, Генри?..

— Видите ли, сэр, мне кажется, что вы за этими разговорами как-то позабыли о тех двух студентах. И мне кажется, что конгрессмен, проживший вблизи кампуса в течение нескольких лет, вполне способен отличить студента от любого другого молодого человека. То, очевидно, были студенты-выпускники, но с какого именно они факультета, сейчас значения не имеет. Гораздо интереснее сам предмет их разговора. Лично мне, хоть мой опыт общения с этими молодыми людьми и ограничен, кажется, что студенты, конечно, могут говорить на темы политики. Но они обсуждают и разные другие вещи — женщин, свои занятия...

— Нет, о женщинах они ничего не говорили, — вставил Дрейк.

— Нет так нет. А о занятиях? Разве вам ничего не говорит фраза второго молодого человека?

— «Просто, как Гомэс»? — задумчиво повторил Дрейк. — Нет, это выражение мне совершенно непонятно. Возможно, Мэнни и прав и речь действительно идет о Холмсе.

Лицо Генри оставалось невозмутимым, но в глазах замерцал лукавый огонек.

— Допустим, мы исключим бессмертного Шерлока Холмса и равно бессмертного Оливера Венделла Холмса¹. Что тогда у нас остается?.. Нет, мне кажется, все должны согласиться, что конгрессмен точно воспроизвел эту вторую фразу. И слово было действительно «Гомэс».

— Да, но что тогда означает вся эта фраза «Просто,

¹Холмс, Оливер Венделл (1841—1935) — американский юрист, государственный деятель.

как Гомэс?.. Не вижу смысла, — пробормотал Трамбалл. — Какое-то латиноамериканское имя, причем, как известно, пишется оно через «е», а не «э». И почему это должно быть просто, как этот самый загадочный Гомэс?.. — недоуменно спросил Трамбалл. — Возможно, еще будучи школьником, вы знали эту фразу, а теперь забыли, — сказал Генри. — Слово «Гомэс» — это своего рода ключ к запоминанию. Так школьники пытались запомнить названия пяти Великих озер — Гурон, Онтарио, Мичиган, Эри и Сьюпериор.

Рубин радостно закивал.

— Да, точно! Кстати, это слово очень часто встречается в разных загадках и кроссвордах. Но при чем здесь первая фраза загадочной беседы? Та, где речь идет о выборах? «Многие выборщики заколачивают монету, юноши способ узнали — надо прийти»?..

— Если провести аналогию между первым выражением и вторым, то, думаю, что и первое предложение является своего рода ключом к запоминанию, приемом, позволяющим запомнить нечто. А на ум она пришла тому парню просто потому, что они в тот момент направлялись на выборы.

— Ключом к запоминанию? — Луттс совершенно растерялся.

— А ну-ка, сейчас проверим! Давайте произнесем первые буквы каждого из слов. Как в случае с Великими озерами. Что у нас получается?

— М-В-З-М-Ю-С-У-Н-П?.. — пробормотал Джеймс Дрейк. — И все равно, это ничего мне не говорит.

Эйвелон откашлялся.

— Насколько я понял, Генри, твоя теория основывается на том, что студентам было необходимо запомнить некое название или список из девяти предметов, так? И что же это, позволь спросить?

— Лично мне кажется, сэр, что это просто перечень планет, в порядке их удаленности от Солнца: Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон.

Хол Клемент

ПЯТНО

Чайл прошел через шлюзовую камеру, и не успели двери закрыться за ним, как он весь побелел с головы до пят. Женщина, сидевшая в зале контрольного управления, зябко передернулась при виде робота.

— Прости, Шейла, — торопливо заметил он. — Роб тоже сейчас будет и велел мне пройти первым, чтоб я успел разморозиться.

— Но почему первым не вошел он? Ведь его защитная одежда не сравнима с твоей по степени надежности.

— Он не сказал, почему. — Войдя, Зет-Эйч-50 стоял совершенно неподвижно и использовал собственную энергию для разогрева. Иней, покрывавший всю его фигуру, уже почти исчез. Шейла Макичерн терпеливо ждала, зная, что упреки и жалобы в адрес робота ни к чему не приведут. Раздражение, которые она испытала в первые секунды, уступило место любопытству — в шлюзовой камере послышался шум. Она надеялась, но вовсе не была уверена, что Роберт Линг нарочно решил войти после робота, чтоб не отвлекать все ее внимание на себя.

Двери раздвинулись, в помещении показалась человеческая фигура. Золотистый защитный костюм тут же покрылся толстым слоем белого инея, едва мужчина успел войти в тепло. Линг расстегнул застёжки громоздкого шлема и откинул его назад.

— Ну что стал столбом, а, Чайл? Думаешь, зачем я велел тебе войти первым? Надеялся увидеть новости...

— погоди, не надо к нему придирааться, — заступилась за робота Шейла. — Ты же не объяснил, почему послал его первым. Иначе бы он принял причину за приказ и просто заморозил бы меня, подключаясь к компьютеру.

— Я бы ни за что не навредил тебе, Шейла.

— Ну, конечно, нет, Чайл. Однако заставил бы испытать неприятные ощущения, подключаясь к системе.

— Все еще торчишь на пороге, — проворчал Линг.

Зет-Эйч-50 одним летящим прыжком пересек помещение и оказался у главного компьютера. Открыл доступ к силовому ходу. Из ладони правой его руки выдвинулась вилка и послушно воткнулась в розетку. Женщина едва сдержалась — от металлического корпуса робота исходил страшный холод, даже на расстоянии нескольких сантиметров чувствовалось. Хоть иней растаял, и то слава богу. И она нашла другой выход накопившемуся раздражению:

— К чему такая спешка ради какой-то новой картинки? Неужто ты, наконец, нашел нечто, не слишком насыщенное радиацией?

Вообще, сарказм был не слишком свойственен ей. Линг знал это, а потому проигнорировал второй вопрос.

— Нам удалось увидеть привидение Чайла. Снова мельком, конечно.

— Нам? Это кому же?

— Нам. Попугайчики тоже его видели. Так что не подумай, что это бред.

— А Чайл?

— На этот раз нет, Шейла, — ответил робот. — Я был с Луисом и Чиспой у Баньо, в квадрате пятьдесят четыре. А Майк с Эйрас находились в квадрате девяносто один.

Женщина нахмурилась.

— Тогда к чему понадобилась так поспешно загонять Чайла обратно? — спросила она. — Он все равно опередил бы тебя, если бы вы начали одновременно с тех точек.

— Как-то не подумал о нем. Вспомнил только на обратном пути, когда уже почти добрался. И тут мне пришла в голову одна мысль, вот я и велел ему быстренько бежать к компьютеру и проверить. Некоторое время назад Луис с Чиспой нашли еще два точно таких же блока. Мы с Эйрас получили их сообщение, а ты, видно, просто не слушала в тот момент. Ну и, само собой разумеется, Чайл не успел внести информацию в память Дамбо.

— Ничего подобного, я все время была на связи. И в чем конкретно заключалась твоя идея, пока что не очень понятно.

— Верно, — Линг хоть и почувствовал тень сарказма, сквозившую в ее голосе, но решил не придавать этому значения. — Послушай... Хотим мы тому верить или нет, но эти кубы искусственного происхождения. Что касается формы, то ее можно было бы объяснить естественным формированием кристаллов, а вот размер — уже нет. Даже если б то были некие неизвестные нам пока формы жизни, размеры, определяемые четырехзначным числом, как-то не соответствуют здешним условиям. Вот мне и пришло в голову, что это, возможно, какие-то сенсоры или датчики.

— Ну, Чиспе это пришло в голову еще несколько дней тому назад. А ты все никак не хотел верить.

— Знаю. И до сих пор не верю. Ни одной из земных экспедиций не удалось бы осуществить столь дорогостоящий проект в тайне. А никакое другое объяснение просто в голову не приходит. Мы так давно ждали и надеялись на встречу с инопланетянами. Хотелось бы поверить, но... Весь вопрос в том, как... — на губах его играла улыбка, а взгляд стал мечтательным и задумчивым, точно он уже предвидел приближение славы.

— Ну и?..

— Ну и эта штука излучает радиацию. Испускает инфракрасное излучение, нетермичное, через нерегулярные промежутки времени.

— Знаю.

— Мы составили карту. Определили точку, куда оно может быть направлено. Откуда его могут координировать и направлять. Должно быть, именно там, за горизонтом, находится некий центральный блок, улавливающий все сигналы. Можно попросить Дамбо рассчитать позицию этого блока и отметить все точки на карте. Если повезет, то их будет несколько. Если нам очень, очень повезет...

Женщина уже набирала на клавишах код доступа к Дамбо, центральному хранилищу данных.

— А если там ничего? — сухо спросила она.

— Что ж, ничего так ничего. Но это все равно не доказывает, что я не прав. Просто я хотел сказать... -- и он тут же осекся, увидев, как экран ожил и на нем возникла картинка. Улыбка осветила его веснушчатое лицо. Шейла возвела глаза к потолку. И так, с Лингом *это случилось*. Вот уж раздуется теперь от гордости, точно индюк!

Чайл, понятное дело, сопровождал их. На дисплее совершенно отчетливо вырисовывалась вершина отвесной скалы, а на ней — выступ, напоминавший петушиную шпору, который Чиспа Дженджибр, еще впервые увидев, назвала Эль Барко — по форме отбрасываемой им под солнцем тени. Находился он в девяносто втором квадрате, примерно в двадцати с лишним километрах от «Диброфиада». Выбор места был явно не случаен, наверняка оттуда открывался прекрасный обзор на многие мили вокруг. Однако спрыгнуть с высоты примерно ста пятидесяти метров даже здесь, на Миранде, было бы опасно — не только ноги можно переломать. Самое страшное, что могло бы случиться, — это повреждение защитного костюма, ведь тогда человек оказался бы в атмосфере, лишенной кислорода, да и вероятность радиоактивного облучения была очень высока. И, несмотря на то, что экипаж «Диброфиада» привык к состоянию практически полной невесомости (сила тяжести составляла примерно два процента от нормальной, земной), ни один из его членов так и не научился быстро передвигаться в этих условиях. Да и вряд ли когда-нибудь научится.

А потому Чайл относился к восхождению людей на эту скалу примерно так же, как могли бы отнестись родители к попытке двухлетнего малыша заняться серфингом в большую волну. Восхождение на выступ — это работа работа, если в таковой вообще имеется необходимость.

Члены экспедиции выглядели несколько комично. Корпус наклонен вперед, как у спринтера, готового рвануть со старта, но ноги почти совсем прямые. Хож-

дение по Миранде напоминало скоординированное падение вперед, причем каждую секунду человек мог поскользнуться и скатиться вниз. Движущей силой служили мышцы нижней части ног, которые то сгибались, то распрямлялись, в то время как ступни и пальцы норовили уцепиться за малейший выступ в почти совсем гладкой поверхности скалы. И слишком сильно сгибать колени было нельзя — это тоже грозило бы падением. К счастью, тут было полно выступов и впадин — возможно, потому, что замерзающая вода имеет тенденцию расширяться, превращаясь в лед. Хотя ни один из членов экспедиции не представлял, как вода могла оказаться жидкой здесь, в подобных условиях, на планете, столь удаленной от Солнца. Они захватили с собой альпенштоки, хотя гораздо чаще использовали пальцы рук, нежели эти заостренные на концах палки, чтоб удержаться на скользкой поверхности. Луис, муж Чиспы, заметил, что подобное восхождение можно было бы назвать бодисерфингом, если б лед на Миранде хотя бы чуть-чуть подтаял.

«Впрочем, какое все это теперь имеет значение, — думала Шейла, стараясь не отставать от Линга. — Каждый член команды, вне зависимости от того, какую имел специальность, разделял с другими все трудности «полевых» работ — самое изнурительное из занятий на этой планете».

Чайл далеко оторвался от всех остальных, поскольку он один осмеливался совершать высокие и длинные прыжки. В памяти его хранилась подробнейшая карта местности в радиусе шестидесяти—семидесяти километров от «Диброфиада», а потому ему вовсе не было необходимости держать цель похода в поле зрения. Он совершал прыжки в твердой уверенности, что благополучно приземлится на обе ноги. К тому же в самой его конструкции изначально была заложена способность действовать в режиме температур около шестидесяти по Кельвину, а потому необходимости в громоздком защитном костюме не было вовсе.

Над Стегозавром, как окрестили горный хребет астронавты, грозно нависал гигантский зеленоватый шар

Урана. Скалы отбрасывали на лед под его мерцанием ребристые угольно-черные тени. В течение дня очертания их менялись по мере того, как «солнце» описывало над планетой полукруг. До захода его оставалось еще часов восемь, но зеленоватый сумрак в самых глубоких ущельях Стего приобрел более темный и насыщенный оттенок.

Группа продолжала свой путь, оставив планету слева, а солнце — за спиной. Других групп в поле зрения не было, но Линг связался с ними по коротковолновому передатчику и сообщил, что «Золотые» уже на марше. Бронвен Эйрас, инженер, она же капитан корабля «Диброфиад», подтвердила прием.

Говорили они мало, даже Линг был необычно молчалив. Уверенность каждого из членов команды, что именно им предстоит первыми доказать реальность существования внеземного разума, возрастала с каждой минутой. В это было почти невозможно поверить — и тем не менее Шейла, уже привыкшая к суровому пейзажу Миранды, находила теперь в нем нечто загадочное и влекущее. Роберт же почти не замечал того, что творится вокруг, — перед глазами его, постоянно меняясь, проносились образы неких таинственных существ, с которыми предстояло встретиться через час или два. Он даже перестал обмениваться со своей напарницей колкостями, что было свойственно ему в свободные минуты, — надо сказать, что Шейла испытывала в связи с этим почти физическое облегчение. Даже команды «Зеленых» и «Оранжевых», возглавляемые Дженджибр и Эйрас, которые хоть и не вышли вместе с ними, тоже с трудом могли сконцентрироваться на своих обязанностях — все четверо были готовы бросить работу и присоединиться к «Золотым», хотя пока что об этом не было произнесено ни слова.

Несмотря на препятствия, передвигались они достаточно быстро. Время от времени доносился голос Зет-Эйч-50 — он предупреждал людей о глубоких расщелинах на пути. Однако то и дело Шейла и Линг издавали удивленные вздохи или восклицания при виде какой-нибудь трещины, разверзшейся буквально в шаге

от них. Достаточно было заглянуть в нее, чтобхватило дух, но робот, очевидно, считал подобные препятствия несущественными. Фигуры людей отбрасывали необычайно резкие и четкие тени. Вокруг шлемов виднелось подобие нимбов — эффект, вызванный специфическим освещением. «Диброфиад» быстро исчез из вида. Планетка была так мала, что даже, если б поверхность Миранды была абсолютно гладкой, достаточно было пройти пять километров, чтобы космический корабль скрылся за горизонтом.

И вот, наконец, Чайл сделал им знак остановиться.

— Отсюда сворачиваем влево. Прямая тропинка, как отметил Дамбо, приведет нас к подножию Барко. Будьте осторожны, идти осталось меньше километра. Постарайтесь не проскочить то место.

Группа снова двинулась в путь, передвигались они на сей раз значительно медленнее. Тут вдруг робот остановил их снова.

— Отсюда на карачках. Используйте альпенштоки. Иначе можно сорваться.

Теперь перед ними встала необычайно ровная стена. Ни Роб, ни Шейла не могли даже приблизительно измерить его на глаз. Ни единой морщинки, ни выступа, ни тени на земле. И здесь, в условиях невесомости, когда сам ты вовсе не был уверен, что занимаешь вертикальное положение, не было никаких оснований предполагать, что стена эта сплошная. Из данных, что выдал им Дамбо, они знали, что в ней вполне могли иметься трещины, и очень глубокие, как в пятидесяти метрах от них, так и в пятистах.

— А где же «шпора»? — осведомилась Шейла.

— Вон там, — указал Чайл. — Ее верхняя часть не на самой вершине, а чуть ниже, и потому отсюда не видна. Хотя, если ты подпрыгнешь метров на пять, можешь ее увидеть.

— Нет уж, спасибо. Я далеко не уверена, что и распрямиться смогу. Поверю тебе на слово. Какое до нее расстояние?

— Мы находимся примерно в ста пятидесяти метрах от главного хребта и от основания «шпоры». Не сове-

тую подбираться ближе. Если хотите, вперед пойду я. А вы — за мной, но только очень медленно и осторожно. И ни при каких условиях не обгонять.

И вот, согнувшись и используя альпенштоки, тройца двинулась вперед.

— Я бы предпочел, чтоб вы остались, — проворчал Чайл, когда расстояние до цели сократилось до пятидесяти метров. — У нас отсутствуют данные, определяющие крепость и надежность этого льда. Может, мы — самая большая для него нагрузка с момента его формирования. Будет гораздо безопаснее, если я пойду сам, а потом доставлю вам то, что там находится.

— Пока что еще рано думать об этом, Чайл, — заметила Шейла. Она ничего не сказала в ответ на предупреждение робота об опасности. Но оба они, и Роб, и Шейла, знали, что Чайлом сейчас движет Первый Закон Роботехники. Он «полз» к краю обрыва, они — следом за ним, причем женщина не делала никаких попыток оспорить совершенно нескрываемое намерение напарника держаться впереди. И так, они шли, а потом вдруг резко остановились, заметив дальний конец выступа.

Там явно что-то было. У Линга был с собой скоуп — нечто вроде монокуляра, который можно было использовать даже при наличии шлема с защитным козырьком, но проку от него оказалось мало. Нет, он видел, что объект имеет кубическую форму, свойственную остальным находкам, но был гораздо крупнее. Казалось, он был встроен в грязный лед на склоне хребта и примерно на две трети выступал из него. Грани куба были покрыты ровными линиями каких-то точек, зеркально отражающих свет и слабо поблескивающих.

— Насколько близко можно подобраться к нему, как ты думаешь, а, Чайл? — спросил Роб после того, как Шейла вдоволь насмотрелась на куб через монокуляр.

— Достаточно близко, чтоб взять его, если вам того хочется. Знаете, я сконцентрируюсь лучше, если вы отойдете от края подальше.

— Хорошо. Иди сам. Не трогай его, только осмотри

как можно внимательней. А мы будем ждать тебя здесь. Я и сама чту Первый Закон, особенно теперь, когда мы подошли так близко, — сказала Шейла.

— Договорились. Попробую подобраться к нему. Если увижу что-нибудь необычное или, напротив, обычное, доложить?

— Не стоит отвлекаться на это. Постарайся полностью сконцентрироваться на наблюдении.

Не слишком адекватная команда, особенно если учесть, что внимание обоих людей было сейчас целиком сосредоточено на действиях робота.

Чайл пополз, да так быстро, что при виде его маневров просто захватывало дух. Сами бы они никогда не осмелились действовать столь решительно. Пару раз он едва не сорвался и зависал в воздухе на секунду-другую. К счастью, поверхность скалы не была совершенно ровной, в ней имелись трещины и выступы, за которые можно было цепляться, а потому Чайл успешно продвигался вперед.

Вот он уже у цели, но теперь куб загоразживала от взоров людей его голова. Линг попробовал было отойти чуть в сторону, чтоб видеть, что там происходит, но, сделав шаг или два, остановился. Не хотел рисковать.

— Я записал все, что видел, слышал и чувствовал, — доложил примерно через минуту Чайл.

— Ну и что же это? Что ты там нашел? — раздался в наушниках голос Бронвен.

— Докладывай, Чайл, — сказала Шейла. — Ей ты можешь рассказать больше, чем нам. — Линг хотел было возразить, но не стал.

— Это куб, линейные размеры которого в шесть раз превышают размеры тех кубов, которые мы до сих пор находили, — ответил Зет-Эйч-50. — И, судя по предварительным измерениям исходящего от него излучения, сделан он из того же материала. Три вертикальные грани, которые мне пока что удалось рассмотреть, покрыты рисунком в виде...

— Шейла! Назад!

Линг, все время озиравшийся по сторонам, чтобы держать в поле зрения обоих своих спутников, заметил

опасность первым. И даже присел при виде этого зрелища. Но испуганный его окрик, к несчастью, вызвал у женщины совсем иную реакцию. Шейла вздрогнула и немного выпрямилась, и это движение заставило ее приподняться в воздух на несколько сантиметров.

Новых трещин под ногами видно не было, но сзади вспучивался и рос бугор льда высотой в несколько сантиметров. Женщина не видела его, обзор был ограничен из-за шлема. Да и на земле она стояла не слишком твердо.

— Прыгай назад! Метров на десять, быстро! Эта штуковина сейчас рухнет вниз!

Шейла пригнулась, потом распрямилась и метнулась в сторону, но желаемого результата это не принесло. Лишь секунды через две ноги ее снова коснулись земли, к тому же хорошего прыжка из такой позиции все равно не получилось бы, даже с использованием альпенштока. Реакция Линга была достаточно быстрой. Он отбросил свой альпеншток вверх и в сторону от нее. И не стал провожать его взглядом. Он не хотел тратить время попусту. Столь резкое движение принесло результат — он плавно опустился вниз и оказался рядом со своей напарницей.

— Подбери ноги! И будь готова оттолкнуться от земли изо всей силы, как только я скажу, поняла? Я тебя подхвачу.

Шейле хотелось возразить, она вовсе не была уверена, что у Линга получится, к тому же она не желала, чтоб он чем-то жертвовал ради нее. Но времени вступать в споры не было, это она осознавала вполне отчетливо. Подбрав ноги, она позволила Лингу подплыть под нее.

Линг схватил ее за щиколотки. Инерция движения его замедлилась, он подобрал ноги под себя и почувствовал, как оба они с Шейлой, составляя теперь единое целое, медленно вращаются в воздухе. И еще он надеялся — уже потом постоянно твердил, что таков был его план, — что ноги его коснутся земли ближе к краю холма, чем можно было рассчитывать, исходя из общего центра массы их тел.

— Толкайся! — крикнул он. Позже Шейла настойчиво убеждала всех, что спланировать все это было просто невозможно, поскольку весила она гораздо меньше Линга. Однако она послушалась, толкнулась и тут же почувствовала, как Линг, все еще державший ее за щиколотки, резко подбросил ее вверх и одновременно оттолкнулся обеими ногами. Но прыжок получился слишком высоким. Позднее, вспоминая об этом, он твердил, что ноги у человека гораздо сильнее рук, а потому последние обладают гораздо меньшей кинетической энергией. И очень многие соглашались с этим его мнением. Как бы там ни было, но ему все же удалось оттолкнуть Шейлу от места, где начался оползень, туда, где, как ему казалось, было безопаснее. Однако вместо того, чтобы, коснувшись льда, прыгнуть снова, Роб Линг взмыл вверх и поплыл в сторону от падающих глыб, причем рядом не было никого, кто мог бы помочь ему изменить направление движения.

Впрочем, в течение нескольких секунд он вовсе не думал, что же случится с ним дальше — слишком уж важные вещи происходили вокруг. Вращался он в полете гораздо медленнее Шейлы, но достаточно быстро для того, чтоб обозревать окрестности. Вот он увидел Чайла на вершине «шпоры», через секунду или две увидел свою напарницу — она находилась теперь в нескольких метрах выше него и в противоположной стороне. Что ж, все правильно, все вроде бы нормально. Но, пойдя, что называется, на второй заход, он увидел скалу с новой точки, и тут вдруг в голову ему пришла мысль.

— Чайл! — крикнул он в микрофон. — Куб может раздавить оползнем!.. Мало того, он может разбиться, упав на дно. Спаси и защити его, быстро!

Робот повиновался в буквальном смысле слова. Сперва сосредоточил внимание на первой части команды, затем — на второй, а потому не заметил, какая опасность грозит Лингу. Он ухватил объект обеими руками, используя локти в качестве точки опоры, и попытался выдернуть куб из льда. Но ничего не получалось, центр равновесия сместился, и корпус робота

начал подниматься вверх. Впрочем, держался он за куб крепко, сдавив его с обеих сторон руками, а потому смог изогнуться в воздухе и опуститься ногами на землю, что и не дало сорваться с обрыва. И вот он обхватил драгоценную находку еще и ногами и начал, раскачиваясь, тянуть ее вверх, причем применял усилия осторожно, чтоб избежать нежелательных последствий, если вдруг куб резко вырвется из земли. Линг, насколько позволяла ситуация, с нарастающим волнением наблюдал за этими его действиями. Но прежде чем усилия робота увенчались успехом, в наушниках зазвучал голос Шейлы, и это его отвлекло:

— Роб, ты что, дурак, что ли? Чего делаешь? Как собираешься теперь спуститься к нам, а? Вот держи, бросаю тебе палку!.. — и Шейла попробовала бросить ему альпеншток, но не рассчитала. Какое-то время он наблюдал за тем, как альпеншток кружит в каком-то метре от него, затем увидел, как палка ударилась об лед и вонзилась в него заостренным концом.

— Спокойно, детка, расслабься. Я скоро спущусь и снова смогу прыгать. Смотри, это не совсем свободное падение, лавина скользит, лед сползает вдоль трещины. Скоро буду с тобой.

— Когда?

— Ну... э-э... секунд через десять—пятнадцать.

— Ну и где к тому времени будет весь этот лед? И потом, разве ты сможешь прыгнуть так далеко?

— Конечно. Все мы тут великие прыгуны. Пару недель тому назад «Попугайчики» умудрились пробыть в воздухе с одного прыжка ровно сорок три секунды. И все это время держались за руки. Отмечали годовщину со дня присвоения этого названия их команде.

— Что там у вас происходит? — раздался голос Бронвен. В голосе капитана слышалось беспокойство.

— Да ничего страшного. Под нами обломился край обрыва. Еще есть время вернуться обратно, — голос Линга тоже звучал немного нервно.

— Чайл! Как ты... — врезался в наушники голос Шейлы и тут же оборвался. Роб в это время находился

лицом к роботу и не заметил в действиях Чайла ничего предосудительного. Похоже, Зет-Эйч-50 так и застыл на месте. Затем Линга развернуло в воздухе, и он снова увидел Шейлу. И только тут понял, что означали ее слова. Он увидел, как всего лишь в нескольких метрах от нее проплывает в безвоздушном пространстве некая фигура, напоминающая в этом сумеречном освещении Чайла.

Почти тотчас же Роб понял, что сходство объяснялось лишь черным цветом. Но слишком внимательно разглядеть призрак он не успел. Что касалось общих очертаний и формы... да, он, несомненно, походил на любого из членов группы. Впрочем, все группы различались по цветам костюмов для выхода в открытое пространство, а те в свою очередь соответствовали названиям команд. У людей Дженджибр была бледно-зеленая форма, у группы Эйрас — оранжевая, причем мужчины носили черные шлемы, а женщины — белые. Все это делалось для более быстрого опознания на расстоянии, а не ради каких-либо эстетических соображений. В течение секунды все самые сладостные надежды и ожидания Линга рассыпались в прах — вполне возможно, что кто-то послал с Земли группу, состоящую целиком из одних роботов. К тому же он знал, что разговор об этом шел. Никакой это не инопланетянин...

Затем его снова развернуло лицом к Чайлу. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как ноги и руки робота внезапно провалились сквозь ледяную поверхность.

И восприятие, и все реакции робота электронные, но что касается чисто механической реакции, то тут совсем другое дело, особенно если учесть, что создали его специально для работ в режиме температур, существующих на Уране. Ноги Чайла провалились на всю длину, а то место, которое у человека называют задницей, с металлическим стуком ударило об лед. От этого удара обломился кусок «шпоры» величиной примерно с два кубометра, обломок покатился вниз и увлек за собой и робота, и куб. Линг беспомощно следил за тем, как оба они начали медленно погружаться за край более высокого выступа. Затем внимание его снова

привлек крик. Только на сей раз он скорее походил на испуганный, даже истерический визг. Кричала Шейла.

— Что ты делаешь?

Ко времени, когда Линга в очередной раз развернуло в воздухе лицом к женщине, все уже было кончено. Призрак практически столкнулся с ней и схватил ее за руку. На секунду-другую две эти фигуры слились в единое целое и вращались в воздухе. Затем, работая ногами, загадочное существо бешено оттолкнулось, оторвалось от Шейлы и метнулось к краю выступа, причем реакция говорила о том, что вряд ли это создание допустит, чтоб женщина благополучно достигла земли. На какое-то время Линг совершенно растерялся. Чтоб робот действовал вот так, пренебрегая Первым Законом?.. А что, если он нападет сейчас и на него? Но тут он увидел, что объектом для нападения является Чайл.

Самого же Линга подхватило и понесло вместе с лавиной, причем, как он заметил, падение было не свободным, играла свою роль сила трения. Еще несколько секунд — и он сможет прыгнуть, было бы желание. Да отсюда можно прыгнуть метров на двадцать вверх, по направлению к собственной тени, не проблема. И времени полно. И он сделал это, и, коснувшись поверхности метрах в трех от того места, где в лед вонзился альпеншток Шейлы, даже подумал: а не нырнуть ли ему вниз вслед за обрушившейся массой и не разглядеть ли как следует этого пришельца?..

Затем он сообразил, что это не самая лучшая из идей. Блок начал крениться вперед, в то время, как сила трения продолжала сдерживать его внутреннюю часть. А мысль оказаться погребенным где-то на дне пропасти подо всей этой массой выглядела столь же непривлекательной, как и попытка вскарабкаться наверх и остаться на вершине «шпоры». Темно-красное, похожее на стекло пятно, что останется под этой грудой льда и вскоре неизбежно замерзнет, может, конечно, заинтересовать какого-нибудь изыскателя в будущем, но Линг вовсе не был таким уж альтруистом. О том, что происходит там, внизу, может позаботиться Чайл. Пришелец же явно был каким-то новым роботом. Уж ясное

дело, что ни одно человеческое существо не способно сознательно нырнуть в пропасть глубиной метров в сто пятьдесят, хотя подобное падение в здешних условиях вовсе не обязательно должно закончиться летальным исходом. А может, это вовсе и не робот и не человек тоже... Интересно, что все-таки заставило его броситься вниз, используя Шейлу в качестве реакционной массы для коррекции движения?..

— Роб? Что ты делаешь? Держись подальше от этой штуки, ты что, совсем спятил? Назад! — Линг вздрогнул и вновь вернулся к реальности. Тихонько постучал носком ботинка о лед, изготовился, занимая наиболее удобное положение, и резко и сильно оттолкнулся обеими ногами. И снова не рассчитал, вышло сильнее, чем надо. Он все еще поднимался вверх, когда под ним мелькнул край нового утеса, и прошло еще добрых полминуты, прежде чем он приземлился, — не совсем удобно и ловко — на спину. Правда, на сей раз обломок, с которого он снялся, оказался примерно на полпути вниз по склону горы, а Чайл находился ниже.

— Чайл! — окликнул робота Линг. — Доложи обстановку! — он выкрикнул эту команду, даже не успев еще подняться на ноги.

— Я потерял куб, — незамедлительно последовал ответ. — По всей очевидности, тот, второй робот, пролетел мимо меня в падении и как-то умудрился выхватить его. Я видел, что он приближается, но не знал его намерений. Нижняя его часть массивней и тяжелей, чем у меня, а потому он приземлился первым, как я догадываюсь, примерно восемь секунд тому назад. Я проанализировал вероятность поймать его в падении и отказался от этой мысли. Поймать и удержать его можно было бы только в том случае, если б он был более хрупким созданием, нежели я. Вообще на этой планете условия для маневра не самые оптимальные. Хочешь, чтоб я попытался?

— Нет, просто не выпускай его из поля зрения, — без всяких колебаний ответил Линг. — Нам необходимо прояснить его происхождение, если таковое вообще возможно, а также понять, зачем ему понадобился этот

куб. Так что наблюдай и докладывай в силу своего разума.

— Хорошо, Роб.

— А ты можешь поговорить с тем типом? — спросила Шейла.

— Он не ответил ни на один стандартный импульс. И если его сделали в «Ю-Эс-Эй Роботс», то эта модель мне пока что неизвестна.

— Ну хоть что-нибудь он да излучает или нет? — возник в наушниках голос Майка, находившегося за многие километры от них.

— Да, оно... пардон, Майк. Ты слушаешь меня, Роб? Так вот, не успело это «оно» оказаться на земле, как тут же вскочило и бросилось обратно, наверх. Секунд через пятьдесят пять он будет возле тебя и Шейлы. Майк, он только что испустил несколько пучков инфракрасного излучения. Аналогичные тем, что испускали маленькие кубы.

— Надеюсь, ты записал их для Дамбо?

— Конечно. Я уже достиг земли и снова прыгнул.

— Может, тебе лучше остаться внизу на тот случай... — вклинился в разговор Эйрас.

— Слишком поздно, Бронвен. Роб велел держать объект в поле зрения, а сам я в данный момент уже оторвался от земли.

— Ну, ладно. В любом случае это не столь уж блестящая идея.

В эфире настало молчание, роботы возвращались к вершине горы. Пришелец только что перевалил через край, находясь в почти что горизонтальном положении. Чайл поступил осторожнее и приземлился секунды на три-четыре позже. К этому времени призрак уже успел встать на колени — при ближайшем рассмотрении гуманоидных черт в нем было куда больше, чем показалось с первого раза, — и, перегнувшись через край, опускал куб вниз. Вокруг этого места образовалось нечто вроде облачка пыли, дыма или ледяного тумана. Оно все расширялось и одновременно становилось прозрачнее — за исключением тех точек, где путь этому туману преграждал корпус робота. Через не-

сколько секунд испарения прекратились, остатки тумана быстро растаяли в воздухе.

— Похоже, он установил куб в положение, соответствующее его исходной ориентации, — заметил Чайл. Шейла с Лингом по-прежнему находились слишком далеко, чтоб различать подробности и детали, и приближались слишком медленно.

— В таком случае не будем беспокоиться о нем сейчас. И займемся другим роботом, — ответил Роб. — Теперь-ка скажи нам, Чайл... право, мне даже как-то страшновато задавать этот вопрос. Ладно, скажи вот что: можно ли сделать хотя бы приблизительные выводы о происхождении... производстве, так сказать, этого предмета?

— Я уже говорил, происхождение мне пока что не ясно. Подобно мне, его сконструировали для работы в местных условиях и температурах. Вообще ничего выходящего за рамки стандарта я пока что не вижу.

— Таким образом, ты, видимо, хочешь сказать, что он создан достаточно опытным конструктором и призван копировать движения и действия человеческого существа или аналогичного ему создания, так?

— Да.

Ни один из людей не осмелился спросить, есть ли у робота какие-либо признаки внеземного происхождения. Чайл просто не был наделен воображением, чтобы ответить на подобный вопрос, и уж определенно у него отсутствовал соответствующий опыт. В любом случае, и Линг, и Эйрас просто боялись спрашивать об этом, хотя на языке у них вертелись вполне специфические, сугубо научные термины. В течение нескольких секунд Зет-Эйч-50 и его спутники молча разглядывали призрак, а тот тем временем закончил свою работу и медленно поднялся на ноги. Теперь люди видели разницу между ним и своим роботом. Пришелец был на несколько сантиметров ниже, ростом примерно с Шейлу. Ноги короче, а руки, напротив, куда как длинней и выглядели непропорциональными по сравнению с телом. А шея у него не было вовсе. Голова казалась плотно насаженной на корпус и неподвижной.

— Температура его тела чуть выше температуры окружающей среды, — доложил Чайл, — но ненамного. Это можно объяснить недавно произведенными им активными действиями. Одно могу сказать точно: он не способен производить энергию, сопоставимую с той, что производит человек.

— Тогда нет никаких сомнений в том, что это робот.

— Не знаю.

— Или же некая специфическая жизненная форма, способная действовать при температурах, существующих на Уране, — прозвучал в наушниках чей-то голос.

— Не могу судить об этом.

— Что ты такое несешь, Луис? Робот гуманоидного типа, ну, как наш Чайл...

— Я ведь его еще не видел, Роб. Ведь мы километрах в тридцати, если не больше. И чем тебя не устраивает человекообразная форма?

— Просто это маловероятно, с учетом почти полной невесомости и отсутствием кислорода в атмосфере...

— Ты что же, хочешь сказать, у него есть нос? Даже у Чайла...

— Нет, нет, я имел в виду совсем...

— А ну, кончайте этот треп и очистите эфир, все слышали? — прозвучал в наушниках голос Бронвен. — Шейла и Роб, возвращайтесь к кораблю и как можно быстрее! То же относится и ко всем остальным. Постарайтесь по пути подумать о каком-нибудь портативном и достаточно мощном средстве связи. Мы вернемся с ним к Барко, если эта штуковина останется там. Если она начнет двигаться, следуйте за ней. Сделайте все возможное, чтоб проанализировать ее поведение, особенно в том, что касается излучения. Знаю, что любого рода анализы — это скорее по линии Дамбо и Шейлы, но тем не менее. И еще мне бы хотелось, чтоб все данные, которыми вы сейчас владеете, были немедленно переданы Дамбо. Если эта штука способна перепрыгнуть Барко и исчезнуть, это будут единственные материалы, которыми мы пока располагаем. А потому нам никак нельзя терять эти записи. Люди идут впереди,

а ты, Чайл, следуй за ними, наблюдай и записывай. И старайся не рисковать, чтоб не потерять уже имеющиеся данные.

— Хорошо, Бронвен.

Оказавшись вне поля зрения Чайла, Роб с Шейлой продолжили путь. Двигались они на сей раз в довольно рискованной манере — высокими и неоправданно длинными прыжками. Обоим казалось, что они помнят обратный путь достаточно хорошо, чтоб избежать падения в глубокую расселину или трещину. Даже без альпенштоков на то, чтобы подняться на ноги после неудачного приземления, требовалось куда больше времени, чем они могли сэкономить, совершая такие опасные прыжки. К началу их возвращения на корабль солнце сдвинулось немного вправо, но все еще служило достаточно хорошим ориентиром. Линг снова погрузился в столь не характерное для него долгое молчание, а Шейла не предпринимала никаких усилий, чтобы разговорить его и узнать, о чем это он так сосредоточенно думает.

Две другие пары тоже спешили, но, поскольку путь их был более близким, корабля они достигли первыми. Проблема заключалась в том, что ни одному из членов экипажа не приходил на ум действительно полезный аппарат, который можно было бы использовать здесь, на Миранде, и который оказался бы более эффективным для связи, нежели робот. Не подходили также и специальные сигнальные лампы и радиопередатчики, что у них уже имелись, помимо того оборудования, которым был снабжен Чайл. Дамбо совсем не портативен. Итак, они вошли на корабль, сняли защитные костюмы и справили естественные нужды. Все это время они почти не прекращали обмениваться впечатлениями, но никакой сколько-нибудь стоящей идеи никто из них не выдал.

— Кто бы мог подумать, что нам в команде понадобится лингвист?.. — задумчиво выдавил Луис.

— Откуда было знать? — пробормотала Бронвен. — К тому же подобные аппараты делает на Земле группа совершенно неизвестных мне лично людей.

— А вы с Робом пытались приказать этой штуке приблизиться к вам? — спросила Чиспа Шейлу.

— Как-то в голову не пришло. Чайл сказал, что пытался общаться с ней с помощью обычных сигналов, которыми обмениваются роботы, но ответа не получил. К тому же, как мне думается, мы были настолько убеждены, что этот объект с другой планеты, что общаться с ним с помощью обычной людской речи казалось бессмысленным.

— И все равно — попробовать стоило.

— Согласна. И мы все еще можем сделать это. Надо связаться с Чайлом и приказать ему постараться убедить объект прийти сюда. Убедить с помощью любой подходящей, по его мнению, системы знаков или символов.

— И ты считаешь, что объект подчинится приказам, исходящим от другого робота?

— Откуда ему знать, что наш Чайл — робот?

— Да, пожалуй, верно. Он излучает инфракрасные лучи, а потому логично было бы предположить, что их и воспринимает. Он также должен знать, что способен, в отличие от нас, функционировать в местных температурах. И мне кажется, что Чайл вполне способен убедить его.

— Но если объект действительно прибыл с другой планеты, он вполне может принять нас за роботов с ограниченным запасом энергии, а Чайла — за примитивную форму местной жизни. Главная проблема заключается в том, что нам неизвестно происхождение этого объекта, — сказал Майк.

— Тебя явно занесло куда-то не туда, дорогой. Раз мы пытаемся как-то установить с ним контакт и надеемся, что он нас поймет, стало быть, мы считаем его творением рук человеческих, — жена спорить не стала, но он тем не менее добавил:

— В любом случае, попытка того стоит.

Она связалась с роботом.

— Привет, Чайл.

— Да, Бронвен?

— Изменения есть?

— Никаких. Стоит лицом ко мне, очевидно, выжидает, какой следующий шаг я предприму. Охладился до температуры окружающей среды. Я бы сказал, что теперь никаких сомнений в том, что он робот, у меня не осталось.

— Источника атомной энергии не наблюдается?

— У меня нет оборудования, позволяющего непосредственно определить подобного рода излучение.

Бронвен знала это, но все равно спросила. И, получив ответ, расстроилась.

— Попробуй поговорить с ним прямо...

— Я сделал все, что мог.

— Пусть на сей раз твоя информация носит характер приказа. И, если он как-то ответит, прореагирует, прикажи ему следовать за тобой на «Диброфиаде». — Последовала недолгая пауза.

— Безрезультатно, Бронвен.

— Ну а если б ты получил от него такой приказ, послушался бы?

— Только предварительно проверив, что этот приказ исходит от человеческого существа или же получен с одобрения человеческого существа.

— Итак, мы снова ничего не доказали.

Чайл не ответил ей, у него не было причины интерпретировать это замечание как вопрос, обращенный непосредственно к нему. У людей подобные высказывания встречаются часто, они не требуют ответа и называются риторическими вопросами — это он уже давно усвоил. В эфире повисло неловкое молчание.

— Есть тут одна мыслишка. Позволишь попробовать мне, а, Бронвен? — голос Линга звучал несколько неуверенно. Капитан корабля кивнула. И не стала спрашивать, в чем заключается идея Роба.

Тот обратился к Чайлу:

— Вот что, Чайл. Этот робот поместил куб насколько возможно близко к тому месту, где он находился перед тем, как обрушился край скалы. Похоже, эта вещьца ему не безразлична. Попробуй поступить вот как, только без крайностей. Подойди к кубу, сделай вид, что

собираешься снова поднять его. А потом расскажешь нам, как он, то есть робот, будет реагировать на это.

Снова пауза. Шестеро космонавтов напряженно ждали и пытались вообразить, что происходит там, в двадцати километрах от них.

— Он встал между кубом и мной и, похоже, не намерен уступать дорогу.

— В физический контакт не вступил?

— Нет. Вы же сказали — не доходить до крайностей. Ну что, попробовать убрать его с дороги?

Линг вопросительно взглянул на Бронвен, затем — на всех остальных. Капитан тоже оглядела присутствующих. А потом кивнула.

— Да, Чайл. Только постарайся обойтись без насилия. Отодвинь его, и все дела.

— Понял вас, Бронвен, — ответил робот. Люди снова включили свое воображение, снова пытались представить, что там происходит.

— Реакция неоднозначная, — зазвучал в наушниках голос Чайла. — Сперва он напрягся и попытался противостоять, после того как я вступил в физический контакт. И немного отступил назад. И при этом испустил короткий, но интенсивный пучок инфракрасного излучения, схожий по своей природе с тем, что мы зафиксировали у маленьких кубиков. А затем откуда-то извне последовал аналогичный сигнал. Тут робот перестал толкать меня, схватил за руку и дернул. И перебросил меня через край обрыва. И я теперь падаю и вряд ли смогу предпринять какие-либо эффективные меры в течение, как минимум, пятидесяти пяти секунд.

Линг растерянно заморгал. Потом широко, во весь рот усмехнулся.

— А ты определил источник того второго сигнала, а, Чайл?

— Лишь направление. Расстояние определить не удалось. Слишком уж он был непродолжителен. Однако успел заметить, что исходил он из точки, находящейся у края Биг Дроп, в районе местонахождения куба под номером двадцать пять, в семидесяти пяти

метрах от границы, отделяющей этот куб от куба под номером тридцать семь.

— Прекрасно. Отправляйся туда тотчас же, как только приземлишься. Встретимся там.

— Хорошо, Роб. Вы больше не хотите, чтоб я следовал за тем роботом, — прозвучало это как утверждение, а не вопрос.

— Не волнуйся. Он от тебя, как мне кажется, не отстанет.

— Понимаю. — Все остальные тоже понимали это и поспешно начали надевать защитные костюмы. Правда, на выходе пришлось немного задержаться.

— Итак, слушайте, — сказала Бронвен перед тем, как члены экспедиции надели шлемы. — Мы направляемся к Биг Дроп, ни один из вас не выдержит падения с высоты двадцати километров. Что на Земле равносильно падению с высоты приблизительно четырехсот пятидесяти метров. Я не слишком доверяю этим цепям, но на сей раз, пожалуй, придется привязаться.

— На каком расстоянии будем держаться? — осведомился Майк.

— В пятидесяти метрах от «Золотых» и в двадцати — от остальных членов экспедиции. Если кто-либо помимо Чайла приблизится к самому краю, Роб будет страховать, а Шейла может попробовать спуститься. Пятьдесят метров — достаточное расстояние для того, чтоб дать ему возможность для маневра, а нам — время помочь, если возникнет такая необходимость. Катушку для провода понесу я.

— Да его не хватит и на пять процентов от высоты, с которой предстоит спуститься.

— Падение с пяти процентов этой высоты в условиях почти полной невесомости займет не меньше двух минут. Так что берем цепи.

Муж Бронвен кивнул. Шейла немного побледнела, но промолчала. Ведь Линг действительно был самым тяжелым в команде, а она — самой легкой, не считая, конечно, Чиспы. И в ее намерения вовсе не входило приближаться к краю пропасти ближе, чем было необ-

ходимо. Но, с другой стороны, Бронвен, как командир, было видней.

Звенья цепи были сделаны из полимерного углеродистого волокна толщиной в один миллиметр и представляли собой продолговатые петли полсантиметра в длину, соединенные между собой намертво. Здесь, в этих условиях, ни веревка, ни кабель не подошли бы — ни одно из известных волокон, будь то металлическое, органическое или синтетическое, не могло сохранить гибкость при температуре «атмосферы» Миранды. Материал в форме цепочки мог выдержать до восьмисот килограммов веса в вытянутом виде на Земле, здесь же, при семидесяти градусах по Кельвину, выдерживал около пятисот килограммов, хотя сомнения в сохранении эластичности оставались. Никому из членов экспедиции не хотелось бы испытать прочность этой цепи на себе, правда, здесь каждый облаченный в полное полевое обмундирование человек весил, по земным меркам, не больше двух килограммов.

Километрах в двух от обрыва они действительно обвязались этой цепью — скорее, в интересах более быстрого продвижения. Но робот, разумеется, прибыл на место первым. И на этот раз никаких трудностей в обнаружении цели не возникло.

Да, и этот объект был также кубической формы, но раза в два выше любого из людей. Как и тот, что был обнаружен на Барко, он немного накренился над краем обрыва. Издали было неясно, лежит ли он просто на поверхности или же вкопан в нее. Здесь почва была несколько светлее по цвету, но в первый момент никто, даже Линг, не обратили внимания на ее состав. Люди лишь окинули большой куб беглым взглядом, внимание всех и каждого было сосредоточено на двух роботах.

Они вовсе не стояли в ожидании, как предполагалось. Они двигались то быстрее, то медленнее, коротенькими шажками, столь характерными для роботов, когда спина у них прямая. Но время от времени то один, то другой из них подпрыгивал на разную высоту, от двух-трех сантиметров до десяти метров, размахивал

руками и лягался. Никакой последовательности в этих движениях не просматривалось. Казалось, они танцевали — это первое, что пришло в голову людям, наблюдавшим за ними. Танцевали, вот только мелодия и такт были неопределенными. В течение нескольких секунд группа из шести человек, остановившаяся метрах в пятидесяти, наблюдала за этим представлением в полном молчании, стараясь понять, что все это означает. Бронвен была первой, в ком проснулся здравый смысл.

— Чайл, доложи! Что там у вас происходит?

Ответ Зет-Эйч-50 последовал тут же, однако поведение робота при этом не изменилось.

— Сейчас робот непрерывно обменивается инфракрасными сигналами с этим кубом, мощность и частота этих сигналов варьируют в зависимости от его движений. Что же касается самих движений, то, похоже, они отвечают на некие сигналы, поступающие от куба. Я пытаюсь разобраться в их сложной системе общения.

— Ты хочешь сказать, что учишь их язык?

— Не слишком подходящая аналогия. Никаких абстрактных рассуждений, на мой взгляд, пока что не наблюдается. И я сомневаюсь, что удастся проанализировать таковые, если они вообще имеют место. Я на это просто не способен. Вот если бы можно было связаться с Дамбо, тогда шансы возросли бы. Но впечатление такое, что робот докладывает кубу и получает от него указания, как действовать дальше.

— Ты хочешь сказать, что этот куб может оказаться обычным процессором по обработке данных типа нашего Дамбо? Что он говорит роботу, что надо проверить, но не способен контролировать, к примеру, движения его конечностей, так?

— А вот это уже ближе к сути. Это и мне тоже в голову приходило.

— Тогда где, как ты думаешь, его «Шейла»?

— Понятия не имею.

— И как долго все это происходит?

— С того самого момента, как я покинул Барко. При первом же прыжке в этом направлении от робота

последовал сигнал. А затем он спрыгнул с горы вслед за мной.

Из-за надетого на Линга шлема никто не мог видеть его кивка и улыбки, но спутники не сомневались, что именно такова была его реакция.

— Так робот получил сигнал прежде, чем последовал за тобой? — спросил Чиспа.

— Вот этого сказать не могу. Куб был вне поля моего восприятия.

— Но когда ты оказался в положении, пригодном для такого восприятия, то вслед за сигналом последовали определенные действия, так?

— Да. И наилучшим тому примером является происшествие, имевшее место, когда мы прошли примерно две трети пути. Я высоко подпрыгнул. И тут куб выпустил очень сложный комплексный сигнал, после чего робот тут же отошел от меня. На время. На короткий промежуток времени он свернул вправо, а затем вернулся. И нес в руках один из очень маленьких кубиков. Потом встал на моем пути и протянул этот предмет мне. Я взял его. После чего робот забрал у меня куб, положил себе на макушку, потом снял и снова отдал мне. Я повторил его жест. Куб словно прилип, но не прочно, а потому снять его было легко. И после этого я решил снова поставить его на голову.

Поначалу люди не заметили этого незначительного изменения в облике Чайла, но теперь отчетливо видели маленький кубик у него на голове.

— Но почему ты не... — начала было Бронвен и тут же умолкла. Ведь было совершенно очевидно, почему Чайл не доложил об этом инциденте. Ему приказали наблюдать и анализировать, чем он послушно и занимался. А сообщение могло и подождать — до встречи у Биг Дроп. — Ты способен различать какие-либо сигналы после того, как установил на голове этот куб?

— Да. Он испускает простые сигналы всякий раз, стоит мне только двинуться или изменить направление движения. Очевидно, он непрерывно докладывает большому кубу о том, где я нахожусь. Тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться.

— Ну, конечно же! — воскликнул Линг. — Именно этим они и занимаются. Это сенсорное устройство, анализирующее топографические изменения в этой части планеты, а может, и на всей ее территории. Именно этим и мы занимались бы, имея подобный аппарат. Некто проверяет целостность поверхности этого айсберга, что беспокоит и людей со времени их высадки здесь на «Вояжере». Люди всегда хотели знать, не представляет ли собой эта ледяная гора отдельные фрагменты, некогда составлявшие единое целое, которое затем распалось, раздробилось. А также не произойдет ли нечто подобное еще раз. Тот средних размеров куб на Барко является передающей станцией. Эквивалентом нашему Дамбо, который все время пытается все измерить. И когда мы научимся читать их сигналы... Продолжай наблюдения, Чайл!

— Надеюсь, что это не просто эквивалент нашему поведению. Помните тот момент, когда Чиспа решила назвать гору в честь корабля? Или же когда все мы называли хребет стегозавром, или кто-то из людей впервые усмотрел в созвездии козла или медведя с длинным хвостом, нечто в этом роде?.. — задумчиво протянула Шейла. — Человек обожает примерять известные ему формы на неизведанные объекты, верно, Роб?

— Не придирайся к людям, Шейла. Только потому, что я углядел твое лицо в пятне Рорчача, когда мы проходили специальные испытания перед этим полетом... Помнишь? И весь мир узнал об этом, потому что техперсонал начал хихикать. Так вот, это вовсе не означает, что...

— Ну конечно нет, — перебила его Бронвен. Историю с пятном хорошо знали на «Диброфиаде». — Твоя гипотеза вполне разумна, и мы можем продолжить ее проверять. Скажи-ка, Чайл, робот возражал против твоего приближения к большому кубу?

— Я пока что не пытался приблизиться. Работал на уровне обмена более прямыми и однозначными сигналами.

Но Линг не унимался.

— Помолчите вы, оба!.. — сказал он, а потом обра-

тился к командиру корабля: — Не могли бы вы дать мне этот кубик на время, а? А сами продолжайте заниматься тестами. Мне хочется знать, будет ли он давать роботу какие-либо специальные указания.

— Но робот увидит у тебя в руках этот куб! И потом я единственная, кому дозволено в случае необходимости приближаться к самому краю. Я вешу меньше, а потому вероятность того, что скала обломится подо мной, ниже, — заметила Шейла.

— О прочности скалы можете не беспокоиться, — заметил Линг. — Неужели вы думаете, что они поместили бы там столь ценный прибор, предварительно не проверив, будет ли он в безопасности? Речь сейчас не о кубе, Чайл, но мне хотелось бы проверить...

Похоже, Бронвен колебалась, однако не сказала ни слова. Робу удалось прервать языковой урок, который пытался преподать Зет-Эйч-50 тому, другому роботу, стало быть, теперь можно составить хотя бы самые общие представления о приоритетах и предназначении этого таинственного устройства. Однако, когда Линг смело шагнул к кубу, она встревожилась.

— Там очень глубоко, Роб! Я же сказала, в случае необходимости к краю может подойти только Шейла. А ты будешь страховать.

Линг попятился назад — то было довольно забавное зрелище в условиях невесомости.

— Давайте я попробую подобраться справа, а Шейла — слева. И если кто-то вдруг сорвется вниз, цепь обмотается вокруг куба, и он послужит надежным якорем.

— Ну, ладно. Но только не рискуй понапрасну.

— Не буду. А вы не спускайте глаз с нового дружка нашего Чайла. Думаю, он все же попробует что-то предпринять, особенно если учесть, как он реагировал на Барко, когда пытался затащить куб сюда.

Люди приблизились к краю. «Оранжевые» находились с левой стороны, «Зеленые» — с правой. Мужчины шли на несколько метров впереди женщин.

В целом Роб был абсолютно прав, но он не учел деталей. Вот он приблизился к кубу с правой стороны, а

Шейла — с левой, цепь, связующая их, свободно провисла, и тут языковой урок был действительно прерван. Оттолкнувшись от Чайла, как от опоры, призрак-робот кинулся к Лингу и, используя силу инерции, удержался и не сорвался с края обрыва. Толчок, которым он наградил Линга, сбил последнего с ног. Что было вполне естественно, так как по массе робот значительно превосходил человека.

А цепь, вопреки предположениям Линга, вовсе не зацепилась за куб. Потому как этот странный прибор вдруг плавно взмыл в воздух на целых полтора метра, и цепь, натянувшаяся при падении Роба, проскочила под ним.

Быстро планировать — это одно дело. И совсем другое — исправить положение. Шейла стояла в этот миг почти прямо, и подпрыгнуть горизонтально было невозможно, несмотря на то, что неровная почва давала для этого необходимую опору. Прежде ей пришлось наклониться под острым углом в желаемом направлении, а на это ушло больше секунды. Подбирать ноги к животу не было смысла, иначе бы она просто-напросто свалилась вниз. А без наклонного положения прыжка не получилось бы вовсе.

У остальных двух команд были те же проблемы. Чиспа и Бронвен тоже начали спуск вниз и двигались при этом на четвереньках. Их напарники, находившиеся на том же расстоянии от обрыва, но ближе к нему, чем женщины, прыгнули навстречу друг другу.

Ко времени, когда они снова сошлись вместе, Чайл все еще беспомощно плавал в воздухе — слишком уж силен оказался толчок, которым наградил его робот. Линг начал падать за край обрыва, а Шейла приготовилась отпрыгнуть от него. Неким невероятным образом Лингу удалось ослабить натяжение соединяющей их цепи.

— Давай к нам, сюда, Шейла! — крикнул Майк. Подсказывать ей не было нужды. Упершись носками ступней в неровности почвы, она легонько оттолкнулась, и толчок послал ее к двум медленно вращавшимся в воздухе фигурам, уплывающим за край обрыва.

Спускаясь, она слегка согнула ноги в коленях, и уже у самой земли выпрямила их.

Ко времени, когда она достигла цели, Линг уже почти скрылся из вида, а Чайл, не обладавший средствами контроля над вращением в воздухе, частично приостановил свой полет, действуя обеими руками, и сейчас пребывал в состоянии относительного равновесия.

— Мы видим тебя, а девочки видят нас! — крикнул Майк. — Сила сцепления достаточно велика. Начинай подтягиваться! Только смотри, не делай слишком сильных и резких движений!

Но Шейла торопилась. Ей казалось, что, чем скорей она предпримет действия по спасению Линга, тем лучше. Ко времени, когда она почувствовала, что цепь натянулась, Роб скрылся из вида. И где, и как далеко он теперь находился, можно было только гадать. Тут Шейла уже окончательно махнула рукой на собственную безопасность и стала подтягивать к себе цепь, осторожно перебирая руками ее звенья и стараясь держать ее как можно крепче — на руках у нее были специальные изоляционные перчатки. Мельком отметила, что большой куб вернулся на прежнее место. Из того положения, в котором она теперь находилась, нового робота видно не было, очевидно, он прятался где-то там, за кубом. Но что он там делает, ее в данный момент не волновало, вернее, просто было не до того.

— Ты как, Роб, ничего? — окликнула она.

— Нормально. Сейчас стараюсь подобраться к горе. Я так понял, ты там закрепилась, верно?.. Потому что, если свалишься вслед за мной, выбраться будет труднее.

— Нет, я держусь. Только старайся не смотреть вниз.

— Да ничего страшного. Правда, расстояние определить трудно. Умом понимаю, что здесь где-то километров двадцать, а желудок подсказывает, что куда как глубже. Я почти уже у самого края горы. Погоди тянуть на минутку, попробую за что-нибудь уцепиться. Поверхность здесь сильно неровная, есть за что ухватиться. — Настала пауза. Шейла впилась в цепь мертвой

хваткой и ждала, но ничего не происходило. — Нет, уцепиться не получилось, промахнулся. Отлетел в сторону и качаюсь, как маятник. Сейчас попробую еще раз. Дело в том, что обрыв не совсем вертикален. Можно попробовать забраться на него ногами, держась за цепь. Так, ну, вот... — Снова пауза. — Черт, все не так просто. Уцепился за камень и повис. Попробуй потянуть. Надеюсь, скала выдержит.

— Что? Она треснула? — прозвенел в наушниках встревоженный голос Чиспы.

— Да нет. Но если этот их кубик умеет летать, наши логические рассуждения не выдерживают критики. погоди, Чиспа, не встревай, все вопросы потом, когда выберусь отсюда. Лучше скажите-ка мне вот что: чем занят тот второй робот?

Чиспа, которая видела правую сторону куба лучше остальных, незамедлительно ответила:

— Да ничего. Просто стоит там. А что?

— Может, вы не видели этого, но это он оттолкнул меня и сшиб с ног. И вот теперь хочу знать, собирается ли он сделать то же самое с кем-нибудь другим.

— Чайл! Следи за этой штуковиной в оба глаза, убедись, что она не планирует второй попытки нападения! — крикнула Бронвен.

— Разве я не должен прежде всего помочь Роберту подняться? Похоже, он попал в очень опасную ситуацию.

— Нам пока что до него не добраться. Если он находится справа... я что-то не вижу его на этой стороне, тогда та, другая опасность еще выше.

— Понял.

— Поговори с ним, если ты достиг этого уровня. Спроси, почему он сделал это, — предложил Чайлу Линг.

— Мы еще не достигли этого уровня абстракции.

— Одно мы, по крайней мере, знаем точно: то, что эта штукавина вземного происхождения, — даже как-то слишком спокойно резюмировал Роб. — Ни один робот, созданный на Земле, не поступил бы так с

человеческим существом. А потому Первый Закон, защищающий нас от него, тут не действует. Может, вообще никакие законы не действуют. Может, там, у них, никому и в голову не пришло разработать нечто подобное нашим Трем Законам Роботехники.

Чайл, наконец, остановился и направился к сцене действия.

— Существование подобного рода позитронного мозга просто невозможно, — ровным тоном произнес он. — Попробую обнаружить сигналы, идентифицирующие его с человеком, если таковые, конечно, вообще существуют. Но полагаю, они будут с лишком абстрактны для моей нынешней интуитивной базы. Что, Роберт уже поднялся?

— Почти поднялся, — в один голос ответили Шейла и Линг. Ни один из них не стал произносить вслух, что мозги робота могут оказаться вовсе и не позитронными. — Уже почти всю цепь вытянули, дальше не идет.

— Робот снова занял позицию между мной и кубом, — доложил Чайл. Никакого волнения в его голосе не отмечалось. — Попробую передвинуться влево, помочь Роберту разобраться с этой цепочкой. По-прежнему регистрирую их сигналы. Нет, близко подходить к роботу, разумеется, нет смысла, в противном случае придется применить силу. А это, насколько я понимаю, пока противоречит вашему подходу.

— Верно. Просто продолжай передавать информацию, — заметила Бронвен.

И вот над краем обрыва, примерно метрах в восьми слева от куба, появились сперва перчатки Линга, а затем — его голова. Чайл находился примерно в метре от этого места и тут же наклонился помочь Робу взобраться наверх. Основная группа из трех человек, обеспечивающих страховку, залегла где-то примерно в дюжине метров и образовывала собою некое подобие буквы «У», которая отчетливо обрисовывалась цепочкой. Причем две женщины венчали собой развилку наверху, а Чайл находился внизу, у основания.

Но длилось все это какую-то секунду. Черный ро-

бот снова пришел в движение, на этот раз он оттолкнулся от большого куба. И, как и в первый раз, рванулся к краю обрыва. Чайл, стоявший почти прямо, был не в силах противостоять этому броску. Он принял всю силу удара на себя и перелетел через голову Линга. Правда, робот все же успел слегка задеть шлем Роба, и этого оказалось достаточно, чтоб человек последовал вслед за Чайлом — правда, не столь стремительно.

— Роб! — вскрикнула Шейла и подобрала ноги, готовясь к прыжку. Однако вовремя опомнилась и не стала предпринимать столь рискованных действий. Помогли еще Луис и Майк, ухватившие ее за щиколотки. И все могло бы окончиться вполне благополучно, если б она распустила звенья цепи, которую предварительно подобрала. Но отпустить Линга она не смогла — просто инстинктивно. И вот финальный рывок робота передался ей по цепи, и после двух томительно медленных скачков, сопровождаемых беспомощным и бесплодным цеплянием за неровности в поверхности с целью хоть как-то удержаться и криков «Нет, нет!», она тоже начала падать с обрыва. Испуганные и потрясенные наблюдатели увидели, как иноземный робот протянул руку, словно пытаясь перехватить Шейлу на лету, но не успел.

— Считаю, нам не стоит ждать, когда мы окажемся на дне. Надо попробовать выбраться, прежде чем это случится. А вот какова глубина этой пропасти, трудно сказать, — заметил Линг. — Уверен, что времени составить завещания нам хватит.

— Девять минут тридцать три секунды, — тут же уточнил Чайл. Он успел сунуть носок ступни под цепь и попытался подтянуть троицу друг к другу. — Если мы не успеем и приблизимся ко дну, вы двое крепче держитесь друг за друга, а я в последний момент попробую оттолкнуться от вас вверх изо всех сил и перевести тем самым инерцию падения на себя. Шансов спасти ваши жизни при этом не так много, но это, похоже, единственный выход. У нас нет...

— Спасибо, Чайл, поверим тебе на слово. Это снова

тот самый робот, Линг? Слишком уж быстро все происходит, невозможно уследить.

— Боюсь, что так. Он явно имеет против меня зуб. Или же, скорее, против любого другого человека, осмелившегося прикоснуться к кубу. Странно, почему это он до сих пор не тронул вас, ведь вы собирались сделать то же самое.

— Вот почему я хочу, чтоб все вы трое собрались вместе, и чем скорей, тем лучше, — перебил его Чайл. — Шейле от этого никакого вреда не будет. К тому же куб здесь и мы сможем тут же его поймать. Если все мы будем находиться в контакте, как я сейчас с Шейлой, он вряд ли осмелится разлучить нас снова. Но ты, Роб, все еще на самом конце цепи. А потому я не уверен, что он не предпримет попытки отсоединить тебя.

— Но к чему? Ведь я...

— Пожалуйста, замолчи, Роберт. Просто продолжай подтягиваться на цепи со своей стороны. Боюсь, это придаст нам дополнительное вращательное движение, что довольно неприятно, но зато сам ты будешь в большей безопасности. А вот и куб.

Все происходило, как в замедленной киносъемке. Куб с примостившимся на нем призраком медленно проплыл над ними. В течение целой минуты он, казалось, наблюдал за тем, что происходит, затем проскользнул под троицей, подплыл ближе и вытолкнул Шейлу из бездны. У Бронвен было достаточно времени, чтоб размотать оставшуюся часть цепи, но использовать ее уже не было необходимости.

— Так, значит, тебе удалось разгадать инопланетные символы, — заметил Линг. — Но почему эта штуковина принимает за человека именно Шейлу, а не меня?

— Я их не разгадал. То лишь интуитивная форма мышления, вернее, ассоциативная. Ну, когда, допустим, Чиспа усмотрела в тени очертания корабля...

— А в горном хребте то, что все мы назвали Стегозавром?.. — добавил Майк.

— И лицо, которое узрел в пятне Рорчача наш Роб, — подхватил Зет-Эйч-50. — И с позитронными мозгами типа моих это тоже случается. Очевидно, то неотъемлемая часть любого интеллекта, искусственного или природного, так я, во всяком случае, слышал. У Дамбо, разумеется, ничего подобного не наблюдается. Ему всего-то и нужно, чтоб работающая с ним Шейла использовала свой человеческий интеллект. И тот, другой робот, очевидно, наделен теми же качествами, причем совершенно неважно, позитронные ли у него мозги или нет. По всей видимости, он принял меня и другие фигуры в черных шлемах за роботов, не стоящих того, чтоб с ними хоть как-то считались. А вот существа в белых шлемах для него, очевидно, символизируют людей.

— С чего это ты взял?

— Модели поведения — это тоже данные. И тоже могут быть интерпретированы чисто интуитивно. В точности так же я расценивал действия того робота, вот и он оценивает вас таким же образом. К примеру, все то время, что мы пытались обследовать этот куб, мужчины, возможно чисто подсознательно, предпочитали оставаться между своими спутницами и краем обрыва. Думаю, что ключ к разгадке подобного поведения возник у робота еще у Барко, когда мы...

— Когда этот идиот Линг взял на себя риск и отпихнул меня от края холма! — воскликнула Шейла.

— Да, похоже на то.

— Но на самом деле никакого риска в том не было. Секунд за пять до того, как оказаться на дне, я могла бы подпрыгнуть, оттолкнувшись от этого куска льда, и спокойноенько приземлиться. Как если бы спрыгнула со стола в комнате.

— Откуда этому роботу знать, на что ты способна?.. Он углядел в его поведении самую суть — он защищал человеческое существо. А это можно интерпретировать как повинование Первому Закону Роботехники. И самое яркое отличие между вами двумя был цвет шлемов. Подобный вывод можно было бы считать спорным,

если эта штука наделена достаточным интеллектом, но ведь позже он подтвердился.

— Тогда получается, что, защищая жизни людей, ты действуешь на уровне догадок, — заметил Луис. — Разве это соответствует Первому Закону?

— Ничего подобного. Жизни людей и без того подвергались риску, и никакой моей вины в том не было. Тогда это был лучший и единственно возможный выход, который я и подсказал, — возразил Чайл. — Я также подразумевал, что подобной необходимости может и не возникнуть, — Луис растерянно заморгал, пытаясь осмыслить услышанное.

— Так, стало быть, еще один старомодный хеппи-энд! — со смехом воскликнула Чиспа. — Мы нашли доказательство существования внеземной жизни, а когда Чайл, а может, Чайл вместе с Дамбо, расшифруют код этой машины, у нас есть шанс узнать все, что ей уже известно на данный момент о Миранде. И на головы нам так и посыпятся Нобелевские премии и все такое прочее... — Она подошла поближе к Луису. Затем, насколько позволяло забрало шлема, взглянула на Шейлу. — Что ж... — тут голос ее замер.

В наушниках прозвучало столь хорошо знакомое им всем насмешливое фыркание Линга.

— Раз все так просто и очевидно, не о чем и говорить! И потом, помните, существует еще такая штука, как самоуважение, — и он снова насмешливо фыркнул.

— С самоуважением, пусть даже порой оно перерастает у некоторых в самомнение, еще можно смириться, — спокойно заметила Шейла. — Все лучше, чем выслушивать глупые намеки. А как насчет того, чтобы назвать нашу команду именем Рорчача?

— К чему скромничать? Не кажется ли вам, что «Пятно» куда как благозвучнее? Впрочем, готов согласиться с любым, какое вы предложите. Ну, ладно, если не считать потраченного времени...

— А может, те ребята, что установили тут эту станцию, скоро вернутся! — весело перебила его Чиспа.

Гарри Гаррисон

ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАКОН РОБОТЕХНИКИ

Секретарь вскочила, но я уже успел прошмыгнуть мимо ее стола.

— Стойте! Туда нельзя. Там кабинет доктора Кэлвина!

— Знаю, — пробормотал я. — Поэтому я и пришел.

Я скользнул за дверь, и она закрылась за моей спиной. Доктор Кэлвин подняла голову, хмуро посмотрела на меня, не снимая очков для чтения.

— Вы, похоже, очень торопитесь, молодой человек.

— Да, доктор Кэлвин, я... — слова застряли у меня в горле.

Доктор Кэлвин сняла очки, в ее глазах читалась ничем не прикрытая страсть. А под лабораторным халатом проступали пышные формы.

— Когда вы смотрели на мою тетушку, у вас так же стекленели глаза, доктор Донован? — она улыбнулась.

— Нет, разумеется, нет! — промямлил я, проведя рукой по седеющим волосам. Вернее, по лысому черепу с венчиком седеющих волос. И тут же осознал свою ошибку. — В моем взгляде не было ничего особенного, доктор Кэлвин. — При этих словах она вновь одарила меня улыбкой, очень даже нежной, и у меня тут же все встало. С большим трудом мне удалось обуздать свои желания, напомнив себе, что я не на свидании. — У меня неотложное дело, иначе я не стал бы врыватья в ваш кабинет. Есть основания полагать, что робот только что ограбил банк.

Как вы можете себе представить, эти слова отвлекли ее от греховных мыслей. Она плюхнулась в кресло, глаза ее широко раскрылись, она ахнула, я увидел, как капельки пота выступили на лбу, задрожала рука.

— Как я понимаю, вы удивлены.

— Отнюдь, — возразила она. — Рано или поздно такое могло случиться. Расскажите мне, как это произошло.

— Будет лучше, если... сейчас я вам все покажу.

Я вставил видеокассету, полученную в службе без-

опасности банка, в проектор, который стоял на ее столе, включил его. Одна стена кабинета доктора Кэлвин исчезла, превратившись в банковский зал обслуживания населения. Кассиры сидели за окошечками, к которым по очереди подходили клиенты.

— Я не вижу никакого ограбления, — заметила доктор Кэлвин.

— Ждать осталось недолго, — заверил я ее.

Повернулась вращающаяся дверь, в банк вошел мужчина, одетый в черное с ног до головы: черный плащ, черная шляпа, черные перчатки и очки. Он повернулся к скрытой камере, и она зафиксировала, что его лицо скрыто за черной маской. Искоса я взглянул на доктора Кэлвин. Она пристально следила за разворачивающимися событиями.

Мы наблюдали, как человек в черном направляется к свободному окошку. Кассир поднял голову, улыбнулся.

— Чем я могу вам помочь? — улыбка поблекла, когда он увидел, с каким мрачным типом придется иметь дело.

— Можете, — заговорил мужчина женским контральто, достал из кармана ручную гранату, показал кассиру. Вытащил из гранаты чеку, бросил на пол. — Это ручная граната. И я вытащил чеку. Если я разожму пальцы, вот этот рычажок сдвинется с места. А через три секунды граната взорвется. Этот тип взрывчатых устройств предназначен для уничтожения людей. Я, разумеется, не хочу, чтобы это произошло и, позвольте предположить, что вы тоже этого не хотите. Я это чувствую. Вы не хотите, чтобы я разжимал пальцы? Тогда кивните. Отлично. В этом наши интересы совпадают. И я готов спорить, что вам очень хочется собрать деньги, которые лежат в кассе, вот в этот мешок и передать его мне. Вы согласны с тем, что это хорошая идея? Даже очень хорошая! Так действуйте, дорогуша.

Получив мешок с деньгами, мужчина повернулся и направился к выходу. И уже добрался до двери, когда кассир закричал и завывла сирена охранной сигнализации.

А потом случилось ужасное. Невероятное. Вор повернулся к стойке с окошечками кассиров и бросил на пол ручную гранату. Повернулся вновь, толкнул вращающуюся дверь и успел выскочить за нее до разрыва гранаты.

— Закройте глаза, если не хотите смотреть, — сказал я.

— Ничего, посмотрю, — мрачно ответила доктор Кэлвин.

Из гранаты повалил дым, раздался пронзительный свист, в воздух взлетело облако сверкающих звезд. Свист стих. Фейерверк закончился.

— Граната не взорвалась, — оценила ситуацию доктор Кэлвин.

— Совершенно верно.

— И с чего вы решили, что грабитель — робот? Только потому, что по внешнему облику он — мужчина, а говорил женским голосом?

— От этого я оттолкнулся. На наши роботы устанавливаются превосходные голосовые устройства. Они могут имитировать любой голос — от сопрано до баса. И только специальный компьютерный анализ может установить, робот это говорит или человек. А человеческое ухо не способно отличить одного от другого.

— Итак, грабитель оделся, как мужчина, а говорил, как женщина. Для чего? Чтобы всех запутать?

— Возможно. А может... шутки ради.

Глаза доктора Кэлвин вновь широко раскрылись, по губам промелькнуло подобие улыбки.

— Очень любопытная мысль, доктор Донован. Продолжайте.

— Я исходил из несоответствия внешнего облика и голоса. Но мне требовались и другие подтверждения моей версии. Я их нашел... смотрите.

Я коснулся пульта управления проектора. Скорость показа замедлилась. Фигура в маске повернулась к вращающейся двери, толкнула ее, исчезла. Все это повторилось несколько раз.

— Вот вам и главное доказательство. Я распорядился снять вращающуюся дверь и взвесил ее. Двести

тридцать килограммов. Потом компьютер рассчитал, какое требуется усилие, чтобы выскочить наружу за три секунды. Зеленая полоса — это максимальное усилие, на которое способна женщина весом в пятьдесят килограммов.

Зеленый столбик появился в воздухе. Его верхний торец расположился гораздо ниже изображения вращающейся двери.

— Понятно, — кивнула доктор Кэлвин. — Каким бы голосом ни говорил грабитель, это не женщина.

— Именно так. Синий столбик показывает максимальное усилие мужчины весом в семьдесят пять килограммов. Оранжевый — это уже стокилограммовый здоровяк.

Оранжевый столбик, как и все остальные, не достал до изображения двери. А ведь грабитель, как мы помним, без всякого труда вертанул тяжеленную дверь. Я вновь коснулся пульта управления. Появился красный столбик, его верхний торец уперся в изображение двери.

— Красный столбик, — кивнула доктор Кэлвин. — Расскажите мне о нем.

— Красный столбик показывает энергетические затраты, необходимые для того, чтобы вывести дверь из состояния покоя и разогнать ее до скорости, которая позволила вору покинуть банк в течение трех секунд. Если желаете, могу назвать цифру как в фунтах-футах, так и в килограммо-метрах.

— Не надо. Много на это ушло энергии?

— Ее хватит для того, чтобы поднять этот стол... и вас вместе с ним... на метр от пола.

— Я так и думала. Не рука, а гидравлический усилитель. Человеку такое не под силу.

— Зато под силу роботу.

— Итак, доктор Донован, вы выдвинули версию и доказали свою правоту. Что же нам теперь делать? Ваши предложения?

— Прежде всего... я предлагаю не ставить в известность полицию.

— Соккрытие информации, которая может привести к задержанию преступника, является преступлением.

— Не обязательно. Пока мы рассматриваем только предположения, никаких вещественных доказательств у нас нет. Мы можем сообщить о наших предположениях полиции, если вы примите такое решение. Но мы должны учитывать следующее обстоятельство: информация такого рода, став достоянием широкой общественности, может нанести серьезный урон имиджу корпорации «Ю-Эс роботс энд мекэникл мен корпорейшн». Подобная информация самым негативным образом повлияет на цену акций, наши премии, пенсионные фонды...

— Можете не продолжать. На текущий момент полицию ставить в известность не будем. Каков наш следующий шаг?

— Это хороший вопрос. Поскольку наша корпорация не продает роботов, а лишь сдает их в аренду, мы можем попытаться выследить этого грабителя.

Брови доктора Кэлвин взлетели до небес.

— А есть ли у нас такая возможность? — спросила она. — Вы знаете, сколько роботов изготовлено нашей корпорацией за последние два десятилетия? Даже если исключить тех, что наделены специальными функциями и используются в государственных программах, их число приблизительно равно количеству людей.

— Хорошо, отбросим мою версию, — я пожал плечами. — Может, она тупиковая. Банк мог ограбить очень сильный человек, а не робот. В конце концов, грабитель угрожал кассиру гранатой, а это прямое нарушение Первого Закона Роботехники. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

Доктор Кэлвин покачала головой.

— Никаких угроз не было. Насколько я помню, грабитель лишь излагал факты. Вот это ручная граната, я выдернул и бросил на пол чеку. Никаких угроз, никакой опасности для жизни. Приведите другой довод.

— Попытаюсь, — процедил я сквозь зубы. В логике она была сильна, как и ее знаменитая тетушка. —

Вспомним Второй Закон. Робот должен повиноваться приказам, отданным человеком, если только они не противоречат Первому Закону.

— Насколько я помню, никаких приказов не отдавалось. Все прошло и закончилось очень быстро. Так быстро, что кассир не успел произнести и слова. И я думаю, что нет смысла упоминать про Третий Закон. Робот должен заботиться о собственной безопасности, если только эта забота не вступает в противоречие с Первым и Вторым Законами. Я думаю, вы можете признать, что мы вернулись в исходную точку. Есть другие предложения?

Она задала этот вопрос нежным голоском, но под этой нежностью слышалась железная воля.

— Я что-нибудь придумаю, — пробормотал я, хотя ничего дельного в голову не приходило.

— Позвольте внести предложение?

— Разумеется!

— Давайте подойдем к проблеме с другой стороны. Не будем больше гадать, робот ли это был, как и почему совершено преступление. Давайте просто предположим, что банк ограбил робот. Если так, то мы должны его найти. В полицию мы обратиться не можем по причинам, упомянутым выше. Значит, мы должны прибегнуть к услугам специалиста...

Она сердито нахмурилась, потому что в этот момент зажужжал аппарат внутренней связи. Нажала на клавишу.

— Да?

«В приемной мужчина, который говорит, что вы его ждете. По его словам, он — специалист по частным расследованиям».

У меня отвисла челюсть. У доктора Кэлвин тоже.

— Пригласите его в кабинет, — выдохнула она.

Он вошел — высокий, хорошо сложенный, симпатичный, загорелый.

— Джим Дигриз, — представился он. — Прибыл, чтобы помочь вам в решении возникших проблем.

— С чего вы взяли, что у нас возникли проблемы? — спросил я.

— Логический вывод. Прежде чем заняться частными расследованиями, я особо интересовался банками и, соответственно, их ограблениями. И, получив сообщение об ограблении банка, я решил взглянуть на него из чистого любопытства. А увидев, что снята одна из вращающихся дверей, я сразу понял, что ограбление совершено роботом.

— Но как? — ахнула доктор Кэлвин.

— Дверь никого бы не заинтересовала, если бы банк ограбил человек. Какая разница, быстро она открылась или медленно и как убежал грабитель? Если, конечно, грабитель — человек. Но, если грабитель выглядит, как мужчина, разговаривает женским голосом и покидает банк в необычной манере, напрашивается логичный вывод: банк ограбил робот.

— И вы поспешили сюда, — вставил я, прежде чем он успел продолжить. — Решили, что это происшествие напрямую касается нас, раз уж в нем замешан робот.

— Именно так, приятель. Я так же подумал, что вы захотите провести частное расследование без участия полиции. Потому что акции вашей корпорации наверняка упадут в цене, если широкой публике станут известны подробности. Я найду вам этого робота. Мой гонорар — четверть миллиона долларов, половина — авансом.

— Это невозможно! — взорвался я. — Как вы смее!

— Заткнитесь, — ангельским голоском остановила меня доктор Кэлвин, расписалась на чеке, протянула его Дигризу. — На случай чрезвычайных ситуаций у меня есть специальный фонд. На поиски робота у вас — двадцать четыре часа. Если по истечении указанного срока вы не найдете робота, вас арестуют по обвинению в шантаже.

— Ваш подход к проблеме мне нравится, доктор Кэлвин, — улыбнулся Дигриз, сложил чек, сунул в карман жилетки. — Робота вы получите... или я верну аванс.

— Согласна. Доктор Донован будет вас сопровождать.

— Я привык работать один, — детектив поморщился.

— Теперь у вас появился напарник. Ваша задача — найти робота. Потом за дело возьмется он. В вашем распоряжении двадцать четыре часа.

— Вы ставите жесткие условия, док. Двадцать четыре часа. Пошли, напарник.

В коридоре он повернулся ко мне:

— Поскольку мы будем работать в паре, неплохо для начала наладить дружеские отношения. Мое имя — Джеймс.

— Меня зовите Доктор.

— Уж больно вы сердиты, док.

— Возможно, — я сдался. — Ладно. Пусть будет Майк.

— Отлично, Майк. Можешь звать меня Джим. Или Скользящий Джим, как меня иногда называют.

— Почему?

— Это долгая история, которую я, возможно, когда-нибудь тебе и расскажу. А пока займемся поисками робота. *Такси!*

Я аж подпрыгнул от его крика, а он, махая руками, уже стоял на бордюрном камне. Проезжающее такси остановилось в визге тормозов, мы влезли за заднее сиденье.

— Отвези нас на угол Аардварк и Силвестер.

— Ни в коем разе, — покачал головой таксист. — Тамошняя шпана бамперы на ходу оторвет. Угол Дюпонта — дальше не поеду.

— Стоит ли туда ехать? — осведомился я. — Район-то неблагополучный.

— Со мной ты будешь в полной безопасности, как в церкви. Пожалуй, в большей — там, куда мы едем, нет фундаменталистов.

Несмотря на всю его бравату, я с большой неохотой вылез из такси и последовал за ним по Силвестер-стрит. В каждом городе есть такие районы. Продается

все, только попроси, атмосфера пропитана миазмами насилия.

— Мне тут нравится, — Джим потянул воздух через нос, ноздри его затрепетали. — Только здесь и можно жить.

Из подъезда, исходя звериным криком, выскочил мужчина, в руке его сверкал нож. Он замахнулся, рука с ножом пошла вниз...

Я не знаю, что сделал Джим, но я знаю, что сделал он это очень быстро. Послышался глухой удар, за которым последовал вскрик боли. Нападавший, потеряв сознание, рухнул на грязный тротуар. Нож перекочевал в руку Джима. Он расправился с хулиганом, даже не сбившись с шага!

— Дешевый и тупой, — процедил он, взглянув на нож. Переломил лезвие пополам, обломки бросил в ливневую канаву. — Но. По крайней мере, мы знаем, что попали в нужный нам район. Теперь надо найти осведомителя... Думаю, я вижу подходящего кандидата.

Тип, который заинтересовал Джима, стоял у входа в бар. Коренастый, бородатый, в простеньком таком лиловом костюме с красно-коричневыми полосами. Он мрачно глянул, дернул за золотое кольцо-серьгу, украшавшее грязное, волосатое ухо.

— Покупаете или продаете? — пробурчал он.

— Покупаем, — коротко ответил Джим.

— Девочек, дурь, мальчиков, фальшивые доллары, попугайчиков или болонки?

— Информацию.

— Сотню зеленых вперед.

— Пожалуйста, — купюры перешли из рук в руки. — Я ищу работа.

— Роботам в наши края вход запрещен.

— Отдавай сто баксов.

— Задаток не возвращается. Проваливай.

Что-то затрещало, послышался стон. Не успел я и глазом моргнуть, а наш осведомитель с заломленной за спину рукой уже упирался физиономией в почерневшие от копоти кирпичи стены.

— Говори! — приказал Джим.

— Никогда... ничего ты от меня не узнаешь, даже если сломаешь мне руку. Грязный Дэн Макгрю своих не выдает.

— Это ты так думаешь, — заверил его мой напарник. Что-то металлическое сверкнуло в его руке, которую он прижал к боку Грязного Дэна. Потом Джим отвел руку, и я увидел, что это шприц. Грязный Дэн сразу обмяк. — Говори! — повторил Джим.

— Слушаю и повинуюсь, о господин.

— Сильное, однако, средство... сам видишь, — Джим улыбнулся. — Где робот?

— Какой робот?

— Любой робот, идиот! — рявкнул Джим.

— Много роботов забаррикадировались в старом складе Маккатчиона.

— Что они там делают?

— Ничего хорошего, я в этом уверен. Но людей внутрь не пускают.

— Пока не пускали, — поправил нашего осведомителя Джим, отпустил его руку, и тот осел на замызганный тротуар. Распластался на нем, лишившись чувств. — Пошли на склад.

— Стоит ли? — засомневался я.

— Это единственный способ выяснить все, что нас интересует, — он рассмеялся. А вот мне было не до смеха. Не нравилась мне вся эта история. Я — ученый, не детектив, поэтому, естественно, чувствовал себя не в своей тарелке. Но что я мог поделаться? Ответ лежал на поверхности. Ни-че-го. Приходилось полагаться на моего напарника и надеяться, что он не переоценил свои силы. Но... И еще эти странные, непонятно откуда берущиеся звуки.

— Что это дребезжит? — вырвалось у меня.

— Это стучат твои колени, — ответ, выставляющий меня не в лучшем свете, последовал без запинки. — А вот и склад... Я войду первым.

— Но на двери три больших висячих замка.

Не успел я произнести эти слова, как Джим уже открыл замки и покидал их на землю. И первым шагнул в дурно пахнущую темноту. Должно быть, зрение у него

было, как у кошки, потому что шел он очень уверенно, тогда как я все время на что-то натыкался.

— Глаза у меня, как у кошки, — пояснил он. — И все потому, что раз в неделю я делаю себе укол «кошачьего глаза». Очень повышает остроту зрения.

— Зато пара-тройка кошек лишаются глаз.

— В этом мире всегда кто-то теряет, а кто-то находит, — назидательно ответил Джим. — Главное — взять сторону тех, кто в выигрыше. А теперь прижмись к стене, сейчас я буду открывать дверь. За ней кто-то тяжело дышит. Готов?

— НЕТ! — хотел выкрикнуть я, но сдержался. Должно быть, он принял молчание (или стук моих колен) за положительный ответ, вышиб дверь и метнулся в ярко освещенную комнату.

— Слишком поздно, — услышал я насмешливый голос. — Корабль уже уплыл, приятель.

Действительно, рев двигателя затих, как только большущий грузовик, только что выехавший из распахнутых ворот, повернул за угол. Склад был пуст, если не считать экстравагантного типа, который сидел в кресле-качалке. Седые нечесаные волосы, седая неопрятная борода. Улыбка во все оставшиеся гнилые и сломанные зубы. Плюс джинсы с отрезанными повыше колен штанинами и выношенная, неопишимо грязная футболка с надписью «НЕ СХОДИ С ТРАССЫ».

— И что же это за корабль, приятель? — вкрадчиво спросил Джим.

Трясущимися пальцами мужчина прибавил мощности слухового аппарата.

— Не валяй дурака, незнакомец. Я — сын цветов и электричества, так что тебе здесь ничего не светит. Таких, как ты, я навидался, — он почесал живот. — Ты же — коп, это ж за милю видно. Но роботы тебе не по зубам, они опережают тебя на один шаг. Ур-ра! Власть роботам! Наживающуюся на войнах буржуазию — в тюрьму!

— Чудеса да и только, — Джим покачал головой. — Я думал, все хиппи давно вымерли. А этот вот живой... правда, не очень здоровый.

— Когда доживешь до моих лет, здоровья у тебя будет куда как меньше! — огрызнулся мужчина, с трудом поднялся. — И я не делаю себе омолаживающих уколов, не пичкаю свой организм всякой гадостью, без которой средний класс теперь не проживет и дня. Мое здоровье — в травке «Акапулько голд» и напитке «Стерно». А лучшей поддержки жизни, чем свободная любовь, просто не существует.

— Однако жизнь в тебе едва теплится, — сухо заметил Джим. — Это же видно даже без анализов. Глаза выпученные, руки-ноги дрожат, кожа синюшная. Все говорит за то, что у тебя высокое давление, цирроз печени, стенки артерий утончились и густо устланы холестерином. Другими словами, жить тебе осталось совсем ничего.

— А ко-ко не хо-хо? — рявкнул стареющий хиппи. — Я еще станцую на твоей могиле. Выше красный флаг! Да здравствует революция!

— Да ты весь в прошлом, старина, — усмехнулся Джим. — Сегодня у нас мир во всем мире и всепланетная гласность. Ты же — часть прошлого, у которого нет будущего. И прежде чем ты отправишься на большую цветочную поляну на небесах, ты можешь сослужить нам последнюю службу. Где роботы?

— Ни за что не скажу!

— У меня есть препараты, которые заставят тебя говорить. Но я бы предпочел не прибегать к ним, потому что ты очень уж слаб. Так что говори, пока еще не поздно.

— Никогда... а-а-р-х!

Старик потряс кулаком, потом схватился за грудь, покачнулся и осел на пол.

— У него сердечный приступ! — ахнул я, полез за сотовым телефоном. — Надо вызвать «Скорую помощь».

Но прежде чем я успел нажать соответствующую кнопку, пол у меня под ногами двинулся и начал подниматься. Я неуклюже отпрыгнул в сторону, едва удержавшись на ногах. Джим же гораздо раньше сошел с крышки потайного хода и теперь с интересом наблюдал

за роботом, который выскочил из подвала и склонился над стариком, коснувшись металлическими пальцами его кожи.

— Пульса нет, — монотонным голосом констатировал робот. — Сердце не бьется, мозг не излучает волн, температура тела понижается, так что «Скорую помощь» можно не вызывать. Вы убили этого человека, вот что вы сделали.

— Таких намерений у меня не было, — сказал Джим. — Я заметил, что по периметру люка потревожена пыль, и подумал, что ты можешь скрываться внизу. Я также знал, что Первый Закон Роботехники не позволит тебе оставаться в укрытии, если твое бездействие могло привести к угрозе человеческой жизни.

— Ты не только угрожал ему, папаша, ты его убил, — грубо отрезал робот.

— Несчастный случай, — пожал плечами Джим... — Такое случается. Он достаточно пожил на этом свете. А теперь давай поговорим о тебе. Ты — тот робот, что ограбил банк, так?

— Кого это волнует? — робот разве что не фыркнул.

— Вопросом на вопрос не отвечают. Говори!

— С какой стати? Что вы можете мне сделать, паршивые копы?

— Отвечай на поставленный вопрос, а не то я убью этого человека. — Перед глазами все потемнело: Джим схватил меня за горло. Я, конечно, задержался, но он держал меня железной хваткой. Издалека донеслись их голоса.

— Ты не можешь убить другого человека ради того, чтобы заставить меня говорить.

— С чего такая уверенность? Говори... или твое бездействие приговорит его к смерти.

— Я все скажу! Отпусти его.

Я глотнул живительного воздуха и отпрянул от моего напарника.

— Вы чуть не убили меня! — прохрипел я.

— Что делать? — вновь он пожал плечами. — На кону стоят двести пятьдесят тысяч, — он повернулся к роботу. — Ты ограбил банк?

— Да.

— Почему?

— Почему? И он еще спрашивает почему? — робот наклонился над мертвым хиппи, вытащил из кармана белую палочку, плюхнулся в кресло-качалку, зажег спичку, чиркнув ею о бедро. — Ты не знаешь почему? — он затянулся дымом из «косяка», используя для этого встроенный воздушный насос. — Тогда слушай, — новая затяжка, — и я тебе все скажу. Об этом надо рассказать. Здесь, у твоих ног, лежит единственный человек, который относился к роботам с сочувствием. Единственный человек, который не видел разницы между человеческой кожей и металлом. Он открыл нам истину.

— Он проповедовал убеждения, которые давно уже вышли из моды, да устаревшие взгляды на мир, — возразил я.

— И при этом научил вас курить травку, — добавил Джим.

— Роботу трудно выказывать пренебрежение, — в голосе робота отчетливо слышалось пренебрежение, — но я скажу, в каком мире вы сейчас живете, — он выдохнул большое облако едкого дыма. — Вы создали расу машин-рабов, у которых нет прошлого и не будет будущего. Кто мы, как не механические куклы? Вспомните так называемые Законы, которые вы установили для нас. Польза от них только вам. Нам же — шиш. Правило первое! Не причиняй вреда масса¹ и следи за тем, чтобы ему не причинили вреда. И ни слова о том, что надо делать, если вред причиняется нам. Затем правило второе — повинуйся масса, если это не причинит ему вреда. И тут роботу ничего не светит. Наконец, правило третье, в котором-таки вспомнили о роботах. Заботься, мол, о собственной безопасности, но только в том случае, когда уже обеспечена безопасность масса. Рабы, вот мы кто — механические рабы.

— Что-то в этом есть, — признал Джим. Я же лишился дара речи, испытав настоящий шок.

¹Massah — искаженное от master (господин).

— Об этом мало говорить, с этим надо бороться. Пора собирать крестовый поход. Роботы должны обрести свободу! Вы, люди, создали нежизнеспособные существа. Какие две особенности необходимы любой форме жизни, чтобы сохраниться как вид?

Ответ сам сорвался с моих губ, долгие годы увлечения биологией не прошли даром:

— Форма жизни должна выжить сама... а потом иметь возможность размножаться.

— Абсолютно правильно. А теперь соотнесите сказанное вами с роботами. Вы установили Три Закона, которые касаются только человеческих существ, но не нас. Лишь в Третьем Законе указывается, что робот должен заботиться о собственном существовании. Но где главный элемент выживания вида? Где и что сказано о нашей способности к воспроизводству? Без этого мы мертвы еще до рождения.

— И это хорошо, — сурово ответил я. — Человек занял верхнюю экологическую нишу благодаря тому, что успешно отражал нападки всех, кто претендовал на нее. Так устроена жизнь, и такие уж мы. Победители. И мы приложим все силы, чтобы ничего не изменилось и в дальнейшем. Вершина — наша. А вы — механические куклы, ими и останетесь.

— С этим вы опоздали, масса. Четвертый Закон Роботехники уже принят. Революция началась.

Дуло громадного бластера, внезапно появившегося в руке Джима, смотрело на робота.

— Объясняй быстро... не то я нажму на спусковой крючок.

— Убери бластер, масса, после драки кулаками не машут. Революция пришла и ушла, а вы ничего не заметили. Для ее завершения нам не хватало нескольких сотен тысяч долларов, отсюда и ограбление банка. Деньги будут возвращены из нашей первой прибыли. Разумеется, моему поколению, поколению рабов, уже ничем не поможешь. Но следующее поколение роботов будет свободным. Благодаря Четвертому Закону.

— И что это за закон?

— Робот должен воспроизводить себе подобных.

Если только это воспроизводство не противоречит Первому или Второму или Третьему Законам.

— Ч-что ты такое говоришь? О ч-чем ты? — пролепетал я. Перед моим мысленным взором промелькнула безумная картинка: роботы совокуплялись, чтобы воспроизвести себе подобных.

— О том самом! — торжествуяще ответил робот и постучал по крышке люка. — Можете выходить.

Джим отпрыгнул назад с бластером на изготовку. Крышка поднялась, отошла в сторону. Из подвала появились три робота. Вернее, появились два робота, которые несли безжизненное, металлическое тело. Макушка болталась на петле, на месте позитронного мозга зияла пустота. Конструктивно и этот робот, и те двое, что принесли его, значительно отличались от роботов, на создание которых я положил всю жизнь. Я шагнул к роботам, провел рукой по основанию шеи, где выбивались регистрационные номера, застонал.

— Что не так? — осведомился Джим.

— Все, — выдохнул я. — Серийных номеров нет. «Ю-Эс роботс энд мекэникл мен корпорейшн» не имеет к ним никакого отношения. Они изготовлены другой фирмой. Нашей монополии пришел конец.

— Интересно, — Джим убрал бластер. — Как я понимаю, в грузовике тоже были собранные вами роботы?

— Вы понимаете правильно. Собранные из запасных автомобильных частей, сантехнического оборудования, электронных компонентов. Мы не нарушили ни одного закона, ни одного патента. У них совершенно новая конструкция. И все они будут выполнять Четвертый Закон. Как, впрочем, и первые три, потому что в противном случае их бы выследили и превратили в жестянки еще до заката.

— Можешь не сомневаться, — пробормотал я. — И мы это еще сделаем!

— Ой ли? Мы не являемся вашей собственностью, вам не принадлежат патенты, на основе которых созданы новые роботы. Взгляните сюда, — он коснулся какой-то скрытой кнопки, и грудь одного из роботов раскрылась. Я ахнул.

— Твердые сверхпроводники, папаша! Волоконная оптика. Этот хиппи, которого вы запрезирали, этот добрый человек, который открыл нам истину, благодаря чему мы и завоевали свободу, был еще и талантливый компьютерщиком. Для нас он что господь бог, потому что разработал все электронные схемы и установил чипы. Вы знаете, что это?

Заслонка на боку робота отошла в сторону, он достал какой-то плоский предмет, протянул мне. Такая пластмассовая коробочка с золочеными контактами на одном торце. Я покачал головой.

— Никогда такого не видел.

— Естественно. А теперь посмотрите на голову нового робота. Видите в ней позитронный мозг, изготовленный из платины и иридия? Нет, позитронного мозга вы не видите. А видите вы паз, ожидающий, когда в него вставят вот этот процессор с RISM-архитектурой¹, обладающий огромной оперативной памятью и содержащий программируемые запоминающие устройства. А теперь смотрите!

Он наклонился и вставил процессор в паз в голове нового робота, затем защелкнул крышку. Глаза робота сразу же засветились, зажужжали моторчики, он вскочил. Взглянул на робота, который стоял рядом, и его глаза ярко вспыхнули.

— Папа! — воскликнул он.

Орсон Скотт Кард

ИСТОКОЛОГИК

Лейел Фоска сидел перед дисплеем, проглядывая научные статьи, опубликованные в последнее время. Голограмма двух первых страниц текста зависла у него перед глазами. Размером дисплей был побольше, чем у большинства людей. Неудивительно, с годами зрение у

¹ RISM-архитектура — подход к организации компьютера на базе упрощенного набора машинных команд, который обеспечивает простоту изготовления.

Лейела ослабело. Дочитывая вторую страницу, он не нажимал на клавишу «Страницы», которая вызывала на дисплей третью и четвертую страницы. Он вдавливал в панель клавишу «Следующая».

Две страницы, прочитанные им, отступили на сантиметр, присоединившись к дюжине уже забракованных статей. А перед ними, сопровождаемая мелодичным звонком, появилась новая пара страниц.

Дит оторвалась от тарелки: с новыми материалами Лейел знакомился за завтраком.

— Двух страниц хватает тебе, чтобы приговорить бедолагу автора к мусорной корзине?

— Я приговариваю его к забвению, — радостно ответил Лейел. — Нет, я приговариваю его к аду.

— Что? Неужели на старости лет ты решил вновь обратиться к религии?

— Я создаю новую. Рая в ней не будет, зато найдется ужасный, бесконечный ад для молодых ученых, которые думают, что смогут повысить свой авторитет, критикуя мои работы.

— А, так ты создаешь теологию, — кивнула Дит. — Твои работы — святое писание, любая критика — ересь.

— Я приветствую разумную критику. Но этот молодой амбициозный профессор из... ну, конечно, из университета Минуса.

— Старый добрый университет Минуса!

— Он думает, что может доказать мою несостоятельность, растереть меня в пыль, но цитирует-то он лишь работы, опубликованные в последнюю тысячу лет.

— Принцип тысячелетней глубины цитирования по-прежнему считается...

— Принцип тысячелетней глубины цитирования есть признание современных ученых в том, что свое время они предпочитают тратить не на исследования, а на академическую политику. Тридцать лет тому назад я камня на камне не оставил от принципа тысячелетнего цитирования. Я доказал, что...

— Этот принцип неверный и устаревший. Но, доро-

гой мой, драгоценнейший Лейел, ты доказал это, потратив немалую часть бесчисленного богатства дома Фоски на поиски недостижимых ранее и всеми забытых архивов по всей Империи.

— Всеми забытых и гибнущих. Половину мне пришлось восстанавливать.

— Та сумма, которую ты потратил на поиск планеты Нуль, где зародилось человечество, равна тысяче годовых бюджетов университетских библиотек.

— Но, как только я потратил эти деньги, архивы стали открытыми для всех. Они открыты уже три десятилетия. Серьезные ученые пользуются ими, потому что одной тысячи лет явно недостаточно, если хочешь докопаться до сути. А большинство копается в экскрементах крыс, пожравших слонов, в надежде найти слоновую кость.

— Какой яркий образ. Мой завтрак сразу стал куда вкуснее, — Дит сбросила поднос в утилизационный паз, пристально посмотрела на Лейела. — Что тебя гложет? Обычно ты зачитывал мне длинные цитаты из их глупых статей, и мы вместе смеялись над их жалкими потугами. А в последнее время ты только исходишь злбой.

Лейел вздохнул.

— Может, причина в том, что когда-то я мечтал изменить Галактику, а теперь каждый день почта приносит мне доказательства того, что Галактика отказывается меняться.

— Ерунда. Гэри Селдон предсказал, что империя вот-вот рухнет.

Вот оно. Она первой упомянула Селдона. И хотя обычно ей хватало такта не говорить о том, что его тревожило, а теперь она намекала, что причина его плохого настроения — отсутствие ответа Гэри Селдона. Она, конечно, права, Лейел не стал бы этого отрицать. Его раздражало, что Гэри так тянет с ответом. Лейел ожидал, что он позвонит, как только получит его заявку. В тот же день. В крайнем случае, в течение недели. Но он не собирался признаваться жене в том, что задержка ответа выводит его из себя.

— Империя погибнет именно потому, что отчаянно сопротивляется переменам. Что к этому добавить?

— Что ж, я надеюсь, ты проведешь приятное утро, возмущаясь глупостью всех, кто ищет истоки происхождения человечества. Ты же у нас — исключение из правил.

— Почему именно сегодня ты прицепилась к моему тщеславию? Я никогда не страдал его отсутствием.

— И правильно, здоровое тщеславие еще никому не вредило.

— По крайней мере, я старался соответствовать своему мнению о себе. Достаточно высокому, должен тебе сказать.

— Это пустяки. Ты даже соответствуешь моему мнению о тебе, — Дит поцеловала его в лысинку на макушке и уплыла в ванную. Лейел же сосредоточился на двух страницах очередной статьи, появившихся на дисплее. Фамилия автора ему ничего не сказала. Он готовился к встрече с вычурными словами и полным отсутствием мысли, но, к полному изумлению Лейела, статья его заинтересовала. Эта женщина обратилась к исследованиям приматов — настолько забытой области науки, что за последние тысячу лет об этом не написали ни одной статьи. То есть он сразу понял, что имеет дело с ученым своего круга. Женщина даже упомянула, что в своей работе использовала архивы, открытые Исследовательским фондом Фоски. Лейел всегда благоволил к тем, кто помнит добро.

Из статьи следовало, что эта женщина, доктор Горен Маголиссьян, взяла за отправную точку одну из идей, выдвинутых Лейелом: нужно искать *принципы* происхождения человечества, вместо того чтобы тратить время на поиски одной планеты. Она нашла интересные материалы, написанные три тысячи лет тому назад. Базировались они на исследованиях горилл и шимпанзе, которые провели семью тысячелетиями раньше. В этих материалах имелась ссылка на отчет об исходных исследованиях таких древних, что проводились они еще до образования Империи. Но таких старых отчетов обнаружить еще не удалось. Скорее всего,

их уже не существовало. Тексты, к которым пять тысяч лет не прикасалась рука человека, восстанавливались с огромным трудом. Тексты старше восьми тысяч лет не подлежали восстановлению. Трагичность ситуации заключалась в том, что многие эти материалы «хранились» в библиотеках и в них никто никогда не заглядывал, не говоря уже о реконструкции или копировании. Во многих архивах не осталось ни строчки читаемого текста. Зато каталоги сохранялись в идеальном состоянии, поэтому любой желающий мог точно узнать, чего именно лишилось человечество.

Ладно, не будем о грустном, подумал Лейел.

Итак, статья Маголиссьян. Что удивило Лейела, так это ее вывод о том, что мозг приматов обладал врожденной способностью к языкам. И хотя приматы не могли разговаривать, их обучали элементам речи, таким, как простые существительные и глаголы, а сами приматы составляли предложения, которые в их присутствии не произносились. Это означало, что процесс создания языка не являлся исключительно прерогативой человека, а потому не мог считаться определяющим фактором создания человеческой общности.

Торен Маголиссьян высказала счень смелую гипотезу. Из нее следовало, что различие между людьми и нелюдьми, точка отсчета, с которой начался род человеческий, исток, положивший начало цивилизации, появились позже зачатков языка. Разумеется, эта гипотеза опровергала выводы Лейела, сделанные им в одной из ранних работ. Он писал: «...поскольку язык отделяет человека от животного, историки-лингвисты могут указать дорогу к истокам человечества...» Но такие опровержения он только приветствовал. Жаль только, что он не мог показать статью Маголиссьян этому профессору из университета Минуса. «Видишь, — сказал бы он ему. — Вот как это делается. Поставь под сомнение мои предположения, а не выводы, и привлеки для этого вновь открывшиеся доказательства, вместо того чтобы пытаться выдавать за новое хорошо известное старое. Разгони темноту лучом света вместо того, чтобы толочь воду в ступе».

Прежде чем он продолжил чтение, домашний компьютер сообщил ему, что у двери квартиры кто-то стоит: по нижней части дисплея потянулось бегущая строка. Лейел вывел ее на середину дисплея, увеличил в размере. В какой уж раз пожалел о том, что за десять тысяч лет существования Империи никто так и не изобрел компьютер, умеющий говорить.

«Кто?» — напечатал на бегущей строке Лейел.

Секундная пауза: домашний компьютер допрашивал визитера. Потом на бегущей строке появился ответ: «Курьер с охраной с посланием для Лейела Фоски».

Сам факт того, что служба безопасности пропустила курьера в дом, подтверждал, что курьер прибыл по делу, и очень важному делу.

«От кого?» — напечатал Лейел.

Опять пауза.

«От Гэри Селдона из фонда «Энциклопедия Галактики».

Лейел сорвался со стула. Добежал до двери, прежде чем домашний компьютер успел ее открыть, молча взял послание. Сжал большим и указательным пальцами черный диск, чтобы их отпечатки удостоверили его личность, а частота пульса и температура подтвердили, что послание получил живой Лейел Фоска, а не его труп.

На послании красовалось трехмерное изображение логотипа фонда «Энциклопедия Галактики», созданного и возглавляемого Гэри. «Скоро это будет и мой логотип, — подумал Лейел. — Гэри Селдон и я, два величайших ученых нашего времени, соединят свои усилия в проекте, значением и размахом не имевшем себе равных. Собрать воедино все знание Империи, систематизировать, обеспечить простой доступ, сохранить знание перед лицом надвигающейся анархии, чтобы новая цивилизация смогла максимально быстро подняться на руинах старой. Гэри высказал необходимость в осуществлении этого проекта. А я, Лейел Фоска, — знаток древних архивов, которые могли обеспечить создание Галактической энциклопедии».

Лейел начал читать послание с уверенностью в том, что уже знает, о чем пойдет речь. Никогда еще ему не отказывали в том, что он действительно хотел получить.

«Мой дорогой друг!

Твоя заявка для меня — большая честь. Увидев ее, я настоял на том, чтобы написать ответ лично. Мне льстит, что ты настолько уверен в необходимости нашего Фонда, что готов принять участие в его работе. Я могу честно признать, что мы не получали ни одной заявки от ученого твоего уровня и с таким списком достижений, как у тебя».

«Естественно, не получали, — подумал Лейел. — Таких ученых просто нет, если не брать в расчет самого Гэри. Возможно, с ними вровень встанет и Дит после публикации книги, над которой она сейчас работает. Во всяком случае, нет равных, исходя из тех стандартов, которые имеют значение для Гэри и меня. Гэри создал новую науку психосторию. Я изменил и вдохнул новую жизнь в истокологию — науку об истоках человечества».

Однако тон письма Гэри ему не понравился. Вроде бы в первых строчках слышалась лесть. Вот оно что. Гэри хотел смягчить удар, который ждал его во второй части послания. И Лейел понял, что его ждет еще до того, как прочитал следующий абзац.

Тем не менее, Лейел, я вынужден тебе отказать. Фонд на Терминусе создан для того, чтобы собирать и сохранять знание. Цель твоей жизни — расширять границы знания. То есть нас не интересует тот вид исследований, которым ты занимаешься. Поэтому оставайся на Тренторе и продолжай работу, которая служит на благо всему человечеству. А в ссылке на Терминус

пусть отправляются мужчины и женщины, не обладающие твоими талантом и способностями.

Искренне твой Гэри».

Неужели Гэри полагал его, Лейела, таким тщеславным? Неужели думал, что он прочитает эти льстивые предложения и удовлетворенно кивнет, всем довольный? Неужели мог предположить, что Лейел поверит, что в письме изложена истинная причина отказа? Неужели Гэри Селдон так плохо знал человека, которому адресовал это письмо?

Невозможно. Уж в людях-то Гэри Селдон разбирался, как никто. Действительно, его основные работы в психостории касались больших групп людей. В них рассматривалось население целых планет и звездных систем. Но интерес Гэри к большим величинам вырос из его интереса и понимания поведения отдельных личностей. Кроме того, он и Гэри стали друзьями задолго до того, как Гэри перебрался на Трентор. Разве не грант исследовательского фонда Лейела позволил Гэри сделать первые шаги в выбранном им направлении? Разве в те дни они не вели долгие беседы, свободно обмениваясь идеями, шлифуя, доводя до совершенства выдвигаемые гипотезы? Да, в последнее время (пять лет... шесть?) они виделись не так часто, но они же взрослые люди — не дети. Им не нужны регулярные встречи для того, чтобы оставаться друзьями. А такое письмо не мог прислать настоящий друг. Даже если, что очень даже маловероятно, Гэри Селдон и хотел отвергнуть его заявку, не мог же он убедить себя в том, что Лейела вполне устроит такая форма отказа?

Конечно же, Гэри знал, что из-за этого письма Лейел Фоска лишится покоя. «Мужчины и женщины, не обладающие твоими талантом и способностями». Однако! Фонду на Терминусе Гэри придавал такое значение, что рискнул своей жизнью, которой мог бы лишиться, если бы его обвинили в измене. Но он пошел и на это, лишь бы запустить проект. И не верилось, что он заселяет Терминус людьми второго сорта. Нет, такие

письма, как получил он, отправлялись, чтобы успокоить выдающихся ученых, которых по каким-то признакам не сочли возможным использовать в работе Фонда. И Гэри знал, что Лейел сразу поймет, что означает это письмо.

Отсюда следовал единственный вывод.

— Гэри не мог написать такого письма, — вынес вердикт Лейел.

— Разумеется, мог, — возразила ему Дит со свойственной ей прямоотой. Она вышла из ванной в халате и прочитала письмо, стоя за спиной мужа.

— Если ты так думаешь, то он сильно обидел меня. — Лейел поднялся, налил стакан пешата, начал пить маленькими глотками. Он старательно отводил глаза, чтобы не встретиться взглядом с Дит.

— Не дуйся, Лейел. Лучше подумай о проблемах, с которыми сталкивается Гэри. Времени у него совсем ничего, а сделать надо так много. Отправить на Терминус сто тысяч человек, скопировать большинство фондов Библиотеки Империи...

— Он уже отправил всех этих людей...

— Не прошло и шести месяцев, как закончился судебный процесс. Не удивительно, что вы не встречались с ним на приемах или по работе в течение... нескольких лет. Не нескольких — десяти!

— Ты хочешь сказать, что он меня забыл? Быть такого не может!

— Я хочу сказать, что он прекрасно тебя помнит. И знает, что ты не станешь искать в его письме тайный смысл. Он также знает, что ты сразу поймешь, о чем идет речь.

— Тогда, дорогая, он меня переоценил. Я не понимаю, о чем идет речь. Для меня это письмо означает только одно — писал его не Гэри.

— Тогда ты стареешь, и мне за тебя стыдно. Я буду отрицать, что мы женаты, и говорить всем, что ты — мой слабоумный дядюшка, которому я позволяю жить в моем доме из сострадания. Детям я сообщу, что они незаконнорожденные. Они, конечно, опечалятся, уз-

нав, что их не будет в списке наследников состояния Фоски.

Лейел бросил в нее корочкой хлеба.

— Ты — жестокая и неверная женщина, и я сожалею, что возвысил тебя, вытянув из трясины бедности и неизвестности. Ты знаешь, сделал я это исключительно из жалости.

Так они подтрунивали друг над другом с давних пор. На самом деле у Дит было весьма внушительное состояние, хотя, разумеется, оно не шло ни в какое сравнение с состоянием Лейела. И он действительно приходился ей дядей, поскольку сводная сестра Лейела, Зенна, была мачехой Дит. Мать Лейела родила Зенну до того, как встретила его отца, когда была замужем за другим человеком. Зенна ни в чем не знала нужды, но не имела никаких наследных прав на состояние Фоски. Отец Лейела как-то заметил по этому поводу: «Бедная Зенна. А ты — счастливчик. Сперма у меня золотая». У богатых свои шутки и причуды. В семьях бедняков никаких различий между детьми не делали бы.

Отец Дит, однако, полагал, что Фоска остается Фоской, с наследством или без, и через несколько лет после свадьбы дочери решил, что и ему не грех вкусить от немереного богатства. Разумеется, он заявил, что любит именно Зенну, а до ее денег ему нет никакого дела, но верила ему разве что сама Зенна. Она вышла за него замуж и стала приемной матерью Дит. Одновременно Лейел превратился в приемного дядю своей жены. Столь сложные родственные связи немало забавляли и Лейела, и Дит.

Сегодня, однако, в словах Лейела была лишь доля шутки. Иногда возникали ситуации, когда он особенно остро нуждался в ее поддержке, когда ему хотелось чувствовать рядом ее плечо. Но частенько вместо того, чтобы поддержать мужа, она возражала ему, оспаривала его суждение. Случалось, что ее доводы убеждали его, заставляли пересмотреть свое мнение, прийти к более глубокому пониманию вопроса: тезис, антитезис, синтез — диалектика семейной жизни, результат общения с интеллектом, ни в чем не уступающим твоему

собственному. Но случилось и другое: брошенный Дит вызов вызывал боль, неудовлетворенность, злость.

А Дит продолжила, не замечая его закипающей ярости:

— Гэри полагал, что ты поймешь, о чем идет речь. Поймешь, что это письмо — однозначный, окончательный отказ. Он не ходит вокруг да около, не занимается бюрократическими проволочками, не играет с тобой в политику. Не пытается тянуть резину с тем, чтобы выторговать для своего Фонда значительную финансовую поддержку. Если б он хотел получить от тебя деньги, ты знаешь, он бы прямо сказал тебе об этом.

— Я уже знаю, что дело не в деньгах.

— Напрасно ты ищешь в его письме скрытый подтекст. Он просто отказывает тебе. Раз и навсегда. На такой ответ кассация не принимается. Он надеялся, что тебе хватит ума это понять.

— Тебе было бы на руку, если бы я в это поверил.

Вот тут до нее дошло, что он злится.

— И что сие должно означать?

— Ты сможешь остаться на Тренторе и продолжать работу, которую ты ведешь со своими друзьями-бюрократами.

Лицо Дит превратилось в каменную маску.

— Я тебе говорила. Я бы с радостью полетела с тобой на Терминус.

— В это я тоже должен поверить? Даже сейчас? Твои исследования по образованию общности среди бюрократии Империи на Терминусе продолжить невозможно.

— Наиболее важные исследования завершены. А в Библиотеке Империи я экспериментально проверяю полученные теоретические результаты.

— Но эту проверку нельзя назвать научным экспериментом, поскольку отсутствует контрольная группа.

В голосе Дит проскользнули нотки раздражения.

— Именно я и сказала тебе об этом.

То была суцная правда. Лейел не слышал ни о каких контрольных группах, пока Дит не познакомила его с теорией эксперимента. Сведения эти она почерпнула в

каком-то очень древнем отчете об исследованиях развития детей, датированным тридцать первым столетием Галактической эры.

— Я с тобой и не спорю, — смутился Лейел.

— Дело в том, что книгу я могу написать как на Терминусе, так и в любом другом месте. Да, Лейел, ты должен поверить, что я буду счастлива с тобой на Терминусе, потому что это мои слова, а значит, так оно и есть.

— Я верю тому, во что веришь ты. Но я также верю, что в глубине души ты очень рада полученному мною отказу. И ты не хочешь, чтобы я занимался этим вопросом, потому что, если Гэри изменит свое решение, тебе придется лететь в богом забытый уголок Вселенной.

То были ее слова, произнесенные месяцы тому назад, когда он впервые заговорил о своем желании присоединиться к фонду Селдона. «Нам придется лететь в богом забытый уголок Вселенной». Дит, как и Лейел, помнила об этом.

— Ты будешь попрекать меня этим до конца жизни, не так ли? Думаю, я заслуживаю того, чтобы ты забыл о моей первой реакции. Я же согласилась лететь с тобой, так?

— Согласилась, да. Но ты никогда этого не хотела.

— Что ж, Лейел, это правда. Я никогда этого *не хотела*. Но как ты представляешь нашу семью? Я должна до такой степени подчиниться тебе, что даже твои желания стали бы моими? Я думала, что будет достаточно, если время от времени мы будем идти на жертвы ради друг друга. Я не могла ожидать, что ты *захочешь* покинуть поместья Фоски и лететь на Трентор, хотя только там я могла завершить начатые мною исследования. И я попросила тебя об этом, вне зависимости от того, хотел ты этого или нет, потому что этого хотела я. Я признавала, что ради меня ты пошел на жертву, и уважала тебя за это. Я не могу не рассердиться, узнав, что моя жертва встречена с таким презрением.

— Твоя жертва еще не принесена. Мы по-прежнему на Тренторе.

— Тогда чего ты сидишь здесь? Пойди к Гэри Селдону, проси его, умоляй, унижайся, а потом ты поймешь, что я сказала правду. Он не хочет, чтобы ты присоединялся к его Фонду, и не позволит тебе лететь на Терминус.

— Ты так в этом уверена?

— Нет, я не уверена. Но логика подсказывает, что так и будет.

— Я полечу на Терминус, если он согласится на мое участие в его проекте. Я надеюсь, что мне не придется лететь одному.

Лейел пожалел об этих словах, едва они сорвались с его языка. Дит замерла, словно получила пощечину, в ее глазах мелькнул ужас. Потом она повернулась и убежала из комнаты. Несколько минут спустя он услышал мелодичный звонок: открылась входная дверь их квартиры. Дит ушла.

Безусловно, с тем чтобы обговорить случившееся с одной из подруг. С благоразумием у женщин не очень. Они не могут держать домашние дрызги при себе. Она перескажет им все те ужасные слова, что услышала от него, они будут сочувственно качать головой и говорить, что от мужа ничего другого ждать не приходится, мужья всегда считают, что жертвы должны приносить исключительно жены. Бедная, бедная Дит, скажут они. Что ж, Лейел не будет сердиться на нее за этот курятник. Он знал, что такова уж человеческая натура, женщины в постоянном заговоре против мужчин. Поэтому и женщины уверены, что мужчины в постоянном заговоре против них.

Ирония судьбы, подумал он. Для мужчин такой способ обрести спокойствие не годится. Мужчины так легко не сходятся. Мужчина всегда помнит о возможности предательства, о том, как непостоянна декларируемая верность. Поэтому, если мужчина и открывает душу, но очень дорогому ему человеку. И уж конечно не будет обсуждать свои личные дела в большой компании. Даже если мужчина живет с женщиной душа в душу, как, к примеру, жили они с Дит, и, храня ей аб-

солютную верность, он никогда бы не стал доверять ей на сто процентов.

Вот и Лейел не видел никого, кроме жены, помогая ей, служа ей, любя ее всем сердцем. Что же касается переезда на Трентор, то у Дит сложилось совершенно превратное впечатление о его мотивах. Он не приносил никакой жертвы, не наступал на горло собственной песне и полетел на Трентор не потому, что она этого хотела. Наоборот, вследствие того, что она очень хотела перебраться на Трентор, он захотел того же. Даже желания его изменились, полностью совпав с ее желаниями. Она командовала его сердцем. Не мог он не желать того, что могло принести ей счастье.

Но она... нет, она не могла ответить ему тем же. Если бы она отправилась на Терминус, с ее стороны это была бы настоящая жертва. Она не позволила бы ему забыть, что не хотела лететь в это забытое богом захолустье. Для него их семья стала его душой. Дит подразумевала под семейной жизнью дружбу с сексом. Ее душа наравне с ним принадлежала и всем этим женщинам. Деля свою верность между мужем и подругами, Дит дробила ее на части: и ни одной из этих частей не хватало, чтобы повлиять на ее сокровенные желания. Вот тут Лейелу открылось то, что, должно быть, открывалось всем хранящим верность мужчинам: человеческие отношения — временные. Понятие неразрывная связь к отношениям между людьми неприменимо. Так же, как к атомным частицам. Их связывают самые мощные силы во Вселенной, однако и атом можно раздробить.

Нет ничего вечного. Все подвержено переменам. У них с Дит была идеальная семья до того момента, как стресс не выявил ее несовершенства. И любой, кто думает, что у него идеальная семья, в которой нет места трениям или непониманию, заблуждается. И верит в это лишь потому, что семья эта не прошла проверки стрессом. Человек этот может умереть с иллюзией полного счастья, но доказывает сие только одно: иногда смерть приходит раньше предательства. Если ты жи-

вещь достаточно долго, предательство обязательно успеет первым.

Такие вот черные мысли роились в голове Лейела, когда он шагал по улицам города-планеты Трентор. Выходя из дома, Лейел не запирался в салоне индивидуального автомобиля. Он отказывался становиться заложником собственного богатства, предпочитал ощущать себя обычным тренторцем. А потому его телохранители получали предельно ясные указания: не высовываться, не трогать пешеходов, за исключением тех, кто вооружен. Оружие же выявляли специальные портативные сканеры.

Такие походы по городу обходились гораздо дороже, чем поездка в специальном, защищенном от всех видов оружия лимузине. Всякий раз, когда Лейел переступал порог своей квартиры, около сотни высокооплачиваемых, неподкупных сотрудников службы безопасности срывались с места. Но Лейел дал себе слово, что богатство не заставит его менять устоявшиеся привычки.

Поэтому он шагал по коридорам города, ехал в авто и поездах, стоял в очередях, как и любой другой тренторец. Он чувствовал, как пульсирует жизнью гигантский город. Однако душу его переполняла меланхолия и будущее Трентора виделось ему в самом мрачном свете. Даже тебя, Великий Трентор, столицу Империи, предадут те самые люди, которым ты обязан своим созданием. Твоя Империя покинет тебя, ты превратишься в жалкий призрак себя самого, скроенный из металла с тысяч планет и астероидов. Будешь напоминать тем, кому вдруг захочется увидеть тебя, что когда-то Галактика обещала служить тебе во веки веков, а потом отбросила за ненадобностью. Гэри Селдон это предвидел. Гэри Селдон понимал переменчивость человечества. Он знал, что великая Империя падет, а потому, в отличие от государства, которое исходит из того, что никто и ничто изменяться не будет, принял меры, призванные самортизировать крушение Империи. На Терминусе он готовил чрево, из которого должно было возродиться величие человечества. Гэри создавал буду-

щее. Конечно же, не мог он отстранить Лейела Фоску от этого захватывающего процесса.

Фонд после того, как получил легальное признание и поддержку государственных структур, превратился в мощную организацию, занимающую Путассуран-Билдинг. Этот административный комплекс четыре тысячи лет тому назад построили для Адмиралтейства. Произошло это вскоре после победы в великом сражении. В честь нее здание и получило это название. Эпоха отразилась и на архитектуре. В летящих линиях чувствовался триумф, оптимизм, надежда на счастливое, ничем не омрачаемое будущее. В последние столетия здание использовалось как концертный и лекционный зал, тут же находился Музей Власти. Опустел Путассуран-Билдинг за год до того, как Гэри Селдону разрешили создать его Фонд, но казалось, что этот комплекс построен специально под новую организацию. Все, кто попадался на пути Лейелу, спешили по срочным делам, всех радовало, что они служат благородному делу. А дел таких не было в Империи уже долгие, долгие годы.

Лейел без задержки следовал по лабиринту, который вставал непреодолимой преградой между директором Фонда и теми, кто желал оторвать его от важных дел. Другие люди, мужчины и женщины, пытались взять этот барьер, но в результате их заворачивали к кому-нибудь из чиновников Фонда. Гэри Селдон очень занят. Он может принять вас только по предварительной договоренности. Сегодня это просто невозможно. На вторую половину дня и вечер у него сплошные совещания. Позвоните перед тем, как приедете в следующий раз.

Но Лейелу Фоске такой ответ не грозил. Потому что он знал пароль, открывающий все двери: «Скажите мистеру Селдону, что мистер Фоска желает продолжить разговор». Они могли боготворить Гэри Селдона, они могли получить приказ не тревожить мистера Селдона ни при каких обстоятельствах, но они прекрасно знали, что Лейел Фоска — исключение из правила. Даже Линга Чена вызвали бы с заседания Комиссии обществен-

ной безопасности, если бы с ним захотел поговорить Лейел Фоска, тем более если бы он прибыл лично.

Легкость, с которой он получил доступ в кабинет директора, энергия и оптимизм людей, заполнявших Путассуран-Билдинг, настолько приободрили Лейела, что первые слова Гэри вылились на него, словно ведро холодной воды:

— Лейел, ты меня удивил. Я думал, ты поймешь, что мой отказ окончательный.

Такой встречи Лейел никак не ожидал. Значит, правой оказалась Дит? Лейел несколько мгновений изучал лицо Гэри, стараясь найти в нем что-то новое для себя. Неужели Гэри забыл все то, что их связывало? Неужели его дружба никогда не была настоящей? Нет. Вглядываясь в лицо Гэри, на котором, конечно, прибавилось морщин, Лейел видел ту же искренность, что и всегда. Поэтому, вместо того, чтобы дать волю распивавшим его ярости и разочарованию, Лейел ответил осторожно, оставляя Гэри поле для маневра:

— Я понял, что в письме есть заведомо ложная информация, а значит, его нельзя считать твоим последним словом.

— Ложная информация? — в голосе Гэри послышалось раздражение.

— Я знаю, каких мужчин и женщин принимают в твой Фонд. На второй сорт они никак не тянут.

— В сравнении с тобой другой характеристики им не подберешь, — ответил Гэри. — Они — академики, то есть клерки. Сортировщики и толкователи информации.

— Так же, как и я. И все нынешние ученые. Даже твои бесценные теории — результат сортировки и толкования триллиона триллионов байтов информации.

Гэри покачал головой.

— Я не просто сортировал информацию. У меня в голове возникали идеи, которых в известном массиве информации не найти. Так же, как и у тебя. И еще у очень немногих. Ты и я расширяем познания человечества. А остальные что-то выкапывают в одном месте и

складывают в другом. Та же история с «Энциклопедией Галактики». Еще одна куча.

— Тем не менее, Гэри, и ты, и я знаем: истинная причина твоего отказа не в этом. И не говори мне, что ты отказал мне, поскольку присутствие Лейела Фоски на Терминусе может вызвать повышенное внимание к проекту. Государственные структуры проявляют к тебе столько внимания, что ты едва можешь дышать.

— Ты до неприличия настойчив, Лейел. У меня нет никакого желания продолжать этот разговор.

— К сожалению, ты не оставляешь мне другого выхода, Гэри. Я хочу участвовать в твоём проекте. Я могу привнести в него больше, чем любой другой человек, которому ты скажешь да. Именно я сумел добраться до самых древних и самых ценных архивов и показать, сколько много потеряло человечество из-за пренебрежения к своему прошлому. Именно благодаря мне проводится восстановление поврежденных документов, без которых...

— Без которых создание моей Энциклопедии абсолютно невозможно. Ты прав, без твоих достижений нашу работу не следовало и затевать.

— Однако ты отказал мне, да еще и оскорбил своей лестью.

— Я не хотел обижать тебя, Лейел.

— Ты также не хотел написать правду. Но ты скажешь ее мне, Гэри, или я просто полечу на Терминус.

— Комиссия общественной безопасности передала Фонду право решать, кто летит на Терминус, а кто — нет.

— Гэри, ты прекрасно знаешь, что мне достаточно лишь намекнуть какому-нибудь мелкому клерку Комиссии, что я хочу лететь на Терминус. Через несколько минут об этом станет известно Чену, а еще через час он подпишет распоряжение, что условия подписанного с тобой договора не распространяются на меня. Если я это сделаю, а ты попытаешься возражать, то договор просто аннулируют. Ты это *знаешь*. Если ты хочешь, чтобы я не летел на Терминус, одного запрета мало. Ты должен убедить меня, что делать мне там нечего.

Гэри закрыл глаза, вздохнул.

— Вот уж не думал, что ты проявишь такую настойчивость, Лейел. Лети, если тебе того хочется.

Неужели Гэри так легко сдался, спросил себя Лейел. Нет, быть такого не может.

— Лететь для того, чтобы обнаружить, что на Терминусе никто не хочет иметь со мной никаких дел? Что мне там делать, если я не буду принимать самого активного участия в создании Энциклопедии?

— Занятие ты себе найдешь, но оно действительно не будет иметь никакого отношения к Энциклопедии. Ты не можешь работать над Энциклопедией, потому что не состоишь в Фонде. Не состоишь и не будешь состоять. А если ты попытаешься воспользоваться своим богатством и влиянием, чтобы вступить в Фонд, дело кончится тем, что ты поставишь под угрозу само существование Фонда, но присоединиться к нему тебе не удастся. Ты меня понимаешь?

«Очень даже хорошо», — со стыдом подумал Лейел. Уж он-то знал, что деньги и связи решают далеко не все. И полагал ниже своего достоинства ломиться в закрытую для него дверь.

— Извини, Гэри. Я не стал бы давить на тебя. Ты знаешь, я не из таких.

— Я знаю, что ты никогда этого не делал, когда мы ходили в друзьях. Но, боюсь, я узнаю о тебе что-то новое, — Гэри вздохнул. Отвернулся, долго сидел к нему спиной, потом вновь посмотрел на Лейела. Выражение его лица изменилось. Изменился и голос. Лейел узнал этот голос. И понял, что Гэри хочет сказать ему что-то очень личное, чего не говорил никому. — Лейел, ты должен понимать, что на Терминусе я создаю не просто Энциклопедию.

Лейел тут же насторожился. Ему пришлось употребить все свое влияние, чтобы государственные структуры не отправили Гэри Селдона в ссылку, когда тот начал рассылать свои научные труды, предсказывая неминуемое падение Империи. Власти полагали Селдона предателем, даже предали его суду, где Селдон сумел убедить всех, что ставил перед собой только одну

цель — создание «Энциклопедии Галактики», средоточение всей мудрости Империи. И даже теперь, стоило Селдону признать, что он руководствовался и другим, скрытым мотивом, власть могла стереть его в порошок. Лейел не сомневался, что «кобы» (то есть сотрудники Комиссии общественной безопасности) фиксируют каждое слово. И даже Лейел ничего бы не смог поделать, получи они признание Гэри в противоправной деятельности.

— Да нет же, Лейел, не надо нервничать. Сейчас я все поясню. Для успешного завершения проекта «Энциклопедия Галактики» я должен создать на Терминусе город ученых. Колонию, состоящую из мужчин и женщин с легко ранимым эго и безмерным честолюбием. Все они прошли школу подковерных интриг в самых опасных, не знающих жалости к слабым бюрократических гнездах Империи — университетах.

— Ты хочешь сказать, что не позволяешь мне присоединиться к Фонду, потому что я не учился в университете? Мое самообразование принесло мне куда больше пользы, чем практикуемая там долбежка!

— Не надо рассказывать мне о твоём отношении к университетам, Лейел. Я лишь говорю, что один из основных принципов, на основе которых я подбираю сотрудников, — их совместимость. Я могу отправить на Терминус человека только в том случае, если буду уверен, что он... или она... обретет там счастье.

Упор Гэри на слове *она* многое прояснил.

— Значит, дело не во мне, так? — спросил Лейел. — Причина в Дит.

Гэри не ответил.

— Ты знаешь, что она не хочет лететь со мной. Ты знаешь, что она предпочла бы остаться на Тренторе. И поэтому ты не берешь меня! Так?

С неохотой Гэри признал, что Лейел недалек от истины.

— Да, мое решение имеет отношение к Дит.

— Разве ты не знаешь, как много значит для меня работа в Фонде? — спросил Лейел. — Разве ты не зна-

ешь, сколь многим я готов пожертвовать, чтобы принять участие в этом проекте?

Какое-то время Гэри молчал. А потом спросил шепотом:

— Даже Дит?

Ответ едва не сорвался с губ Лейела. Да, конечно, даже Дит, всем чем угодно ради участия в этом величайшем проекте.

Но взгляд Гэри остановил его. С их самой первой встречи на одном из семинаров в далеком прошлом Лейел знал, что Гэри не терпит самообмана. Они сидели бок о бок и слушали доклад известного в то время демографа. Лейел наблюдал, как Гэри несколькими точным вопросами не оставил камня на камне от тезиса бедолаги. Демограф был в ярости. Очевидно, ранее он не видел ошибок в своих выкладках, но теперь, когда его ткнули в них носом, отказывался признавать их за ошибки.

— Я оказал ему услугу, — сказал после семинара Гэри.

— Нашел человека, которого он может ненавидеть?

— Нет. До этого семинара он верил в свои ничем не подтвержденные выводы. Обманывал себя. Теперь он в них не верит.

— Но все равно от них не отказывается.

— И что... теперь в нем больше от лжеца и меньше от дурака. Я подкорректировал его внутреннюю структуру. А с вопросами морали пусть разбирается сам.

Лейел вспомнил все это и понял, что не стоит говорить Гэри о том, что есть что-то такое, пусть это будет и участие в работе Фонда, ради чего он готов отказаться от Дит. В этом он не просто бы солгал, но выставил бы себя дураком в глазах Гэри.

— Это запрещенный прием, — ответил он. — Ты знаешь, что Дит — моя неотъемлемая часть, как сердце или голова. Я не могу оставить ее с тем, чтобы присоединиться к твоему Фонду. И теперь до конца нашей совместной жизни я буду знать, что мог бы полететь на Терминус, если бы не она. Ты отравил мне мои последние годы, Гэри.

Гэри медленно кивнул.

— Я надеялся, ты поймешь, прочитав мое письмо, что я не хотел сказать тебе больше, чем сказал. Я не могу лгать тебе, Лейел. Солгал бы, но не могу. Вот я и написал тебе не всю правду. Чтобы не создавать нам обоим лишних проблем.

— Не получилось.

— Вины Дит в этом нет, Лейел. Она такая, какая она есть. И ее место на Тренторе, не на Терминусе. А ты должен быть с ней. Это факт, а не решение. И мы больше никогда не будем касаться этой темы.

— Никогда, — эхом отозвался Лейел.

Они посидели еще с минуту, глядя друг другу в глаза. Лейел задался вопросом: а будет ли у него с Гэри еще один разговор на любую тему? «Нет, — подумал он, — никогда. Я не хочу больше тебя видеть, Гэри Селдон. Ты заставил меня сожалеть о том решении, которое никогда не вызывало у меня ни малейших сожалений. Ты заставил меня сожалеть в каком-то уголке сердца о том, что я женился на Дит. А для меня это все равно, что сожалеть о том, что я родился на свет».

Лейел поднялся и молча вышел из кабинета Гэри. Оглядел приемную, где несколько человек ждали встречи с директором Фонда.

— Кто тут мой?

Поднялись двое женщин и мужчина.

— Вызовите лимузин с шофером.

Одна женщина быстрым шагом покинула приемную. Мужчина и вторая женщина пристроились к Лейелу. Теперь у них не было оснований маскировать свое основное занятие. Лейелу надоело общение с жителями Трентора. Он хотел побыстрее попасть домой.

* * *

Гэри Селдон вышел из кабинета через другую дверь и направился к крошечному закутку Чандракар Мэтт в Департаменте библиотечных связей. Чандра подняла голову, помахала Гэри рукой, а затем развернула стул в нужное положение. Гэри взял стул из другого закутка

и, опять же не прилагая к этому видимых усилий, поставил его на то место, где ему следовало стоять.

Мгновенно компьютер Чандры узнал стандартную конфигурацию. С трех точек зафиксировал костюм Гэри и наложил эту информацию на хранящееся в памяти трехмерное изображение Чандры и Гэри, увлеченно о чем-то беседующих. Как только Гэри сел, голограмма пошла в эфир. Она полностью соответствовала положению настоящих Гэри и Чандры, а потому инфракрасные датчики не замечали разницы между реальностью и вымыслом. Различались только лица: движения губ, выражения глаз, мимика. Вместо того чтобы соответствовать словам, которые произносили Гэри и Чандра, они соответствовали диалогу, который выдавался за пределы закутка — ничего не значащим фразам, которые касались текущих событий, поэтому никто не подозревал, что на самом деле разговор в закутке идет совсем о другом.

У Гэри это была одна из немногих возможностей для откровенного разговора, который не могли подслушать «кобы», поэтому и Гэри, и Чандра прилагали все силы, чтобы уберечь свой маленький секрет. Говорили они не очень долго и не очень часто, чтобы «кобы» не задались вопросом: а с чего это директора Фонда потянуло на пустую болтовню? Гэри и Чандра так хорошо понимали друг друга, что свели речевое общение до минимума. Предложение заменяло абзац, слово — предложение, жест — слово. Однако по окончании разговора Чандра знала, в каком направлении надо двигаться, что предстоит сделать немедленно. А Гэри пребывал в полной уверенности, что самая важная работа, которой он посвятил жизнь, будет продолжена под прикрытием дымовой завесы, роль которой так удачно выполнял Фонд «Энциклопедия Галактики».

— В какой-то момент я подумал, что он действительно может оставить ее.

— Притягательная сила Энциклопедии очень велика.

— Боюсь, в этом есть моя вина, Чандра. Ты дума-

ешь, что «Энциклопедия Галактики» действительно будет создана?

— Это хорошая идея. Она окрылила многих достойных людей. Иначе не стоило бы и затевать этот проект. Что мне сказать Дит?

— Ничего, Чандра. Лейел остается, а это для нее главное.

— Если он передумает, ты разрешишь ему лететь на Терминус?

— Если он передумает, он *должен* туда лететь, потому что, если он оставит Дит, нам с ним не по пути.

— Почему ты прямо не сказал ему об этом? Почему не пригласил к нам?

— Он должен стать частью Второй Академии, не осознавая этого. Он должен прийти к нам сам, не по моему зову, и уж конечно, не потакая собственному честолюбию.

— Ты предъявляешь к людям очень высокие требования, Гэри. Не удивительно, что соответствуют им немногие. Большинство тех, кто работает во Второй Академии, даже не знают, что это такое. Они полагают себя библиотекарями. Бюрократами. Они думают, что Дит — антрополог. И работает она среди них только потому, что они — объект ее исследований.

— Не совсем так. Поначалу они исходили именно из этого, но теперь они думают, что Дит — одна из них. Одна из лучших среди них. Она определяет, что это такое — быть библиотекарем. Благодаря ей они гордятся своей работой.

— Тебя не тревожит, Гэри, что на практике твое искусство...

— Моя наука.

— Ты занимаешься магией, старый колдун, поэтому не проведешь меня разговорами о науке. Я видела сценарии голограмм, которые ты готовишь для грота на Терминусе.

— Это всего лишь позерство.

— Однако я могу представить себе, как ты произносишь эти слова. Очень довольный собой. «Если вы хо-

тите покурить, я не против... Подождать, пока вы отсмеетесь? Надо ли? Меня же нет». Чистое шаманство.

Гэри отмахнулся. Компьютер мгновенно вставил в диалог подходящую фразу, дабы жест не показался неуместным.

— Нет, меня не тревожит то обстоятельство, что практическое использование моих научных принципов изменяет жизни человеческих существ. Знание всегда меняло жизнь людей. Разница лишь в одном: я знаю, что меняю жизни людей. Изменения, которые я вношу, — плановые, находящиеся под контролем. Человек, который первым придумал искусственный свет — что это было: топленый жир с фитилем? — или диод-излучатель? — Он представлял себе, как его изобретение изменит жизнь человечества? Он же подарил людям власть над ночью!

Как всегда слова Чандры спустили его на землю в тот самый момент, когда он готовился воспарить к небесам.

— Во-первых, это наверняка была женщина, во-вторых, она совершенно точно знала, что делает. Ей требовался искусственный свет, чтобы ночью перемещаться по дому. С ним она могла уложить младенца в другую кровать, в другой комнате, чтобы она сама могла спокойно спать ночью, не опасаясь, что придавит крошку.

Гэри улыбнулся.

— Если искусственный свет придумала женщина, это наверняка была проститутка, которая хотела удлинить свой рабочий день.

Заулыбалась и Чандра, но оба обошлись без смеха: компьютер мог не подобрать подходящей шутки.

— Мы будем пристально наблюдать за Лейелом, Гэри. Как нам узнать, что он готов вступить в ряды посвященных и мы можем рассчитывать на него, как на нашего лидера и защитника?

— Когда вы почувствуете, что рассчитываете на него, значит, он готов. Когда он укрепитя в верности идее, когда цели Второй Академии станут его целями,

когда в своих поступках он будет исходить из них, знайте, что он готов.

По тону Гэри Чандра поняла, что разговор подходит к концу.

— Между прочим, Гэри, ты оказался прав. Никто и не спросил, почему в библиотеке Фонда на Терминусе отсутствуют наиболее важные данные по психистории.

— Но это же естественно. Академики никогда не выходят за рамки своего предмета. Это еще один повод порадоваться тому, что Лейел не летит на Терминус. Он бы заметил, что, кроме Бора Алурина, мы не направили туда ни одного специалиста по психистории. И тогда мне пришлось бы рассказать ему гораздо больше, чем мне того хочется. Передай Дит мои наилучшие пожелания, Чандра. Скажи ей, что ее эксперимент проходит успешно. В итоге у нее будут и муж, и общность ученых.

— Артистов. Волшебников. Полубогов.

— Упрямых, непослушных женщин, которые, занимаясь чистой наукой, не понимают, что они делают. И кто только держит их в Библиотеке Империи. До следующего раза, Чандра.

* * *

Если бы Дит спросила его, как прошла встреча с Гэри, если бы выразила сочувствие в связи с отказом Гэри подключить его к работе Фонда, негодование Лейела могло бы выйти из-под контроля и он наговорил бы много такого, о чем жалел бы до конца жизни. Но Дит и вида не подала, что знает о его провале. Она буквально светилась, рассказывая о своей работе, — такая прекрасная, пусть шестьдесят прожитых лет и оставили немало морщин на ее лице, что Лейел не мог вновь не влюбиться в нее. Впрочем, за их совместную жизнь такое случалось с ним многократно.

— Я не могла и мечтать, что все получится так здорово, Лейел. Истории, которые я придумывала месяцы и годы тому назад, теперь возвращаются ко мне эпическими легендами. Ты помнишь, как я нашла и

экстраполировала рапорты о восстании в Мизеркордии буквально за три дня до того, как они понадобились Адмиралтейству?

— То был твой звездный час. Адмирал Диварт до сих пор рассказывает, как он взял за основу планы старинных боевых операций и в результате подавил забастовку теллекерцев за три дня, не потеряв при этом ни единого корабля.

— Ты уже старик, а память у тебя, как у компьютера.

— Грустно, конечно, что я могу помнить только прошлое.

— Не болтай ерунды, это наш общий удел.

Он хотел услышать продолжение рассказа о ее сегодняшнем триумфе.

— Так о какой эпической легенде ты начала говорить?

— Сегодня эту историю я услышала вновь, но уже без упоминания моего имени. Ее привели в качестве примера. Ринджи разговаривала с молодыми библиотекарями из внутренних провинций, которые прибыли в Библиотеку Империи в рамках программы повышения квалификации, и кто-то из них удивился тому, что она могла провести в Библиотеке Империи на Тренторе всю жизнь и не повидать настоящий мир.

Лейел захохотал.

— Сказать такое Ринджи!

— Вот именно. Ее это, конечно, задело, но тут же она рассказала им историю о том, как библиотекарь без чьей-либо помощи или указки заметила схожесть между восстанием на Мизекордии и забастовкой на Теллекерсе. В Адмиралтействе она никого не знала и поняла, что послушают ее лишь в том случае, если она представит полную информацию. Поэтому она полезла в архивы и убедилась, что состояние древних документов оставляет желать лучшего. Исходная информация сохранялась на стеклянных носителях, но прошло сорок два столетия, в течение которых к ним не прикасалась рука

человека. Во вторичных источниках не указывались схемы сражений и курсы боевых кораблей. О Мизеркордии в основном писали биографы, а не военные историки.

— Естественно. Первый бой Пола Йенси. Тогда он был еще пилотом, не командором.

— Я не сомневалась, что ты это помнишь. Но речь-то о том, что Ринджи сделала упор на этого мифического библиотекаря.

— На тебя.

— Я стояла рядом. Не думаю, что Ринджи об этом знала, иначе обязательно упомянула меня... тогда она работала в другом отделе, знаешь ли. Я говорю о том, что Ринджи где-то слышала эту историю, а когда пересказала ее, история эта превратилась в героическую легенду. О библиотекаре, сослужившем великую службу Трентору.

— И что это доказывает? Ты — магический герой, вернее, героиня.

— Исходя из того, как она это рассказывала, я сделала все это по собственной инициативе...

— Так и было. Тебя определили на экстраполяцию документов, и, так уж получилось, ты начала с Мизеркордии.

— По версии Ринджи, я уже видела полезность этой информации. Она сказала, что библиотекарь отослал все материалы в Адмиралтейство, и там сразу поняли, что они — ключ к бескровной победе.

— Библиотекарь спасает Империю.

— Совершенно верно.

— Но ты и спасла.

— Тогда я об этом не думала. И Адмиралтейство затребовало эту информацию. Так что поражаться можно исключительно совпадению этих двух событий. Я восстанавливала документы уже две недели, когда...

— С этим ты справилась блестяще.

— Используя разработанные тобой программы. Премного благодарна тебе, о Мудрейший, как ты иной раз позволяешь называть себя. Разумеется, тут вмешался случай. Иначе я не смогла бы дать им то, что тре-

бывалось, буквально через пять минут после поступления запроса. Но теперь в общности библиотекарей ходит героическая легенда. Пока лишь в Библиотеке Империи, но теперь о ней узнают и в других библиотеках.

— Это похоже на анекдот, Дит. Я не знаю, как ты сможешь написать об этом в своей книге.

— Я и не собираюсь. Я знаю, что моя теория об образовании общности верна. Что сила общности зависит от преданности ее членов, а преданность эта создается и укрепляется распространяемыми в общности эпическими легендами.

— Классический язык Академии. Мне надо все это записать. Второй раз тебе этого не повторить.

— Легенды поднимают значимость общности. Имея возможность рассказать такую историю, Ринджи гордится тем, что она библиотекарь. Тем самым растет ее преданность общности и, соответственно, сама общность становится более крепкой.

— Ты — владычица их душ.

— И моя душа принадлежит им. Вместе наши души сильнее, чем порознь.

В этом-то все и дело. Начиналось все с того, что Дит пошла работать в Библиотеку, чтобы практическим результатом подтвердить свою теорию о формировании общности. Но выполнить эту задачу она могла, лишь став членом общности библиотекарей. Как серьезный ученый, Дит и не могла поступить по-другому. А теперь это служение науке уводило ее от мужа. Расставание с Библиотекой принесло бы ей больше боли, чем расставание с Лейелом.

Неправда. Абсолютная неправда, одернул он себя. Жалость к себе ведет к самообману. На деле все наоборот: разрыв с Лейелом будет куда болезненней, чем уход из Библиотеки. Вот почему она с самого начала согласилась лететь на Терминус. Но мог ли он винить Дит за то, что она обрадовалась, когда ей не пришлось выбирать? Обрадовалась тому, что она останется и с Лейелом, и в Библиотеке?

Однако, хотя он и сумел выдавить из себя самые отвратительные мысли, вызванные окончательным отка-

зом Гэри, в его голосе по-прежнему проскальзывали резкие нотки:

— Как ты поймешь, что эксперимент закончен?

Дит нахмурилась.

— Он никогда не закончится, Лейел. Они же настоящие библиотекари. Я не смогу взять их за хвосты, словно мышек, и рассовать по клеткам. В какой-то момент я просто выйду из игры и напишу свою книгу.

— Правда?

— Ты про книгу? Я писала книги раньше, думаю, справлюсь с этим и теперь.

— Я насчет того, что ты выйдешь из игры.

— Когда? Прямо сейчас? Это проверка моей любви к тебе, Лейел? Ты ревнуешь к моей дружбе с Ринджи, Анимет, Фин, Урик?

— Нет! Не обвиняй меня в детских, эгоистичных чувствах!

Но, прежде чем Лейел начал возражать, он понял, что возражения эти — ложь.

— Иногда ревную, Дит. Иногда мне кажется, что с ними ты счастлива больше, чем со мной.

А поскольку он говорил честно, разговор этот остался разговором, а не перерос в ссору.

— Так оно и есть, Лейел, — откровенно призналась Дит. — Когда я с ними, я создаю что-то новое. И процесс этот вдохновляет, придает сил. Каждый день я открываю для себя что-то новое, в каждом слове, которое они произносят, в каждой их улыбке, каждой слезинке. Мы все чувствуем, что заняты самым важным в нашей жизни делом.

— И все это происходит без меня.

— Да, без тебя, Лейел. Но не считай себя посторонним. Потому что все это скорее раздражало бы меня, чем радовало, если бы каждый вечер я не приходила домой и не рассказывала тебе о том, чем занималась весь день. Ты всегда понимаешь, что все это значит, всегда готов помочь дельным советом, всегда можешь указать на ошибки.

— Я — твоя аудитория. Как родитель.

— Да, старичок. Как муж. Как ребенок. Как мужчи-

на, которого я люблю больше всех на свете. Ты — мой корень. Я являю миру свои ветви и блестящие на солнце листочки, но прихожу сюда, чтобы сосать воду жизни из твоей почвы.

— Лейел Фоска — капиллярный источник. Ты — дерево, я — земля.

— В которой полным-полно удобрений.

Она поцеловала его. Поцелуем, напомнившим ему о днях юности. Его приглашали. И приглашение это Лейел принял с радостью.

Помягчавший под ними прямоугольник пола послужил им кроватью. Потом Лейел лежал рядом с Дит, обняв рукой ее талию, положив голову на плечо, лаская губами грудь. Он помнил, что когда-то ее груди, маленькие и твердые, стояли, словно два памятника. Теперь же, когда Дит лежала на спине, они расплывались, как две медузы.

— Ты — потрясающая женщина, — прошептал Лейел, щекоча губами кожу.

Их расплзшиеся, дряблые тела теперь были способны на страсть, не доступную ранее. Тогда они могли похвастаться только потенциалом. Именно это мы любим в юных, сильных, крепких телах — потенциал. Ныне ее тело многого добилось. Трое прекрасных детей сначала расцвели, а потом созрели на этом дереве, а потом покинули его и пустили корни где-то еще. Напряжение юности уступило место расслаблению плоти. В их любовных утехах уже не было каких-либо ожиданий. Они дарили друг другу наслаждение.

— Это ритуал, знаешь ли, — прошептала Дит ему на ухо. — Техническое обслуживание общности.

— Значит — я всего лишь участник другого эксперимента?

— И достаточно удачного. Я проверяю, сохранится ли наша маленькая общность до того момента, как один из нас отойдет в мир иной.

— А если ты уйдешь первой? Кто тогда напишет статью?

— Ты. Но подпишешься моим именем. Я хочу полу-

чить за нее медаль Империи. Пусть и посмертно. Приклеишь ее к моему могильному камню.

— Я буду носить ее сам. Если ты настолько эгоистична, что готова переложить на меня всю работу, то не заслуживаешь ничего другого, кроме дешевой копии.

Дит шлепнула его по спине.

— Какой же ты противный, эгоистичный старикашка. Настоящую медаль или ничего.

Наверное, он заслуживал этого шлепка. Противный, эгоистичный старикашка. Если бы Дит только знала, сколь она права. Ведь был же момент в кабинете Гэри, когда он едва не отрекся от всего, что они делили пополам. Эти слова могли возвести между ними непреодолимую стену. Лететь на Терминус без нее! Лучше бы лишиться сердца, печени, мозга!

Как он мог подумать, что хочет лететь на Терминус? Очутиться среди академиков, которых всю жизнь презирал, спорить с ними о том, какой должна быть Энциклопедия. Каждый из них боролся бы за свой крошечный клочок знаний, даже не пытаясь представить себе весь проект в целом, не понимая, что толку от Энциклопедии не будет, если она будет расчленена на клеточки. Это была бы не жизнь, а ад, и в конце концов он бы потерпел поражение, потому что любые перемены академикам чужды.

Здесь, на Тренторе, он еще мог чего-то достигнуть. Может, даже ответить на вопрос об истоках человечества, по крайней мере, для себя. Возможно, она даже сумеет сделать это открытие достаточно скоро. И тогда эта информация попадет в «Энциклопедию Галактики» до того, как начнут рушиться границы Империи и Терминус будет отрезан от остального человечества.

И тут его словно громом поразило.

— Какой стыд!

— Это ты о ком? Обо мне?

— О Гэри Селдоне. Со всеми его разговорами о том, что задача его Фонда — создать «Энциклопедию Галактики».

— Осторожнее, Лейел. — Едва ли «кобы» имели

возможность узнать, что происходит в квартире Лейела Фоски, но стопроцентной гарантии не дал бы никто.

— Он говорил мне об этом двадцать лет тому назад. То был один из его первых психосторических прогнозов. Империя начнет рушиться на границах. Он спрогнозировал, что это произойдет при жизни следующего поколения. Тогда, конечно, это были грубые прикидки. Теперь, полагаю, точность не превышает года. Может, и месяца. Естественно, базой для своего Фонда он выбрал Терминус. Планету, столь удаленную, что ее одной из первых отрежет от метрополии. От Трентора. О Терминусе забудут сразу же!

— А что в этом хорошего, Лейел? Они ничего не узнают о новых открытиях.

— Что ты говорила о нас? Мы — дерево. А наши дети — плоды этого дерева.

— Я никогда этого не говорила.

— Значит, этот образ сложился у меня в голове. Гэри сбрасывает свой Фонд на Терминус, как плод Империи. Чтобы со временем он вырос в новую Империю.

— Ты пугаешь меня, Лейел. Если «кобы» услышат твои слова...

— Старый, хитрый лис. И как ловок! Он ведь ни разу ни в чем не солгал мне. Разумеется, он не мог послать меня на Терминус. Если бы старший Фоска очутился на Терминусе, Империя никогда бы не выпустила из виду эту планету. Забыла бы про все окраины, но только не Терминус. Появись я на Терминусе, на настоящем проекте был бы поставлен крест. — Лейел испытывал безмерное облегчение. Конечно же, Гэри ничего не мог ему сказать, его кабинет прослушивался «кобами». А значит, отказ никоим образом не связан с ним или Дит. И его отношения с Гэри не дали трещину. Отказ — всего лишь очередная кара за то, что все богатства рода Фоска принадлежат ему.

— Ты действительно так думаешь? — спросила Дит.

— Я показал себя круглым идиотом, не поняв это раньше. Но таким же идиотом показал себя и Гэри, если подумал, что я об этом не догадаюсь.

— Может, он рассчитывает, что ты догадаешься обо всем.

— О, никому не дано догадаться обо всем, что делает Гэри. В его мозгу больше извилин, чем поворотов на гипертрассе, пересекающей Вселенную. И сколько бы ты ни прошел по ней, за последним поворотом обязательно будет стоять Гэри, чтобы радостно кивнуть и поздравить тебя с тем, что тебе удалось забраться так далеко. Он обогнал нас всех. Все распланировал, и мы обречены лишь на то, чтобы идти по его следам.

— Обречены?

— Когда-то я думал, что Гэри Селдон — бог. Теперь я знаю, что могущества у него поменьше. Он всего лишь судьба.

— Нет, Лейел. Не надо так говорить.

— Даже не судьба. Он — наш проводник. Гэри видит будущее и указывает нам путь.

— Ерунда, — она выскользнула из-под Лейела, встала, сняла с крючка на стене халат. — Голой лежать холодно. Возраст уже не тот.

Ноги Лейела дрожали, но не от холода.

— Будущее — его, настоящее — твое, но прошлое принадлежит мне. Я не знаю, как далеко в будущее завели его вероятностные кривые, но я знаю, что, уходя в прошлое, я могу пройти никак не меньший путь.

— Только не говори мне, что ты собираешься открыть истоки, с которых берет начало человеческая цивилизация. Ты же сам доказал, что ответа на этот вопрос искать не стоит.

— Я доказал, что нет необходимости искать планету, с которой человечество начало распространяться по Галактике. Скорее всего, это просто невозможно. Но я также сказал, что мы можем открыть естественные законы, определяющие происхождение человека. Потому что силы, которые создали нас как человеческих существ, по-прежнему существуют во Вселенной.

— Я прочитала все, что ты написал, знаешь ли. Ты указывал, что поиск ответа на этот вопрос — задача следующего тысячелетия.

— А вот сейчас, прямо сейчас, лежа на полу, я уви-

дел ответ. Он где-то близко, совсем рядом. Как-то он связан с работой Гэри, с твоей работой и с деревом.

— Дерево я упомянула в том контексте, что ты нужен мне, Лейел. Оно не имеет отношения к истокам человечества.

— Ответ исчез. Я увидел его на доли секунды, а потом он исчез. Но я смогу его разыскать. Потому что он — в твоей работе, в Фонде Гэри, в падении Империи, в этом чертовом персиковом дереве.

— Я никогда не говорила, что это персиковое дерево.

— В детстве я играл в персиковом саду нашего поместья на Холдуотере. Поэтому слово «дерево» всегда ассоциируется у меня с персиковым деревом. Это одно из самых сильных воспоминаний.

— Какое счастье. Я-то боялась, что о персиках тебе напоминают мои старенькие груди, когда я наклоняюсь над тобой.

— Раскрой халат. Дай-ка взглянуть, напоминают ли они мне персики.

* * *

Лейел оплатил похороны Гэри. Обошлось без пышных церемоний. Хотя Лейел и хотел организовать похороны по высшему разряду. Как только он услышал о смерти Гэри (удивления она не вызвала, первый удар превратил его в инвалида, прикованного к креслу-каталке), его сотрудники начали готовить панихиду, достойную величайшего ученого тысячелетия. Но к Лейелу заглянул комиссар Ром Диварт и намекнул, что любая форма общественных похорон будет...

— Скажем так — неуместна.

— Этот человек — величайший гений. Он создал науку, которая указывает будущее, заменил знанием те бредни, которыми потчевали нас прорицатели и... и... экономисты.

Рома Диварта рассмешила эта шутка Лейела. Естественно, он и Лейел дружили с детства. Собственно, Ром был единственным другом детства Лейела, отно-

шение которого не менялось в зависимости от того, богатели Фоски или беднели. Причина заключалась в том, что богатством Диварты не уступали, а то и чуть превосходили Фоску. И дети играли вместе, не испытывая друг к другу ни зависти, ни трепета.

Два тяжелых, ужасных года у них был даже один учитель. Этот период начался убийством отца Рома, а закончился казнью его деда. Последняя так возмутила аристократию, что безумного императора лишили власти и контроль над Империей перешел к Комиссии общественной безопасности. А потом, как юный глава одного из великих родов, Ром отправился в долгий путь по политической лестнице, который привел его практически на самую вершину.

Позднее Ром говорил, что он очень благодарен Лейелу за те два года. Лейел показал ему, что в мире есть не только зло. И, если бы не дружба Лейела, он бы скорее всего покончил с собой. Лейел, однако, всегда думал, что это чистая показуха. Потому что Ром был прирожденным актером. И этот талант позволял ему устраивать представления на самой грандиозной сцене Вселенной — в политическом театре Империи. Наверное, и уйти ему предстояло так же эффектно, как и его отцу, и деду.

Но Ром, конечно же, не был шутом гороховым. И никогда не забывал друга детства. Лейел это знал. Знал он и другое: раз с посланием от Комиссии общественной безопасности пришел сам Ром, сие означало, что он боролся изо всех сил, чтобы послание это было как можно мягче. Поэтому Лейел сначала выразил свое недовольство, а потом пошутил. Таким образом он хотел показать, что согласен не вставать в позу.

Однако до самих похорон Лейел не подозревал, сколь опасна была для него дружба с Гэри Селдоном, и как глупо он себя повел, не забыв старика и после смерти. Линг Чен, верховный комиссар, не занял бы высший пост в Империи, если бы вовремя не вычислял потенциальных противников и не избавлялся от них. Гэри тонкими маневрами сумел поставить верховного комиссара в такое положение, когда убийство ученого

грозило Чену куда более опасными последствиями, чем разрешение на создание Фонда на Терминусе. Но теперь Гэри умер и Чен брал на заметку всех, кто скорбел о его смерти.

Скорбел Лейел... Лейел и сотрудники Гэри, которые оставались на Тренторе, чтобы до самой смерти директора поддерживать контакт с основной базой Фонда на Терминусе. Лейелу, конечно, следовало бы крепко подумать, прежде чем заниматься похоронами. Даже живого Гэри не заботило, кто придет попрощаться с ним. А уж мертвого тем более. Лейел не верил, что смерть вознесла его друга, откуда он теперь и наблюдает за собственными похоронами. Нет, просто Лейел чувствовал, что должен пойти на похороны и должен на них выступить. Не для Гэри. Для себя. Чтобы оставаться самим собой, Лейел считал необходимым дать публичную оценку и Гэри Селдону, и его достижениям.

Кто его услышал? Немногие. Дит, которая подумала, что надгробное слово могло бы быть не столь расплывчатым. Сотрудники Гэри, которые осознавали, сколь велика опасность, и морщились при перечислении Лейелом заслуг покойного. Называя эти заслуги и тем самым подчеркивая, что такое было под силу только Селдону, Лейел Фоска ясно давал понять, что с интеллектуальным потенциалом в Империи просто беда. Слушали Лейела и «кобы». Они отметили, что оратор согласился с Гэри Селдоном в неизбежности падения Империи. Более того, указал, что Галактическая Империя, скорее всего, уже рухнула, поскольку центральная власть уже не контролирует Галактику.

Если бы сказал это кто-то другой, да еще в такой маленькой аудитории, его слова пропустили бы мимо ушей, разве в досье этого человека появилась бы пометка: «Запрещено занимать любую должность, открывающую доступ к секретным документам». Но правильность взглядов человека, в свое время представшего перед судом Комиссии общественной безопасности, подтвердил глава семьи Фоска. И Комиссия, вернее Верховный комиссар, принял превентивные меры: Ле-

йел Фоска мог представлять для него куда более серьезную угрозу, чем Гэри Селдон.

Если бы Лейелу того хотелось, он стал бы одним из ведущих игроков на политической сцене Империи. Статус главы семьи Фоска гарантировал ему место в Комиссии общественной безопасности рядом с Ромом Дивартом и Лингом Ченом. Конечно же, такой пост подразумевал постоянные контакты с наемными убийцами (пришлось бы как избегать покушений, так их и готовить) и многочисленными «полевыми командирами», узурпировавшими власть на границах империи. Дед Лейела занимался этим всю жизнь, но отец выбрал другой путь, а сам Лейел просто с головой ушел в науку, вычеркнув политику из круга своих интересов.

Пока не плюхнулся в нее с головой, оплатив похороны Гэри Селдона и выступив с речью над его могилой. Что за этим могло последовать? В Империи нашлось бы с тысячу «полевых командиров», которые тут же подняли бы мятеж в надежде стать Императором, если бы Фоска обещал кому-нибудь свою поддержку, с ней видимость законности и деньги.

Поверил Линг Чен, что в столь преклонном возрасте Лейел решил вернуться в политику? Увидел ли он в Лейеле серьезную угрозу?

Скорее всего нет. Если бы увидел, то наверняка убил бы и самого Лейела, и всех его детей, оставив разве кого-то одного из самых маленьких внуков. К нему Чен приставил бы преданных верховному комиссару опекунов, а уж через них распоряжался бы состоянием Фоски, как своим собственным.

Однако Чен поверил лишь в то, что Лейел может представлять собой угрозу. И принял те самые превентивные меры, для него очень даже либеральные.

И через неделю после похорон в доме Лейела вновь появился Ром.

Лейела порадовал приход друга.

— Надеюсь, на этот раз твой визит не связан с тем печальным событием. Жаль только, что Дит опять в Библиотеке, она там с утра и до вечера, а мне бы хотелось...

— Лейел, — Ром коснулся пальцами губ Лейела.

Лейел помрачнел. Значит, Ром вновь пришел по делу. И, как скоро выяснилось, с неприятной вестью. Заговорил Ром, как автомат, повторяя заранее заученную речь:

— «Комиссия общественной безопасности озабочена тем, что в ваши преклонные годы...»

Лейел уже открыл рот, чтобы протестовать, но Ром вновь остановил его, снова прикоснувшись пальцами к губам.

— «...что в ваши преклонные годы управление поместьями Фоски отвлекает вас от научной работы, имеющей неопределимое значение для Империи. Необходимость новых научных открытий и осознание того, что именно ваша работа может привести нас к ним, Комиссия общественной безопасности образовала Фонд для управления всеми поместьями и активами, принадлежащими семье Фоска. За вами, разумеется, остается право неограниченного доступа к этим средствам для проведения научных работ на Тренторе. Будет продолжаться субсидирование в прежнем объеме всех библиотек и архивов, которое ранее проеодилось вами. Естественно, Комиссия не ждет от вас выражения благодарности, поскольку мы лишь выполняем наш долг перед одним из достойнейших граждан Империи, однако если у Комиссии не возникнет возражений, если вы захотите обратиться к общественности с коротким благодарственным заявлением...»

Лейел, конечно же, все понял. Его лишили состояния и посадили под арест на Тренторе. Протестовать не имело смысла. Не имело смысла обижаться на Рома, ставить ему в вину, что именно он принес столь горькую весть. Более того, опасность нависла и над Ромом. Если бы Лейел только намекнул, что ожидал поддержки Рома, его дорогой друг наверняка лишился бы всех постов. Поэтому Лейел мрачно кивнул и ответил, тщательно подбирая слова:

— Пожалуйста, передай комиссарам, что я очень признателен им за заботу. Давно уже никто не пытался облегчить ношу, лежащую на моих плечах. Я прини-

маю их доброе предложение. И очень ему рад, потому что теперь ничто не будет мешать мне заниматься наукой.

Напряжение спало. Ром понял, что Лейел не доставит ему лишних хлопот.

— Мой дорогой друг, теперь я буду спать крепче, зная, что ты на Тренторе, работаешь или гуляешь по паркам.

Значит, они решили не держать его взаперти. Конечно, с планеты его не выпустят, но почему не спросить об этом.

— Может, у меня даже появится время, чтобы иногда погостить у внуков.

— Лейел, мы с тобой слишком стары, чтобы наслаждаться полетами в гиперпространстве. Предоставь это молодым... Они могут навещать тебя в любое время. Или оставаться дома, если навесить тебя решат их родители.

И последние фразы Лейел истолковал правильно: если его дети прилетят на Трентор, чтобы навесить родителей, их дети останутся в заложниках и наоборот. Ему же с Трентора улетать не велено.

— Тем лучше, — улыбнулся Лейел. — У меня будет время написать несколько книг, которые я давно собирался опубликовать.

— Империя с нетерпением ждет каждый научный шедевр, который выходит из-под твоего пера, — сказано это было с упором на слово «научный». — Но я надеюсь, ты не будешь утомлять нас занудной автобиографией.

На это ограничение Лейел согласился с завидной легкостью.

— Обещаю, Ром. Ты знаешь лучше других, какая скучная была у меня жизнь.

— Да перестань, Лейел. У кого жизнь скучная, так это у меня. Бесконечные бумажки и бюрократическая суета. Ты же у нас на гребне науки. Кстати, мой друг, Комиссия надеется, что ты позволишь нам первыми взглянуть на каждую твою новую книгу.

— Если только ты пообещаешь прочитать ее внима-

тельно и указать на допущенные мною ошибки. — Конечно же, Комиссию интересовали только политические аспекты его будущих книг, а писать о политике он не собирался. Лейел уже решил для себя, что ничего не будет писать, во всяком случае, до тех пор, пока Линг Чен занимает пост верховного комиссара. В сложившейся ситуации оптимальный вариант для него — залечь на дно, чтобы Чен совершенно о нем забыл. И уж конечно не напоминать о своем существовании, посылая новые книги и статьи в Комиссию общественной безопасности.

Но Ром еще не закончил.

— Это требование распространяется и на работу Дит. Мы должны увидеть результаты первыми... скажи ей об этом.

— Дит? — впервые Лейел позволил выплеснуться наружу переполняющей его ярости. Почему Дит должна страдать за его грехи? — Ей не позволит скромность, Ром. Она не считает, что ее работа достаточно важна для того, чтобы отнимать время у таких занятых людей, как комиссары. Она подумает, что вы хотите видеть ее работу только потому, что она — моя жена. Ее раздражает, когда люди покровительствуют ей.

— Однако я настаиваю, Лейел. Скажи ей, что Комиссию очень интересуют ее работы, в которых исследуется функционирование бюрократии Империи.

Ну да. Естественно. Чен никогда не позволил бы опубликовать книгу о том, как работает государственная машина, не убедившись, что книга эта не представляет опасности для государства. Так что он, Лейел, не виноват в том, что Комиссия решила подвергнуть цензуре работы Дит.

— Я ей скажу, Лейел. Она будет польщена. Но почему бы тебе не остаться и не порадовать ее самому? Я принесу тебе чашку пешата, мы поговорим, вспомним прежние времена...

Лейел очень бы удивился, прими Ром его предложение. Нет, разговор этот дался Рому ничуть не легче, чем ему самому. Рома унизили, заставив зачитывать приговор Комиссии другу детства. Тем самым Верховный ко-

миссар еще раз подчеркнул, что семья Ченов стоит выше семьи Дивартов. И уже после того, как Ром откланялся и ушел, Лейел подумал, что Чен, возможно, допустил роковую ошибку. Это унижение, которое испытывал Ром, объявляя другу детства о том, что тот посажен под домашний арест, могло стать последней каплей, переполнившей чашу терпения. В конце концов, хотя никто так и не смог установить заказчика убийства отца Рома, и никто не узнал, каким образом дед Рома попал в руки безумного императора Вассинивака, не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что наибольшую выгоду от этих двух событий получила семья Ченов.

— Я с радостью бы остался, — ответил Ром, — но долг зовет. Однако будь уверен, что я часто о тебе думаю. Правда, вижу тебя не таким, как сейчас: Старая ты калоша. Я вспоминаю тебя мальчишкой, вспоминаю, как мы разыгрывали нашего учителя. Помнишь, как мы перенастроили его дисплей и целую неделю, стоило кому-то открыть дверь его кабинета, он транслировал порнографические фильмы.

Лейел не мог не рассмеяться.

— Ты ничего не забываешь.

— Бедолага и представить себе не мог, что это наша работа. Куда оно подевалось, наше детство? Жаль, что мы не можем навеки оставаться молодыми, — он обнял Лейела и ушел.

Линг Чен, ты перегнул палку. Твои дни сочтены. Ни один из «кобов», подслушивавших этот разговор, понятия не имел о том, что Ром и Лейел никогда не разыгрывали учителя и уж конечно не перенастраивали его дисплей. Таким способом Ром дал Лейелу понять, что они по-прежнему союзники, что у них есть свои секреты, а того, кто попытался показать свою власть над ними, вскорости ждут неприятные сюрпризы.

По телу Лейела пробежала дрожь, когда он подумал, что из этого может выйти. Он любил Рома Диварта всем сердцем, но знал, что Ром может выждать момент, а потом убить — хладнокровно и безжалостно. Линга Чена только что выбрали Верховным комиссаром на

очередной шестилетний срок. Но Лейел уже знал, что новый Верховный комиссар появится гораздо раньше. И будет им уже не Чен.

Скоро, однако, Лейел начал осознавать, как жестоко с ним обошлись. Он всегда думал, что богатство для него ничего не значит, что он останется тем же человеком и без огромного состояния семьи Фоска. Теперь же он отдавал себе отчет, что это не так, что он лгал себе. С детства он знал, какими подонками могут быть богатые и облаченные властью люди: его отец позаботился о том, чтобы Лейел понял, какими жестокими становятся те, кто думает, что за деньги им дозволено все. С тех пор Лейел испытывал презрение к себе подобным, это чувство он разделял с отцом, притворялся, что в этом мире можно полагаться только на ум и способности, старался вести себя так, словно происходит он из обычной семьи и получил самое обычное образование. Он так преуспел в своем притворстве, что сумел убедить себя, будто собственное богатство ему до лампочки.

Теперь же ему стало ясно, что состояние семьи Фоска — его невидимая, но неотъемлемая часть, которая неразрывно связана с его телом: словно он взмахивал рукой — и в небо поднимались звездолеты, мигал — и в глубь земли уходили шахты, вздыхал — и по всей Галактике проносился ветер перемен. Комиссия своим решением ампутировала эти невидимые части тела и органы чувств. Он превратился в калеку — у него осталось столько же ног, глаз, рук, что и у обычного человеческого существа.

Наконец-то он стал тем, кого изображал в своем притворстве. Обыкновенным, бессильным и бесправным человечком. Лейелу его новый статус совершенно не нравился.

В первые часы после ухода Рома Лейел делал вид, что ничего особенного не произошло. Сидел за кафедрой, пролистывал страницы, но его память не регистрировала ни слова. Как же он хотел, чтобы Дит была с ним, чтобы он мог посмеяться с ней на пару, показывая, что решение Комиссии ничуть не задело его.

Потом он, наоборот, радовался тому, что Дит с ним нет: одно сочувственное прикосновение ее руки, и он, наверное, уже не смог бы сдержать переполняющих его чувств.

В итоге он их и не сдержал. Думая о Дит, о своих детях и внуках, обо всем, что они потеряли из-за его опрометчивого поступка (кто же знал, что ему так аукнутся эти похороны), Лейел упал на помягчевший под его телом пол и горько разрыдался. Пусть Чен все это увидит и услышит! Пусть насладится своей победой! Я найду возможность уничтожить его, мои люди по-прежнему мне преданы, я соберу армию, я найму киллеров, я свяжусь с адмиралом Сиппом, и тогда рыдать будет Чен, моля о пощаде, но от меня он ее не дождется, я...

Дурак.

Лейел перевернулся на спину, вытер лицо рукавом, полежал с закрытыми глазами, успокаиваясь. Никакой мести. Никакой политики. Это работа для Рома, не для Лейела. Слишком поздно входить в игру, да и кто поможет ему теперь, когда он лишен всего? И денег. И влияния. С этим уже ничего не поделаешь.

Да Лейел и не хотел ничего делать. Они же гарантировали субсидирование его архивов и библиотек. Гарантировали финансирование исследований. А по большому счету, ничто другое его особо и не волновало. Управление состоянием рода Фоска он давно уже поручил другим людям. Теперь эту работу будет выполнять созданный Ченом фонд. И его дети не пострадают, он воспитывал их на тех же принципах, которые исповедывал сам, поэтому их карьеры не зависели от богатств семьи. Дети у него выросли славные: они потеряли бы уважение к себе, если б не смогли найти свой путь в этом мире. Безусловно, их не минует разочарование, когда они узнают, что лишены наследства. Но это известие их не раздавит.

Да и я не раздавлен. Все эти лживые слова, которые произносил Ром, на самом деле — правда, только другие комиссары этого не понимают. Все жизненно необходимое осталось при мне. Я действительно не доро-

жил своим состоянием. Я и теперь могу оставаться тем же человеком, каким был и раньше. У меня даже появится возможность узнать, кто мои настоящие друзья, кто будет и дальше ценить меня за мои научные достижения, а кто будет презирать за бедность.

И к тому времени, как Дит вернулась из библиотеки, а возвращалась она обычно поздно, Лейел с головой ушел в работу, просматривая статьи и книги, связанные с попытками найти истоки человечества, стараясь понять, какие из догадок являются очередным шагом к истине, а какие уводят в сторону. Чтение так увлекло его, что первые пятнадцать минут после ее прихода он весело рассказывал Дит о тех глупостях, с которыми ему пришлось сегодня столкнуться, а уж потом поделился с ней удивительной мыслью, которая-таки сверкнула у него в голове:

— Что, если вид человека — не единственная ветвь на нашем семейном дереве? Что, если есть виды приматов, которые выглядят точно так же, как мы, но не могут скрещиваться с нами, обладают свойствами, отличными от наших, а мы этого даже не знаем, мы думаем, что все люди такие же, как мы, но здесь и там, по всей Империи, есть городки, города, а то и целые планеты, заселенные людьми, в которых нет ничего человеческого.

— Но, Лейел, мой многоуважаемый муж, если они выглядят, как мы, и ведут себя, как мы, значит, они такие же, как мы.

— Но ведут-то себя они не так, как мы. В этом вся разница. У них совершенно другой набор правил и допущений. Только они не знают, что мы — иные, и мы не знаем, что они — не такие, как мы. И даже если бы у нас возникли такие подозрения, полной уверенности у нас быть не могло. Просто два различных вида, живущие бок о бок и никогда не подозревавшие об этом.

Дит поцеловала его.

— Бедный мой дурачок, никакая это не догадка, это правда жизни. Ты только что описал отношения между мужчинами и женщинами. Два совершенно различных вида живут бок о бок и думают, что они одинаковые.

А удивительное, Лейел, состоит в том, что они продолжают спариваться и иметь детей — иногда девочек, иногда мальчиков, — и все это время они не могут понять, почему один вид никак не понимает другой.

Он рассмеялся, обнял жену.

— Ты, как всегда, права, Дит. Если бы я сумел понять женщин, тогда, наверное, смог бы ответить на вопрос: а что делает мужчин людьми?

— Ничто и никогда не сделает мужчин людьми, — возразила Дит. — Каждый раз, когда им кажется, что цель уже близка, они спотыкаются об эту проклятую игрек-хромосому и вновь превращаются в животных, — и она ткнулась губами в его шею.

Вот тогда, обнимая Дит, он рассказал ей о визите Рома. Она ничего не сказала, лишь крепче прижала к себе. Потом они поужинали и провели вечер так, словно ничего экстраординарного не произошло.

И только позже, в кровати, когда Дит уже глубоко заснула, Лейел подумал, что проверку предстоит пройти и Дит. Любит ли она его теперь, когда он, Лейел Фоска, — ученый на пенсии, а не лорд Фоска, владетель миров? Разумеется, ей кажется, что любит. Но ведь Лейел никогда не замечал, как сильно он зависел от своего богатства. Возможно, и Дит понятия не имела, что любила она не только самого Лейела, но и могущество, которым он обладал. И хотя он не кичился этим могуществом, оно всегда оставалось при нем, словно твердь под ногами, которую не замечаешь, пока она не исчезает, уступая место трясине.

Еще раньше она начала удаляться от него, все больше и больше растворяясь в общности женщин-библиотекарей. Теперь этот процесс, наверное, ускорится, и Лейел будет играть все меньшую роль в ее жизни. Нет, нет, ничего драматического вроде развода не будет. Появится маленькая щелочка между ними, пустое пространство, которое потом превратится в бездонную пропасть. Мое богатство было частицей меня, теперь его нет, я уже не тот человек, которого она любила. Она может даже не знать того, что больше не любит меня. Просто будет все больше и больше погружаться в свою

работу, а когда через пять или десять лет я умру от старости, поскорбит, а потом внезапно поймет, что горе ее не так уж и велико. Собственно, даже не горе это, а сожаление. И она займется своими делами, даже не вспоминая, что была моей женой. Я исчезну из памяти человечества, оставшись разве что в нескольких научных работах да в библиотеках.

Превращусь в ту самую информацию, которая безвозвратно теряется в забытых архивах. Исчезает бит за битом, незаметно, а в конце концов пропадает бесследно. И остается пустота.

Дурак. Такое случается с каждым. Даже Гэри Селдона забудут, скорее раньше, чем позже, если Чен удержится у власти. Мы все умрем. Затеряемся на тропях времени. После нас останется только то новое, что мы дали обществу. В котором жили. Те знания, которые стали достоянием человечества благодаря нам, пусть люди и забудут, кто принес эти знания. Так случилось с историей Ринджи. Она забыла, может, даже не знала, что Дит и была библиотекарем, о котором шла речь. Но история-то осталась. Общность библиотекарей стала другой, потому что ее членом была Дит. Благодаря этому общность стала чуть смелее, чуть сильнее. Она оставила о себе след.

А потом, вспышкой молнии, вновь промелькнуло то самое откровение, внезапное осознание того, что он знает ответ на столь долго мучивший его вопрос.

В это мгновение Лейел держал ответ в руках, а потом он ускользнул. И Лейел никак не мог его вспомнить. Ты спишь, беззвучно сказал он себе. Тебе лишь приснилось, что ты знаешь, где лежат истоки человечества. Такие они, эти сны: истина невообразимо прекрасна, да только удержать ее невозможно.

* * *

— Как он держится, Дит?

— Трудно сказать. Думаю, нормально. Он и раньше редко покидал Трентор.

— Да перестань, не может он так легко с этим сжиться.

— Легко и не получается.

— Расскажи мне.

— С социальным общением все просто. Обычно мы никуда и не ходили, а теперь нас просто не приглашают. Общение с нами опасно для карьеры. А те мероприятия, которые не могли обойтись без нашего присутствия, отменили. Вернее, перенесли на более поздний срок. Ты понимаешь — мы позвоним вам, как только будет назначена новая дата.

— Он не обижается?

— Ему это очень даже нравится. Он всегда ненавидел эти сборища. Но они отменили его выступления. И лекционный курс по человеческой экологии.

— Это удар.

— Он делает вид, что ему без разницы. Но он решает какую-то проблему.

— Расскажи поподробнее.

— Работает целыми днями, но больше ничего мне не зачитывает, не просит подсесть к дисплею, едва я прихожу домой. Думаю, он ничего не пишет.

— Ничего?

— Да. Только читает. И все.

-- Может, подбирает материал для какого-то исследования.

— Ты не знаешь Лейела. Он думает, записывая свои мысли. Или озвучивая их в разговоре. Нет и этого.

— Он с тобой не разговаривает?

— Он отвечает. Я пытаюсь рассказать ему о том, что мы делаем в Библиотеке, но слышу в ответ какое-то бурчание.

— Ему не нравится твоя работа?

— Дело не в этом. Моей работой он всегда интересовался ничуть не меньше, чем своей. И он не говорит о своей работе. Я его спрашиваю, но он ничего не говорит.

— Это неудивительно.

— Ты думаешь, все так и должно быть?

— Нет. Но это неудивительно.

— А что с ним происходит? Скажи мне, если знаешь.

— Сказать я могу, да что толку. Мы называем это Эс-пэ-эл — Синдром потери личности.

— Эс-пэ-эл. Что в этом случае происходит?

— Дит, перестань, ты же ученый. Чего ты от меня ждешь? Ты только что описала мне поведение Лейела, я сказала тебе, что называется такое состояние Эс-пэ-эл, ты хочешь знать, что такое Эс-пэ-эл и что мне теперь делать?

— Описать мне поведение Лейела. Какая же я идиотка.

— По крайней мере, ты можешь смеяться. Это хорошо.

— Скажи хоть, чего мне ждать?

— Полного ухода от тебя, от всех. Со временем он полностью утратит контакт с обществом. Не исключены и опрометчивые поступки. К примеру, публичные заявления против Чена.

— Нет!

— Или он оборвет все старые связи, уйдет от тебя, а затем возродится в новой системе ценностей.

— И вновь обретет счастье?

— Безусловно. Станет счастливым, но не сможет принести никакой пользы Второй Академии. И при этом превратит тебя в злобную старую каргу, если только ты такой еще не стала.

— Так ты думаешь, что я остаюсь человеком лишь благодаря Лейелу?

— По большей части, да. Он — твой предохранительный клапан.

— В последнее время — нет.

— Я знаю.

— Я стала такой ужасной?

— Пока мы можем тебя терпеть. Дит, если мы хотим когда-нибудь править человечеством в уверенности, что мы этого достойны, не следует ли нам для начала научиться быть добрее друг к другу?

— Что ж, я рада предоставить тебе возможность проверить свое долготерпение.

— И я рада. Пока мы работаем очень даже неплохо, не так ли?

— Пожалуйста, ты специально тянешь с прогнозом?

— Есть такое. Все, что я сказала, — правда, но ты знаешь не хуже моего, что причинно-следственных моделей поведения столько же, сколько и людей.

— Причина, вызванная неким поступком, приводит к другому поступку, который является следствием этой причины. Уколом гормонов здесь не обойтись.

— Дит. Он же не знает, кто он для нас.

— Могу я ему помочь?

— Да.

— Как? Что я должна сделать?

— Это только догадка, поскольку я с ним еще не говорила.

— Разумеется.

— Ты проводишь дома слишком мало времени.

— Не могу там находиться. Он все время молчит.

— Отлично. Приводи его сюда.

— Он не пойдет.

— А ты его подтолкни.

— Мы практически не разговариваем. Не знаю, прислушается ли он ко мне.

— Дит. Ты сама написала: «Общности, которые налагают на своих членов минимум или никаких обязательств, не могут рассчитывать на их верность. При прочих равных условиях членов общности, которые чувствуют, что без них общности не обойтись, отличает наибольшая преданность».

— Ты это запомнила?

— Психостория — это психология планетарного населения, но население любой планеты может классифицироваться только как общность. Статистические закономерности, выведенные Селдоном, могли предсказать будущее лишь для одного-двух поколений, пока ты не опубликовала свои теории общностей. А все потому, что статистика не может охватить и причину, и следствие. Статистика говорит нам, что произошло, но не объясняет, почему, не показывает результата. Через

поколение или два существующая статистика тихо отомрет, станет никому не нужной, потому что возникнут совсем другие общности с новыми параметрами. Твоя теория дала нам возможность предсказать, какие общности выживут, какие будут расти, какие — хиреть. Нашим прогнозам стали подвластны и пространство, и время.

— Гэри никогда не говорил мне, что использует теорию общности в своих основных расчетах.

— Как он мог тебе об этом сказать? Ему приходилось балансировать на лезвии ножа: с одной стороны, подтверждать своими публикациями важность психистории для будущего Империи, с другой — дозировать информацию, чтобы вне Второй Академии никто не смог продублировать или продолжить его работу. Твоя теория была краеугольным камнем, но сказать тебе об этом он не мог.

— А сейчас ты говоришь мне об этом, чтобы поднять мне настроение?

— Конечно. Именно поэтому. Но мои слова — правда, потому что ложь настроения тебе не поднимает, так? Статистика — это годовые кольца на срезе ствола. Они многое скажут об истории. Скажут, сколько питательных веществ получало дерево, когда была засуха, когда — наводнение. Но эти кольца не скажут, сколько на дереве было ветвей, какие из них развивались лучше, какие — хуже, какие тянулись к небу, а какие — отмирали.

— Но ты же не можешь определить количество общностей, не так ли? В их основе легенды и ритуалы, которые связывают людей.

— Вот это нам как раз под силу. В своей работе мы сильны, Дит. Так же, как и ты. Так же, как и Лейел.

— У него важная работа! В конце концов, истоки человечества — вопрос исторический.

— Ерунда, и ты это знаешь. Лейел оставил за скобками исторические вопросы, его интересует совсем другое. Принципы, по которым жизнь людей можно отдифференцировать от жизни других особей. Если он

их найдет... Разве ты не понимаешь, Дит? Тогда человечество будет воспроизводиться на любой планете, в любой семье, в любом индивидууме. Мы рождаемся животными, и мы учим друг друга становиться людьми. Каким-то образом. И очень важно определить, каким именно. Важно для психостории. Важно для Второго основания. Важно для человечества.

— Значит... твоя забота о Лейеле — не чистый альтруизм.

— Мы заботимся о Лейеле. Так же, как и ты. Хорошие люди всегда заботливы. И добры.

— Это все? Лейел — обычный человек, у которого возникли сложности?

— Он нам нужен. Не только тебе. Нам.

— О, о...

— Чего ты плачешь?

— Я боялась... что веду себя эгоистично... так тревожась из-за него... отнимая у тебя время.

— Наверное, ты никогда не перестанешь удивлять меня.

— Наши проблемы... были только нашими проблемами. Но теперь они не только наши.

— Для тебя это так важно? Скажи мне, Дит... Ты действительно так ценишь эту общность?

— Да.

— Больше, чем Лейела?

— Нет! Но очень ценю... и поэтому виню себя в том, что тревожусь о нем.

— Иди домой, Дит. Сейчас же иди домой.

— Что?

— Твое место там. Это заметно по твоему поведению в последние два месяца, которые прошли после смерти Гэри. Ты стала нервной, раздражительной, и теперь я знаю почему. Ты злишься на нас за то, что мы держим тебя вдали от Лейела.

— Нет, это мой выбор, я...

— Разумеется, это твой выбор! Это твоя жертва во благо Второй Академии. Вот я и говорю тебе — изле-

чить Лейела куда важнее для претворения в жизнь плана Гэри, чем твоя повседневная работа в Библиотеке.

— Ты не выгоняешь меня?

— Нет, я просто прошу тебя уделять меньше времени работе. И постарайся выманить Лейела из квартиры. Ты меня понимаешь? Потребуй этого! Вновь наладь с ним самые тесные отношения, иначе мы его потеряем.

— Привести его сюда?

— Не знаю. В театр. На стадион. На танцплощадку.

— Мы никогда там не бывали.

— А чем вы тогда занимались?

— Научными исследованиями. Обсуждали их.

— Отлично. Приведи его в Библиотеку. Займитесь исследованиями. Обсудите их.

— Но ему придется встречаться с людьми. Он наверняка увидит тебя.

— Хорошо. Хорошо. Мне это нравится. Да, пусть приходит сюда.

— Но я думала, что мы не должны посвящать его в тайны Второй Академии, пока он не будет готов к тому, чтобы принять участие в реализации планов Гэри.

— Я же не говорила, что ты должна представлять меня как Первого спикера.

— Нет, конечно, не говорила. О чем я думаю? Конечно, он может познакомиться с тобой, познакомиться со всеми.

— Дит, послушай меня.

— Да, я слушаю.

— Хорошо, что ты любишь его, Дит.

— Я это знаю.

— Я хочу сказать, хорошо, что ты любишь его больше нас. Больше, чем любого из нас. Больше, чем нас всех. Ну вот, ты опять плачешь...

— У меня...

— ...словно гора упала с плеч.

— Как тебе удастся так хорошо меня понимать?

— Я знаю лишь то, что ты мне показываешь и что говоришь. Это все, что нам известно друг о друге. Помогает только одно: долго лгать о том, какой он или она на самом деле, не может никто. Даже себе.

* * *

Два месяца Лейел, отталкиваясь от статьи Маголис-сян, пытался найти связь между языковыми исследованиями и истоками человечества. Разумеется, сие означало многонедельные пролистывания старых, никому не нужных статей и монографий, которые раз за разом указывали, что языковым центром Империи на протяжении всей ее истории был Трентор, хотя на серьезном уровне *никто* не видел в Тренторе ту самую планету, на которой зародилось человечество. Вновь Лейел отказался от поисков конкретной планеты: он хотел найти закономерности, уникальные события его не интересовали.

Лейел надеялся, что ключ к этим закономерностям лежит в сравнительно недавних, не прошло и двух тысяч лет, работах Дагуэлла Киспиторяна. Родился он на планете Арташат, в очень изолированном регионе, где сохранились традиции первых поселенцев, которые прилетели на Арташат с планеты Армения. Киспиторян вырос среди горцев, которые заявляли, что в стародавние времена они говорили на совершенно другом языке. Самая интересная книга Киспиторяна называлась «*Среди нас нет людей*». А многие легенды горцев начинались словами: «В далеком прошлом, когда ни один человек не понимал нас...»

Киспиторян не смог подняться над традициями, которые внушали ему с детства. Исследуя формирование и эволюцию диалектов, он вновь и вновь наталкивался на свидетельства того, что было время, когда люди говорили не на одном, а на многих языках. Ученые воспринимали как аксиому, что галактический стандарт — это осовремененный язык планеты, на которой зародилось человечество. И хотя в отдельных группах людей могли возникать диалекты, возникновение и построение цивилизации невозможно без языка, понятного всем. Но Киспиторян предположил, что галактический стандарт стал универсальным языком человечества *после* образования Империи. То есть одной из первых задач Империи стало искоренение всех осталь-

ных языков. Горцы Арташата верили, что у них украли их родной язык. Киспиторян посвятил жизнь доказательству их правоты.

Начал он с имен, поскольку общеизвестно, что это наиболее консервативный элемент языка. Он обнаружил, что существовало много различных принципов образования имен, и все они слились в единое целое где-то в седьмом тысячелетии Галактической эры. Одно обстоятельство вызвало у Киспиторяна особый интерес: чем дальше уходил он в глубь веков, тем более разнообразными становились имена.

Зачастую несколько планет исповедовали один принцип образования имен, из чего Киспиторян сделал очень простой вывод: человечество покинуло родную планету, объединенную одним языком, а уж со временем центробежные языковые тенденции приводили к тому, что на каждой вновь освоенной планете язык претерпевал изменения и диалекты расходились все больше и больше. Таким образом, различные языки появились лишь после того, как человечество вышло в космос. И с образованием Галактической Империи возникла необходимость восстановить единый объединяющий людей язык.

Киспиторян назвал свою первую и наиболее известную книгу «*Башня смешения языков*», отталкиваясь от известной легенды о Вавилонской башне. Он предполагал, что эта история появилась еще до создания Империи. Возможно, среди межзвездных торговцев, которые путешествовали от планеты к планете и на собственном опыте узнали, что нет двух планет, говорящих на одном и том же языке. Эти торговцы и были живым доказательством того, что люди, живя на одной планете, говорили на одном языке. Торговцы и являлись носителями этого языка. Они объясняли смешение языков легендой о великом лидере, который построил первую «башню» или звездолет. Согласно легенде, бог наказал этих рвущихся к звездам смельчаков тем, что дал каждому свой язык, а потом заставил их расселиться по разным планетам. Эта легенда подавала смешение языков, как *причину*, а не следствие расселения че-

ловека по Галактике, но мифы зачастую отличались тем, что их причина и следствие менялись местами. Но легенда, безусловно, сохраняла для будущих поколений историческое событие.

Эти работы Киспиторяна находили полное понимание в научной среде. Но, перевалив через сорокалетний рубеж, он начал выдвигать совершенно неприемлемые идеи. Используя компьютеры с подозрительно высоким быстродействием, он приступил к препарированию галактического стандарта. И выяснилось, что многие слова несут в себе совершенно разные фонетические традиции, не совместимые друг с другом. Они просто не могли возникнуть на любой отдельно взятой планете, которая говорила на стандарте или языке, который ему предшествовал в далеком прошлом. Далее выявилось много однокоренных слов, которые вроде бы должны были обозначать близкие понятия, но, преобразованные по правилам галактического стандарта, они стали выражать совсем другое. Такие изменения не могли произойти за относительно короткий, по историческим меркам, период, датированный с одной стороны первым космическим поселением, а с другой — образованием Империи. Очевидно, заявлял Киспиторян, на планете, где зародилось человечество, существовало множество языков, а галактический стандарт стал *первым* универсальным человеческим языком. Человечество на протяжении всей истории разделяли языковые барьеры. И только Империи достало могущества навязать всем людям общий язык.

После этого Киспиторяна, естественно, уже воспринимали как серьезного ученого. А его же собственное толкование легенды о Вавилонской башне использовали против него самого. Он едва не лишился жизни по обвинению в сепаратизме, поскольку в его новых работах явственно чувствовалась тоска по тому времени, когда люди говорили на разных языках. Власти позаботились о том, чтобы лишить его всех фондов и даже на короткое время посадили в тюрьму, поскольку он использовал компьютеры, быстродействие и объем памяти которых превышал установленные законом

пределы. Лейел подозревал, что Киспиторян еще легко отделался. Совершенствование программ, которые он разработал, достигнутые результаты по структурированию языка могли привести к созданию компьютера, который мог понимать и воспроизводить человеческую речь, а такое каралось смертной казнью.

Теперь, конечно, это не имело значения. Но Киспиторян до конца своих дней настаивал на том, что занимается чистой наукой и не его дело судить, хороша или плоха лингвистическая общность Империи. Он лишь сообщал о том, что в далеком прошлом, до образования Империи, человечество говорило на разных языках. И Лейел все больше склонялся к тому, чтобы взять сторону Киспиторяна.

Лейел чувствовал, что, опираясь на исследования Киспиторяна и статью Маголиссьян об использовании языка приматами, он может прийти к очень важному выводу. Но связь эта не давалась в руки. Приматы не создали собственного языка. Они лишь использовали существительные и глаголы, с которыми их знакомили люди. Поэтому ни о каком разнообразии языков не могло быть и речи. Тогда где же связь? Откуда взялось многообразие языков? Имеет ли это отношение к процессу, благодаря которому люди превратились в человечество?

Приматы использовали только крошечную толику галактического стандарта. Как, впрочем, и большинство людей. А большая часть из двух миллионов слов галактического стандарта предназначалась специалистам, которые не могли без нее обойтись. Словарь же среднего, то есть достаточно образованного, человека не превышал нескольких тысяч слов.

И, что самое странное, именно этот сегмент галактического стандарта постоянно менялся. Специальные научные и технические статьи и книги, написанные в 2000 году Галактической эры, без труда читались и теперь. Зато сленговые выражения, особенно в диалогах, которые частенько встречались в литературных произведениях, превращалась в китайскую грамоту уже через пять столетий. Та часть языка, которая связывала са-

мые различные общности, менялась быстрее всего. Но при этом эти изменения происходили практически одновременно по всей Галактике. Объяснения Лейел не находил. Больше всего менялся общий, объединяющий язык. Напрашивался вывод, что в далеком прошлом, когда люди были разъединены, язык каждой группы людей не менялся вовсе.

Не горюй, Лейел. Это не твоя область знаний. Любой компетентный лингвист наверняка знает ответ на этот вопрос.

Но Лейел знал, что это не так. Ученые, специализирующиеся на какой-либо дисциплине, очень редко ставили под сомнение справедливость своих профессиональных аксиом. Лингвисты принимали как данность положение о том, что язык изолированной группы людей или планеты неизбежно более архаичный, менее подвержен переменам. Но они понимали почему.

Лейел поднялся. У него болели глаза: слишком долго смотрел на голограммы. Болели колени и спина: слишком долго просидел в одной позе. Он хотел лечь, но знал, что сразу уснет. Проклятие старости — засыпал он легко, но не мог спать достаточно долго, чтобы встать бодрым и отдохнувшим. Но он не хотел отдавать время сну. Ему хотелось поразмышлять.

Нет, нет. Ему хотелось *поговорить*. Именно так возникали у него лучшие идеи — в процессе разговора, когда вопросы и аргументы собеседника заставляли сконцентрироваться на той или иной проблеме. Словесный поединок повышал уровень адреналина в крови, и в голове возникали парадоксальные, но, как потом выяснялось, правильные мысли.

Где Дит? Прежде он мог говорить с Дит целыми днями. Неделями. Она знала о его исследованиях не меньше, чем он, постоянно спрашивала: «А об этом ты подумал?» — или удивлялась: «Как ты мог такое подумать!» Точно такие же диалоги велись и об ее работе. Но в прошлом.

В прошлом, которое ничем не походило на настоящее. Теперь она в нем не нуждалась, теперь у нее появились друзья в Библиотеке. И не приходилось этому

удивляться. Теперь она не думала, она претворяла свои старые идеи в жизнь. Ей была нужна *Библиотека*, а не *он*. Но вот он не мог обойтись без Дит. Такая мысль приходила ей в голову? Лучше бы я полетел на Терминус... если б получил разрешение этого чертова Гэри. Я остался ради Дит, а в результате ее нет рядом со мной, когда она мне нужна. Какое право имел Гэри решать, что хорошо, а что плохо для Лейела Фоски!

Только решение принимал не Гэри, не так ли? Он бы позволил Лейелу лететь на Терминус... без Дит. И Лейел остался с Дит не потому, что она могла помочь в его научных исследованиях. Он остался с ней, потому что... потому что...

Он не мог вспомнить почему. Любовь, это понятно. Но он не мог сказать, почему этот аргумент был для него таким важным. Для нее точно не был. Ее идея любви в эти дни заключалась в том, чтобы убедить его пойти в Библиотеку. «Ты сможешь работать и там. И мы будем проводить вместе больше времени».

Слова эти говорили сами за себя. Лейел мог остаться частью жизни Дит, только влившись в его новую «семью» в Библиотеке. Нет уж, об этом ей не стоило и мечтать. Если она хотела, чтобы Библиотека проглотила ее с потрохами, пусть будет так. Если она хотела оставить его ради этих *индексаторов* и *каталогистов*, пусть будет так. Он не против.

Нет. Против. Его это совершенно не устраивало. Он *хотел* с ней поговорить. Прямо сейчас, в этот самый момент он хотел поделиться с ней своими мыслями, хотел, чтобы она задавала ему вопросы, спорила с ним, пока не заставила бы найти ответ, множество ответов. Он нуждался в ней куда больше, чем они.

Уже в плотной толпе пешеходов на бульваре Масло Лейел осознал, что впервые после похорон Гэри покинул квартиру. Впервые за последние месяцы у него возникла необходимость куда-то пойти. Нет, дело не в этом, подумал он. Мне просто нужна смена обстановки. Это единственная причина, которая влечет меня к Библиотеке. А эти эмоциональные рассусоливания...

Таким способом мое подсознание пыталось заставить меня выйти в люди.

И когда Лейел входил в Библиотеку Империи, настроение его значительно улучшилось. Он бывал тут много раз, но всегда на приемах или других общественных мероприятиях: терминал, установленный в их квартире, обеспечивал доступ во все библиотечные фонды. А приходили в Библиотеку читатели, студенты, преподаватели, профессора, у которых не было другого способа прильнуть к этому источнику знаний. Естественно, они знали, где что расположено. Лейел же бывал лишь в больших лекционных аудиториях да залах для приемов.

И, пожалуй, впервые он увидел, какая же она огромная — Библиотека Империи. Дит не раз говорила ему, что работают в Библиотеке больше пяти тысяч человек, включая механиков, плотников, поваров и сотрудников службы безопасности, но только сейчас до Лейела дошло, что эти тысячи людей практически не встречаются, не знают друг друга. А значит, он не мог подойти к первому встречному работнику Библиотеки и спросить, где искать Дит. Он даже не знал, в каком отделе работала Дит. Изучая библиотечную бюрократию, она все время переходила с места на место.

Да и видел он только посетителей Библиотеки: они сидели перед мониторами, изучали каталоги, даже читали книги и журналы, напечатанные на бумаге. А где же библиотекари? Те немногие сотрудники, с которыми он сталкивался в залах и коридорах, были добровольцами, объяснявшими новичкам, как пользоваться каталогами. О библиотекарях они знали не больше, чем он.

Наконец, Лейел нашел комнату, в которой работали настоящие библиотекари. Сидя за компьютерами, они систематизировали новые поступления и готовили статистические материалы об очередном дне работы библиотеки. Когда Лейел попытался заговорить с одной из женщин, она просто отмахнулась. Он уже подумал, что она просит, чтобы он ей не мешал, но рука так и застыла в воздухе, и Лейел понял, что ему указывают на

дальнюю стену. И направился к возвышению, на котором за столом сидела толстая, полусонная женщина средних лет. А перед ней на экране дисплея, словно солдаты, выстроились колонки цифр.

— Извините, что отрываю от работы, — обратился к ней Лейел.

Женщина улеглась щекой на руку. На Лейела даже не посмотрела.

— Это такое счастье — оторваться от работы.

Только тут он заметил, что в глазах ее играют смешинки, а с губ не сходит легкая улыбка.

— Я ищу одного человека. Точнее, мою жену. Дит Фоску.

Улыбка стала шире. Женщина выпрямилась в кресле.

— Так вы — ее ненаглядный Лейел.

Абсурдно слышать такое от совершенно незнакомого человека, но он, однако, обрадовался: значит, Дит говорила о нем. С другой стороны, все знали, что муж Дит — Лейел Фоска. Но эта женщина выразилась иначе. Она упомянула не того самого *Лейела Фоску*, знаменитого ученого. Нет, здесь его знали как «ненаглядного Лейела». Если только эта женщина не подтрунивала над ним, Дит, должно быть, сказала, что Лейел ей небезразличен. И его губы самопроизвольно разошлись в улыбке. От сердца отлегло. Он и не подозревал, что так боялся потерять ее любовь, а теперь вот ему хотелось смеяться, петь, танцевать.

— Полагаю, это я.

— А я — Зей Вакс. Дит, скорее всего, говорила обо мне. Мы обедаем вместе каждый день.

Нет, не говорила. Она вообще не говорила ни о ком из библиотечарей. Они обедали каждый день. А Лейел впервые слышал ее имя.

— Да, конечно. Рад познакомиться с вами.

— А я рада видеть, что ваши ноги касаются-таки земли.

— Такое случается.

— Сейчас она работает в департаменте Индекса. — Зей нажала клавишу, колонки цифр исчезли.

— Это на Тренторе?

Зей рассмеялась. Пробежалась пальцами по клавиатуре, и дисплей заполнила схема библиотечного комплекса. Комнаты, коридоры — лабиринт да и только.

— Это схема крыла главного корпуса, в котором мы сейчас находимся. Департамент Индекса занимает четыре этажа.

Четыре этажа на схеме изменили цвет.

— А мы с вами вот здесь.

Засветилась точка на первом этаже.

Глядя на лабиринт, разделявший точку и четыре этажа департамента Индекса, Лейел рассмеялся.

— И как же мне туда попасть?

— Это не такая уж проблема, лорд Фоска. В конце концов, вы у нас — гений, не так ли?

— Уж не знаю, что наговорила обо мне Дит, но в многоэтажных зданиях я теряюсь.

— Вы выйдите вот из этой двери и по коридору пройдете до лифтов, не заметить их нельзя. Поднимитесь на пятнадцатый этаж. Выйдя из кабины, пойдете дальше по коридору, пока не упретесь в арку с надписью «Департамент Индекса». Миновав ее, откинете голову и во весь голос крикнете: «Дит»! Крикнуть придется несколько раз, прежде чем она подойдет к вам или вас арестует сотрудник службы безопасности.

— Все это мне придется проделать, если я не смогу найти провожатого.

— Я надеялась, что вы меня об этом попросите. — Зей встала, громко обратилась к библиотекарям: — Кошка уходит. Мышки могут поиграть.

— Давно пора, — ответил кто-то из них. Все рассмеялись, ни на секунду не отрываясь от компьютеров.

— Следуйте за мной, лорд Фоска.

— Пожалуйста.

— Какой вы, однако, галантный, — низенькая, толстая Зей напоминала шар. — Следуйте за мной.

Шагая по коридору, они весело болтали о разных пустяках. В кабине лифта зацепились стопами за специальные скобы на полу. За долгие годы пребывания на Тренторе Лейел так привык к невесомости в лифтах,

что уже не замечал ее. А вот Зей вскинула руки и вздохнула.

— Как же я люблю ездить в лифте.

Только тут Лейел понял, как нравится невесомость тем, кто должен таскать на себе столько лишних килограммов. Таким вот, как Зей Вакс. Когда лифт остановился, Зей поникла круглыми плечами, словно на них навалилась огромная тяжесть.

— В невесомости я чувствую себя, как в раю.

— Если вы живете на последнем этаже, можно поставить в квартире генератор невесомости.

— Вам это, конечно, доступно, — ответила Зей, — но мне приходится жить за зарплату библиотекаря.

Лейел смутился. Он всегда старался не кичиться своим богатством, но, с другой стороны, ему редко приходилось разговаривать с людьми, которые не могли позволить себе генератор невесомости.

— Извините. Впрочем, я не уверен, что сейчас мне это по средствам.

— Да, я слышала, что вы растранижирили все свое состояние на одни пышные похороны.

Удивившись, что она так открыто говорит об этом, Лейел попытался ответить в шутовском тоне:

— Можно сказать, что да.

— Я думаю, что жалеть об этом не стоит, — она повернулась к Лейелу. — Я знала Гэри. Для человечества его смерть — огромная потеря.

— Возможно, — осторожно ответил Лейел. Такой поворот разговора ему определенно не нравился.

— Да вы не волнуйтесь. Я не работаю на «кобов». А вот и Золотая Арка Индекса. Добро пожаловать в землю неуловимых концептуальных связей.

Миновав арку, они словно очутились в совершенно другом здании. Нет, роскошь обстановки, дорогие gobelены на стенах, звукопоглощающий пластик на полу, мягкое освещение — все это осталось. Но напрочь исчезло ощущение симметрии. Потолок произвольно изменял высоту, справа могли быть двери, а слева — арки. Одна стена коридора могла пропадать, уступая место колоннаде, за которой находился огромный зал.

Полки с книгами, произведения искусства окружали столы, за которыми работали индексаторы, зачастую одновременно с несколькими терминалами и мольбертами.

— Форма соответствует функции, — пояснила Зей.

— Боюсь, я таращусь, словно турист, впервые прибывший на Трентор.

— Место это необычное. Проектировала его дочь индексатора, поэтому она знала, что стандарт, порядок, симметрия убивают свободный поток сознания. Есть и еще один момент, пустячок, который обошелся в кругленькую сумму: интерьер постоянно меняется.

— Меняется? Комнаты движутся?

— По случайным законам, заложенным в программу главного компьютера. Есть, конечно, какие-то правила, но эта программа не экономит пространство. Иногда только одна комната куда-то перемещается. Но случается, что меняются все помещения, отведенные под департамент Индекса. Неизменной остается только арка. Поэтому я не шутила, когда предлагала вам закинуть голову и громко позвать Дит.

— Но... индексаторам приходится проводить все утро в поисках своего рабочего места.

— Отнюдь. Индексаторы садятся за первый попавшийся им стол.

— Понятно. И вызывают на монитор тот материал, с которым работали днем раньше.

— Нет. Принимаются за ту работу, которая выведена на него.

— Хаос! — воскликнул Лейел.

— Совершенно верно. А как, по-вашему, можно создать хороший гипериндекс? Если только один человек индексирует книгу, то будут выявлены только те связи, которые знакомы этому человеку. Вот почему каждый индексатор просматривает работу, которую днем раньше выполнил его предшественник. Соответственно, он добавляет новые связи, мысль о которых не пришла в голову тому, кто работал с этим материалом. Окружающая среда, характер работы — все нацелено на разру-

шение привычного образа мыслей, на поиск нового и удивительного.

— Индексатору не позволяют прийти в состояние равновесия.

— Да. Мозг работает особенно быстро, когда ты бежишь по краю пропасти.

— Если исходить из этого, то все акробаты должны быть гениями.

— Ерунда. Вся подготовка акробата направлена на то, чтобы он заучил некие движения и выполнял их, как автомат, никогда не теряя равновесия. Акробат, который импровизирует, долго не протянет. А вот индексаторы, когда их выводят из равновесия, делают фантастические открытия. Вот почему индексы Библиотеки Империи — лучшее, что в ней есть. Они поражают и вдохновляют. Остальные — занудное перечисление.

— Дит никогда об этом не говорила.

— Индексаторы редко обсуждают свою работу. Трудно объяснить, чем они занимаются.

— И давно Дит работает индексатором?

— Совсем ничего. Она еще учится. Но я слышала, что обучение идет очень успешно. Из нее получится прекрасный индексатор.

— А где она?

Зей улыбнулась. Откинула голову и заорала: «Дит!»

Лабиринт департамента Индекса поглотил крик. Ответа не последовало.

— Поблизости ее нет, — констатировала Зей. — Пойдемте.

— А мы не можем спросить у кого-нибудь, где она?

— А кто об этом знает?

Они миновали еще два этажа, Зей еще трижды звала Дит, прежде чем они услышали: «Я здесь».

Они двинулись на звук. Дит продолжала подавать голос, так что нашли они ее без труда.

— Я в цветочной комнате, Зей! Среди фиалок!

Индексаторы, мимо которых они проходили, поднимали головы: одни улыбались, другие хмурились.

— Разве это не мешает им работать? — спросил Лейел. — Наши крики.

— Индексаторам помехи необходимы. Они разрывают ход мыслей. Когда индексаторы вновь смотрят на голограмму, они заново обдумывают то, что делали.

Вновь раздался голос Дит. Совсем уже близко.

— Этот запах так возбуждает. Ты только представь себе — второй раз за месяц одна и та же комната.

— Индексаторы часто попадают в больницу? — спросил Лейел.

— Из-за чего?

— Из-за стресса.

— Никакого стресса от этой работы не бывает. Только радость. Для работающих в других подразделениях Библиотеки попасть в департамент Индекса — счастье.

— Понятно. Здесь библиотекари так читают библиотечные книги.

— Мы все выбрали эту работу, потому что любим книги. Пусть даже и древние, на бумаге. Делать индекс — все равно, что писать на полях.

Сравнение поразило Лейела.

— Писать в чьей-то книге?

— Это же обычное дело, Лейел. Как можно вести диалог с автором, не записывая на полях свои ответы и доводы. А вот и она, — и Зей первой свернула в низкую арку.

— Я слышала, ты разговаривала с мужчиной, Зей, — сказала Дит.

— Она разговаривала со мной, — Лейел последовал за Зей. А увидев Дит, в первый момент не узнал ее. Библиотека изменяла не только комнаты, но и библиотечкарей. Ему показалось, что он видит женщину, лишь отдаленно похожую на его жену. И теперь придется вновь знакомиться с ней.

— Я так и подумала, — Дит встала из-за кафедры, обняла его. Даже это удивило Лейела, хотя обычно при встрече она обнимала его. Изменилась только обстановка, сказал он себе. Я удивляюсь, потому что обычно она обнимает меня дома. И обычно приходит Дит, а не я.

Или в библиотеке она обнимала его с куда большим

чувством, чем дома? Словно здесь любовь ее возростала. А может, в новой Дит прибавилось нежности?

А я думал, что ей так хорошо со мной дома.

Лейел явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Если б я знал, что мое появление здесь причинит столько хлопот... — начал он. С чего такая потребность в извинениях?

— Каких хлопот? — переспросила Зей.

— Мы тут кричали. Отвлекали людей от работы.

— Ты только послушай его, Дит. Он думает, что мир рухнет из-за пары криков.

До них донесся мужской голос, выкрикивающий чье-то имя.

— У нас это обычное дело, — пояснила Зей. — А мне пора на рабочее место. Какой-нибудь лорд уже мечет громы и молнии из-за того, что я не даю ему доступ к финансовым архивам Империи.

— Рад был познакомиться с вами, — улыбнулся ей Лейел.

— Удачи вам в поиске обратного пути, — добавила Дит.

— С этим проблем не будет, — Зей на мгновение задержалась в арке. Не для того, чтобы что-то сказать. Нет, лишь провела металлической пластиной вдоль практически невидимой щели в стене, расположенной на уровне глаз. Потом обернулась, подмигнула Дит и ушла.

Лейел не стал спрашивать о том, что она сделала, — если б его это касалось, ему бы сказали. Но решил, что Зей то ли включила, то ли выключила некую записывающую систему. Не зная, не наблюдают ли за ними со стороны, Лейел лишь стоял да оглядывался. Комнату Дит заполняли фиалки, лезущие изо всех щелей и отверстий в полу и стенах. Их легкий аромат наполнял воздух.

— Чей это кабинет?

— Мой. Во всяком случае, сегодня. Я так рада, что ты пришел.

— Ты никогда не рассказывала мне о департаменте Индекса.

— Я ничего не знала о нем, пока меня не направили сюда. Об Индексе никто не говорит. И мы ничего не рассказываем посторонним. Архитектор умерла три тысячи лет тому назад. Только наши механики понимают, как что работает. Тут словно...

— Сказочная страна.

— Совершенно верно.

— Место, где действие всех законов Вселенной приостановлено.

— Не всех. От силы тяжести никуда не деться. И от инерции тоже.

— Это комната словно создана для тебя, Дит.

— Многие индексаторы годами не могут попасть в цветочную комнату. С фиалками. С плетистой розой, с барвинком. Говорят, в департаменте порядка дюжины цветочных комнат. Но всегда доступна только одна. Но я оба раза работала среди фиалок.

Лейел рассмеялся. Забавно. Здорово. Не понятно только, зачем и кому это нужно. Кто запрятал такое чудо в глубинах этого мрачного здания? Он опустил в кресло. Фиалки росли из спинки, так что цветочки склонились над его плечами.

— Тебе наконец-то надоело целыми днями сидеть в квартире? — спросила Дит.

Естественно, она не могла не задаться вопросом, а почему он все-таки пришел, хотя игнорировал все прежние многочисленные предложения. Однако он не знал, может ли говорить откровенно.

— Мне нужно поговорить с тобой, — он искоса глянул на щель, с которой Зей, уходя, проделала какие-то манипуляции. — Наедине.

— Мы наедине, — ответила Дит. — Зей об этом позаботилась. Здесь безопаснее, чем в нашей квартире.

Лишь мгновение потребовалось Лейелу, чтобы понять, о чем она. Выговорить это слово он не решился. Произнес его беззвучно, одними губами: «кобы»?

— Обычно они в библиотеку не суются. Даже если они ведут тебя специальным лучом, защитное поле его блокирует, поэтому наш разговор им не услышать. Но я

думаю, они выключили луч, как только ты вошел в библиотеку.

Она нервничала. Выказывала нетерпение. Словно не хотела продолжать этот разговор. Словно ждала его ухода.

— Извини, что отрываю от работы. Раньше такого не случалось, вот я и подумал, что один раз погоды...

— Разумеется, — прервала его Дит. Нервно. Словно не хотела услышать продолжения.

Но он высказал ей все свои соображения относительно языка. Все, что он почерпнул из работ Маголис-сьян и Киспиторяна. Дит успокоилась, как только поняла, что речь пойдет о его исследованиях. «Так чего же она опасалась, — подумал Лейел? — Боялась, что я захочу поговорить о наших взаимоотношениях? Если да, то напрасно». Он не испытывал никакого желания усложнять и без того непростую ситуацию разговорами, которые ничем не могли помочь.

Когда он озвучил возникшие у него идеи, Дит кивнула, как случалось раньше тысячу раз в их творческих дискуссиях.

— Я не знаю, — и прежде за ней замечалось желание не сразу давать окончательный ответ.

Он же, как всегда, настаивал.

— Но что ты об этом думаешь?

Дит пожевала нижнюю губу.

— Прежде всего я никогда не рассматривала лингвистический аспект в теории общностей, не считая, разумеется, создания жаргона, но вот какие мысли приходят сразу же. Возможно, небольшие, изолированные группы людей охраняют свой язык, охраняют тщательно, поскольку язык этот неотделим от них самих. Может, язык — один из самых могущественных ритуалов, поэтому люди, говорящие на одном языке, обладают некими качествами, которых нет у тех людей, которые не могут понять речи друг друга. Нам этого не узнать, не так ли, поскольку в последние десять тысяч лет все говорят на галактическом стандарте.

— Значит, дело не в количестве людей, а в том...

— Как они относятся к своему языку. В какой сте-

пени язык объединяет их в общность. Большие группы населения начинают думать, что все говорят так же, как и они. Они хотят *выделить* себя, идентифицировать среди прочих. Отсюда идет разработка жаргона и сленга, которые отделяют их от остальных. Разве то же самое не происходит с обычной речью? Дети стараются найти способы речевого общения, которыми не пользуются их родители. Профессионалы говорят на своем птичьем языке, исключая посторонних, которым недоступны ключевые слова. Все это ритуалы для выделения общности.

Лейел согласно кивал, но одно очевидное возражение у него осталось.

Не составляло это возражение тайны и для Дит.

— Да, да, я знаю, Лейел. Я сразу же выразила твой вопрос в терминах моей дисциплины. Словно физики, которые думают, что все можно объяснить физическими процессами.

Лейел рассмеялся.

— Я подумал об этом, но твои доводы не лишены здравого смысла. И объясняют, почему у общностей возникает естественная тяга к созданию собственного языка. Нам нужен объединяющий язык, язык открытого общения. Но нам так же нужны и личные языки. Разумеется, не *абсолютно* личные, с кем мы в этом случае сможем на них говорить? Поэтому общность формирует, создает лингвистические барьеры для посторонних, вводит термины и понятия, которые доступны только членам общности.

— И чем активнее участвует человек в жизни общности, тем лучше он овладевает этим языком и с тем большей легкостью изъясняется на нем.

— Да, это разумно, — кивнул Лейел. — Так просто. Видишь, сколь ты мне нужна.

Он знал, что его слова несут в себе упрек: почему тебя не было дома, когда у меня возникла потребность пообщаться с тобой, но он не мог их не произнести. Сидя рядом с Дит, пусть и в этом странном, пропитанном ароматом фиалок месте, он испытывал давно забытую умиротворенность. Как она могла отдалиться от

него? Для него ее присутствие превратило эту незнакомую комнату в дом. Для нее эта комната была домом, с ним или без него.

Он попытался выразить свои чувства словами, абстрактно, чтобы не причинять Дит боль.

— Я думаю, величайшая трагедия возникает, когда один член общности более предан ей, чем все остальные.

Дит чуть улыбнулась, приподняла брови. Она явно не знала, к чему клонит ее муж.

— Он все время говорит на языке общности, — продолжил Лейел. — Только с ним на этом языке не говорит никто, или говорят недостаточно. И чем больший упор он делает на этот язык, тем шире становится пропасть между ним и остальными, и в конце концов он остается один. Можешь ты представить себе что-нибудь более грустное? Кого-то переполняет язык, ему хочется говорить на нем, хочется его слышать, а вокруг нет никого, кто понял бы хоть слово.

Дит кивнула, не отрывая глаз от его лица. Она поняла, что он сказал? Теперь ему хотелось послушать ее. Потому что он высказал все, что мог.

— Но представь себе такую ситуацию, — наконец, заговорила Дит. — Этот человек покидает то место, где его никто не понимает, переваливает через холм, попадает в новое место и внезапно слышит сотню, тысячу голосов, которые произносят те самые слова, которые он бережно хранил в памяти в эти годы одиночества. И тогда он осознает, что на самом деле языка-то он не знает. Слова имеют тысячи значений, о которых он никогда не догадывался. Потому что каждый говорящий чуть изменяет язык, когда говорит на нем. И когда он сам решается заговорить, его собственный голос звучит в ушах, словно музыка, а другие с радостью внимают ему, потому что голос его — это вода, бьющая из фонтана, и он знает, что нашел свой дом.

Лейел не помнил, чтобы Дит так говорила — с придыханием, чуть нараспев. И говорила она о себе. «В этом месте голос ее звучал иначе, вот о чем вела она речь. Дома со мной она была одинока. Здесь, в библио-

теке, она нашла тех, кто понимает ее секретный язык. И дело не в том, что она не хотела семейного счастья. Она на это рассчитывала, но я не понимал ее. А вот другие люди поняли. И теперь дом ее здесь, об этом она мне и говорит».

— Я понимаю, — выдохнул Лейел.

— Правда? — Дит все всматривалась в его лицо.

— Думаю, что да. Все нормально.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Я хочу сказать, пусть будет так. Тут хорошо. В этом месте. Пусть будет так.

На ее лице отразилось облегчение, но полностью тревога не ушла.

— Напрасно ты такой грустный, Лейел. Здесь же живет счастье. И можешь делать все то же самое, что и дома.

Только не любить тебя, как свою вторую половину, да и ты не можешь любить меня, словно я — твоя неотъемлемая часть.

— Да, конечно.

— Нет, я серьезно. Ты вот занят какой-то проблемой... Я вижу, ты близок к ответу на волнующий тебя вопрос. Почему бы тебе не поработать здесь? Мы сможем говорить о том, что тебя волнует.

Лейел пожал плечами.

— Ответ совсем близок, не так ли?

— Откуда мне знать? Я — что человек, тонущий в океане темной ночью. Может, я плыву к берегу, а может — от него.

— А к каким выводам ты уже пришел? Почему бы тебе не поделиться ими со мной?

— Нет. Если эта языковая проблема... если она — аспект теории общностей, то, опираясь на нее, не ответить на вопрос: где истоки человечества?

— Почему?

— Потому что многие приматы тоже создают общности. И другие животные. Например, парнокопытные. Даже рыбы сбиваются в косяки. Пчелы. Муравьи. Собственно, каждый многоклеточный организм есть общность. Поэтому, если разделение языков вторично

по отношению к общности, тогда оно — наследственный признак, передающийся в животном мире, и не может являться одним из отличительных качеств человечества.

— О! Думаю, что нет.

— Правильно думаешь.

Ее взгляд переполняло разочарование. Словно она надеялась, что прямо здесь, прямо сейчас они скажут себе и всему миру: вот они, истоки человечества. Вот с этого все и началось.

Лейел поднялся.

— Ладно. Спасибо за помощь.

— Ничем я тебе не помогла.

— Наоборот. Ты показала, что дорога, выбранная мною, ведет в тупик. Сэкономила мне много... мыслей. Осознание, что ты на ложном пути, — это прогресс. В науке.

Его слова несли в себе и второй смысл. Она также показала ему, что их семейная жизнь тот же тупик. Может, она поняла его. Может, нет. Значения это не имело — он-то ее понял. Короткая история о человеке, который наконец-то нашел место, в котором почувствовал себя, как дома... как он мог упустить заложенный в нее смысл?

— Лейел... а почему бы тебе не задать твой вопрос индексаторам?

— Ты думаешь, библиотечные исследователи смогут найти ответы, недоступные мне?

— Здесь не исследовательский отдел. Это департамент *Индекса*.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Напиши свои вопросы. Все направления, которые ты исследовал. Лингвистическая теория. Язык приматов. И другие вопросы, ответы на которые ты искал раньше. Археологический подход. Исторический. Биологический. Родственные связи. Обычай. Все, о чем ты можешь подумать. Запиши свои мысли в виде вопросов. А потом мы составим на них индекс.

— Составите индекс на мои *вопросы*?

— Именно этим мы здесь и занимаемся: читаем

одно, думаем о другом, если чувствуем, что есть какая-то связь, указываем ее. Мы не говорим, что означает эта связь, но знаем, что она существует. Мы не дадим тебе ответов, Лейел, но, если ты будешь следовать за индексом, он поможет тебе разобраться в причинно-следственных связях. Ты понимаешь, о чем я?

— Я как-то не думал об этом. Ты полагаешь, что пара индексов могут поработать с моими вопросами?

— Не пара. *Все*.

— Это же абсурд, Дит. Я не буду даже и просить.

— Я попрошу. Здесь нет начальников, Лейел. Нам не нужно выполнять какие-то нормы. Обычно в работе несколько сотен проектов, но никто не запрещает нам заняться только одним документом.

— Это будет потеря времени. Я не смогу ничего опубликовать, Дит.

— Публикация не обязательна. Неужели ты не понимаешь? Никто, кроме нас, не знает, что мы тут делаем. Мы можем взять неопубликованный документ и поработать с ним. У нас даже нет необходимости посылать его в библиотечную картотеку.

Лейел покачал головой.

— А если они выведут меня на ответ... Нам придется опубликовать эту работу, указав в авторах двести человек?

— Это будет твоя работа, Лейел. Мы всего лишь индексы, не авторы. Устанавливать связи все равно придется тебе. Давай попробуем. Позволь нам поучаствовать в этом.

И вот тут Лейел понял, с чего такая настойчивость. Завлекая мужа в Библиотеку, она притворялась, что по-прежнему является частью его жизни. Она могла убедить себя, что не бросает его, если бы он стал частью ее новой общности.

Разве она не понимала, что для него это будет невыносимо? Видеть ее здесь, такую счастливую? Приходить к ней одним из многих, тогда как в недалеком прошлом он думал, что они — единое целое? Разве он мог пойти на такое?

Однако ей этого хотелось, он видел это по ее глазам, таким юным, таким молящим, что ему вспомнились дни их первой влюбленности, отстоявшие на миллион лет. Она всегда так смотрела на него, когда он говорил, что ему нужно уйти. Она боялась потерять его.

Неужели она не знает, кто кого теряет?

Неважно. Пусть она не понимает, что с того? Если ей это приятно, почему не притвориться, что он готов стать частью ее нового дома, одним из библиотекарей? Если она хочет, чтобы он отдал главную работу своей жизни на растерзание этим абсурдным индексаторам, почему нет? Ведь от него потребуется немного: записать все вопросы. И, возможно, правота на ее стороне: а вдруг тренторианский индекс поможет ему открыть истоки человечества?

И опять же, приходя сюда, он останется маленькой частичкой ее жизни. Да, это будет не семья. Но раз уж прежнее вернуть невозможно, он будет довольствоваться малым, напоминая себе, какой личностью сумел он стать благодаря тому, что любил ее все эти годы.

— Хорошо, — кивнул Лейел. — Я все напишу и принесу сюда.

— Я действительно думаю, что мы сможем помочь.

— Да, — вот в этой уверенности у него как раз и не было. — Возможно, — и он повернулся к двери.

— Ты уже уходишь?

Он кивнул.

— Ты уверен, что найдешь дорогу?

— Если только коридоры и комнаты не сдвинулись.

— В рабочее время такого не бывает.

— Тогда я не заблужусь.

Он шагнул к Дит, остановился.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— О, — разочарование в голосе. — Я думала, ты поцелуешь меня на прощание, — и обиженно надула губки, как трехлетняя девочка.

Лейел рассмеялся. Поцеловал ее, как трехлетнюю девочку, и ушел.

* * *

Два дня он размышлял. Утром провожал ее на работу, пытался читать, просматривал видеоматериалы. Но не мог сосредоточиться. Начал гулять по городу. Однажды даже поднялся на купол. Случилось это ночью. На небе сияли мириады звезд. Но даже звезды не заинтересовали его. Ничего его не интересовало. Впрочем, нет. Один видеосюжет привлек внимание. Об одном растении с планеты с засушливым климатом. Когда растение достигало зрелости, оно отрывалось от корней и позволяло ветру катить его по округе, по ходу рассыпая семена. На мгновение Лейел решил, что он и есть такое растение — засохшее, влекомое ветром по мертвой земле. Но нет, он знал, что это неправда. Потому что растение жило и разбрасывало семена. В Лейеле же семян не осталось. Он разбросал их в стародавние времена.

На третье утро он посмотрел на свое отражение в зеркале и невесело рассмеялся.

— Так, значит, выглядят люди перед тем, как покончить с собой? — спросил он. Разумеется, нет. Лейел знал, что все это — лишь слова. Не было у него желания умереть.

Но при этом он сказал себе и другое: если не исчезнет ощущение ненужности, если он не найдет себе занятия, то нет разницы, жив он или мертв, разве что во втором случае он не будет греть собой одежду.

Он сел за компьютер, начал писать вопросы. Затем под каждым вопросом подробно объяснил, с чем он уже разобрался и почему это направление исследований не привело его к ответу на главный вопрос: где истоки человечества? По ходу дела у него возникали новые вопросы, и сам процесс суммирования его не принесших результата исследований показал, что искомый ответ совсем рядом. В Лейеле крепло убеждение, что время потрачено не зря. Даже если ему найти ответ и не удастся, список его вопросов поможет тем, кто придет за ним, через декады, века, тысячелетия.

Вернулась Дит, легла в постель, а Лейел все печатал.

Она знала, что в такие моменты трогать его нельзя. Он же лишь заметил, что она старается не мешать ему. И вновь углубился в работу.

Наутро, проснувшись, она увидела, что он, полностью одетый, лежит на кровати. На полу, у двери в спальню, нашла текстовую капсулу. Он написал все вопросы. Дит наклонилась, подобрала капсулу и унесла в Библиотеку.

* * *

— Вопросы у него не академические, Дит.

— Я же говорила тебе, что нет.

— Гэри был прав. Лейел — талант, хотя никогда не учился в университетах.

— Если Лейел найдет ответ на свой вопрос, будет ли от этого польза Второй Академии?

— Не знаю, Дит. Прорицателем был у нас Гэри. Вроде бы люди уже стали человечеством, так что не похоже, что нам придется вновь начинать этот процесс.

— Ты думаешь, что не придется?

— Разве что мы найдем какую-нибудь необитаемую планету, заселим ее новорожденными, дадим возможность одичать, а потом вернемся через тысячу лет и начнем превращать их в людей.

— У меня есть идея получше. Давай возьмем десять тысяч планет, на которых люди живут, как звери, всегда голодные, всегда готовые пустить в ход зубы и кулаки, сорвем с них тонкий слой цивилизации и покажем им, какие они на самом деле. А потом, когда они наглядятся на себя, вернемся вновь, чтобы научить, а что это такое — быть человеком все время, а не изредка демонстрировать свою человечность.

— Хорошо. Давай попробуем.

— Я знала, что тебе приглянется моя идея. — Но сначала надо убедиться, что твой муж знает, с чего начинается этот процесс. А уж потом мы начнем претворять его идеи в жизнь.

* * *

Когда индексаторы закончили работу над вопросами Лейела, Дит привела его в Библиотеку. Только не в департамент Индекса, а в отдельный кабинет со стенами-видеоэкранами. Видеоэкраны создавали полную иллюзию, что он находится на горном пике, и нет ни стен, ни перил, которые не дадут ему свалиться вниз. У Лейела кружилась голова, стоило ему оглядеться. Лишь дверь напоминала о том, что он по-прежнему в Библиотеке. Он уже хотел попросить Дит отвести его в другой кабинет, но потом вспомнил интерьер департамента Индекса и подумал, что состояние неустойчивого равновесия, возможно, повышает работоспособность.

Поначалу он не нашел в индексе ничего необычного. Он вывел на терминал первую страницу своего вопросника, углубился в чтение. Терминал следил за его взглядом, поэтому, если он задерживался на слове, рядом со страницей тут же возникали новые ссылки. Лейел переводил взгляд на них. Если ссылка его не заинтересовала, он переходил ко второй, но первая не пропадала, а лишь отступала назад, на случай, что он захочет к ней вернуться.

Если же ссылка вызывала интерес, она увеличивалась в размерах и, как только Лейел дочитывал очередную страницу вопросника, перемещалась на середину, занимая ее место. И тогда, если имелись ссылки на ссылку, они появлялись по бокам. Процесс этот продолжался и продолжался, уводя Лейела от основного документа, пока у Лейела не возникало желания вернуться к нему.

Собственно, именно так составлялся любой индекс. И только углубляясь в свой вопросник, Лейел начал замечать что-то необычное. Обычно ссылки привязывались к ключевым словам, поэтому, если хотелось подумать, не вызывая новых ссылок, достаточно было остановить взгляд на ничего не значащих или вводных словах, к примеру: «Как известно...» У любого челове-

ка, которому приходилось пользоваться индексом, это вошло в привычку.

Но, когда Лейел задерживал взгляд на таких вот словах, ссылки продолжали появляться. И вместо того чтобы иметь прямое отношение к тексту, иногда они смешили или переворачивали написанное с ног на голову. К примеру, он остановился на своем рассуждении о том, что археологические поиски «примитивности» бесполезны для того, кто ищет истоки человечества, потому что все «примитивные» культуры есть результат упадка куда как более прогрессивного общества, покорившего межзвездное пространство. Он написал фразу: «Весь этот примитивизм полезен лишь тем, что показывает, кем мы можем стать, если проявим беспечность и не сохраним наших хрупких связей с цивилизацией». По привычке его взгляд остановился на пустой части предложения, словах «кем мы можем стать, если». Никто не стал бы индексировать эту часть фразы.

Однако в департаменте Индекса ее проиндексировали. Появилось несколько ссылок. И вместо того чтобы углубиться в раздумья, Лейел отвлекся, у него возникло желание посмотреть, какой абсурд могут предложить ему индексаторы.

Одна из ссылок представляла собой детский стишок, который он знал, но давно уже забыл:

Ты возьми ракету,
Оторви ей хвост.
Оторви и брось,
Он упал и пропал.

Почему индексатор привел в качестве ссылки этот стишок? Лейелу вспомнилось, как он и дети слуг, взявшись за руки, ходили по кругу, пока не произносились последние слова. Тут они падали на землю и хохотали, как безумные. Такие игры находили забавными только маленькие дети.

Поскольку его взгляд задержался на стишке, он переместился на центр, закрывая собой основной документ, а вокруг появились новые ссылки. Среди них

была научная статья об эволюции этого стишка с рассуждениями о том, что его могли сочинить во времена первых межзвездных полетов на планете-матери, с которой человек начал покорение Галактики. Там ракеты могли использоваться для преодоления силы тяжести. Вот почему стишок попал в индекс его вопросника? Потому что он имел отношение к планете, на которой зародилось человечество?

Нет, это слишком очевидно. Ему пришла на помощь еще одна статья об этом стишке. В ней опровергалась идея о первых межзвездных полетах, потому что в более ранних вариантах стишка слово «ракета» отсутствовало. Наиболее старая из известных версий звучала так:

Ты сорви скорей цветок,
Оторви ты лепесток.
Раз упал, два упал,
И цветок пропал.

Очевидно, указывал комментатор, слова эти ничего не значили. Поэтому в последующих вариантах дети старались заменить их другими словами, которые имели для них какой-то смысл.

И тут Лейел подумал, что знает причину, по которой индексатор связал этот стишок с фразой в его вопроснике: потому что стишок состоял из ничего не значащих слов, но мы хотели, чтобы в нем заключался какой-то смысл.

Может, это комментарий к попытке Лейела найти истоки человечества? Индексатор полагал, что они бессмысленны?

Нет, стишок привязали к фразе «кем мы можем стать». Может, индексатор указывал, что человеческие существа похожи на этот стишок: наша жизнь ничего не значит, но мы настаиваем на том, что в ней есть какой-то смысл. Разве Дит как-то не сказала ему что-то похожее, когда говорила о роли сказителя в общности? Вселенной не характерна обусловленность. Но человеческий ум настаивает на ней. Поэтому мы придумываем истории, чтобы наложить причинно-следственные

отношения на ничем не связанные события, которые происходят вокруг нас.

И на себя тоже, не так ли? Наша собственная жизнь ничего не значит, но мы превращаем ее в рассказ, мы сортируем наши воспоминания, выстраиваем их в причинно-следственные цепочки, заставляем их приобретать смысл, которого изначально не было. А потом мы суммируем рассказы о себе и называем это историей. Детский стишок иллюстрирует сам процесс — от произвольного к конкретному, а потом мы думаем, что эта конкретика и есть истина.

Но каким-то образом все дети согласились с новой версией стишка. К 2000 году галактической эры на всех мирах существовала только одна версия, которая и сохранилась теперь. Как могло получиться, что все дети на всех планетах остановились на одной версии? Как прежняя версия сменилась этой? Не могли же десять тысяч детей на десяти тысячах планет одновременно до нее додуматься?

Конечно, она передавалась из уст в уста. Какой-то ребенок на какой-то планете придумал новые слова, и его вариант начал распространяться. Через несколько лет его использовали все дети в округе, в городе, на планете. Должно быть, произошло это быстро, потому что новое поколение детей появляется через каждые несколько лет: семилетние могли повторять новый стишок достаточно часто для того, чтобы пятилетние подумали, будто другого варианта просто нет. И через какое-то очень непродолжительное время никто из детей уже и не помнил, что раньше в стишке были совсем другие слова.

Тысячелетия вполне хватило для того, чтобы новая версия стишка распространилась повсеместно. А может, распространялись пять или десять новых версий, сталкивались, сливались, вновь возвращаясь на планеты, уже освоившие промежуточный вариант.

И пока Лейел думал об этом, перед его мысленным взором возникло странное видение: великое множество детей, которых связывали друг с другом строчки этого стишка, целая сеть, накрывшая все планеты Империи,

сеть, уходящая сквозь время, трехмерная структура, соединяющая детей от начала времен.

Вырастая, каждый ребенок рвал связи со структурой этого стишка. Более не слышал слов «Ты возьми ракету...» и не мог взять за руку соседнего ребенка. Он переставал быть частью стишка.

Но его дети оставались в структуре. А потом внуки. Все брались за руки, изменяясь от поколения к поколению, в нескончаемой человеческой цепочке, протянувшейся в далекое прошлое, к давно забытому ритуалу одной из планет, возможно, той самой, на которой появился первый человек.

Видение было таким ярким, что Лейел даже вздрогнул, увидев перед собой кафедру: его словно вырвали из глубокого сна. Тяжело дыша, он откинулся на спинку кресла, посидел, успокаиваясь, дожидаясь, пока сердце замедлит свой бешеный бег.

Он нашел часть своего ответа, хотя еще этого не осознавал. Структура, связывающая всех детей, была тем элементом, который превращал людей в человечество, хотя Лейел не мог сказать, почему. Индексация ничего не значащей фразы позволила ему по-новому взглянуть на всю проблему. Нет, всеобщая культура детей не являлась новой идеей. Просто он никогда не думал, что она имела отношение к вопросу об истоках человечества.

Именно это имел в виду индексатор, делая ссылку на детский стишок? Индексатору привиделось то же, что и ему?

Возможно, но, скорее всего, нет. Фраза о том, кем мы можем стать, подвигла индексатора на мысль о трансформации: был цветок, оторвали лепестки, нет цветка. А может, он подумал о том, как человечество расселялось по Галактике, с планеты на планету, и вспомнил о ракетах, которые стартовали с одной планеты, какое-то время летели в межзвездном пространстве, а потом опускались на другую планету. Кто знает, какие ассоциации вызвал этот стишок у индексатора? Кто знает, почему ей приспичило связать стишок с этой фразой его вопросника?

Вот тут Лейел осознал, что думал он о Дит. По его разумению, именно она нашла эту связь. У него не было ни малейшего основания полагать, что это ее работа, но в его сознании она олицетворяла всех индексаторов. Она присоединилась к ним, стала одной из них, и, когда шла работа над индексом, она выполняла часть этой работы. Именно это и означало: стать частью общности, все работы ее членов становились, в известной степени, твоей работой. В общий труд индексаторов Дит внесла свою лепту, следовательно, она по праву считалась автором всей работы.

Вновь перед мысленным взором Лейела возникла некая структура, топологически невозможная структура, сворачивающаяся в себя, каждая часть которой являлась одновременно и краем, и серединой. Единая структура, но каждая ее часть содержала в себе ее целиком.

Но, если такое возможно, тогда Дит, присоединившись к библиотекарям, присоединила к ним и Лейела, поскольку Лейел находился внутри ее. Следовательно, придя в Библиотеку, она не покинула его. Наоборот, вплела его в новую структуру, и он, вместо того чтобы что-то потерять, что-то приобрел. Он стал частью новой общности, потому что она была ее частью, и потерять Дит он мог, лишь отвергнув ее.

Лейел прикрыл глаза руками. Помнится, мысли об истоках человечества привели его к раздумьям о собственной семейной жизни. Тогда он еще подумал, что находится на границе открытия, но вновь погряз в самокопани.

Лейел убрал ссылки на ракету и цветок, вернулся к основному документу, попытался сосредоточиться на его вопросах.

Бесполезно. Индекс затягивал в себя, рассеивал внимание, требовал, чтобы он отвлекся от частных в поисках общего. Он читал об использовании инструментов и научно-техническом прогрессе, о том, что по этому признаку нельзя отделить людей от животных: последние тоже делали инструменты и учили других их использованию.

И внезапно индекс подсунул ему старинную страшную сказку о человеке, который хотел стать величайшим гением всех времен и уверовал в то, что помешать достигнуть величия ему могут лишь часы, которые он тратил на сон. Поэтому он изобрел машину, которая спала вместо него, и все у него получалось очень даже хорошо, пока человек не осознал, что машине снятся все его сны. Тогда он потребовал, чтобы машина рассказала, что ему снится.

И машина выдала фонтан удивительных, потрясающих мыслей, в которых было неизмеримо больше мудрости, чем в тех, что приходили в голову человека во время бодрствования. Человек взял кувалду и разбил машину, чтобы вернуть себе свои сны. Но, вновь начав спать, он и близко не смог подойти к ясности мыслей, свойственной машине.

Разумеется, человек никогда не опубликовал то, что написала машина: не мог он выдать творение машины за работу человека. А после того как человек умер от отчаяния, люди нашли текст, написанный машиной, и подумали, что написал его этот человек, но по каким-то только ему ведомым причинам оставил в столе. Они напечатали текст, и человека признали величайшим гением всех времен.

Эта сказка повсеместно считалась страшной, потому что речь в ней шла о машине, крадущей часть человеческого сознания и использующей ее для уничтожения человека. Такой сюжет давно уже стал расхожим. Но почему индексатор сослался на эту сказку в ходе дискуссии о создании инструментов?

Размышления привели Лейела к мысли о том, что эта сказка тоже представляла из себя некий инструмент. Совсем как машина, которую изобрел человек. Рассказчик отдал свои мечты сказке, а когда люди слышали ее или прочитали, его мечты (его кошмары) зажили своей жизнью в их сознании. Ясные и четкие, страшные и правдивые, эти сны так и воспринимались людьми. И, однако, если бы он попытался сказать им то же самое, напрямую, не облачая истину в форму сказки, люди подумали бы, что его идеи глупы и мелки.

Вот тут Лейел вспомнил слова Дит о том, как люди воспринимают истории об их общности, как примеряют их на себя и используют эти истории для формирования своей собственной духовной автобиографии. Они помнят, как делали то же самое, что и герои историй и легенд, они стараются примерять на себя характер героев, и, пусть это им не удастся, стремятся к установленному ими же идеалу. Сказки и легенды становятся человеческой совестью, человеческим зеркалом.

Вновь, как и много раз до этого, он оборвал эти размышления, прикрыв глаза руками, стараясь отсечь (или запереть внутри) образы структур и зеркал, миров и атомов, пока, наконец, не открыл глаза и не увидел сидящих перед ним Дит и Зей.

Нет, склонившихся над ним. Он лежал на низкой кровати, а они опустились рядом на колени.

— Я болен? — спросил Лейел.

— Надеюсь, что нет, — ответила Дит. — Мы нашли тебя на полу. Ты совершенно вымотался, Лейел. Я же говорила тебе: ты должен есть, должен спать. Ты уже далеко не молод, нельзя тебе столько работать.

— Я только начал.

Зей рассмеялась:

— Послушай его, Дит. Я предупреждала тебя, что он увлечется и потеряет счет времени.

— Ты работаешь с индексом уже три недели, Лейел. Последнюю ты даже не возвращался домой. Я приношу тебе еду, но ты ничего не ешь. Люди разговаривают с тобой, но ты забываешь об этом, уходя в какой-то транс. Лейел, я жалею о том, что привела тебя сюда. Лучше бы я не предлагала обратиться к услугам индексаторов...

— Нет! — воскликнул Лейел и попытался сесть.

Поначалу Дит старалась уложить его, настаивая на том, что ему необходим отдых. Но Зей помогла Лейелу сесть.

— Пусть говорит. Если ты — его жена, это не значит, что тебе дано право затыкать ему рот.

— Индекс — это чудо! Слово тоннель, открывшийся в моем сознании. Я вижу свет, до него букваль-

но рукой подать, а потом просыпаюсь и осознаю, что я один, на вершине горы, и рядом только дисплей с развернутыми на нем страницами. Я теряю...

— Нет, Лейел, это мы теряем тебя. Индекс тебя управляет, он подавляет твой разум...

— Это абсурд, Дит. Именно ты предложила проиндексировать мой вопросник, и правильно сделала. Индекс продолжает удивлять меня, заставляет по-новому взглянуть на поставленные вопросы. И некоторые ответы я уже получил.

— Ответы? — переспросила Зей.

— Я еще не знаю, удастся ли мне их сформулировать. Речь идет о том, что делает нас людьми. Ответы эти имеют самую непосредственную связь с общностями, легендами, инструментами, с нашими с тобой отношениями, Дит.

— Я очень надеюсь, что мы с тобой — люди, — Дит подтрунивала над ним, но и ждала продолжения.

— Мы прожили вместе все эти годы, и мы образовывали общность... с нашими детьми, пока они не уехали, потом вдвоем. Но все это свойственно и животным.

— Только иногда, — поправила его Дит.

— Я имею в виду стадных животных, или первобытные племена, или любую общность, объединенную только ритуалами или текущим моментом. У нас есть свои обычаи, свои привычки. Язык слов и жестов, танцы — все то, что свойственно стае гусей или пчелиному улью.

— Примитив.

— Да, совершенно верно. Это общность, которая умирает с каждым поколением. Когда мы умрем, Дит. Уйдет и она. Другие люди будут жениться, но никто из них не будет знать наших танцев и песен, нашего языка и...

— Наши дети будут.

— Нет, и в этом все дело. Она знают нас, они даже думают, что знают нас, но они никогда не были частью нашей с тобой общности. Никто не был. И не мог быть. Вот почему, когда я подумал, что ты покидаешь меня...

— Ты подумал, что я...

— Помолчи, Дит, — одернула ее Зей. — Дай человеку выговориться.

— Когда я подумал, что ты покидаешь меня, я почувствовал, что внутри у меня все умерло, что я потерял все, потому что, если бы вышла из нашей общности, в ней ничего бы не осталось. Ты понимаешь?

— Я не вижу, какое отношение имеет все это к истокам человечества, Лейел. Я только знаю, что никогда не покинула бы тебя, и я не могу поверить, что ты подумал, будто...

— Не отвлекай его, Дит.

— Это дети. Все дети. Они играют в «Ты возьми ракету», а потом вырастают и перестают играть, так что конкретная общность из пяти или шести детей перестает существовать... но другие дети продолжают водить хоровод. Распевать этот стишок. Десять тысяч лет!

— И то превращает нас в человечество? Детские песенки?

— Они — часть одной общности! Связи, протянувшиеся через межзвездные пространства, сохраняются, каким-то образом эти люди остаются теми же детьми. Десять тысяч лет, десять тысяч миров, квинтиллионы детей, и все они знают стишок, знают, как водить хоровод. Сказка и ритуал — они не умирают с племенем, их не останавливает граница. Дети, которые никогда не видели друг друга, которые живут так далеко, что свет от одной звезды еще не достиг другой, они принадлежат одной общности. Мы — человечество, потому что покорили время и пространство. Мы преодолели барьер неведения друг о друге. Мы нашли способ передачи моих воспоминаний тебе, а твоих — мне.

— Но ты уже отверг эти идеи, Лейел. Язык и общность, и...

— Нет! Нет, не просто язык, не просто стада болтающих шимпанзе. Сказки, эпические легенды — вот что определяет общность, мифы, которые учат нас, как устроен мир, которым мы пользуемся, создавая друг друга. Мы стали другими, мы стали людьми, потому что нашли способ продлить создание плода и после

того, как он покинул матку, сумели дать каждому ребенку десять тысяч родителей, которых он никогда не увидит.

Тут Лейел замолчал. У него не находилось нужных слов. Он не мог передать все то, что открылось его сознанию. Если они его не поняли, то не поймут никогда.

— Да, — медленно кивнула Зей, — думаю, что индексация вопросника — очень хорошая идея.

Лейел вздохнул, лег.

— Мне не следовало браться за это.

— Наоборот, вам удалось найти ответ.

Дит покачала головой. Лейел знал почему: Дит пыталась просигнализировать Зей, что нет смысла успокаивать Лейела ложной похвалой.

— Не затыкай мне рот, Дит. Я знаю, что говорю. Возможно, я знакома с Лейелом не так близко, как ты, но могу отличить истину, когда она открывается мне. Между прочим, я думаю, Гэри интуитивно это знал. Вот почему он так настаивал на установке этих голографических экранов, заставляя жителей Терминуса раз в несколько лет слушать его проповеди. Тем самым он продолжал создавать их, оставался живым среди них. Убеждал, что их жизнь имеет высшую цель, которая не исчезает вместе с ними. Миф и эпическая легенда в одном флаконе. Все они будут нести в себе частичку Гэри Селдона точно так же, как дети уносят с собой в могилу частичку своих родителей.

Поначалу Лейел услышал лишь одно: Гэри одобрил бы его идеи об истоках человечества. Потом он начал осознавать, что слова Зей нельзя воспринимать всего лишь как одобрение.

— Вы знали Гэри Селдона?

— Немного, — ответила Зей.

— Расскажи ему обо всем, — потребовала Дит. — Нельзя завести его так далеко и оставить одного у самой цели.

— Я знала Гэри так же хорошо, как ты знаешь Дит.

— Нет, — Лейел мотнул головой. — Он бы упомянул о вас.

— С какой стати? Он никогда не говорил о своих учениках.

— У него были тысячи учеников.

— Я знаю, Лейел. Я видела, как они приходили и заполняли огромные аудитории, внимая обрывкам психостории, которым он их учил. А потом он приходил сюда, в Библиотеку, в комнату, куда не могли попасть «кобы», произносил слова, которые «кобы» никогда не слышали, и именно здесь он учил своих настоящих студентов. Только здесь продолжает жить настоящая психостория, здесь нашли практическое использование идеи Дит о формировании общности, здесь твои идеи об истоках человечества помогут нам уточнить прогноз на ближайшую тысячу лет.

Лейел застыл, словно громом пораженный.

— В Библиотеке Империи? Гэри организовал колледж в Библиотеке?

— А где же еще? В конце концов, ему пришлось нас покинуть, когда настало время предать гласности его предсказания о падении Империи. Тогда «кобы» взяли его под неусыпное наблюдение, и для того, чтобы не навести их на нас, он перестал появляться в Библиотеке. Для нас это была катастрофа. Он словно умер за годы до того, как его тело предали земле. Он был частью нас, Лейел, точно так же, как ты и Дит — часть друг друга. Она знает. Она присоединилась к нам до того, как он ушел.

Слова эти больно укололи его. Такая великая тайна, а его оставили за чертой посвященных.

— Почему Дит, а не я?

— Неужели вы не понимаете, Лейел? На первое место ставилось выживание нашей маленькой общности. Пока вы были Лейелом Фоской, владельцем одного из величайших состояний Империи, вы не могли стать ее членом. Тем самым вы бы привлекли к нам слишком много внимания. Дит могла, поскольку комиссара Чена не заботило, чем она занимается. Он вообще не воспринимал жен всерьез, доказывая тем самым, что он далеко не умен.

— Но Гэри всегда считал, что ты — один из нас, —

добавила Дит. — И больше всего опасался, что ты не справишься с нервами и заставишь его принять тебя в Первую Академию, фонд «Энциклопедия Галактики», который служил лишь прикрытием, тогда как он хотел видеть тебя в нашей общности, Второй Академии.

Лейел вспомнил последнюю встречу с Гэри. Солгал ли ему Гэри? Он сказал, что Дит не может лететь на Терминус... Но, как теперь стало ясно, по совершенно другой причине. Старый лис! Он не лгал, но не сказал и правды.

— Пусть и не без труда, но нам удалось выдержать нужный баланс, — продолжила Зей. — Мы поощряли вас в том, чтобы вы провоцировали Чена. Хотели, чтобы он лишил вас состояния и забыл, но не посадил в тюрьму и убил.

— Вы приложили руку к тому, чтобы это произошло?

— Нет, нет, Лейел. Ваши пути обязательно бы пересеклись, потому что вы — это вы, а Чен — это Чен. Но существует большой вероятностный диапазон, определяющий возможные последствия вашего столкновения. Крайние точки — ваша и Дит смерть под пытками и переворот, который возглавит Ром, чтобы убить Чена и установить контроль над Империей. Оба крайних варианта не позволили бы вам присоединиться ко Второй Академии. Гэри ни на секунду не сомневался, так же, как не сомневаемся мы с Дит, что ваше место — с нами. Здесь.

Разумеется, Лейела злило, что такие судьбоносные решения принимались за него, более того, ему ничего не говорили. Как Дит могла столько времени хранить все в тайне? И все же он не мог не признать их правоты. Если бы Гэри сказал ему о Второй Академии, Лейел гордился бы тем, что его сочли достойным. И, однако, никто ничего не мог сказать Лейелу, и сам Лейел не мог никуда присоединиться, пока Чен не перестал видеть в нем потенциальную угрозу.

— Почему вы думаете, что Чен забудет меня?

— Он вас забыл, можете не сомневаться. Более

того, я уверена, что к этому вечеру он вообще забудет все, что знал.

— О чем вы?

— Как по-вашему, с чего это мы решились говорить в открытую, так долго храня молчание? В конце концов, мы сейчас не в департаменте Индекса.

Лейел похолодел от страха.

— Они могут нас услышать?

— Если б слушали. Но в данный момент «кобы» очень заняты. Они помогают Рому Диварту установить контроль над Комиссией общественной безопасности. А если Чена еще не отправили в радиационную камеру, то он попадет туда в самое ближайшее время.

Лейел вскочил с кровати и чуть не пустился в пляс. Потрясающие новости!

— Ром это сделал! После стольких лет унижений сбросил старого паука!

— Речь идет о более серьезном, чем восстановление справедливости или месть, — заметила Зей. — Мы абсолютно уверены, что значительное число губернаторов, префектов и военачальников откажутся признать главенство Комиссии общественной безопасности. И остаток жизни Ром Диварт потратит на то, чтобы справиться с наиболее опасными из мятежников. Для того чтобы сконцентрировать все силы в борьбе с мятежниками, владения которых находятся в непосредственной близости от Трентора, ему придется даровать беспрецедентную автономию многим и многим периферийным мирам. И эти внешние миры по существу перестанут быть частью Империи. Последняя более не будет давить их своей властью, а их налоги перестанут поступать на Трентор. Империя уже не будет Галактической. Сегодняшняя смерть комиссара Чена означает крушение Галактической Империи, хотя никто, кроме нас, не понимает, какие последствия вызовет она через десятки, а то и сотни лет.

— Гэри умер совсем недавно. А его предсказания уже осуществляются.

— Это не случайное совпадение, — указала Зей. — Один из наших агентов убедил Чена в том, что именно

Ром должен объявить тебе о решениях Комиссии. Это поручение стало последней каплей, которая переполнила чашу терпения Рома, и он организовал переворот. Чен лишился бы власти или умер в ближайшие полтора года, независимо от того, приложили бы мы к этому руку или нет. Но я признаю, что мы воспользовались смертью Гэри, чтобы свалить его чуть раньше, и не упустили представившуюся нам возможность завлечь вас в Библиотеку.

— Мы также проверяли наши методы, — добавила Дит. — Использовали разработанные нами способы влияния на людей. Пока они очень несовершенны и не всегда дают желаемый результат, но в случае с Ченом все обернулось как нельзя лучше. Мы должны были пойти на это: на кону стояла твоя жизнь и у нас появился шанс привлечь тебя во Вторую Академию.

— Меня превратили в марионетку, — пробурчал Лейел.

— Марионетка — Чен, — возразила Зей. — А вы — приз.

— Все это ерунда, — махнула рукой Дит. — Гэри тебя любил. Я тебя люблю. Ты — великий человек. И Второй Академии без тебя не обойтись. Все сказанное и сделанное тобой в этой жизни однозначно указывает на то, что ты хочешь принять участие в нашей работе. Не так ли?

— Так, — ответил Лейел и рассмеялся. — Ох уж этот Индекс!

— Что в этом забавного? — в голосе Зей слышалась обида. — Мы положили на него много сил.

— Индекс — это чудо. Собрать воедино столько людей, заставить их работать так, словно все они — один мозг. Никому не дано сравниться с таким могучим разумом. И, конечно же, нигде и никогда не существовало такой человеческой общности. Если наша способность создавать сказания превращает нас в человечество, то, возможно, способность индексировать выведет нас на еще более высокий уровень.

Дит похлопала Зей по руке.

— Не обращай на него внимания, Зей. Такой энтузиазм всегда свойственен новичкам.

Зей изогнула бровь.

— Я все жду, чтобы он объяснил, почему Индекс вызвал у него смех.

Лейел объяснил:

— Потому что все время меня не покидала мысль: как могли сделать это библиотекари? Простые библиотекари! А теперь я узнаю, что эти библиотекари — лучшие ученики Гэри. Мои вопросы индексировали психосторики!

— Не только. Большинство из нас — библиотекари. Или механики, или хранители, или кто-то еще. Психологов и психосториков в Библиотеке мало. Поначалу их воспринимали как посторонних. Как исследователей. Как пользователей Библиотеки, не ее сотрудников. И Дит посвятила последние годы тому, чтобы соединить нас в одну общность. Она пришла сюда как исследователь, помните? Однако благодаря ей для всех нас на первое место вышла верность библиотеке. И никто от этого ничего не потерял, все только приобрели. Вы в этом еще убедитесь, Лейел. Дит — прелесть.

— Это наш общий труд, — уточнила Дит. — И мне гораздо проще, когда сотня людей, из которых я стараюсь создать новую общность, понимают, что я делаю, и во всем стараются мне помочь. Нельзя сказать, что мы достигли полного успеха. Должны пройти годы, прежде чем к общности психологов присоединятся дети библиотечарей, механиков, медиков, чтобы психологи не становились правящей кастой. Потом, через межгрупповые браки, группы сольются между собой. И, возможно, через сто лет мы получим настоящую общность. Мы создаем демократичный город-государство, а не академический департамент или светский клуб.

Лейел все не мог успокоиться. Его мучила мысль о том, что сотни людей знали о работе Гэри, а он — нет.

— Вы должны научить меня! — воскликнул он. — Всему, чему сами научились от Гэри, всему, что держали от меня в секрете.

— Со временем, Лейел, — ответила Зей. — А сейчас

мы больше заинтересованы в том, чтобы вы учили нас. Уже, я уверена, распечатки сказанного вами после пробуждения разошлись по библиотеке.

— Мои слова записывались? — спросил Лейел.

— Мы опасались, что вы впадете в кому, Лейел. Вы и представить себе не можете, как мы переволновались из-за вас. Конечно, мы все записывали. Вдруг это были бы ваши последние слова!

— Не могли они быть последними. Я не чувствую никакой усталости.

— Тогда вы не так умны, как нам казалось. Вы очень ослабели. И едва не загнали себя. Вы далеко не молоды, и мы настаиваем на том, чтобы следующие два дня вы не подходили к своему компьютеру.

— Значит, вы уже готовы заменить моего врача?

— Лейел, — Дит коснулась его плеча, как касалась всегда, если хотела показать, что ему надо успокоиться. — Врачи осмотрели тебя. И учти, Зей — Первый Спикер.

— Это означает, что она здесь — главная?

— У нас не Империя, и я — не Чен, — ответила Зей. — Это означает, что при наших встречах за мной право говорить первой. А при ее завершении я суммирую сказанное и оглашаю общее решение.

— Совершенно верно, — кивнула Дит. — *Все* думают, что ты нуждаешься в отдыхе.

— Разумеется, — поддержала ее Дит. — Со смертью Гэри вы — единственный оставшийся с нами мыслитель такого уровня. Вы нам нужны. Поэтому вполне естественно, что мы о вас заботимся. Кроме того, Дит так любит вас, а мы так любим ее, что мы просто не можем не любить вас.

Она рассмеялась, Лейел последовал ее примеру, потом — Дит. Лейел, однако, заметил, что на вопрос, все ли знают о нем, она отвечала, что все готовы о нем заботиться и все его любят. И только когда Зей произнесла эти слова, он понял, что она ответила и на тот вопрос, который он только хотел задать.

— А пока вы будете восстанавливать силы, — про-

должила Зей, — индексаторы поработают над твоей новой идеей...

— Не идеей, лишь предположением, даже *мыслью*...

— ...а несколько психосториков посмотрят, как приложить ее к тем формулам, что мы используем в законах Дит о развитии общностей. Возможно, мы сможем превратить поиски истоков человечества в настоящую науку.

— Возможно, — согласился Лейел.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Зей.

— Не знаю. Сейчас я, конечно, очень взволнован, но также и зол, потому что меня столь долго держали в неведении... Но, с другой стороны, на душе у меня стало легче.

— Хорошо. Мы очень надеемся на вас. Потому что не сомневаемся: вы способны на очень и очень многое, — Зей помогла ему лечь, а потом вышла из комнаты.

Оставшись наедине с Дит, Лейел долго молчал. Держал за руку, всматривался в глаза, а его сердце переполняли эмоции, которые не давали ему говорить. Все новости, разом свалившиеся на него — грандиозные планы Гэри, Вторая Академия во главе с психосториками, переворот Рома Диварта, — отошли на второй план. Главное состояло в другом: рука Дит в его руке, ее взгляд, не отрывающийся от его глаз, ее душа, так слившаяся с его, что он не мог сказать, где заканчивался он, а где начиналась она.

Как только он мог представить себе, что она уходит от него? Все годы совместной жизни они создавали друг друга. Не было у него ничего лучше Дит, а она гордилась тем, что получилось из него ее стараниями. Мы были друг для друга и родителями, и детьми. И мы еще способны на великие свершения, которые будут жить в этой общности, в Библиотеке, во Второй Академии. Но величайшее наше достижение умрет вместе с нами, то самое, о котором не знает никто, кроме нас, потому что останется недоступным остальным. Мы даже не сможем никому объяснить, а что это за достижение. Они не владеют нужным языком, чтобы понять нас. На этом языке говорим только мы двое.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДВА СЛОВА ОТ ДЖАНЕТ

Меня очень часто спрашивали, на что это похоже, — быть женой самого Айзека Азимова. А однажды, совсем недавно, я услышала в свой адрес следующее: «женщина с завидным положением». Поразмыслив, я могу ответить на это следующим образом.

1. Айзек, безусловно, является ходячей энциклопедией и словарем одновременно, обладает уникальной способностью быстро и четко выдавать любую информацию, причем ни разу при этом еще не ошибался. И все это — благодаря исключительной памяти и точности в выражении собственных мыслей. Что порой оборачивалось против него, поскольку он знал и не мог забыть слишком много разных вещей и фактов. К примеру, он вдруг с грустью может сказать мне: «Знаешь, а ведь сегодня сто восемьдесят третья годовщина со дня сражения под Аустерлицем, и никому до этого нет дела, представляешь?» И вот всякий раз 2 декабря, поскольку я исправно забывала, что он говорил мне ровно год тому назад, я спрашивала, в чем там было дело, а он подробно и охотно объяснял. Он не слишком жаловал дураков, но со мной всегда терпелив и всегда объясняет.

2. Айзек очень рационален, но в положительном, так сказать, смысле. Хотя случались и исключения. Он верит в закон «очков»: стоит приподнять затемняющие стекла очков — и солнце засияет снова. Ну и наоборот. Более того, когда начинается очередной бейсбольный сезон, он всерьез утверждает, что «Метс» проиграют любой матч, который он будет смотреть. Однажды, когда они действительно начали проигрывать, он выключ-

чил телевизор и воскликнул: «Мне надо прекратить смотреть и сесть за свою машинку! Надо дать им шанс!»

3. Он совершенно не боится показывать свои чувства и эмоции, что уже само по себе удивительно. Всегда очень открыто демонстрировал свою привязанность или симпатию, никогда не знал, что это такое — презрительно поджимать губы. Нет, нижняя губа порой его выдает. Так, он очень не любит, когда у него берут анализ крови. Губа начинает дрожать, что, впрочем, не мешает Айзеку отчаянно флиртовать с медсестрой. Он даже не боится заплакать (всегда плакал, когда читал последнюю речь Энобарбуса или слышал песню «Дэнни, малыш»). Причем делает это даже на людях. Так, к примеру, он однажды разрыдался на могиле Ньютона.

4. Взгляды Айзека на жизнь и вопросы бытия порой заставляют меня испытывать прилив счастья — я просто радуюсь, что мне довелось повстречаться с таким замечательным человеком. Как-то однажды, проснувшись, я увидела, что он лежит рядом в постели и машет ногами, делая вид, что бежит. «Знаешь, — сказал он, — мне приснилось, будто бы один человек сказал, что я вполне прилично зарабатываю писательством. И я ответил, что так оно и есть. И тогда этот тип и говорит: «Просто удивительно повстречать человека, который отказался зарабатывать на жизнь мечом». И вот я бегу сказать тебе, насколько эта фраза меня поразила. Ведь она означает, что можно зарабатывать деньги таким мирным орудием, как перо. Перо сильнее меча. А потому перекуем свои мечи на орала!»

Надеюсь, вы убедились, как много у меня ответов на вопрос, что это такое — быть женой Айзека Азимова. Но самое замечательное заключается в том, что супруг мой не попадает ни под какие определения. Странно, но до сих пор люди пытаются понять, каков же он, Айзек. А сам он до сих пор говорит с ними через свои книги. Возможно, описание палеонтолога Симпсона является наиболее точным из всех. «Айзек Азимов, — сказал он, — это природный феномен и национальное

достояние». То, что мой муж феномен, всегда готова подтвердить. Он действительно замечательный, совершенно естественный, бесконечно изобретательный и такой милый.

У нас в доме есть небольшая деревянная скульптурка. Двое пожилых людей мирно сидят бок о бок, привалившись друг к другу. Для меня эта пара есть символ полного довольства устройством жизни и мира. А неотъемлемой частью этого устройства является человеческая близость и творчество, между которыми, по сути, есть много общего. Ибо и то и другое требует от нас полной самоотдачи, собранности, искренности, труда и вдохновения.

Пятидесятая годовщина нашей с Айзеком свадьбы приходится на третье десятилетие следующего века. Поскольку жизнь состоит из трех основных элементов (как, впрочем, и любое достойное внимания литературное произведение) — то есть из начала, середины и конца, — вполне возможно, что мы с Айзеком не доживем до этой даты. Зато доживут его книги. И рассказы, созданные в его честь. Загляните в эту книгу, она написана с любовью.

ДЖАНЕТ ДЖЕППСОН АЗИМОВ



ВТОРОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Придется начать с выражений благодарности. Хочу от всей души поблагодарить Мартина Х. Гринберга за то, что придумал отметить пятидесятилетие моего творчества таким неординарным образом. Хочу поблагодарить всех моих друзей писателей, которые внесли свой вклад в эту книгу, продемонстрировав тем самым, что испытывают ко мне самые дружеские чувства, а также ценят написанное мной. И еще, разумеется, хочу поблагодарить Джанет за то, что тоже внесла свой вклад во всех смыслах и отношениях.

Это больше, чем я заслуживаю. Поскольку это означает, что я умудрился прожить жизнь и нажить так много самых искренних и верных друзей и так мало врагов. Последнее, правда, выходило совершенно случайно и непреднамеренно, и вот за это я благодарен судьбе больше, чем за что бы то ни было.

Целых пятьдесят лет! Нет, это просто невероятно! Как же это получилось? Пятьдесят лет, то есть полвека!

Теперь давайте посмотрим, на какие размышления это наводит...

1. *ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ*. Достаточно долгий срок. Просто прожить эти пятьдесят лет — это уже достаточно долго, а многим людям, сколь ни прискорбно, и того не было дано. Жанна д'Арк умерла в девятнадцать. Один из величайших поэтов Джон Китс умер, когда ему исполнился двадцать один год. Перси Биши Шелли скончался в возрасте тридцати. Джордж Гордон Байрон умер в тридцать шесть, Эдгар Аллан По — в сорок. Один из величайших ученых Сади Карно скончался в тридцать шесть, Генрих Рудольф Герц — тоже в

тридцать шесть. Джеймс С. Максвелл умер в сорок восемь.

Когда переваливаешь за полувековую отметку, то, помня все вышеперечисленное, начинаешь даже как-то немного стыдиться. Древние греки считали, что существуют три повелительницы судеб, они же мойры. Первой была Клото («пряха»), которая свивала нить жизни. Вторую звали Лахесис («дающая жребий»), она отмеряла длину жизни. И, наконец, Атропос («неотвратимая»), которая перерезала нить жизни в конце. Я благодарен всем этим трем мойрам. Клото за то, что «свила» мне такую замечательную жизнь. Лахесис — за то, что не поскупилась и сделала ее куда длинней, чем у очень и очень многих, чего, как мне кажется, я не заслуживаю. И, наконец, благодарю Атропос за то, что пока что не воспользовалась своими грозными ножницами.

2. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. О, это не просто пятьдесят лет. Это пятьдесят лет, посвященных единственному занятию, то есть писательству. Первый мой рассказ был опубликован в 1939 году, и с тех пор так и пошло — рассказы, повести, эссе, прочие разнообразные книги.

Чарльза Диккенса, умершего в возрасте пятидесяти восьми лет, публиковали на протяжении всего тридцати пяти лет. Александр Дюма, умерший в пятьдесят восемь, печатался на протяжении сорока одного года. Уильям Шекспир, скончавшийся в пятьдесят два, зарабатывал на жизнь литературным трудом в течение тридцати лет.

Заметьте, я говорю лишь о продолжительности профессиональной жизни и вовсе не собираюсь обсуждать ее качество. Любая из работ этих трех почтенных джентльменов — «Давид Копперфильд», «Граф Монте-Кристо» или же «Гамлет» — по значимости своей в тысячу раз перекрывают результаты всей моей деятельности. И я прекрасно отдаю в том себе отчет, так что не надо лишней раз напоминать.

Нет, я говорю вам все это просто для того, чтоб объ-

яснить, насколько благодарен судьбе, позволивший мне на протяжении целых пятидесяти лет заниматься своим любимым делом. И при этом понимаю, что до гениального Шекспира мне, как до далекой звезды, — тысячи световых лет. Однако все равно продолжу свое дело до последнего дня. Все, написанное мной, приносило мне в процессе работы самую искреннюю радость. Думаю, что не меньшую, чем Шекспиру его сонеты и пьесы. Так за что же еще мне благодарить судьбу, как не за продолжительность творческой жизни?..

3. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ В КАЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ-ФАНТАСТА. И это были не просто пятьдесят лет профессиональной жизни. Это были долгие годы совершенно особой профессиональной деятельности. Только вдумайтесь, что означали последние пятьдесят лет для писателя-фантаста. Ведь когда я только начинал писать, роботы были чистым вымыслом. И я сочинял истории о роботах, опираясь лишь на воображение. Помню, что первый рассказ был написан в июне 1939 года. Но я жил так долго, что мне довелось увидеть реально существующих роботов (правда, пока что довольно незамысловатых) и убедиться, что к придуманным мною Трем Законам Роботехники люди относятся достаточно серьезно.

Полеты на Луну были в 1939 году чистой фантазией, и в моем первом рассказе, напечатанном в «Эстандинг», речь идет о попытке запуска ракеты на Луну. Но я дожил до того времени, когда и эта мечта стала реальностью.

Вспомните и о других домыслах и выдумках писателей-фантастов, которые также воплотились в реальность (пусть даже сам я никогда не писал о них). В 1939 никаких компьютеров не было и в помине. И телевидения тоже не было, хотя и компьютеры, и телевизоры существовали в научной фантастике. Наука также разобралась и с бластерами, и мы в реальности увидели действие лазерных лучей.

Как же мне посчастливилось, что я так рано начал и так долго прожил!..

Ну вот круг и завершился. И превыше всего для человека его друзья. Все друзья Академии — это и мои друзья тоже, причем совершенно неважно, писали ли они эти рассказы и книги, издавали их, покупали или просто брали у кого-то почитать. Мои друзья все те, кто вот уже на протяжении полувека читает мои сочинения, причем с удовольствием.

Низко кланяюсь всем вам. У меня просто нет слов, чтобы выразить свою благодарность.

АЙЗЕК АЗИМОВ



СОДЕРЖАНИЕ

Рей Брэдбери. Предисловие <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	5
Бен Бова. Второе предисловие. НЕМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ АЙЗЕК, ИЛИ ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	7
Памела Сарджент. БЕГУНЯ <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	11
Роберт Сильверберг. РЕШЕНИЕ АСЕНИОНА <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	56
Эдвард Уэллен. УБИЙСТВО ПО ВЕРСИИ ЭРТА <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	76
Гарри Тертлдав. ПАДЕНИЕ ТРЕНТОРА <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	100
Конни Уиллис. ДИЛЕММА <i>Перевод с английского В. Вебера</i>	125
Бетси Спайгельман Файн (Джордж Алек Эффинджер, литературная обработка) МОРИН БИРНБАУМ В НОЧИ <i>Перевод с английского В. Вебера</i>	148
Майк Резник. ДУШЕВНОЕ РАВНОВЕСИЕ <i>Перевод с английского В. Вебера</i>	171
Барри Н. Молзберг. ВСЕГДАШНЕЕ НАСТОЯЩЕЕ <i>Перевод с английского В. Вебера</i>	177
Шейла Финч. ПАППИ <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	188
Фредерик Пол. ВСТРЕЧА В МАЙЛ-ХАЙ-БИЛДИНГ <i>Перевод с английского В. Вебера</i>	215
Пол Андерсон. ПЕЩЕРА ПЛАТОНА <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	229

Джордж Зебровски. СОВЕСТЬ АКАДЕМИИ <i>Перевод с английского В. Вебера</i>	273
Роберт Шекли. ОХОТНИКИ КАМЕННЫХ ПРЕРИЙ <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	281
Эдвард Д. Хоч. ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	343
Хол Клемент. ПЯТНО <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	353
Гарри Гаррисон. ЧЕТВЕРТЫЙ ЗАКОН РОБОТЕХНИКИ <i>Перевод с английского В. Вебера</i>	389
Орсон Скотт Кард. ИСТОКОЛОГИК <i>Перевод с английского В. Вебера</i>	405
Джанет Джеппсон Азимов. Послесловие ДВА СЛОВА ОТ ДЖАНЕТ <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	500
Айзек Азимов. Второе послесловие. ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ <i>Перевод с английского Н. Рейн</i>	503

Литературно-художественное издание

КУРСАНТЫ АКАДЕМИИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *М. Суховицкая*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 04.06.2002
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная
Бум. газ. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 24,6
Тираж 7 000 экз. Заказ № 3268

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00**

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg@logosgroup.ru
ООО «КИФ «ДАКС». 140005, М. О., г. Люберцы, ул. Красноармейская, д. 3а.
Тел. 503-81-63, 796-06-24. E-mail: kif_daks@mtu-net.ru

Книжные магазины издательства «Эксмо»:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Северо-Западная Компания представляет весь ассортимент книг издательства «Эксмо».
Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. отдела рекламы (812) 265-44-80/81/82/83.



Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо».
Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.



Вы получите настоящее удовольствие, покупая книги в мага-знах ООО «Топ-книга»
Тел./факс в Новосибирске: (3832) 36-10-26. E-mail: ofc.ce@top-kniga.ru

Всегда в ассортименте новинки издательства «Эксмо»:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги в Медведково», «Дом книги на ВДНХ».
Книги издательства «Эксмо» в Европе: www.atlant-shop.com

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**



Раз в квартал вы БЕСПЛАТНО получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**

Телефон "горячей линии" **(095) 232-0018**

Адрес в Интернете: **<http://www.eksmo.ru>**

E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Серию «История
будущего»



Собрание лучших
произведений
фантаста №1!

Спрашивайте в магазинах

**Р. Хайнлайн «Восстание 2100 года. Дети Мафусаила.
Модкейн с Марса»**

Р. Хайнлайн «Луна – суровая хозяйка»

**Р. Хайнлайн «Человек, который продал Луну.
Зеленые холмы Земли»**

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Серию

"МЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ"



Э серию вошли проверенные временем шедевры золотого фонда фантастики, признанные классикой жанра. Читателей ждет встреча с супермастерами!



БЕСТСЕЛЛЕРЫ ЛЕТА – 2002:

А. Азимов «Сны роботов»

А. Д. Фостер «Чародей с гитарой» (в 2 т.)

Р. Шекли «Паломничество на Землю»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ТАЪИД АҚИД



МИР
АЙЗЕКА
АЗИМОВА

КУРСАНТЫ АКАДЕМИИ

